E95—
789

Движение за мир и против войны

51454
/8°

E95—
789

А. ЛОЗОВСКИЙ

МИРОВОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

ДО и ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Соф 1961
4774

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВОПРОСЫ ТРУДА"

Л-724

Е95-789

331.88 (о)

А. ЛОЗОВСКИЙ

МИРОВОЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ДО И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 5.1.4.54/8°

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВОПРОСЫ ТРУДА"
Москва 1925 Ленинград

ВОЗВРАТ

3В
5211
89

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ
51454 1995 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Второе издание этих лекций мною не только переработано, но и значительно дополнено. Ряд глав написаны заново, в текст введены и соответствующим образом переработаны некоторые статьи, при чем все доведено до конца 1924 года.

Хотя вся книга проработана заново, я все же сохранил первоначальный тип учебника и вновь написанные главы также назвал лекциями. Сделано это для того, чтобы можно было по этой книге приступить к изучению международного профдвижения. Весь курс разбит на 11 уроков. Единый фронт и единство мирового профдвижения у меня изложены в одной лекции, но этому вопросу следует посвятить не менее двух лекций, помимо семинарской проработки. Прилагаемые к лекциям статьи и основные резолюции конгрессов Профинтерна дадут возможность интересующимся более подробно ознакомиться с отдельными проблемами международного профдвижения.

Настоящее издание, хотя и значительно полнее первого, не может тем не менее дать исчерпывающей картины мирового профдвижения. Слишком сложно и многообразно [illegible]е профдвижение, чтобы можно было в одной книге помимо основных вопросов дать полную картину состояния профдвижения всех стран. Настоящая книга имеет своей задачей дать представление о борьбе течений и тенденций в мировом профдвижении и выявить, чем революционные союзы отличаются от реформистских. Само собой разумеется, что настоящая книга сможет послужить только исходным пунктом изучения мирового профессионального движения, введением к познанию борющихся в международном профдвижении тенденций и сил. Только всестороннее изучение рабочего и профессионального движения крупнейших стран может дать полную картину тех непрерывных изменений, которые происходят в недрах рабочего класса и в созданных им организациях.

Автор будет доволен, если предлагаемые лекции дадут читателям представление о важнейших тактических проблемах и послужат для интересующихся введением к всестороннему изучению крайне сложного и многообразного международного профессионального движения.

А. Лозовский.

Баку, 15 декабря 1924 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Предлагаемые вниманию читателей лекции были прочитаны мною на инструкторских курсах ЦК РКП в июле и августе текущего года. Лекции имели своей задачей дать партийным работникам на местах более или менее полное представление об *основных* проблемах международного профессионального движения. Для того, чтобы лекции эти могли служить пособием для наших партийных и профессиональных школ, я даю в приложении десять статей по тем вопросам, которые недостаточно полно или совсем не затронуты в лекциях. Конечно, было бы лучше статьи включить в текст, но это означало бы радикальную переработку всего материала; между тем, я не только не был в состоянии переработать лекции, но даже не имел и не имею физической возможности их основательно пропредактировать. Вставал вопрос: издавать ли лекции с приложениями или ждать свободного времени? Международное положение таково, что свободного времени чем дальше, тем будет меньше; не до радикальной переработки лекций, когда центральная Европа уже в *середине* нашего Октября. А между тем потребность в систематическом изложении важнейших вопросов международного профдвижения имеется очень большая. Пришлось поэтому прибегнуть к смешанной форме— лекции плюс статьи.

А. Лозовский.

Берлин, 24 октября 1923 г.

ЛЕКЦИЯ I.

Мировое профдвижение до и во время войны.

География профдвижения.

Для того, чтобы понять развитие и пути мирового профессионального движения в послевоенный период; нам придется дать краткую характеристику его состояния до и во время войны. До войны профессиональное движение можно охарактеризовать следующими чертами: прежде всего, оно, с точки зрения географической, не было еще мировым, оно было по преимуществу распространено в Европе, в Соединенных Штатах, и в англо-саксонских странах, с одной стороны, а с другой, — в английских колониях, как Канада, Австралия, Южная Африка. Вся Азия, не говоря уже об Африке,—весь этот громадный по количеству трудящегося населения материк, который своей численностью на много превышает так называемый старый цивилизованный мир, не был втянут ни в мировое социалистическое, ни в мировое профессиональное движение и по той простой причине, что само рабочее движение начало оформляться в этих странах только к концу войны, и, главным образом, в послевоенный период. Таким образом, с точки зрения географической мы имели профессиональное движение, ограниченное определенными территориальными рамками, при чем его только с большой натяжкой можно было до войны назвать мировым.

Статика профдвижения.

Во всем мире накануне войны насчитывалось приблизительно около 16 миллионов организованных рабочих, при чем надо отметить, что в это число входили рабочие, об'единяемые профессиональными организациями всех течений, всех политических оттенков, начиная от анархо-синдикалистских и кончая католическими, демократическими, протестантскими и т. д. Основная масса этих организованных рабочих приходилась на Европу. Если взять главнейшие страны непосредственно перед войной, то мы увидим, что число организованных рабочих всех направлений представляло следующую картину: накануне войны в Великобритании насчитывалось в круглых цифрах около 4 миллионов организованных рабочих, в Германии — приблизительно 3½ миллиона, в Соедин. Штатах — 2.700.000, во Франции — около 1 миллиона, в Италии — 900.000,

в Бельгии—200.000, в Голландии—260.000 и т. д. Мы остановимся на этих цифрах для того, чтобы показать их реальную ценность, чтобы вскрыть их содержание.

Начнем с Франции. Франция накануне войны фигурирует, по статистике Министерства Труда, с одним миллионом членов профессиональных союзов, но во Всеобщей Конфедерации Труда — в организации, которая могла быть названа классовой, было не более 500.000, остальное приходилось: на союзы земледельческих рабочих, стоявших совершенно в стороне от общенационального профессионального движения, на союзы чиновников, которые занимали враждебную позицию по отношению к этой Конфедерации Труда и на небольшие союзики желтых. Одним словом, официальная статистика причисляла к профессиональным союзам всякую организацию, которая на основании закона 1884 г. регистрировала свой устав или, если даже и не регистрировалась, то вообще подходила под данный закон. Ясно, что такого рода цифры не могут нам дать настоящей картины профессионального движения. Такую картину можно получить только в том случае, если мы будем знать не только количество, но и качество, иначе говоря, политический состав и политические течения, которые имеются внутри рабочего класса данной страны.

То же самое и в Германии. Здесь по официальной статистике мы имели до войны 3½ милл. членов профсоюзов, тогда как на «свободные», т.-е. на социал-демократические союзы приходилось только 2½ милл.

То же и по отношению к Англии, где вместо 4 милл. нужно говорить максимум о 3 милл. рабочих, которые, если и не стояли на классовой точке зрения, то хотя бы формально считали себя членами классовых организаций.

Во всем мире было, таким образом, приблизительно около 10 милл. классово-организованных рабочих. И первый вопрос, который естественно должен возникнуть у нас, это следующий: что же представляла собой эта количественно громадная армия? — А что 10 милл. человек очень большая армия, это мы знаем из опыта последней войны. 10 милл. хорошо организованных людей, знающих, чего они хотят, рассыпанных по всему миру, представляли бы громадную силу; и мы можем совершенно не преувеличивая сказать, что если бы эти 10 милл. организованных рабочих действительно стояли бы на революционной точке зрения, а созданные ими организации решительно выступили бы против войны, то мировая война не могла бы возникнуть. Вы увидите в дальнейшем, что это количество рабочих в качественном отношении представляло собой довольно пеструю картину.

Группировки в профдвижении.

Если бы мы хотели наметить основные линии, по которым профессиональное движение того времени развивалось, то мы должны были бы, прежде всего, подразделить профессиональные союзы на стоящие на классовой точке зрения и на не-классовые.

К классовым союзам мы должны были бы отнести все те профессиональные организации Германии, Англии, Франции, Италии и Скандинавских стран, которые, хотя бы в принципе, в своих программах, резолюциях выдвигали идею классовой борьбы, и которые, хотя бы теоретически высказывались против сотрудничества классов.

Не-классовые — это те союзы, которые в своей программе совершенно открыто выдвигали идею сотрудничества классов, социального мира: это — католические, демократические, протестантские и другие аналогичные союзы. Сюда можно отнести и желтые союзы, которые теоретически признавали классовый и социальный мир, но практически вели классовую борьбу, однако, не на стороне рабочих, а вместе с буржуазией против рабочих. Это первое деление, первая группировка, или первый, если хотите, водораздел, который делит всю эту громадную массу организованных рабочих или, до известной степени, вносит некоторую классификацию во все наличие существовавших к тому времени профессиональных союзов. Но это грубое деление на союзы — классовые и не-классовые—само по себе еще недостаточно, если мы не остановимся на том, что представляли из себя в то время классовые союзы.

Если мы подойдем к той части союзов, которая накануне войны об'единяла приблизительно ¾ всего количества организованных рабочих, то мы сможем там наметить в общем и целом три политических группировки, три течения, которые оформлялись на протяжении долгого исторического периода. Это, с одной стороны, тред-юнионизм, — мы берем здесь тред-юнионизм как определенное идейно-политическое течение, затем—анархо-синдикализм и, наконец, третье — социал-демократическое профессиональное движение. Вот те три различных, уже политических, деления, на которые распадается часть профессионального движения, названного нами с самого начала классовым.

Перейдем теперь к краткой характеристике каждого из этих течений.

Тред-юнионизм. Что мы подразумеваем в профессиональной литературе и в политике под тред-юнионизмом? — По точному переводу, тред-юнион — это профессиональный союз. Но данное название, заимствованное нами от англо-саксонских стран, сделалось на протяжении довольно долгого периода развития английского и американского профессионального движения не только формулой, не только термином для того, чтобы отметить профессиональный союз в данной стране, но стало означать уже определенное идейно-политическое направление и тип профессионального движения. Под тред-юнионизмом мы разумеем такую форму рабочего и профессионального движения, которая выдвигает или ставит перед собой исключительно узко-экономические задачи в смысле улучшения условий труда, повышения заработной платы и всего того, что связано с экономическим положением рабочего класса. Тред-юнионизм есть теория, выросшая из

практики англо-саксонского рабочего движения, сущность которой заключается в том, что эта часть профессионального движения ни теоретически, ни практически не ставит перед собой задачи свержения капитализма, а только лишь улучшения положения рабочего класса в рамках капиталистической системы. Стало быть, наиболее характерной особенностью тред-юнионизма, — а это характеризует и реформизм, как понятие более широкое, выходящее за пределы англо-саксонских стран, — является борьба в рамках капиталистического строя и оценка этого строя, как незыблемой системы, в пределах которой только и нужно и можно бороться и улучшать положение рабочего класса. Некоторые из практиков и теоретиков англо-саксонского рабочего движения прямо так и заявляли что задача союзов заключается только в улучшении положения рабочего класса. и выдвигали даже теорию, что существуют три основных фактора: труд, капитал и общество. То, что эти профессионалисты разумели под обществом — до известной степени напоминает мне наш термин «третий элемент». Был такой третий элемент в земстве — интеллигенция, который народниками почитался об'ективно революционным и играющим некоторую особую роль между двумя основными борющимися между собой классами. Под обществом эти тред-юнионисты (смотри, напр., М и т ч е л ь — «Организованный труд») разумеют ту часть буржуазии, которая под давлением рабочего класса приходит к мысли о полезности постепенного улучшения положения рабочих в интересах самого капитала.

Дальнейшая особенность тред-юнионистской формы рабочего движения — это его организационная распыленность, преобладание корпоративных интересов над интересами целого. Эта внутрикорпоративная сцепка, которая складывалась столетиями, сохранила свою силу и в настоящее время, несмотря на то, что об'ективные условия толкают рабочее движение к об'единению мелких разрозненных частей, к амальгамации, к слиянию союзов в более широкие организации, об'единяющие рабочих всего данного производства. В результате, преобладание корпоративного начала над классовым привело к преобладанию задач узко-экономических над общеклассовыми интересами.

Наконец, тред-юнионизм был насквозь проникнут интересами своего государства и был глубоко империалистичен. Во всей своей империалистической и рабовладельческой политике английская буржуазия встречала не только пассивную, но и активную поддержку тред-юнионов, которые рассматривали, часто бессознательно, порабощение народов только с точки зрения завоевания новых рынков, расширения национальной индустрии и возможности повышения заработной платы, благодаря растущему производству и выгодному сбыту производимых товаров.

Тред-юнионизм был практически участником империалистической политики господствующих классов. Тред-юнионизм является идеологией наилучше оплачиваемых слоев рабочего класса, находящихся в полном идеологическом подчинении у своей буржуазии.

Тред-юнионизм есть теория и практика или, если хотите, философия рабочей аристократии.

Таков тред-юнионизм в его чистом виде.

Анархо-синдикализм.

Второе течение, которое представляет собою полную противоположность тред-юнионизму, известно под именем анархо-синдикализма. Если тред-юнионизм связан с англо-саксонскими странами, то анархо-синдикализм связан с другой группой стран — с романскими странами. На родине анархо-синдикализма — во Франции—он получил наибольшее развитие, и там-то и была создана та теория, которая об'единила в романских странах известное количество рабочих.

Каковы основные черты анархо-синдикализма? Тред-юнионизм, как было сказано, исходил исключительно из интересов узкой корпорации, из интересов данной категории труда. Анархо-синдикализм — и в этом, несомненно, прогрессивная сторона его — исходил из обще-классовых интересов пролетариата. Это была здоровая реакция определенной части пролетариата на тот оппортунизм, реформизм, который имел место в рабочих организациях как профессиональных, так и политических. Таким образом, первая отличительная черта анархо-синдикализма—это постановка обще-классовых задач и борьба не за улучшение капиталистической системы, а за уничтожение этой системы.

Второе, что характеризует анархо-синдикалистское течение в международном рабочем движении — это анти-политический характер данной теории. Анархо-синдикалисты выдвигают на первое место в социальной борьбе профессиональные союзы. Нет, кроме профессиональных союзов, других организаций, которые могли бы победить капитализм. Все политические партии — утверждают анархо-синдикалисты, — начиная от буржуазных и кончая социалистическими, а в данное время и коммунистическими, являются в социальном отношении смешанными организациями, тогда как профессиональный союз представляет собою организацию чисто рабочую. Партия есть об'единение граждан, профессиональный союз есть об'единение производителей. В партии могут быть и рабочие и выходцы из других классов, в профессиональном же союзе могут быть только рабочие. Отсюда анархо-синдикалисты выдвигают принцип первенства союза над партией.

Таким образом, союз является основным орудием социальной революции, — при чем, по мнению теоретиков и практиков анархо-синдикализма, каковыми можно считать Сореля, Лагарделя, Грифюэля, — отличительная черта профессионального союза заключается в том, что он не только является опорным пунктом рабочего класса в борьбе за разрушение буржуазного общества, но и организацией, на которой будет строиться будущее общество. По убеждению анархо-синдикалистов, профессиональный союз не только сделает революцию, но и проведет в жизнь ее завоевания. Он возьмет на себя организацию производства, будет регулировать

все производство той или иной индустрии и будет управлять соответствующими отраслями народного хозяйства. В этом заключается социальная философия анархо-синдикализма.

Еще одна особенность анархо-синдикализма заключается в том, что он целиком унаследовал от анархизма теорию о государстве: государство, независимо от его формы и классового содержания — зло. Сама организационная структура государства — анархисты всегда писали «Государство» с большой буквы—есть орган эксплоатации одних людей другими, при чем эта эксплоатация направляется всегда против трудящихся. Поэтому еще накануне войны, когда вопрос о диктатуре пролетариата являлся довольно-таки отвлеченным и теоретическим, анархо-синдикалисты высказывались против диктатуры пролетариата, ибо по их теории последняя означала бы продолжение эксплоатации. Они — анти-государственники; утверждая, что государство должно быть разрушено, представляют себе новое общество, которое выйдет из социального переворота таким, в котором профессиональные союзы будут играть руководящую роль. Безгосударственное общество, к которому мы переходим на другой же день после социальной революции, будет регулироваться исключительно лишь профессиональными союзами и будет заниматься только лишь проблемами производства, распределения и т. д. и т. д.

Наконец, дальше. Это ведь все будущее. Ну, а в настоящем, чем отличались анархо-синдикалисты от других профессионалистов, что выдвигали они? — Анархо-синдикализм в непосредственной борьбе выдвигал некоторые методы, которые его отличали от других течений. Прежде всего, он выдвигал мысль о роли инициативного меньшинства, при чем, если взять по сути не только его теорию, но и практику, то это инициативное меньшинство должно было заменить собою массу. У анархо-синдикализма было, в общем и целом, такое же недоверие к массам, какое имеется среди анархистов. Личность играет преобладающую роль, и инициативное меньшинство может не только начать революционное движение, не только увлечь за собой массу, но оно может и строить новую жизнь за массу. Эта замена массы инициативным меньшинством является одной из характерных особенностей анархо-синдикалистского мировоззрения. И исходя из этого, они вносили в непосредственную, каждодневную борьбу то, чего мы не замечаем в других течениях. Они вносили в борьбу элемент авантюризма, что ярче всего сказалось на преувеличении ими роли стачек. Устраивая стачки насколько возможно чаще, они создали даже особую терминологию— «революционная гимнастика», считая, что стачка всегда «добро». Они утверждали, что стачка всегда идет на благо рабочему классу, так как она, вовлекая определенное количество рабочих в движение, обостряет социальные отношения и борьбу между классами. Тщательная и длительная подготовка, изучение об'ективных условий стачек, реалистическая оценка соотношений сил и оценка роли массы, а также взаимоотношения массы и инициативного мень-

шинства, — все это было для анархо-синдикалистов за семью печатями. Они представляли себе социальную революцию, как неожиданно возникающую, при отсутствии необходимых организационных, политических и других предпосылок. Отсюда и теория всеобщей стачки-освободительницы, которая могла возникнуть в любое время и по любому поводу. Теоретики и практики анархо-синдикализма считали в вопросе о всеобщей стачке необходимым проявить инициативу только в смысле призыва к ней. Остальное должно было уже быть совершенно стихийным движением масс. Опыт ряда стачек, организованных во Франции по этому рецепту, привел к жестоким поражениям и заставил наиболее чутких из руководителей анархо-синдикалистского профдвижения задуматься над целым рядом серьезных проблем м международном рабочем движении.

Наконец, они выдвигали идею саботажа, или того, что мы называем экономическим террором, как меру оказания воздействия на предпринимателей. Они высказались и против сильных профессиональных касс, исходя из той точки зрения, что профессиональные союзы в этом отношении подобны людям: у кого много денег, тот не особенно подвижен в борьбе, и поэтому, если профсоюз будет иметь много денег в своих кассах, он будет бояться их потерять и не будет настолько боеспособен и готов к забастовкам, как это нужно. Вот в очень кратких, схематических чертах то, что можно назвать анархо-синдикалистским течением внутри мирового профессионального движения, и что было наиболее характерно для латинских стран, в особенности для Франции, Испании, Португалии, Аргентины, Мексики и т. д. В Италии, несмотря на то, что она принадлежит к латинским странам, профессиональное движение складывалось по другому типу.

Мы здесь дали характеристику анархо-синдикализма в его наиболее чистом виде. На самом деле внутри анархо-синдикалистского профдвижения боролся ряд течений: часть синдикалистов склонялись к марксизму, отмежевывались от анархистской идеологии и называли себя революционными синдикалистами. Эта часть синдикалистов, если не по своей теории, то по своей практике, ближе всего примкнула к довоенному революционно-марксистскому крылу рабочего движения. Синдикализм не был однороден и имел не одну, а много теорий с преобладанием анархистской идеологии. В этом-то и заключаются основы этого типа профдвижения.

Социал-демократическое профдвижение.

Наконец, третья группировка или третье течение, это — социал-демократическое профессиональное движение, наиболее ярким и законченным типом которого являлось германское и австрийское профессиональное движение. Каковы отличительные черты этого типа профессионального движения? — Оно только до известной степени стояло посредине между тредюнионизмом и анархо-синдикализмом. В теории — социал-демокра-

тическое профессиональное движение исходило из необходимости создания нового социалистического строя путем классовой борьбы. Таким образом, оно отличалось от чистого тред-юнионизма тем, что ставило перед собой задачу создания нового общества, т.-е. уничтожения капиталистической эксплоатации. Оно было социалистическим в том смысле, что имело социалистические идеалы. Но мы бы очень ошиблись, если бы смешали социалистические идеалы или, иначе говоря, социалистическую теорию, или резолюции о социализме, с повседневной практикой, с революционной борьбой за социализм. Отличительной особенностью довоенного социал-демократического профессионального движения была мысль о возможности путем постепенных переходов, отдельных завоеваний, отдельных изменений данного общества, притти к новому обществу. Таким образом, не низвержение капитализма было задачей этих союзов, а постепенное изменение его путем социальных реформ. И это развитие социализма из капиталистического общества они себе мыслили в виде развернутого демократического общества, которое распространяет свой демократизм до максимальных пределов, т.-е. из политической демократии постепенно переходит в экономическую и социальную демократию. Здесь мы наталкиваемся на знаменитую теорию эволюции, которую реформисты всех стран противопоставляют революционному разрешению социальных противоречий. Социализм, согласно этого толкования, является законным сыном демократии, т.-е. он должен постепенно вырасти из развития демократических форм.

Отличительной чертой социал-демократического профессионального движения является то, что мы называем *постепеновщиной*, т.-е. теория медленного эволюционного перехода от одной общественной формы к другой. Эта идея носит различные названия в разных странах. В общем, она точнее всего определяется понятием — *реформизм*, от слова реформа, что значит — постепенное изменение данного общества путем частичных улучшений. Во Франции то, что мы называем «постепеновщиной», носило некоторое время название поссибилизма, от слова «possible» (что по-русски значит—«возможно», т.-е. проведение в жизнь возможных реформ); в Англии данное понятие носит название «фабианства», по имени Фабия Кунктатора [1],—название, присвоенное себе этими, так называемыми, социалистами, высказывающимися за медленный, постепенный переход от одной общественной системы к другой.

Социал-демократическое профессиональное движение стояло на точке зрения разделения функций: партия занимается политикой, профессиональные союзы занимаются экономикой. Общие проблемы рабочего движения подлежат ведению партии, а профессиональные союзы должны заниматься одной лишь экономической

[1] Древне-римский полководец, особенностью военной тактики которого была система отступлений, обходов, вообще крайняя медлительность военных действий.

борьбой. И любопытно, что имел место ряд случаев, когда профессиональные союзы Германии отказывались от обсуждения вопросов о всеобщей стачке, о стачках в день первого мая, под тем предлогом, что это не относится к их «ведомству», что это подлежит компетенции партии. Но когда, скажем, в немецкой социал-демократической партии поднимался вопрос о всеобщей стачке и о революционных методах борьбы, то самыми ярыми противниками выступали социал-демократы-реформисты.

Мы имеем, таким образом, в мировом профессиональном движении три идейных течения, которые еще до войны сталкивались между собою, при чем такие столкновения носили часто характер столкновений представителей разных стран, несмотря на то, что эти течения были внутри рабочего движения каждой страны. В Германии, где социал-демократическое движение было преобладающим, анархо-синдикалистское течение представлено сравнительно слабо, именно — в так называемых, локальных союзах; во Франции, где преобладало анархо-синдикалистское движение, наряду с ним существовало и довольно сильное реформистское, чисто немецкого типа, профессиональное движение; в Англии и Америке, где мы имеем особый специфический вид профессионального движения, другие формы профдвижения точно также были в зародышевом состоянии.

Нейтрализм в профдвижении.

Из этой характеристики основных течений в международном профессиональном движении видно, что основным вопросом международного рабочего движения было взаимоотношение политических и экономических организаций рабочего класса. И в этом вопросе можно отметить четыре точки зрения. Первая — примат профсоюзов над политическими организациями (анархо-синдикализм); вторая — равноправие профессиональных и политических организаций (социал-демократическое профдвижение), третья — игнорирование самостоятельной политической борьбы и политических организаций рабочего класса (тред-юнионизм), четвертая — примат политических партий над профдвижением (революционный марксизм).

В профессиональной и политической литературе довоенного времени все анти-партийно-политические настроения нашли свое выражение в теории нейтрализма.

В чем суть этой теории?

Профсоюзы, как массовые рабочие организации, являются не партийными. Они не должны отдавать предпочтение какой-нибудь партии. Только в том случае, если они будут относиться одинаково ко всем партиям, рабочие всех направлений смогут принять участие в этих организациях. В таком виде нейтрализм нашел свое наиболее яркое выражение в американском и английском профдвижении, где руководители профсоюзов поддерживали ту или другую буржуазную партию, делая «реальную» политику. В странах с социал-демократическим профдвижением теория нейтрализма в ее чистом виде не смогла привиться. Здесь не могло быть и речи

об *одинаковом* отношении к буржуазной и рабочей партии. Здесь стремление профессиональных союзов освободиться от контроля партии нашло свое выражение в теории равноправия партии и союзов и разделения борьбы рабочего класса на две параллельные зоны. Нужно ли доказывать, что нейтрализм в политической борьбе означает отказ от обще-классовой политики, а стало быть, и поддержку буржуазии? А как обстоит дело с теорией равноправия политических и профессиональных организаций? Эта теория, как и теория нейтрализма, явно буржуазного происхождения. В этой теории делается попытка освободить профессиональные организации от стоящих перед ними общеклассовых задач под предлогом их независимости и равноправия. Но здесь мы подходим к вопросу о взаимоотношениях между партией и профсоюзами, о которых будет речь особо.

Революционный марксизм в профдвижении.

Еще до войны внутри социал-демократических партий было крыло, которое вело ожесточенную борьбу против всех и всяческих, в том числе и профессионалистских разновидностей реформизма. Борьба эта велась, например, в Германии радикалами (Роза Люксембург, Франц Меринг, отчасти—Каутский), а в период краткого расцвета русского профдвижения—и в России. Центральным пунктом борьбы был вопрос о взаимоотношениях между партиями и профсоюзами. Борьба получила свое формальное разрешение на Международном Штуттгартском С'езде (1907 год), где была принята резолюция против нейтрализма. Формально профессионалистский реформизм был на этом конгрессе побежден, но на самом деле он продолжал свою работу, которая привела международное рабочее движение к идейно-политической катастрофе 1914—1918 г.г.

Русский большевизм занял в период 1905 — 1907 г.г., а затем в период под'ема рабочего движения 1912 — 1913 г.г. совершенно определенную позицию по отношению к профсоюзам. Известно, что борьба между большевизмом и меньшевизмом была особенно острой по вопросу о взаимоотношениях между партией и легальными культурными и профессиональными организациями. Большевизм резко и категорически высказался против нейтрализма, против теории равноправия и за идейное руководство партии профсоюзами. Политические условия в России исключали возможность длительного существования профсоюзов и легального существования партии. Это накладывало, конечно, своеобразную печать на все вопросы.

До войны революционный марксизм не сумел наложить своей печати на профдвижение нескольких стран, и поэтому нельзя говорить о революционно-марксистском типе профдвижения. Можно говорить только лишь о взглядах революционных марксистов на задачи профессионального движения.

Революционно-марксистский (коммунистический) тип профессионального движения является продуктом более позднего (послевоенного) времени.

Зарождение международных профорганизаций.

Указанные выше идейные разногласия в области профдвижения и идейная борьба внутри его нашли свое отражение и в Интернационале, созданном еще до войны. Тщательное изучение этих различных течений в профессиональном движении даст нам об'яснение, почему начало войны было началом, исходным моментом банкротства всего мирового профессионального и социалистического движения.

Чем отличается рабочее движение от других форм социального движения?—Прежде всего тем, что данное движение является международным. Исключительную роль в этом сыграл капитализм, создавший если не одинаковые условия труда, то во всяком случае одинаковые формы и методы эксплоатации, которые явились предпосылкой для возникновения международных организаций рабочего класса. Таким образом, потребность в создании международных организаций—интернационалов—все увеличивалась по мере того, как капитализм завоевывал новые области, новые страны, увеличивалась потому, что сам капитализм, становясь с каждым днем все более и более явлением международным, вызывал в качестве сил, ему противодействующих, соответствующие международные рабочие организации.

В чем отличительные черты всего XIX и начала XX века?

В том, что капитализм создал новые организации для повышения эксплоатации, в том, что он создал новые об'единения, тресты, синдикаты и т. д., в том, что он сконцентрировал свою мощь и благодаря этому мог с еще большей силой нажать на рабочие массы. Все это, а также и расширение капиталистической эксплоатации за пределы данной нации,—заставило рабочие массы искать такие формы об'единения, которые выходили бы за рамки каждой отдельной страны, которые об'единяли бы рабочих независимо от их принадлежности к той или другой нации, к тому или другому государству.

Таким образом, развитие капитализма, рост форм и методов капиталистической эксплоатации, международного товарообмена, рост централизованного государства, прогресс техники, способов связи и т. д.,—все это вместе заставило рабочий класс искать новые формы связи для того, чтобы совместной и одновременной борьбой оказывать воздействие на предпринимателей. Но несмотря на величайшую необходимость борьбы единым фронтом в международном масштабе, ни международное профессиональное, ни политическое рабочее движение довоенного периода не доросли до одновременных международных выступлений, хотя они и создали политический и профессиональный интернационал.

Международный Секретариат профсоюзов.

В области профессиональной мы имеем—в довоенный период — Международный Секретариат профессиональных союзов, созданный в 1902 г., при чем его конференции обычно связывались с международными социалистическими с'ездами, так как профессиональные союзы посылали своих делегатов также

и на эти с'езды. Этот Международный Секретариат не был международной организацией в том смысле, как мы ее сейчас понимаем, особенно как понимают ее коммунисты. Он был не организацией борьбы, а международной организацией для взаимного осведомления. Международный Секретариат скорее всего можно было бы назвать Международным Информационным Бюро, Международным Бюро для посылки друг другу статистических данных, международным почтовым ящиком, словом, чем угодно, но основной характерной черты рабочего Интернационала — превалирования интересов мирового рабочего класса в целом над интересами отдельных составных частей интернационала и стремления повести международную борьбу против капитализма в нем не было.

Интернационалы по производствам.

Помимо Международного Секретариата профессиональных союзов до войны существовали международные об'единения профсоюзов—или интернационалы по производствам: международный союз текстильщиков, металлистов, деревообделочников, парикмахеров, шапочников, рабочих иглы, и т. д. и т. д.—больше 20 международных об'единений, которые скорее можно было бы назвать символами международных об'единений, чем действительными интернационалами. И действительно, нельзя припомнить ни одного случая в международном рабочем движении довоенного периода, чтобы какой-нибудь производственный «интернационал» играл руководящую роль в международной борьбе, чтобы состоялось одновременное выступление в разных странах рабочих одного производства.

Таким образом, если мы подойдем к этим интернационалам с точки зрения тех задач, которые вообще должен выполнять интернационал, то мы совершенно открыто должны сказать, что интернационалов, по существу, не было. Были организации, которые носили название интернационалов, были в этих организациях бумаги с соответствующими штампами, но они скорее всего символизировали потребность рабочего класса в боевых интернационалах, чем сами осуществляли этот символ. Наличие этих интернационалов знаменовало собою потребность рабочего класса в создании международных об'единений, слабость же последних характеризовалась степенью развития этих международных связей, иначе говоря, — степенью развития рабочего движения во всем мире.

И опять же, если мы хотим создать себе полный отчет в причинах развала мирового рабочего движения, совпадающего с началом войны, мы должны внимательно посмотреть, что представляли собою эти рабочие организации и какова была связь между ними. И только тогда, когда мы тщательно ознакомимся с тем, что эти организации собой представляли, мы поймем, почему 1914 год был годом полного развала и распада, деморализации и дезорганизации международного рабочего движения. Существовавший еще до войны в этих производственных интернационалах в сравнительно скрытой форме отклик соперничества буржуазии разных стран, — с началом войны сказался в более откровенной и резкой форме. После

международного конгресса металлистов в 1914 году, бывший делегатом на этом конгрессе Мергейм — он был тогда революционным синдикалистом — писал в одной статье, что на этом конгрессе проявилось соперничество металлургии английской и немецкой. Рабочее движение того периода, хотя формально и было об'единено в международные организации, но по существу в целом было проникнуто национальными предрассудками, национальными особенностями и интересами национальной индустрии. Вопросы отечества стояли на первом плане перед интересами всего пролетариата, и защита отечества была непререкаемым принципом для всего рабочего движения.

Влияние войны на профорганизации.

Таково—в сжатых чертах было состояние мирового профессионального движения в тот момент, когда разразилась война.

С точки зрения количественной профессиональные союзы в первые годы войны начали сжиматься. Массовые мобилизации, которые касались всего взрослого населения, выхватили из рядов рабочего класса сотни тысяч и миллионы людей и поэтому, естественно, что союзы потеряли значительное количество своих членов. Так, в Германии, в которой накануне войны насчитывалось 3½ миллиона членов профсоюзов, к концу 1915 года было только 1½ миллиона, а в реформистских союзах вместо 2½ миллионов—меньше одного миллиона. Во французской Конфедерации Труда, которая накануне войны имела 500.000 членов, в конце 1915 года осталось не более 150.000. Колоссальные изменения в смысле количественном произошли и в других странах, и мы, таким образом, видим, что непосредственное влияние войны на профессиональное движение выразилось прежде всего в его сжатии, в уменьшении количества членов вплоть до опустошения целого ряда союзов.

Военная идеология профдвижения.

Но не в этом заключалось самое главное. Не только чисто количественным опустошением профессиональных союзов характеризуется влияние войны на рабочее движение. Самое главное и самое важное это то, что произошло качественное опустошение профессиональных союзов, произошло изменение всей старой идеологии, создалась новая—идеология военного времени. Эта идеология в разных странах имела разное название, но ее можно, как это было в период войны, назвать преимущественно военным социализмом. В чем смысл и суть этой идеологии, которая была создана руководителями профессионального и политического движения во время войны?—Думается, что можно характеризовать ее следующей краткой формулой: *отечество прежде всего*. В начале войны один из наиболее болтливых левых социалистов Франции Густав Эрвэ, с молниеносной быстротой, обернувшись в социал-патриота, живописал эту самую эволюцию в следующих выражениях: «рабочие, — говорил он, — схваченные железной рукой войны за шиворот, поднятые в воздух, и брошенные этой могучей рукой на

землю, почувствовали прежде всего свою родную почву; каждый из рабочих, брошенный в этот ураган событий, упал на свою родную землю».

Надо сказать, что, хотя реформисты всех стран, как уже говорилось раньше, в области социальной являлись сторонниками эволюции, но в области своих личных взглядов они развивались совершенно иначе; в данном вопросе к ним можно скорее применить понятие революция, чем эволюция, ибо они изменили свои взгляды буквально через ночь; при чем это относится не только к реформистам, но и к довольно большому количеству анархо-синдикалистов, которые тоже как-то сразу почувствовали, что они имеют отечество, хотя анти-патриотизм был ранее их любимым коньком.

Деление по военно-дипломатическим коалициям.

Военная идеология рабочего движения была главнейшей причиной продолжительности мировой войны. Современная война не есть война мелких групп, небольших армий, — современная война есть война масс, война народов в буквальном смысле этого слова. Это война индустрий против индустрий. И тактика рабочего класса в этой войне, тактика его союзов, их методы борьбы играют решающую роль в современной войне. Недаром в 1916 году, в одной из своих многочисленных речей многоречивый Ллойд-Джордж, обращаясь к металлистам, сказал следующее: «В той победе, которую мы одержали на западном фронте (которую одержали английские войска), вы, металлисты, приняли очень большое и решающее участие». Да, влияние индустрии играло решающую роль в войне. Рост же этой индустрии об'ясняет собой количественное изменение союзов, начиная с 1916—1917 г.г. Но с другой стороны, этот рост об'ясняет и качественное понижение уровня рабочего движения, ибо в военной индустрии, которая была основой войны и которая концентрировала всех рабочих, не ушедших на фронт, обстановка работы была такова, что участвовавшие в ней были по существу не только техническими, но и идейными и политическими участниками самой войны.

Когда мы говорим о войне между Францией и Англией, с одной стороны, и Германией—с другой, то мы должны говорить не только о войне между буржуазией, но и между социалистами и профсоюзами этих враждующих стран. Тут война была не только в том смысле, что рабочих, организованных в союзы, посылали на фронт, чтобы они стреляли из пулеметов в своих же товарищей. Начавшаяся в 1914 году война открыла собой также войну между профессиональными союзами Антанты и профессиональными союзами центральных империй. Началась полемика, борьба идейная, при чем представители одной стороны, именно Антанты, доказывали, что немецкие профсоюзы изменили принципам международного социализма, поддерживая кайзера, а Легин доказывал, что изменники — именно профсоюзы Антанты, так как они поддерживают свою буржуазию, которая связана с русским царем.

Вот эта-то война между лидерами профсоюзов и наиболее характерна для всего военного периода; при чем она даже более характерна, чем поведение профессионалистов в каждой стране, чем их отказ во имя защиты отечества от тех завоеваний, которых рабочим удалось достигнуть на протяжении долгих и долгих лет борьбы против своей буржуазии. В Англии путем соглашения между министром и профессиональными союзами были отменены внутренние регламенты, охраняющие и защищающие труд; в Германии и в других странах путем соглашения с профессиональными союзами был установлен неопределенный рабочий день. Одним словом, профессиональные союзы были в период войны фундаментом борьбы, они принимали активное идейно-политическое, даже более того—военное участие в этой международной бойне.

Данное деление по военным коалициям привело к тому, что профессионалисты стран Антанты попытались в 1916 г. организовать свою конференцию в Лидсе, в Англии, и на этой конференции заложить основание новому антантовскому профсоюзному интернационалу. Каждый раз, когда представители нейтральных стран, как напр., Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии, предлагали организацию международной конференции для того, чтобы просто свести вместе членов одного и того же профессионального интернационала, представители «демократии» и «цивилизации», т.-е. Франции, Англии и т. д. резко отказывались, не желая сидеть за одним столом с представителями профсоюзов центральных держав. Почему они отказывались? Почему они не хотели встретиться с представителями немецких профсоюзов, чтобы переговорить о методах и формах борьбы против продолжающейся бойни? Потому что они были связаны с своей буржуазией, и встреча между союзниками буржуазии разных стран означала бы встречу между представителями самой буржуазии, а так как война шла за разрушение стран, за экономическое разорение, за экономическое истощение, то, естественно, что ни представители французских, ни представители английских или американских союзов не могли согласиться встретиться с немцами. Немцы выражали свою готовность встретиться, но французы, бельгийцы считали себя гражданами обиженных стран, которые борются за «право и цивилизацию». Профессиональное движение разбилось на разные коалиции по дипломатическому признаку, и, пожалуй, это — наивысшая степень падения, это — наивысшая точка, до которой докатилось разложение мирового профессионального и рабочего движения.

Зарождение революционных профорганизаций.

В той картине, которая здесь дана, как будто не видно никакого просвета. Все окрашено в черный или в черно-желто-белый цвет, в зависимости от национального флага, а чисто красного цвета нет и в помине. И может быть непонятно, как из такого беспросветного состояния родилось то новое, о чем будет речь впереди. Ответим на этот естественно-возникающий вопрос.

Одновременно с процессом приспособления рабочего движения к войне происходил и другой процесс — накопления и нарастания ненависти к войне.

В чем корни реформизма и в чем корни коммунизма? Каким образом один и тот же рабочий класс создает два противоположных, борющихся между собой с оружием в руках течения? В чем причины этого? В том, что рабочий класс является одновременно фундаментом, строителем капиталистического общества и отрицателем этого общества, иначе говоря, в рабочем классе заложены одновременно две тенденции: одна — приспособления к данному обществу, а другая — разрушения его. Таким образом, и коммунизм и реформизм, беря свое начало в рабочем классе, отражают различные стадии его развития или разные тенденции того класса, который с каждым днем выявляет все больше и больше стороны, ведущие к отрицанию буржуазного общества. Было бы ошибочно, если бы мы подошли ко всему военному периоду с той точки зрения, что, мол, только потому, что Легин или Жуо были предателями рабочего класса, последний целиком был проникнут военной идеологией. То, что эти господа изменили своим принципам, это не подлежит ни малейшему сомнению. Но почему миллионы пролетариата в каждой стране шли именно за этими людьми? Почему? Вот в чем корень вопроса.

И здесь мы подходим к той стороне проблемы, которая была недостаточна ясна для нас накануне войны. Мы не дооценивали степени влияния буржуазии на рабочий класс. Мы боролись с реформизмом еще до войны, мы боролись с буржуазией. Но что буржуазные отношения, буржуазная идеология, буржуазная литература, церковь, философия, вообще все, что создала буржуазия, настолько может подчинить себе рабочий класс, этого — по чистой совести каждый большевик может сказать — мы не предполагали. И для нас, для левого крыла рабочего движения, которое было левым крылом и до войны и осталось им и во время войны, степень падения была совершенно неожиданна. Мы не дооценивали влияния буржуазного общества на рабочее движение, мы не дооценивали той органической спайки, которая существует между рабочим движением и тем буржуазным обществом, внутри которого рабочее движение развивается.

Однако, во время той же войны, одновременно с максимальным влиянием буржуазного общества на рабочий класс, начала проявляться и та тенденция, которая также заложена в рабочем классе, — тенденция отрицания буржуазного общества. Эта тенденция была в высшей степени слаба в первый период, она была крайне незначительна в некоторых странах, она нашла свое отражение лишь в таких единичных выступлениях, как Либкнехта в Германии (а он, между прочим, в первый раз тоже не голосовал против военных кредитов: он голосовал против уже во второй раз), она проявилась и в профессиональном движении Франции. Мне лично пришлось принимать непосредственное участие в создании первой

интернационалистской ячейки в Конфедерации Труда вместе с Монаттом, Росмером и, для рабочего движения «умершим» еще при жизни, Мергеймом. Это была одна из тех первых ячеек, из которой выросли затем Циммервальдская и Кинтальская конференции. Рабочее движение из своих недр начало выдвигать новые течения, новые силы. И весь послевоенный период рабочего движения может быть понят только в том случае, если мы к самому военному периоду подойдем не с точки зрения измены вождей, но и об'ективных сил, влияющих на политическое и духовное развитие широких масс, а также и с точки зрения нарастания новых течений, которые к концу войны оформились, а в послевоенный период привели к созданию Коммунистического Интернационала и Красного Интернационала Профсоюзов.

Послевоенное профессиональное движение, как и все рабочее движение целиком, может быть понято только лишь на основе тщательного изучения рабочего движения военного периода, на основе учета тех заложенных в капиталистическом обществе противоречий, которые рождают борьбу течений и создают одновременно рабочие организации, поддерживающие капитализм и борющиеся против него.

Мы, таким образом, в самых общих схематических чертах ознакомились с основными вехами развития профессионального движения довоенного и военного периода. Естественно, что рабочее движение всего этого периода может быть только в том случае в достаточной степени понятно, если оно будет в дальнейшем продумано на основании широкого и большого материала, рисующего состояние рабочего движения в каждой стране. Только изучая все особенности рабочего движения пережитой нами эпохи, мы сможем отдать себе отчет не только в причинах нарождения новых форм рабочего движения, но и понять те организационные формы, которые приняли вновь возникшие национальные и международные организации, и ту тактику, которую они выдвинули не только против буржуазии, но и против ее «лейтенантов» в рабочей среде.

ЛЕКЦИЯ II.

Мировое профдвижение в период окончания войны.

Отражение победы союзников на мировом профдвижении.

Война закончилась победой «демократии» над «варварством», в результате чего были созданы знаменитые: Версальский, Трианонский, Севрский договоры, которые установили «мир и в человецех благоволение». Мы бы ошиблись, если бы принимали эту победу только как победу буржуазии над буржуазией. Это была не только победа буржуазии стран Антанты над народами центральных империй, — это было нечто худшее: это была победа профессиональных союзов стран Антанты над профессиональными союзами Германии и Австрии. Это была победа одной части рабочих над другой. И то положение гегемона, которое занимало до войны немецкое профессиональное движение, было вместе с победой Антанты, вместе с войной уничтожено. Гегемоном в европейском профдвижении в период окончания войны стали английские тред-юнионы, что соответствует экономической гегемонии их буржуазии. Таким образом, развитие рабочего движения, развитие международных организаций тесно переплелось с судьбами капитализма, и победа буржуазии одной страны отразилась на том положении, какое рабочие другой страны занимали в том или другом интернационале. Победа союзников означала победу и профессиональных союзов стран Антанты, что ярко выразилось на первых международных конференциях, имевших место по окончании войны, и что находит свое отражение на протяжении всего послевоенного периода.

Влияние русской революции на международное рабочее движение.

Два момента надо отметить, прежде чем перейти к характеристике послевоенного профессионального движения.

Первый момент — это влияние русской революции на международное рабочее движение. Известно, что уже февральская революция 1917 года внесла нечто новое в самую войну и, главным образом, в международное рабочее движение, ибо она прорезала беспросветную мглу, которая окутывала весь так называемый цивилизованный мир и внесла луч надежды в смысле освобождения угнетенных и обездоленных. И вот этот самый факт русской революции

повлиял на усиление тех, формировавшихся в международном рабочем движении, течений, которые стремились к окончанию войны. Надо отметить, что восприятие русской революции руководящими кругами международного социалистического, а также и профессионального движения, было разное, в зависимости от территориально-географической и дипломатической близости к России той или другой страны. Для руководящего ядра немецких и австрийских профессиональных союзов, русская революция явилась началом распадения союзников, и они, из чисто военно-практических соображений, если не особенно сильно приветствовали русскую революцию, то, во всяком случае, радовались тому, что Россия перестала угрожать их «дорогому отечеству». С другой стороны, в руководящих кругах профессионального движения стран Антанты смотрели на русскую революцию, как на новую силу, которая должна увеличить созданный союзниками против Германии «демократический» фронт. Таким образом, с самого начала к русской революции подошли, поскольку дело шло об определенной политике профсоюзных кругов, с точки зрения успехов оружия той или другой военной коалиции.

Такой официальный взгляд руководителей профессионального движения перекрещивался с тем новым, что внесла русская революция. Это новое заключается в следующем.

Известно, что для социал-патриотов центральной Европы и в том числе, по преимуществу, для руководителей профессиональных союзов, борьба с царизмом была козырем для военного под'ема масс. Царизм пал, и, таким образом, для социал-патриотов Западной Европы отпало и это чудовище, против которого они, якобы, сражались и защищали свое отечество. С другой стороны, русская революция в первый свой период облегчила положение социал-патриотов союзных стран, потому что они, боровшиеся за «культуру и цивилизацию», ведь, были в союзе с царизмом, и самую возможность этого союза с царизмом для высших целей, — «защиты демократии и культуры»—было весьма и весьма трудно об'яснить. Я припоминаю, что мне лично неоднократно приходилось в Париже, где я был во время войны, вести дискуссию с социал-патриотами на тему о том, как «царь защищает демократию против прусского варварства», и когда в одной дискуссии я довел до белого каления известного социал-патриота Брака, то он мне ответил: «мы знаем, что царизм это — цепная собака, но мы и используем его, как цепную собаку демократии».

Надо еще отметить, что вначале сама революция как будто бы даже помогала союзникам, — конечно, в выражении «союзники» имеются в виду не государственные руководители тогдашней политики, а профессионалисты союзных стран. Профессионалистам казалось, будто они могут почерпнуть в нашей революции некоторое утешение и некоторый выигрыш, именно в том, что сейчас «либеральная» Франция будет связана уже не с царизмом, а с не менее, если не с более либеральной Россией,—с республикой под предводительством Керенского. Но эти преимущества, которые они пытались реа-

лизовать, очень быстро доказали свою эфемерность: в руководящих кругах рабочего и, главным образом, профессионального движения все с бо́льшим опасением начали смотреть на нарастание «анархии», как назывался тогда большевизм, который, как известно, уже достаточно заметно стал проявляться приблизительно с июньских дней 1917 года. Не будем останавливаться на том, как они посылали к нам в Россию своих социалистических послов, каким образом на Лафона, Мутэ и Кашена — сейчас Кашен коммунист, тогда он им не был, — была возложена задача приведения России к демократическому знаменателю, иначе говоря, задача втягивания России в войну. Не будем останавливаться и на том, каким образом бельгийские социалисты посылали к нам своих златоустов, и на том, как действовали английские тред-юнионы. Были попытки со стороны руководителей рабочего движения, со стороны профессиональных организаций союзнических стран оказать воздействие на русскую революцию, приковав ее к союзникам верностью царского слова и т. д.

Надо отметить также, что французский империализм, — отдадим должное своим врагам, — очень ловко вел свою агитацию, пропаганду и общую политику в смысле одурачивания масс. Была уже почти налажена посылка в Россию от Франции в качестве полуофициального представителя, но с большими полномочиями руководителя металлистов Мерргейма, который считался даже циммервальдцем. Этот вопрос уже рассматривался в министерских кругах, и если дело не выгорело, то в этом повинны мы, так как устроили неожиданно для них Октябрьскую революцию. Во всяком случае, со стороны руководящих рабочих кругов Европы подход к русской революции был все время такой: что́ она даст для ведения и продолжения войны? Но, с другой стороны, сама русская революция и в дальнейшем Октябрьский переворот отразились на рабочей гуще; здесь мы замечаем энтузиазм, большое одушевление самой революцией. При чем, с момента Октябрьской революции начинается новый перелом, новая эпоха как в самой войне, так и в международном рабочем движении. И поэтому, чтобы понять, как в дальнейшем складывалось рабочее движение в Западной Европе, необходимо в общее соотношение сил ввести этот новый фактор, новую силу — русскую революцию, учтя затем влияние после-октябрьского ее периода.

Октябрьская революция внесла настолько сильное изменение во всю картину международного рабочего движения, что ребром встал вопрос об окончании войны. Так как это был центральный вопрос для рабочего движения всех стран, то и само окончание войны в дальнейшем внесло также определенное изменение в профорганизации каждой страны.

Как был воспринят Октябрьский переворот в западно-европейском профессиональном движении? — Опять-таки различно в зависимости от коалиции дипломатической. Реформисты были против большевиков, как против баши-бузуков, нарушителей демократиче-

ского принципа, вечного права и т. д., но само по себе это враждебное отношение к нам было совершенно различно в центральной Европе и в союзнических странах. Руководители профсоюзов центральной Европы усмотрели в самой Октябрьской революции и особенно в Брест-Литовском мире совершенную ликвидацию враждебной силы. Таким образом, профсоюзы центральной Европы, относясь враждебно к Октябрьской революции, все же рассматривали ее как некую неожиданную помощь в смысле освобождения необходимых сил для борьбы на западном фронте.

Совершенно иначе, конечно, оценивалась Октябрьская революция социал-патриотами в союзных странах: здесь наш выход из войны рассматривался, как совершенно невероятное нарушение всяких законов божеских и человеческих; на нас смотрели чуть ли не как на клятвопреступников, хотя, как вы знаете, мы никаких клятв и сбязательств не давали, а давал их в свое время Николай II, а за ним Керенский.

Однако, отношение к Советской России в каждой стране менялось постольку, поскольку Октябрьская революция доказала в борьбе свою жизненность и боеспособность. Борьба Советской России против всей мировой буржуазии вызывала скрытую революционную энергию в рабочих массах всех стран: создавались новые группировки, а внутри рабочего класса начало меняться соотношение сил. Это относится и к политическому и к профессиональному рабочему движению.

Перегруппировка сил.

В чем заключалась эта перегруппировка сил? Выше было упомянуто, что вопрос об окончании войны Советской Россией был поставлен не теоретически, а как нельзя более практически, и поэтому в сознание масс этот вопрос был внесен не в виде подметного письма или нелегальной прокламации, а как историческое событие, которое не может быть замазано даже военной цензурой. Нельзя было скрыть от масс, что Россия войну закончила, прекратила... и задача реформистов сводилась к тому, чтобы это окончание войны, которое было фактически проведено в жизнь, использовать, с одной стороны, для дальнейшей моральной мобилизации масс, а с другой, — для мобилизации этой массы против самой революции. В этом заключалась их основная задача. И в то время, как руководящее ядро реформистской части профессионального движения осуществляло эту задачу,—в рабочих массах Франции, Германии, Англии и т. д., это фактическое окончание войны, наоборот, вызывало к нам стихийную симпатию и желание во что бы то ни стало сделать то же самое. Таким образом, Октябрьская революция и прекращение войны усилили все интернационалистские группировки в рабочем движении и инстинктивное стремление к миру, которое нашло свое выражение в так называемом пацифизме. Октябрьская революция усилила всеобщее желание мира и дала толчок революционно-интернационалистским, а также и пацифистским элементам внутри рабочего движения.

Борьба за мир. Брест-Литовский мир был кульминационным пунктом, вокруг которого сосредоточивалась борьба рабочих масс за мир. Если взять профессиональную литературу периода Брест-Литовского мира: литературу немецкую, французскую и английскую, то мы увидим, что самый факт заключения Брест-Литовского мира, подготовка к нему, трактовались этой литературой в зависимости от ее принадлежности к той или другой коалиции. Мне пришлось в 1920 году, будучи в Германии, произнести на обще-германском с'езде фабрично-заводских комитетов, где в большинстве были социал-демократы, приветственную речь. Но уже установился такой обычай, что мы в своих приветствиях в Западной Европе говорим очень много неприятных истин. И вот, на этом самом с'езде я процитировал несколько отрывков из «Корреспондентс-Блатт» (центральный орган обще-германского совета профессиональных союзов), в котором немецкие профессионалисты высказались относительно Брестского мира. Там, например, имелись такие места: «В задачи Германии не входит охранять целость России». Это говорил центральный орган немецкого профессионального движения в то время, когда генерал Гофман, стуча кулаком по столу, требовал подписания Брестского мира без каких бы то ни было изменений редакции, предложенной немецким военным командованием. Но там имеется еще большее. Там имеется утверждение, примерно, такого рода: «Конечно,—писал «Корреспондентс-Блатт»,—подписанный в Брест-Литовске мир нас не во всем удовлетворяет, тем не менее это громадный шаг вперед по пути установления демократических принципов в тех странах, которые раньше были под игом царизма». Можно было бы еще многое цитировать из этих замечательных статей, но когда я их цитировал в 1920 году на с'езде, где было около 1.000 человек и больше чем на ¾ социал-демократов, то сзади, из президиума, были слышны слова: «неслыханное нахальство» — это говорил Умбрейт, но члены с'езда сидели с опущенными головами. Процитировав это, я сказал: «Вы теперь можете на вашем опыте Версальского мира, который представляет собой худшее издание Брест-Литовского, сами сказать, какое чувство должны были испытать мы, русские рабочие, читая во время Брестского мира такие вещи». Брест-Литовский мир так же, как и русская революция, рассматривались реформистами исключительно с точки зрения «дорогого отечества» и интересов данного государства.

Если взять из литературы союзных стран все, что писали о Брест-Литовском мире руководящие круги профессионалистов: Франции, Англии, Бельгии и т. д. (я не говорю об Америке, — Гомперс и сейчас пишет вещи, которые явно свидетельствуют о повреждении его умственных способностей [1]), то мы увидим, что они, главным образом, подходили к Брест-Литовскому миру, как к нарушению интересов их отечества. Причины Брест-Литовского мира хорошо всем

[1]) Пока набирались эти строки, Гомперс «в бозе почил» 13 декабря 1924 г.

известны. Однако я не могу себе отказать в удовольствии привести интересный эпизод во время борьбы и споров внутри РКП по вопросу о Брест-Литовском мире. Вы знаете, что партия тогда почти раскололась: за мир во что бы то ни стало тогда был Ильич, а в ЦК было, приблизительно, половина на половину. И вот однажды — это рассказывал Радек — во время сильных споров Ильич говорит: «Крестьяне уже голосовали за мир». Радек удивленно спрашивает: «Когда?»—«Они голосовали ногами,—отвечал Ильич,—потому, что бегут с фронта и против этого голосования ничего нельзя поделать». «Голосование ногами» и явилось в общем и целом причиной Брест-Литовского мира, при чем эта причина была видна даже и не всем нам, и еще меньше, конечно, рабочим массам Европы. Надо сказать, что в течение довольно длительного периода Брест-Литовский мир и затем те колоссальные трудности, в которых была революция после Брестского мира, служили довольно сильным орудием в руках наших противников-реформистов против коммунизма. Но, с другой стороны, самый факт Октябрьской революции внес совершенно новое во все мировое рабочее движение. Для рядового рабочего, члена профессионального союза,—будь он в Австралии или на Аляске—ничего не знающего о том, что происходит в России,—самый факт того, что вся мировая пресса против нас, ругает нас за то, что мы конфискуем банки, фабрики и заводы, уже создавал некоторый стимул выявления хотя бы и неопределенной симпатии к ним.

И, таким образом, можно в виде известного парадокса сказать, что первым агитатором за большевизм была сама же буржуазная пресса: ведь мы не имели коммунистической прессы после Октябрьской революции во всех странах. И чем больше ругала нас буржуазная пресса, тем больше симпатий она возбуждала к нам в рабочих массах. А все это взятое вместе влияло на оформление тех группировок, на создание того неопределенного течения, из которого вылупливалось, хотя и в высшей степени медленно, левое течение внутри мирового рабочего движения, которое на определенной стадии сомкнулось с РКП и с революционным профессиональным движением Советской России. Так были созданы условия для возникновения мировых организаций, известных под именем Коминтерна и Профинтерна.

4-й тип профессионального движения.

Есть еще одно в высшей степени важное событие, которое внесло изменение в картину мирового профессионального движения. Это — возникновение, оформление и развитие профессионального движения в России. Когда выше давалась схематическая картина мирового профдвижения, то о России даже и не упоминалось; но не потому, что Россия не имела до войны никаких профессиональных союзов. Она их имела, но они были незначительны, они не играли почти никакой роли внутри России и еще меньшую роль — вне России. Профессиональные союзы, возникшие у нас в 1905 году, развившиеся в 1906 году, были разгромлены вместе с победой столыпиновщины; они начали опять возрождаться

в период экономического и политического оживления 1912 и 1913 г.г. и были окончательно разгромлены с началом войны.

Но нечто другое видим мы вместе с наступлением февральской революции. Начинается быстрое, лихорадочное строительство профсоюзов, и после Октябрьской революции перед нами не просто профессиональные союзы России, но — четвертое направление в мировом профессиональном движении. Этот тип профдвижения можно охарактеризовать, как коммунистический, воплощающий в себе все то лучшее, что дало нам рабочее движение всех стран.

В чем характерные особенности четвертого типа профессионального движения? — Выше оно характеризовалось как коммунистическое. Но не означает ли коммунистическое профдвижение то же самое, что партийное движение? Нет. Прежде всего оно коммунистическое по своему содержанию, по своей тактике, по своим целям и по методам борьбы, хотя формально не примыкает к партии; со стороны партии предполагается только идейное руководство профдвижением. Четвертый тип профессионального движения, который мы можем без преувеличения назвать российским (это тот же географический термин, довольно обширный по своим размерам),—отличается от тред-юнионизма тем, что он никогда не был движением чисто экономическим, чисто корпоративным; наше профессиональное движение было всегда глубоко-классовым и даже в том случае, когда оно ставило и ставит перед собой непосредственные повседневные задачи, оно к ним подходило и подходит с точки зрения общеклассовых задач пролетариата. Четвертый тип профессионального движения отличается от реформистского профессионального движения тем, что он никогда не ставил перед собою цели постепенного перехода от капитализма к социализму.

Наше движение отличается от анархо-синдикалистского тем, что оно никогда не было анти-государственным в смысле метафизическом, отвлеченном. Русское профессиональное движение анти-государственно только в том смысле, что оно против буржуазного государства. Мы подходим к государству не отвлеченно, а выясняя, какое это государство, какой класс оно представляет, какой класс оно угнетает; и лишь с этой конкретной исторической точки зрения мы рассматриваем данное государство. Иначе говоря, для четвертого типа профессионального движения решающим в отношении его к государству является не форма последнего, а его социальное содержание. Отсюда видно, что этот тип профессионального движения имеет совершенно определенные принципиальные черты, которые отличают его от всяких других типов профессионального движения.

Мы не будем останавливаться на детальной характеристике советских союзов, иначе пришлось бы затронуть и их структуру и деятельность в разных областях. Мы берем только наиболее существенное, что сразу выделяет наше профессиональное движение изо всех остальных форм профессионального движения и ставит его на особое место. Мы можем сказать, не преувеличивая, что профессиональное движение четвертого типа, т.-е. российское профессиональное

движение впитало в себя все то, что является наиболее сильным и действительно революционным в профессиональном движении других стран. Так, у нас есть совпадение с синдикалистами в смысле постановки обще-классовых задач, революционной борьбы, прямого действия класса против класса. Но у нас имеются также пункты совпадения и с социал-демократическим профдвижением: мы—за централизацию, мы — за максимальную концентрацию сил. Менее общего у нас с тред-юнионистским профдвижением, хотя в том упорстве, с которым тред-юнионисты ведут свою экономическую борьбу, мы с ними сходимся. Но разница между нами и ими заключается в том, что они сосредоточивают свою борьбу, свою настойчивость исключительно на повседневных задачах, не выходя за рамки этих задач, тогда как мы связываем повседневную борьбу рабочего класса с борьбой за его окончательное освобождение.

Мы видим, таким образом, что четвертый тип профессионального движения взял то подлинно революционное, что можно было взять из мирового профдвижения.

Бурный рост профдвижения.

Первой характерной особенностью послевоенного профессионального движения является его бурный рост. Пожалуй, в истории нет другого такого примера быстрого роста не только профессиональных союзов, но и рабочих организаций вообще. Возьмем несколько цифр и затем уже остановимся на причинах такого быстрого роста. Возьмем цифры, относящиеся к 1919 и 1920 годам.

По официальной статистике, в 1913 г. в Великобритании было 4.189.000 членов профсоюзов, в 1919 г. после окончания войны стало 8.801.000; в Германии в 1913 г. было около 3 милл. членов, а в 1919 г. около 9 милл. членов профсоюзов. В Сев.-Американ. Соед. Штатах, где изменения были не так бурны, как в других странах, в 1913 г. было 2.700.000, а в 1919 г. стало около 5 милл. членов. Во Франции официальная статистика дает для 1913 г. 1 миллион, а для 1920 г. — 2½ миллиона членов профсоюзов. В Бельгии в 1913 г. — 126 тысяч, а в 1920 г. — 718 тысяч. Такое же возрастание числа членов союзов мы имеем и в Италии, и, что в высшей степени характерно, даже в нейтральных странах (в Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии, Голландии и т. д.). Мы видим таким образом, что рабочие массы широкими толпами вливаются в профессиональные организации.

Но наиболее характерным в рабочем движении послевоенного периода является появление на сцену профсоюзов в Советской России и оформление профорганизаций на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. В Индии, Китае, Японии, в Индонезии, в Турции и т. д., — везде рабочие были пробуждены военной грозой и начали создавать свои организации. И если до войны во всем мире насчитывалось около 10 миллионов организованных рабочих, то в 1920 году официальная статистика (в официальную статистику входят союзы реформистские, католические, протестанские, анархо-синдикалистские и красные), насчитывает уже около 50 мил-

лионов членов профессиональных союзов. Результат войны оказался в этом, как и в других отношениях, явно неожиданным для международной буржуазии, которая надеялась потопить классовое движение в угаре империалистической войны.

Причины роста.

В чем причины этого невиданного роста профессиональных союзов? — Прежде всего, в неуверенности, которая создалась в рабочих массах непосредственно по окончании войны, неуверенности в будущем. Начало демобилизации поставило перед рабочим классом целый ряд в высшей степени сложных проблем, и перед широкими массами стал вопрос о том, каким образом отстоять свои интересы. Отдельные рабочие чувствовали себя до войны в значительной степени более устойчивыми единицами. Конечно, наиболее сознательная часть шла в союзы, но масса, миллионы в союзы не шли. С окончанием войны общая неуверенность, неустойчивость создали предпосылку для того, чтобы итти в какую-нибудь организацию коллективно решать вопросы. После войны отдельные рабочие почувствовали себя более беспомощными, чем до войны. Те колоссальные мировые события, которые они пережили и участниками которых они являлись, заставили их призадуматься и искать, часто бессознательно, защиты в массовых организациях.

Мы знаем, что сама война, возникшая в результате империалистических противоречий, имела своей основной задачей не только убить германскую конкуренцию, но и уничтожить в корне самую возможность революции. (По крайней мере, у многих буржуа были такие мысли). Между тем, несмотря на то, что первый год войны убил, казалось, все, что было оппозиционного в рабочем классе, — ко времени окончания войны, как раз вследствие пережитого колоссального кровопускания, — в массах выросло гигантское недовольство, которое должно было найти какое-то организационное выражение. Эта неуверенность в завтрашнем дне, это общее социальное недовольство заставили отдельных рабочих искать пристанища в коллективной семье, вызвали стремление выйти из своего изолированного положения и быть «на людях». Массы вошли в союзы в поисках лучшей жизни, лучших условий труда, в поисках ответов на проклятые вопросы, которые были поставлены войной. В этом колоссальном потоке в союзы вошли и сознательные и менее сознательные элементы: те, которые уже дали себе ответ на вопросы, поставленные войной, а также и те, которые еще только искали этих ответов. Рабочий класс пошел в союзы, и в этом наиболее характерная особенность послевоенного периода. Во время войны и до нее мы имели в союзах только наиболее сознательную часть пролетариата, а непосредственно по окончании войны мы видим, как рабочие массы широким потоком устремляются в союзы. Эту особенность послевоенного периода профессионального движения нужно иметь в виду, чтобы понять нашу тактику завоевания союзов, наше враждебное отношение к расколу, наше стремление завоевать организацию целиком, ибо мы подходим к профессиональному союзу не как к об'единению

избранных, а как к организации, об'единяющей если не большинство, то значительную часть рабочих данной отрасли промышленности.

Расцвет реформистских иллюзий.

Но вместе с этим ростом профессионального движения мы имеем непосредственно в послевоенный период расцвет того, что мы называем реформистскими иллюзиями. Расцвет реформистских иллюзий есть вторая особенность послевоенного периода профессионального движения. Выше была дана характеристика реформизма, и очерчены его отличительные особенности. Однако, в послевоенный период реформизм впервые получил возможность осуществить свои идеалы и путем реформ показать правильность своей точки зрения, противопоставленной им точке зрения революционного крыла рабочего движения.

В чем заключается этот расцвет реформистских иллюзий, и каковы его наиболее характерные особенности?

Иллюзии заключались в том, что рабочие стран побежденных и победительниц надеялись на вознаграждение за страдания во время войны. Надо дотянуть до конца войны — говорили рабочим буржуазная и социал-патриотическая пресса. Тогда благодарное отечество позаботится о тех, кто так героически сражался в период войны. Руководящее ядро профсоюзов особенно усиленно сеяло иллюзии о том, что, как только окончится война, наступит новая полоса во взаимоотношениях между трудом и капиталом, и что отечество не сможет отказать пролетариату в «его законных и справедливых» требованиях. Иллюзия заключалась и в стремлении использовать в интересах рабочих перемирие с буржуазией и вместо «военного социализма» внести, при помощи буржуазии, в народное хозяйство социалистические начала.

Классовое сотрудничество в Германии.

Известно, что окончание войны совпало для центральных империй с революцией. Революция в Германии, которая официально датируется «9 ноября»,—показала, что в данный момент социальной встряски, революционного столкновения классовых сил, единственно организованными силами были рабочий класс и предприниматели. Старый военный режим, старая юнкерская машина в Германии развалилась под напором военных поражений. Восстание началось, и наиболее могущественной силой оказался пролетариат. Так как в Германии удельный вес пролетариата неизмеримо больше, чем в других странах, то понятна и его особая роль в революции. Можно привести пример, чтобы показать разницу удельного веса германского и русского пролетариата. В Германии на 65 миллионов населения в больничных кассах застраховано около 22 миллионов человек, занимающихся наемным трудом. В России максимальное количество пролетариев всех категорий, если считать и сельско-хозяйственный пролетариат,—от 8 до 9 миллионов. И это на 150 миллионов населения! При сравнении этих цифр станет ясным удельный вес пролетариата в Германии, и отсюда совершенно естественно напрашивается вывод, что в этой революции германский

пролетариат должен был сыграть руководящую роль. Если русский пролетариат в крестьянской стране с малым процентом городского населения сыграл руководящую и исключительную роль, то тем более должен был сыграть ее пролетариат Германии. Но социал-демократия и руководимые ею профсоюзы пошли по линии реформ, а не революции, и в этом-то и до настоящего времени кроется трагедия германской революции.

За несколько дней до германской революции началось совещание между представителями немецких профессиональных союзов и представителями предпринимателей, при чем это совещание закончилось 15 ноября соглашением, вошедшим в историю под именем «Арбейтсгемейншафт». Это — трудно переводимое с немецкого языка слово, означает «деловое сотрудничество»; общий смысл его можно выразить понятием «классовое сотрудничество». Под таким названием была создана паритетная организация из предпринимателей и рабочих для урегулирования всех социальных вопросов. Это была паритетная комиссия, которая должна была в момент развала германской империи сохранить основы этой самой империи.

Реформисты придавали этому совершенно исключительное значение, при чем, по свойственной немцам манере, они попытались подвести под него «философский» фундамент. Создалась «паритетная философия», или философия паритетного управления всей хозяйственно-политической жизнью страны, философия равного и одинакового участия рабочих и предпринимателей в управлении. Но философия это — одно, а жизнь — другое; управлять промышленностью паритетно нельзя. Паритетные комиссии были лишь политическим выражением той передвижки сил в соотношении классов, которая произошла в момент революции. Они имели консервативную контр-революционную задачу поставить предел развитию социальных противоречий в наиболее острый момент классовой борьбы. Они пытались зафиксировать данный момент в соотношении сил классов и на этом остановиться, не давая далее революции возможности развиваться.

А в чем смысл революции? — Возьмите русскую революцию: смысл ее заключается в том, что соотношение классовых сил быстро меняется, крайне обостренная борьба, нарастание классового сознания происходит ускоренным темпом, подобно падающему камню, который чем более приближается к земле, тем быстрее падает. Широкие пролетарские массы быстро обучаются в период революции азбуке классовой борьбы, и в этом отношении каждый день революции равен нескольким годам мирного органического развития. Происходит так называемое ускоренное движение, в смысле нарастания классовых противоречий. Рост классовых противоречий ведет к собиранию и к концентрации классовых сил; происходит все время передвижка в отношении борющихся классов. Если взять за исходную точку соотношение сил в первый период революции и на этом остановиться, то получится только топтание на одном месте. И вот эту задачу топтания на месте реформисты выполнили так бле-

стяще, что рабочий класс Германии до сих пор не может вылезти из этого «блестящего» положения.

Эти паритетные комиссии получили одобрение и со стороны предпринимателей, при чем один из видных предпринимателей,—руководитель крупнейшего угольного и железного синдиката Рейнско-Вестфальской провинции, доктор Рейхарт, об'ясняя на собрании предпринимателей причину подписания такого паритетного соглашения, сказал буквально следующее: «если бы мы не подписали этого соглашения, рухнули бы решительно все устои; нам удалось этим соглашением задержать те стихийные силы, которые несомненно привели бы к разрушению производства и к разрушению всякого порядка».

Думается, что вряд ли есть надобность расшифровывать значение этих слов. Что означает это выражение в устах руководителя предпринимательской организации? — Вспомним аналогичные выражения руководителей текстильных и железо-делательных синдикатов России накануне Октябрьского переворота и сделаем необходимый из этого вывод. Можно сказать, и таково было убеждение и предпринимателей, что профессиональные союзы Германии спасли «порядок и производство», т.-е. спасли прибавочную стоимость и всю старую капиталистическую систему. Но руководители реформистского профессионального движения восприняли все это как победу рабочего класса. Конечно, по сравнению с тем, что было до 9 ноября, когда железные кулаки Людендорфа и Гинденбурга укрощали всякое сопротивление рабочих, здесь, может быть, и можно еще усмотреть «победу»; однако, по сравнению с теми об'ективными возможностями, которые таились в мощном германском рабочем классе, данное соглашение было фиксированием определенного момента и задержкой на этом моменте всего движения в целом.

Известно, что германская революция началась с рабочего правительства. Сразу создалось правительство из социал-демократов и независимых, а буржуазные партии вышли как будто в тираж. Однако, это правительство так хорошо «правительствовало», что через самое короткое время оно передало власть буржуазии и сейчас представляет из себя только бесплатное приложение к буржуазным партиям. Руководители реформистского профессионального и политического движения Германии полагали, что, укрепившись на основе целого ряда реформ, им удастся использовать организаторские и всяческие другие силы буржуазии для того, чтобы поднять политическую и экономическую мощь страны на более высокую ступень, а затем сделать еще один шаг вперед и т. д. Они себе представляли изменение общества в виде, скажем, восхождения по ступеням. Благодаря такой политике, социал-демократы и реформистские союзы остановились в области экономики на паритетных комиссиях, в области политики—на коалиционном правительстве.

Мне пришлось во время Франкфуртской конференции (март 1923 года) в полемике с социал-демократами на двух примерах сравнить тактику коммунистическую и реформистскую и, глав-

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА

ным образом, на примере германской социал-демократии, при чем я подошел к этому вопросу с точки зрения национальной, с точки зрения отечественных интересов, которые являются решающими для социал-демократов. Я говорил: «представьте себе на один момент, что германская социал-демократия в начале войны заняла бы интернационалистскую позицию — какие бы это имело последствия для вашего отечества? Забудем на время про международную точку зрения. Если бы война и возникла, то быстро ликвидировалась бы, ибо против воли профессиональных союзов Вильгельм вести войну не смог бы. Не было бы войны, не было бы, конечно, и Версальского договора. Таким образом, с точки зрения простой целесообразности ваша интернационалистская позиция спасла бы миллионы людей, с одной стороны, и исключила бы самую возможность для Германии Версальского договора, с другой.

Второй пример. Если бы во время Брест-Литовского мира германская социал-демократия, германские профессиональные союзы выступили бы не как рабы Гинденбурга и Людендорфа, а решительно—путем забастовок и стачек против навязывания Советской России разбойничьего мира и заставили бы свое правительство заключить настоящий демократический мир, то вы этим разложили бы сразу весь фронт Антанты и имели бы за себя широчайшие массы всех стран. Опять-таки Германия не дошла бы до Версальского договора».

Итак, социал-патриоты являются, в конечном счете, самыми худшими врагами своего отечества. Даже с чисто практической точки зрения тактика реформистов не только не дает тех результатов, которых они хотели бы достигнуть, но дает совершенно обратные результаты, разрушая страну, производство и ведя рабочий-класс к обнищанию.

Если сравнить рядом с этой тактикой социал-патриотического правительства Германии, тактику большевистского правительства Советской России, которая на практике превратила империалистическую войну в гражданскую, то мы увидим, что оно действительно спасло страну от развала, разложения и империалистической эксплоатации. Теперь, после 7-й годовщины Октябрьской революции это сравнение между социал-демократической и коммунистической тактикой особенно поучительно. После Лондонского совещания и плана Дауэса, Германия потеряла свою экономическую и политическую самостоятельность, а та же самая англо-американская и французская буржуазия, которая обращается с немецким народом, как с дикарями центральной Африки, не только не может навязать своей воли Советской России, но вынуждена признать большевистское правительство, как равноправную силу.

Тактика реформистов в странах Антанты.

Попытку реформистского использования войны и ее последствий мы имеем и в союзных странах, но там она шла по другой линии. Известно, что союзники вели борьбу за «вечные принципы», за «вечный мир», по крайней мере об этом вечно говорили и вечно писали. Что это за вечный мир? — Десять мил-

лионов убитых на войне, действительно, обрели вечный мир. Что же касается живых, то никогда еще человечество не находилось в такой милитаристской, империалистской лихорадке, в какой находился весь мир после победы «права» над «силой». Сейчас же по окончании войны с этим самым «вечным миром» начинается наиболее любопытная, наиболее интересная страница антантовского реформизма. Реформистские профессиональные союзы, как уже упоминалось, были основой, фундаментом самой войны, и ясно, что они с большим нетерпением ждали ее окончания. надеясь: «война кончится, и мы все получим». Война кончилась, и надо было приступить к составлению мирного договора. Когда руководители профсоюзов попытались учесть векселя и заикнулись о том, что они хотели бы принять участие в выработке договора, им дали понять, что время, когда они ходили через «парадный ход», прошло; теперь они могут ходить и по «черному ходу».

В результате реформистского радения получился некий организм, который должен был осуществить все чаяния и надежды реформистов.

Совсем прогнать реформистских профессионалистов для антантовской буржуазии было еще невыгодно. Им поэтому было разрешено принять участие в работах одной комиссии, где вырабатывалась «Хартия Труда». Ввиду напряженного состояния в массах, буржуазии было выгодно продолжать кадриль с реформистами. Надо было возможно больше и сильнее кричать о реформах, для того, чтобы отвлечь внимание широких рабочих масс от революционной борьбы и от симпатий к Советской России.

Провозглашение «вечных принципов».

Во время войны очень много говорили о необходимости создать «Лигу Наций», настоящую лигу народов. В свое время Вильсон опубликовал 14 пунктов, которые стали чем-то вроде 14 заповедей для всех реформистских и пацифистских дурачков. Профессионалистам была предоставлена возможность если не принимать участие в дипломатических конференциях, то одновременно с конференциями работать над пацифистской частью договора, и такие руководители профсоюзов, как Гомперс, Жуо, Эппельтон, были привлечены в комиссию по выработке XIII раздела Версальского договора, трактующего о проблеме труда в международном масштабе и о создании органа, который должен регулировать вопросы труда. В Версальском договоре, который является самым чудовищным по своему лицемерию и бесстыдству документом, когда-либо созданным человеческой фантазией, имеется XIII раздел, начинающийся буквально со следующего: «Труд не должен быть товаром». Вас, вероятно, удивит, каким образом в Версальском договоре оказался такой явно социалистический пункт, и каким образом Клемансо, Ллойд-Джордж и Орландо могли его подписать. Надо иметь в виду, что государственные деятели Европы не боятся слов и готовы дать любые обещания. Сочинили же этот знаменитый XIII раздел реформистские караси. Они ввели такую формулу, а Ллойд-Джордж и Клемансо прекрасно понимали, что

центр тяжести Версальского договора не в этих реформистских орнаментах, а в военно-экономическом и политическом порабощении германского народа.

Одновременно с подписанием Версальского договора, Клемансо, главный его вдохновитель, бросил любопытную фразу, которую и сейчас еще осуществляет французская буржуазия: «В Европе 20 миллионов лишних немцев». Это значит, что нужно свести народонаселение Германии до уровня населения во Франции для того, чтобы отнять у Германии возможный в будущем военный перевес. И вот тот самый Версальский договор, который имел своей задачей уменьшить население Германии на 20 миллионов, провозглашал в то же время такие «вечные принципы», как: «труд не должен быть товаром», «справедливость должна торжествовать» и т. д. В результате XIII раздела, этой «самой лучшей части Версальского договора» — как выразился один реформист—и получилось Международное Бюро Труда при Лиге Наций. Лига Наций — это есть трест победивших стран, в котором наибольшее влияние имеют наиболее сильные. В международной политике словесность не играет никакой роли: там играет роль сила, и этот трест-победитель счел необходимым создать Международное Бюро Труда, которое должно было установить «справедливость» между трудом и капиталом.

Вашингтонская конференция.

Имея перед собой эту «высокую» цель, буржуазия стран - победительниц созвала в октябре 1919 года в Вашингтоне конференцию, на которую были приглашены представители профессиональных союзов, предпринимательских организаций и представители от правительств, являющихся, как известно, «нейтральной» стороной в классовой борьбе. Буржуазия и реформисты очень часто любят говорить о внеклассовом законодательстве и т. д. и т. д., усиленно распространяя легенду о нейтральности буржуазного государства и правительства. В отчете Амстердамского Интернационала имеется много страниц, повествующих о победах, одержанных амстердамцами на Вашингтонской конференции. Эти победы выразились в принятии Вашингтонской конференцией целой программы социальных реформ и, в частности, декларировании ею 8-часового рабочего дня. Любопытно, что при голосовании этой программы особенно охотно голосовали за—представители правительства. Организации тех стран, где 8-часовой рабочий день был уже завоеван рабочими, настаивали на том, чтобы он был обязательно - введен повсеместно; при чем, они, конечно, мотивировали это гуманитарными соображениями, так как давно известно, что только такие соображения и лежат в основе социального творчества предпринимателей и правительства. Большую роль играли также на конференции вопросы конкуренции и стоимости продуктов. Были там довольно длительные споры с представителями японского правительства, которые доказывали, что в Японии, благодаря ее специфическим особенностям, рабочий день должен быть не ниже 12-часо-

вого. Но здесь самыми горячими сторонниками 8-часового рабочего дня выступили не только представители рабочих организаций, но и представители Англии и Франции, которых, конечно, интересует не принцип 8-часового рабочего дня, а вопросы конкуренции.

Можно констатировать, что на Вашингтонской конференции представители предпринимательских организаций и буржуазных правительств были очень социал-реформаторски настроены. Реформисты приписывали это своему красноречию и своей сугубо-хитрой тактике. Они этим лишний раз доказали свое абсолютное невежество в области динамики социальной борьбы. Буржуазия соглашательствовала, как мы это увидим дальше, не потому, что она убедилась в пользе социальных реформ, а потому, что она боялась потерять больше своей неуступчивостью. Таким образом, причиной социал-реформаторства была боязнь революции.

Международное Бюро Труда.

Все же, в конце концов, программа социальных реформ была принята, и в результате Вашингтонской конференции было создано Международное Бюро Труда, которое состоит из 6 представителей рабочих, 6 представителей предпринимательских организаций (кстати, предприниматели на Вашингтонской конференции тоже создали свой интернационал) и 12 представителей правительств: Англии, Франции, Чехо-Словакии, Польши и т. д. Таким образом можно видеть, что реформисты одержали «блестящую» победу: из 24 представителей они имеют только 6. Директором этого замечательного учреждения является ставленник реформистов — Альбер Тома. Рабочий класс всего мира может быть теперь совершенно спокоен: Международное Бюро Труда все решительно сделает за и для него, ибо во главе Бюро Труда стоит такой испытанный защитник буржуазии, как Альбер Тома.

Два вопроса возникают в связи с этим Международным Бюро Труда: 1) Почему буржуазия занялась игрой в бирюльки? и 2) Как отнеслись ко всему этому «революционному» строительству рабочие массы? — Буржуазия занялась игрой в реформистские бирюльки для того, чтобы «открыть отдушину». Опытные машинисты знают, что иногда нужно открывать клапаны для того, чтобы не взорвало котел, и буржуазия также прекрасно поняла, что непосредственно после окончания войны надо было открыть несколько социальных клапанов, иначе накопившаяся в рабочем классе энергия взорвала бы всю буржуазно-капиталистическую систему. Тем более, что взрыв уже получился — на Востоке: русская революция представляла собой совершенно определенный факт, из которого приходилось исходить при выработке своей классовой стратегии. Таким образом, буржуазия для того, чтобы открыть несколько клапанов, шла в этой области на уступки. Буржуазия сознательно шла на уступки, исходя из того совершенно правильного соображения, что лучше пожертвовать малым, чем потерять самое главное. Она дальше очень правильно определила перспективу следующим образом: если мы сохраним власть политическую и экономическую

в своих руках, то покончить со всем этим мы сможем, когда в массах наступит некоторое успокоение. Надо отметить, что тот же самый Клемансо, в высшей степени быстром порядке, в течение нескольких месяцев, провел через палату депутатов Франции и через сенат закон о 8-часовом рабочем дне, желая этим показать, что Франция-победительница дает нечто реальное рабочему классу, понесшему такие колоссальные потери на войне. Это дало возможность реформистам, обращаясь к рабочим, сказать: «вот вы видите, благодаря нашей тактике, они идут на уступки, нам теперь удается добиться того, чего при других условиях можно было бы достигнуть только при огромных жертвах».

Как это реформистское творчество отразилось на массах, и почему в первый—послевоенный—период массы следовали за реформистами?—Со времени окончания войны в рабочем классе хотя и накопилась масса ненависти к буржуазии и революционной энергии, но не было желания борьбы. Война вызвала громадное утомление, а революция означает новую, гражданскую войну, новое напряжение энергии, новую кровавую полосу. Это отпугивало широкие массы, в которых жила надежда на то, что будут осуществлены все сделанные обещания, что удастся без таких колоссальных жертв добиться чего-нибудь реального. Все это вместе взятое увеличивало симпатии рабочих масс к той форме разрешения социальных конфликтов, которая была обещана им и буржуазией и реформистами.

Таким образом, в определенный исторический момент, непосредственно после войны, буржуазии было выгодно поддержать эти реформистские иллюзии в массах, а в массах была потребность отдалить от себя момент столкновения. «Да минует нас чаша сия»,—говорили рабочим реформисты, указывая на Россию, где вместе с революцией начались и тяжкие страдания: борьба на всех фронтах и т. д.

Вот те причины, которые лежали в основе этого расцвета реформистской политики, вот те причины, которые лежали в основе некоторой симпатии рабочих масс к тем органам, которые были созданы либеральной буржуазией вместе с руководителями реформистского политического и профессионального движения.

ЛЕКЦИЯ III.

Международная федерация профессиональных союзов.

(Амстердамский Интернационал).

Международные профорганизации.

Перейдем к рассмотрению тех тенденций, которые наблюдаются в настоящее время в мировом профессиональном движении. Для того, чтобы изучить борьбу течений внутри мирового профессионального движения, мы рассмотрим существующие международные профорганизации и отличительные особенности каждой из них.

В мировом профессиональном движении существуют следующие международные организации: «Международная федерация профессиональных союзов» с местопребыванием в Амстердаме, 29 международных об'единений по профессиям и производствам, как, например, международные союзы: металлистов, текстильщиков, строителей, портных, парикмахеров, шапочников и т. д., политически примыкающих к Амстердамскому Интернационалу. Затем существует Красный Интернационал профессиональных союзов, местопребывание которого всем известно, 15 международных комитетов пропаганды и интернационал работников просвещения, идейно примыкающий к Профинтерну.

Помимо этих международных об'единений, из которых Амстердамский Интернационал и Красный Интернационал профсоюзов об'единяют международное профессиональное движение горизонтально, а международные секретариаты и международные комитеты пропаганды об'единяют этих же рабочих по вертикальной линии,— существует еще так называемое «Международное Товарищество Рабочих». Если судить по имени, можно было бы предположить что-нибудь серьезное. На самом деле это «Интернационал», созданный анархо-синдикалистскими группками Франции, Италии и Германии. Кроме того, имеется попытка создать «Интернационал католических рабочих», при чем этот «Интернационал» имел уже международные конференции, на которых обсуждались некоторые вопросы, интересующие католических рабочих разных стран.

Вот все те международные об'единения, в которых отразилось политическое расщепление профессионального движения и наличие существующих в международном рабочем движении течений.

Зарождение Амстердамского Интернационала.

Начнем наше ознакомление с Амстердамского Интернационала и, в том порядке, в каком были сейчас названы эти организации,—рассмотрим их силу, их конституцию, их тактику и методы разрешения ими тех вопросов, которые эти интернационалы намечают для себя.

Амстердамский Интернационал возник после окончания войны. Попытки созвать международную профсоюзную конференцию делались еще во время войны, при чем голландские и швейцарские профсоюзы брали на себя неоднократно инициативу. Однако, каждый раз они встречали сопротивление со стороны профессиональных деятелей стран Антанты, и таким образом конференция не удавалась.

Одна из таких конференций, которая была созвана по инициативе профессиональных союзов нейтральных стран, состоялась в Берне, в конце 1917 года. На этой конференции профессионалисты союзных стран не присутствовали, потому что война еще продолжалась, и только после того, как война закончилась, удалось, опять-таки при помощи союзов нейтральных стран, созвать международную конференцию, которая состоялась в феврале 1919 года, — в том же Берне. Очень мало осталось следов от этой конференции, но то, что осталось, свидетельствует о том, что на ней, главным образом, происходила дискуссия по вопросу: кто виноват в войне: Германия или другие страны. Представители союзных стран чувствовали себя в роли отечественных дипломатов и стремились вырвать от представителей союзов Германии и Австрии признание того, что именно эти страны виновны в войне и что профессионалисты центральных империй сожалеют о той тактике, которую они вели в течение многих лет. Сама конференция к большим результатам не привела. Единственным ее результатом было постановление созвать международный конгресс в июле 1919 года в Амстердаме. Июльский конгресс и положил основание Амстердамскому Интернационалу.

Первый конгресс Амстердамского Интернационала.

Какие вопросы решал первый конгресс и вообще каковы его характерные черты? — Для ответа на эти вопросы лучше всего предоставить слово самим же амстердамцам, ибо их-то уже никто не заподозрит в недостатке любви и уважения к своей собственной организации.

Вот, что мы читаем в официальном отчете Амстердамского Интернационала, который был представлен Римскому конгрессу Интернационала в апреле 1922 года: «Хотя и удалось установить единство между представителями профессиональных союзов разных стран, еще недавно враждовавшими друг с другом, все же конгресс не дал полного удовлетворения. При обсуждении почти

каждого пункта получались противоречия, которые в течение долгих лет во время войны искусственно вспыхивали, и эти противоречия очень остро выступили наружу. Почти каждый день конгресса приводил к новым столкновениям, прежде чем удалось достигнуть единого голосования». Это говорит официальный отчет. Составлял этот отчет секретарь Амстердамского Интернационала, который, по долгу службы, не мог не смягчить того, что было. И действительно, в этой характеристике Амстердамского конгресса краски в высшей степени смягчены.

На самом же деле, первый конгресс Амстердамского Интернационала производил впечатление собрания сорвавшихся с цепи националистов, из которых каждый стремился доказать, что его отечество было право в этой войне и потому их поведение должно быть оправдано рабочими голосами всех стран. Представители *союзников* представили ультиматум профессионалистам Германии и Австрии, настаивая на том, чтобы последние в официальной декларации признали Германию виновной в войне, а также признали несправедливое отношение германских союзов к бельгийскому пролетариату. Можно себе представить, какое впечатление это должно было произвести на немецких социал-патриотов, которые были уверены в правоте своей точки зрения, также как и французские в своей. Это требование со стороны профессионалистов стран Антанты носило ультимативный характер, иначе немцы и австрийцы не могли бы быть допущены в Интернационал. После очень долгих не столько прений, сколько трений и националистических противоречий, крайне обостренных по существу, а не по форме столкновений,—в конце концов, представитель немцев Зассенбах сделал следующее заявление: «немецкие профсоюзы всегда признавали, что по отношению к Бельгии была совершена тяжкая несправедливость, немецкие союзы были убеждены, что Германия ведет оборонительную войну, а если бы они знали, что война не оборонительная, то, конечно, выступили бы самым решительным образом против нее». Указав далее, на плохую информированность обеих сторон, что и явилось основной причиной ряда ошибок, Зассенбах закончил так: «все, что было сделано, было сделано с целью служить жизненным интересам немецкого народа, без желания совершить несправедливость по отношению к рабочим других стран и нарушить наши международные обязанности».

Хотя эта формула в высшей степени неопределенная, тем не менее она давала морально-политическое удовлетворение социал-патриотам Франции, Бельгии, Англии и Америки. После заявления Зассенбаха с'езд принял следующее постановление: «Принимая во внимание, что главная задача международного конгресса профессиональных союзов заключается в восстановлении Профессионального Интернационала, дабы в будущем не могло произойти событий, какие имели место непосредственно перед войной и во время ее, и заслушав заявление представителей немецкой делегации, конгресс

констатирует выраженное в этом заявлении сожаление и переходит к очередным делам».

Задача союзных профессионалистов сводилась к тому, чтобы получить во что бы то ни стало официальный документ раскаяния. Такая тактика проводилась профессионалистами стран Антанты параллельно с международной дипломатической конференцией, где требовалось от дипломатов Германии признания ее вины. Разница лишь в том, что там это делалось без излишних фокусов; там немцам пред'явили написанный Версальский договор и, наступив коленом на грудь, сказали: «подпишите».

Заявление Зассенбаха, в высшей степени осторожное, вызвало бурю протестов и негодования со стороны профессиональных союзов Германии, и, как только он вернулся с этого конгресса, обще-германское об'единение профессиональных союзов приняло резолюцию, в которой сказано, что оно не берет на себя ответственности за заявление, сделанное Зассенбахом. Таким образом, с одной стороны, была признана вина Германии в мировой войне и ошибочное поведение немецких профессионалистов, а с другой стороны—заявление Зассенбаха было официально дезавуировано, и все—формально—оказались правыми.

Уже один этот эпизод характеризует состав Амстердамского Интернационала и накладывает печать на дальнейшее развитие этой организации. В самом деле, Амстердамский Интернационал, по существу, сложился как Интернационал с гегемонией союзных профессионалистов (т.-е. стран Антанты), и в этом отношении крайне любопытная сценка разыгралась во время этого самого Амстердамского конгресса. Руководителем международного секретариата проф союзов был до войны Карл Легин, но победа союзников, которая привела к разгрому Германию, привела и к падению Легина. Не только был избран другой председатель, но Легин не был проведен даже и в вице-председатели, хотя Германия по количеству организованных рабочих стояла на первом месте.

Представители австрийских профессиональных союзов прекрасно поняли политическое значение данного факта, они поняли, что поражение немцев в войне означает также их поражение в Амстердамском Интернационале, и поэтому австрийские профессионалисты также реагировали на это чисто военно-дипломатическое решение вопроса, и когда место одного из вице-председателей предложили руководителю австрийских профсоюзов Гуэберу, то он отказался, заявив: «мы вместе с немецкими товарищами страдали до сих пор, будем и дальше страдать вместе». Этот инцидент во время рождения Амстердамского Интернационала бросает довольно любопытный свет не только на конструкцию самого Интернационала,—как вы увидите дальше, эти националистически-патриотические противоречия и столкновения этого периода сказались и в течение всех последних лет, сказываются и в настоящее время; они же и ведут к разложению тех организаций, которые должны были воплотить в себе традиции довоенного мирового рабочего движения.

Если взять все решения этого первого конгресса, то, пожалуй, ничего более важного там нет, кроме нескольких моментов, касающихся Международного Бюро Труда. Правда, были попытки говорить о социализации. Как вы знаете, 1919 г. был годом «расцвета» социализаторских идей и проектов, но об этом говорили более подробно на Лондонском конгрессе в ноябре 1920 года, на первом же конгрессе участники его были рады одному тому, что, несмотря на националистические противоречия, им удалось создать Интернационал.

Возникает вопрос: если националистические противоречия были так велики, что нельзя было их примирить,—о чем свидетельствует отчет конгресса,—то зачем они вообще создавали Интернационал, тем более что рождение этого Интернационала вызвало такие трудности?—Но дело в том, что Интернационал они должны были создать, иначе они потеряли бы всякое влияние на рабочих. Они должны были создать Интернационал какой угодно ценой, потому что непосредственно после войны даже в отсталых рабочих массах потребность какой бы то ни было международной организации, которая помешала бы повторению пережитых событий, была слишком велика. Таким образом, патриотически и националистически настроенные лидеры были бы отброшены в сторону, если бы они воспротивились созданию международной рабочей организации, а инициатива перешла бы в руки левого крыла рабочего движения.

Создание Интернационала диктовалось, таким образом, как чувством самосохранения для реформистских лидеров, так и стремлением международным путем оказывать воздействие на те организации, которые родились в результате Версальского договора.

Лондонский конгресс.

Второй конгресс Амстердамского Интернационала собрался 23—27 ноября 1920 года в Лондоне для того, чтобы с самого начала опереться на английские профсоюзы и продемонстрировать перед всем миром, что дело идет не о борьбе между Москвой и Амстердамом, а между Москвой и Лондоном.

На с'езде были представлены общепрофессиональные центры следующих стран: Англии, Франции, Германии, Бельгии, Голландии, Италии, Норвегии, Швеции, Дании, Чехо-Словакии, Люксембурга, Испании, Швейцарии и Канады. Порядок дня с'езда был следующий: международное положение и позиция Международной Федерации Профсоюзов, распределение сырья, валютный вопрос, социализация, ответ на московские нападки, 8-часовой рабочий день и еще ряд мелких вопросов.

Отметим любопытный инцидент, который разыгрался на с'езде: это была жалоба на русские профсоюзы «от 145.000 организованных рабочих Урала». Руководители с'езда не могли отказать себе в удовольствии устроить демонстрацию против нас и для этого выпустили бежавших после колчаковского разгрома меньшевиков и эсеров, которые и выступили в качестве «представителей» уральского пролетариата. Что это за представители? Еще в апреле

1920 года в Англию явились Струмило, Меньшиков, Таланчин и Жандармов, работавшие в профсоюзах Урала в колчаковские дни, которые изложили все свои жалобы Парламентскому Комитету Конгресса трэд-юнионов. Когда Томас, председатель Парламентского Комитета, спросил эту делегацию, на чем же, в конце концов, держится русское правительство, то Струмило ответил, что «большевики добились того, что организованных рабочих разбили на две группы, на обученных и необученных, и натравливают одних против других. Большевики имеют главную опору в необученных рабочих». Из этих ответов видно, что это были за «представители» уральского пролетариата. Господа Струмило и Жандармовы (даст же господь-бог человеку такую фамилию!) написали Конгрессу жалобу, в которой имели наглость утверждать, что 145 тысяч уральских рабочих выражают свое сожаление, что не могут присутствовать на этом Конгрессе, и что русское правительство запрещает рабочим ехать на этот Конгресс.

Дискуссия, завязавшаяся по докладу президиума, сразу показала, что собравшиеся реформисты стараются отболтаться от революции. Конгресс принял резолюцию, в которой он «протестует против растущей реакции, категорически высказывается против попыток военными и экономическими средствами продолжать войну против России. С'езд призывает рабочих всех стран всеми силами и всеми подходящими средствами бороться против роста международной реакции, угрожающей самому существованию профсоюзов. С'езд высказывается за применение массовой стачки и бойкота и призывает всех рабочих об'явить войну против войны и бороться за осуществление нового общественного порядка». Резолюция была принята всеми голосами против голосов итальянцев и норвежцев. Конгресс принял еще отдельную резолюцию «о пацифизме» следующего содержания: «Международный С'езд Профсоюзов констатирует, что борьбу международного организованного рабочего класса против войны не нужно смешивать с пацифизмом капиталистической буржуазии; он клеймит, как обман, и осуждает поэтому все военные предприятия, целью которых является навязать народам те или другие политические или экономические формы. Рабочие желают окончательного и постоянного мира между народами и отказываются еще раз дать себя сбить с толку и драться под лозунгом последней или предпоследней войны». После того, как война кончилась, и десяток миллионов трупов покрыли все поля Европы, после этого собираются те самые люди, которые поддерживали войну, ее идеализировали и, с неслыханным цинизмом, об'являют войну войне. В мирное время эти господа всегда были против войны,—зато в военное время они против мира. Жуо и Легин и все остальные социал-патриоты, которых якобы «сбивали с толку», должны были здорово хохотать в душе при чтении этой резолюции.

Что амстердамцы занимались демагогией, видно и из других принятых ими резолюций. Так, в резолюции о 8-часовом рабочем дне констатируется, что только в немногих странах рабочее законо-

дательство соответствует решению Вашингтонской конференции. Но что в большинстве стран и правительства, и предприниматели стремятся не только помешать проведению в жизнь постановлений Вашингтонской конференции, но делают все возможное для того, чтобы удлинить уже установленный 8-часовой рабочий день. Призывая все организации бороться за 8-часовой рабочий день, Международный С'езд Профсоюзов в последнем абзаце резолюции заявляет, что «он откажет Международному Бюро Труда в поддержке со стороны профессионального движения, если постановления Вашингтонской конференции не будут ратифицированы в определенный срок». Размахнувшись таким ультиматумом, Международный Конгресс Профсоюзов в резолюции о сырье предлагает Международному Бюро Труда в кратчайший срок выработать план создания Международного Бюро по распределению сырья. Этот план Международного Бюро Труда должно стремиться провести немедленно в жизнь, и для того, «чтобы распределение сырья и питательных продуктов было справедливо, и что все народы и страны должны иметь право примкнуть к Лиге Наций».

Затем с'езд занялся валютным вопросом. Докладчиком был секретарь французской Всеобщей Конфедерации Труда, Жуо. Резолюция, предложенная им, говорит о необходимости международных займов, об аннулировании военных долгов, высказывается против бесконечных эмиссий, предлагает установление нормального денежного обращения и рекомендует ряд мероприятий, которые могут быть проведены Лигой Наций или специально организованным ею учреждением.

Представитель бельгийских профсоюзов протестовал против уничтожения военных долгов. Его буржуазия на этом деле должна заработать, и он считал необходимым, чтобы военные долги были оплачены; остальные делегаты, в виду громадной задолженности их стран, с легким сердцем голосовали за предложенную Жуо радикальную меру. Попытка итальянца Буоцци улучшить резолюцию ни к чему не привела. Итальянцы хотели, чтобы не только военные долги, но вообще все обязательства, наложенные победителями на побежденных, были сняты. Это встретило противодействие со стороны представителей стран-победительниц, и, в конце концов, резолюция была принята в том виде, в каком предлагал ее Жуо.

После того, как финансовый вопрос был «разрешен», с'езд занялся вопросом социализации. С'езд принял резолюцию о социализации средств производства. В этой резолюции с'езд «осуждает капиталистический способ производства, который идет в ущерб обществу и на пользу отдельных лиц». С'езд утверждает, что «рабочие не согласны производить в интересах капиталистов и для увеличения их богатств; Конгресс обращает внимание рабочих на то, что большее количество богатств должно быть обращено для общества, что поднятие производительности может быть лишь при новой системе производства, когда прекратится прибыль предпринимателей, и капиталисты не будут иметь возможности эти стремления рабочих—

к повышению производительности труда — использовать для своих эгоистических интересов. Конгресс требует, поэтому, в интересах общества—социализации земли и средств производства. Он требует немедленной социализации недр (угля, руды, соли, фосфора и т. д.), всех транспортных средств и, вообще, тех отраслей производства, социализацию которых, по мнению пролетариата соответствующей страны, возможно провести в жизнь. Социализация не должна быть понята, как передача контроля капиталистическому государству над индустрией, но—в виде активного участия общества в контроле через профсоюзы и их уполномоченных. Конгресс требует, чтобы для несоциализируемых отраслей промышленности эта социализация подготовлялась путем введения права контроля организованных рабочих, и призывает рабочих всего мира использовать всю свою экономическую и политическую мощь для того, чтобы добиться этой цели, для чего Конгресс предлагает Бюро Международной Федерации Профсоюзов войти в соглашение с секретариатами профсоюзов горнорабочих, моряков и других транспортных рабочих, чтобы всеми имеющимися средствами провести в жизнь поставленную цель». Эта бессодержательная резолюция, где не указывается, каким путем ее провести в жизнь, резолюция, которая ни одним словом не заикается о необходимости завоевания пролетариатом власти для того, чтобы можно было приступить к социализации. резолюция, предлагающая «социализацию» на почве капиталистических отношений,—эта резолюция была принята единогласно.

Кроме этих замечательных постановлений, с'езд выбрал Комиссию, которая выработала специальный ответ на «московские нападки». В этой резолюции Конгресс протестует против «наветов и оскорблений», которые исходят от Ленина, Зиновьева, Радека и Бела-Куна, с одной стороны, Томского, Лозовского, Росмера, Шаблина, с другой (дело идет о манифесте, выпущенном Коминтерном и Профинтерном к Лондонскому с'езду Амстердамского Интернационала). Конгресс заявляет, что «нападки эти исходят не от русского пролетариата», что эти нападки проникнуты «очевидной неискренностью и преступным желанием уничтожить рабочие организации во всех странах». Дальше резолюция напоминает, что Амстердамский Интернационал «борется против правительств, поддерживающих контр-революцию», заявляет о своей солидарности «со страданиями и борьбой революционных пролетариев России», призывает их присоединиться к Международной Федерации Профсоюзов и «присоединить свою боевую энергию к усилиям других пролетариев, чтобы образовать единый фронт борьбы против мировой реакции». И все это Конгресс через «головы клеветников» говорит пролетариату России, «введенному в заблуждение относительно Интернационала Профсоюзов». Французская делегация внесла дополнение, в котором говорится, что «никакое правительство, в том числе и коммунистическое, не может одновременно руководить и Профессиональным Интернационалом, — как это имеет место в Москве».

В связи с вопросом о Рурском бассейне выступил Легин, который апеллировал, как он говорил, «не к жалости, а к рассудку» международного пролетариата. После речи Легина, в которой он жаловался на насильническую политику союзников, и после его заявления, что «если о целях войны и говорилась ложь, то этой ложью прежде всего является утверждение, что война имела целью уничтожение милитаризма», выступил Томас и заявил, что Легин «сделал бы лучше, если бы он адресовал свои замечания по адресу французских товарищей, ибо Франция, несмотря на все жертвы войны, продолжает следовать своим империалистическим вожделениям». Томас согласен с Легиным, что «величайшей ложью в мировой истории является утверждение, что война эта велась за уничтожение милитаризма». Легин в восторге от этих заявлений Томаса. Он уверяет, что все делегаты Лондонского с'езда вынесли самое лучшее впечатление. От маленьких (!) послевоенных неприятностей не осталось ни малейшего следа.

С'езд закончился выбором нового Бюро, при чем во главе Интернационала, вместо Эппельтона, стал руководитель английских железнодорожников Томас. Но председателям Амстердамского Интернационала не везет. Только лишь выбрали на этот последний пост Томаса, как железнодорожники гор. Ньюпорта собрались и вынесли резолюцию, в которой они клеймят предательское поведение Томаса во время стачки горнорабочих и требуют изгнания его из союза железнодорожников.

Римский конгресс.

Настоящий конгресс был созван в Италии (20—22 апреля 1922 года) для того, чтобы провести демонстрацию параллельно с происходящей Генуэзской конференцией. Амстердамский Интернационал организовал конференцию в Генуе и от имени этой конференции обратился с декларацией в экономическую комиссию Генуэзской Конференции, при чем декларация эта была лично представлена Жуо, Д'Аррагона, Удегестом и Мертенсом. В этой декларации амстердамцы предлагали: 1) разрешить проблему сырья и кризиса валюты, 2) положить предел экономическому (!) империализму, 3) развить производственные возможности всех стран, 4) обеспечить мир путем разоружения и 5) сохранить завоевания рабочих, особенно 8-часовой рабочий день. Хотя представители Амстердамского Интернационала и были приняты экономической комиссией, но это не произвело никакого впечатления на заседавших в Генуе государственных деятелей, ибо они прекрасно знали, что Амстердамский Интернационал со всеми его декларациями за пределы послушания не выйдет. Подав эту петицию, амстердамцы отправились в Рим, где и занялись выработкой новых деклараций. Основные вопросы, стоявшие в порядке дня, это: реконструкция Европы (Жуо), разоружение и борьба против войны (Фиммен), реакция, международная политика и 8-часовой рабочий день (Мертенс). Конгресс заслушал повторение того, что было сказано в декларации, представленной экономической комиссии Генуэзской конфе-

ренции, при чем Жуо старался доказать, что, если не будут приняты предлагаемые им меры, то хуже будет для Европы. Ни одной новой и свежей мысли не было. Было повторение того, что было сказано на Лондонском с'езде в ноябре 1920 г. с теми же ссылками на Лигу Наций, на сотрудничество народов, при чем самая терминология классовой борьбы совершенно исчезла из доклада первого вице-председателя Амстердамского Интернационала. Не лучше обстояло дело также и с докладом о международной реакции и борьбе за 8-часовой рабочий день. По этому вопросу с'езд констатировал, что все обязательства, которые были приняты по отношению к рабочему классу, не были сдержаны: наоборот, некоторые завоевания, реализованные рабочими, сейчас находятся под угрозой предпринимателей, что все силы реакции пользуются различными предлогами для того, чтобы попытаться разорить пролетарские организации, покушаясь главным образом на 8-часовой рабочий день и на социальное законодательство.

Что же предлагал с'езд после того, как он констатировал наступление капитала по всему фронту? Конгресс выражает самый горячий протест против всех видов и форм реакции, он заявляет, что полученные рабочими улучшения вследствие войны не должны быть рассматриваемы как дар. Он призывает рабочих физического и умственного труда к об'единению вокруг своих профессиональных союзов, он призывает рабочих России, Америки и отдаленных стран Азии, чтобы они вошли в единую организацию международного пролетариата, что же касается непосредственной защиты рабочих и их социальных свобод, то конгресс постановляет, что каждую национальную организацию будет держать в курсе дел Бюро Амстердамского Интернационала, которое в случае необходимости примет энергичные меры для того, чтобы морально и материально поддержать страны, которым больше всего угрожает реакция. Вот и все.

Таким образом, вместо того, чтобы действительно организовать какие-нибудь совместные выступления, чтобы начать действительную борьбу против буржуазии—словесные протесты, туманные угрозы в будущем, при полном бездействии в настоящем. После того, как реакция была «морально» осуждена, приступили к «борьбе» против войны. Известно, что 15—16 ноября 1921 года в Амстердаме было созвано совещание из представителей металлистов, горнорабочих и транспортников. Это совещание имело своей задачей создать международный тройственный союз для борьбы против войны, но когда инициатор этого совещания Фиммен поставил вопрос о создании тройственного союза для борьбы против войны конкретно, то начали выступать один делегат за другим и доказывать, что это абсолютно невозможно. Франк Ходжес заявил: «Вы хотите создать тройственный союз против войны, но я знаю по опыту, что такого рода коалиция не даст результатов, которых вы ожидаете». После того, как все высказались о том, что это самое тройственное согласие не сможет бороться против войны, был тем не менее создан особый комитет, который должен в случае междуна-

родных осложнений призвать к действиям. К каким действиям мог призвать комитет, когда при самой его организации участники заявили, что никакие действия не будут возможны в случае международных столкновений!

На конгрессе в Риме, после доклада Фиммена, выяснилось, из выступлений Томаса, Дисмана, Вильямса и целого ряда других ораторов, что будущее ядро Амстердамского Интернационала очень скептически относится к возможным действиям и само плохо верит в возможность провести в жизнь принятые решения. Это не помешало, конечно, принять этому Конгрессу резолюцию, где все, примыкающие к Амстердамскому Интернационалу организации приглашаются развить энергичную агитацию и пропаганду среди рабочих против милитаризма и повести эту борьбу таким образом, чтобы рабочие были готовы ответить в случае призыва Международной Федерации Профессиональных Союзов к прекращению работы в случае опасности новой войны. Приняв резолюцию, Амстердамский Интернационал считал свою задачу выполненной. Не обошлось, конечно, на этом Конгрессе и без выступления против «русских раскольников», а также лицемерных предложений советским профсоюзам вступить в их организацию, при чем Томас буквально заявил, что они готовы принять в свой состав русских рабочих, но не тех, кто взял на себя право говорить от их имени. Наиболее важным, несомненно, является тот факт что заседавший в Риме конгресс профсоюзов не занял никакой позиции по отношению к той борьбе, которую приходилось вести русской советской делегации на Генуэзской конференции. Господа амстердамцы занимались всем, чем угодно, кроме тех вопросов, которые находились под самым их носом. Это, конечно, не случайно. Если бы этот Конгресс действительно преследовал интересы рабочего класса, а не интересы развращенной профбюрократии, он выступил бы со всей решительностью в защиту советской делегации и отстаивал бы сделанные ею предложения в Генуе. Мы предоставим оценку этого Конгресса одному из участников его—руководителю норвежских союзов Оле Лиану. Лиан только формально был членом коммунистической партии. Это—типичный профбюрократ, но и он не выдержал атмосферы этого с'езда и вот что он написал в своем отчете, опубликованном в центральном органе норвежской рабочей партии «Социал-Демократ». «Конгресс в Риме явился большим разочарованием. Я даже сам не предполагал, что он окажется таким чисто реформистским и совершенно отрицательным по своим результатам. Никаких конкретных указаний и планов борьбы рабочих в настоящих условиях он не дал Единственно, что было сделано, это были поручения, данные Бюро Труда в Женеве, предпринять различные статистические изыскания и т. д. Явственно обнаружилось, что собравшиеся не имели никакой веры в способность своей профессиональной организации добиться чего-либо в интересах пролетариата. Конгресс окончательно и бесповоротно убедил меня в том, что реформировать Амстердамский Интернационал невозможно. Выборы, произведенные Конгрессом.

являются чрезвычайно показательными. Хотя всем было ясно, что иметь своим председателем Джона Томаса сущий позор, все же Томас и другие члены Бюро были торжественно избраны. Я оставил Конгресс за два дня до его закрытия, написал в Бюро официальное письмо, что считаю безнадежным делом продолжать совместную работу, и что я себя рассматриваю, как простого зрителя. Письмо было оглашено после моего от'езда... По моему мнению, делегаты этого Конгресса были скорее представителями своих стран, чем представителями рабочего класса. На Конгрессе в Амстердаме в 1919 году можно было заметить некоторое подобие боевого настроения. В Риме не было видно ни следа воли к борьбе. Я не мог сделать ничего другого, как покинуть Конгресс и об'явить, что мне там нечего больше делать».

Нам нечего прибавить к этой характеристике. Правда Лиан, которому в 1922 году «нечего было более делать» среди реформистов, сейчас уже второй год делает маневры, чтобы снова войти в это реформистское царство теней, но от этого данная им тогда характеристика Римского конгресса только выигрывает в силе.

Венский конгресс.

Венский конгресс Амстердамского Интернационала (июнь 1924) знаменует собой новый период развития этой международной организации. Несмотря на обычную бесцветность порядка дня и на упорное повторение реформистских угроз, на с'езде произошло несколько инцидентов и столкновений, свидетельствующих о том, что не все благополучно в Амстердамском королевстве.

На Венском конгрессе произошло нечто, в истории Амстердамского Интернационала небывалое — произошло выступление представителей английских тред-юнионов против старой тактики и было сделано с их стороны предложение установить соглашение с русскими союзами и с Профинтерном.

Внутренние разногласия в Амстердамском Интернационале давно уже заострились на двух вопросах: 1) имеют ли право отдельные производственные интернационалы принимать в свой состав революционные союзы, примыкающие к Профинтерну? и 2) Отношение к ВЦСПС Бюро Амстердамского Интернационала требовало от производственных интернационалов неуклонного проведения бойкота революционных союзов. Из-за этого, а также из-за конференции транспортников Фиммен должен был уйти из Амстердамского Интернационала. Спор шел одновременно о пределах организационной автономии производственных интернационалов и об отношении к русским союзам, но на самом деле вопрос шел о политической автономии, а не об организационной. К этому присоединяется еще взгляд некоторых представителей левого крыла на необходимость реорганизации Амстердамского Интернационала на основе производственных интернационалов. Такая реорганизация не изменит характера Амстердамского Интернационала, так как для этого нужно выбить реформизм из его национальных позиций. И это каждый по-

нимает. Как же кончился этот спор? Частичной победой левого крыла. Во-первых, три представителя от производственных интернационалов были введены в Президиум Амстердамского Интернационала и, во-вторых, была принята каучуковая резолюция, смысл которой Фиммен расшифровывает следующим образом: «В случае, если международные производственные об'единения по причинам экономическим или другим (!) считают необходимым принять в свою среду советские профсоюзы, то это более не запрещается». В том состоянии, в котором находится Амстердамский Интернационал, другого выхода не было: это соответствует соотношению сил между правым и левым крылом. Формально вопрос как будто улажен, но это только внешнее благополучие. Ни правая, ни левая сторона не могут удовлетвориться принятым решением, и борьба будет продолжаться.

Борьба будет продолжаться с тем большей остротой, что вопрос этот сплелся с предложением англичан вступить в переговоры с ВЦСПС на предмет его «вхождения» в Амстердамский Интернационал. Это встретило большое противодействие со стороны реформистов, и главный бой произошел по «русскому вопросу». Вопрос о переговорах с ВЦСПС был сдан в комиссию, откуда в таких случаях, как всегда, вышел «белый негр», т.-е. такая резолюция, которая должна удовлетворить всех и вместе с тем никого не удовлетворила. Комиссия, как и следовало ожидать, отклонила предложение английской делегации, но, не желая огорчать представителей английских тред-юнионов, приняла дополнительную резолюцию. В этой дополнительной резолюции «выражается сожаление, что советские профсоюзы, вследствие отказа признать статуты Амстердамского Интернационала, все еще находятся вне этого международного об'единения». «Конгресс — гласит далее резолюция — предлагает Бюро Амстердамского Интернационала принять, по мере возможности, меры к вовлечению в международное профессиональное движение советских профсоюзов без ущерба, во всяком случае, для авторитета (!) Амстердамского Интернационала, неизменно придерживаясь основных статутов и постановлений Амстердамского Интернационала». Так закончилась на Венском конгрессе борьба по «русскому вопросу», т.-е. об установлении единого фронта с ВЦСПС. Представители английских тред-юнионов с самого начала ставили вопрос крайне узко. Вместо единства международного профдвижения, вместо «*слияния*» обоих интернационалов, они все время выдвигали лозунг *вхождения* русских союзов в Амстердам. Но даже этот лозунг не встретил сочувствия. Правое крыло отделалось от всей проблемы ничего не значущей туманной угрозой.

Казалось бы, что особых причин для радости по поводу этой резолюции нет, но это на наш масштаб. Представители левого крыла другого мнения на этот счет. Фиммен, например, по поводу этой резолюции высказался таким образом: «Хотя сторонники сближения настаивали на более определенных и широких решениях, все

же нужно радоваться (!), что удалось добиться хотя бы таких результатов». Фиммен предлагал на конгрессе исключить из резолюции слова: «без ущерба для авторитета Амстердамского Интернационала». Ему возражал Зассенбах, заявивший, что «принятием предложения Фиммена создастся впечатление, будто Амстердамский Интернационал готов начать переговоры с советскими профсоюзами при всяких условиях, когда в действительности переговоры возможны лишь в том случае, если советские профсоюзы дадут гарантии, исключающие возможность умаления (!) авторитета Амстердамского Интернационала».

Эта заключительная перепалка свидетельствует о том, что правое крыло знает, чего хочет, и последовательно проводит свою линию, тогда как левое крыло склонно принимать перестановку слов и новые формулировки за перемену тактики.

После этой речи Зассенбаха о «гарантиях», напоминающей меморандум о гарантиях английских банкиров, вряд ли может остаться место для иллюзий насчет возможности коренного изменения политики Амстердамского Интернационала при нынешнем его руководстве.

Для того, чтобы теснее привязать английские профсоюзы к Амстердамскому Интернационалу, председатель Генерального Совета английских тред-юнионов Персель был выбран его председателем. Возможные с его стороны «уклоны» были гарантированы составом Бюро и Совета. Первым вице-председателем был избран известный друг французской буржуазии и горячий защитник левого блока, Леон Жуо, вторым вице-председателем — патриот бельгийского отечества, защитник Лиги Наций и системы репараций — Мертенс, третьим был избран друг Эберта и Носке, председатель Всегерманского Об'единения Профсоюзов — Лейпарт. Секретарями были избраны: старый лидер правого крыла Амстердама — Удегест, от немцев еще более правый, чем Лейпарт, Зассенбах, и от англичан — примыкающий к левому крылу, Броун. В Генеральный Совет были избраны, помимо стоящих на левом крыле Бромлея и Гикса, следующие лица: от Бельгии, Люксембурга и Голландии — Стенгюис, от Италии — д'Аррагона, от Германии — Грассман, от Чехо-Словакии — Тайерлэ, от Венгрии — Ясцей, от Польши — Жулавский.

При таком составе Бюро и Генерального Совета кто же будет руководить Амстердамским Интернационалом? Если принять во внимание, что местопребывание Интернационала — Амстердам, то станет совершенно ясным хитроумный план реформистов: политическую ответственность возложить на англичан, а политическое руководство сохранить в своих руках. До последнего времени в Амстердамском Интернационале было следующее разделение труда: англичане *царствуют*, французы и немцы определяют международную политику (Лига Наций, репарации, план Дауэса и пр.), немцы разрабатывают меры борьбы с коммунизмом, стремясь превратить Амстердамский Интернационал в анти-большевистскую Лигу. Но

это старое распределение ролей не могло долго продолжаться. План правого крыла рушится. Англичане, и в особенности Персель, уже далеко перешагнули за ту черту, которую отвели для них руководители правого крыла Амстердамского Интернационала. Выступление председателя Амстердамского Интернационала Перселя в СССР вызвало резкий протест со стороны правого крыла Амстердамского Интернационала, которое устами «Форвертса» об'явило все выступления Перселя просто «глупыми».

ЛЕКЦИЯ IV.

Тактика Амстердамского Интернационала.

Основные проблемы.

Перейдем теперь к отдельным вопросам, но уже не в хронологически-с'ездовском порядке. Рассмотрим теорию и практику Амстердамского Интернационала, в результате чего выявится и наша точка зрения. Проблемы, разделяющие в настоящее время мировое рабочее движение, следующие: отношение к Версальскому договору, проблема репараций и план Дауэса, методы борьбы против международной реакции, методы борьбы против наступления капитала, отношение к фашизму, борьба с войной, отношение к русской революции и к Советской России, и, наконец, проблема единого фронта и единства мирового профдвижения,

Вот те вопросы, на основании которых можно установить отличительные признаки каждой международной профорганизации.

Амстердамский Интернационал и Версальский договор.

Начнем с Версальского договора. Выше было указано, что представители профессиональных союзов стран Антанты приняли участие в выработке XIII раздела Версальского договора. Ответственны ли эти руководители рабочего движения за все, что имеется в Версальском договоре — или они ответственны только за то, что сами внесли в договор? Некоторые из реформистов именно так ставят вопрос. Но это не политический, а чисто юридический, неправильный подход к вопросу, неправильный потому, что Версальский договор представляет собою нечто целое, и дело не в том, кто какие части договора писал, а в том, кто поддерживает Версальский договор и созданные на его основе в Европе отношения. В чем суть этого договора? Он складывается, если взять его в целом, из признания виновности в войне центральных империй, из территориального расчленения Австрии и Германии, отнятия ее колоний, разоружения Германии, отнятия ее экономических ресурсов, возложения на Германию колоссальных экономических тягот и превращения ее, в общем и целом, во второстепенную державу или скорее в колонию. Разгром центральной Европы и гегемония союзников — в этом и заключается весь смысл Версальского договора. И те представители рабочих, которые в той или другой форме поддерживают или поддерживали

отдельные части договора, в общем и целом, поддерживали и поддерживают *все* его части. Мы видим это на проблеме репараций и на отношении к этому вопросу Амстердамского Интернационала.

Мы можем установить как политический факт, что Амстердамский Интернационал и отдельные его части в лице своих представителей принимали участие в выработке отдельных разделов Версальского договора, поддерживали этот договор и, более того, поддерживают его еще и в настоящее время. Таким образом это простое констатирование факта, это не только вопрос прошлого, но и настоящего. Правда, Версальский договор не является детищем Амстердамского Интернационала, не этот Интернационал его создал, но бочком принимал участие в нем и он. Его участие заключается в создании той идеологии, которая сделала возможным принятие для широких рабочих масс этого договора. Амстердамский Интернационал был частью той громадной мобилизационной машины буржуазии по засорению мозгов рабочего класса, которая привела трудящиеся массы союзных стран непосредственно после войны в такое состояние, что они считали Версальский договор действительной победой культуры, цивилизации, права и т. д.

Есть ряд заявлений виднейших лидеров Амстердамского Интернационала приблизительно такого рода: «Хотя Версальский договор не является идеалом, но все же...» и т. д. Эти оговорки не снимают ответственности с руководителей Амстердамского Интернационала за принятие и проведение в жизнь бесстыдного Версальского договора.

Репарационный вопрос и план Дауэса.

В чем суть репарационного вопроса? Репарация значит возмещение. Репарационный вопрос сводится к возмещению убытков, причиненных войной. Кто должен возместить все эти убытки? Очевидно, тот, кто виновен в войне, и должен возместить все убытки. Так рассуждали дипломатические представители Антанты, так рассуждал Фош и другие, так рассуждали и рассуждают и руководители профессионального движения союзных стран. Так как Германия и Австрия виновны (не даром же профессионалисты стран Антанты добивались от немцев и австрийцев признания виновности их отечества), то они должны возместить убытки, причиненные войной, восстановить разрушенные области — одним словом, привести Европу в довоенное состояние. В начале 1923 года в одном немецком издании вышла довольно об'емистая книга, которая носит название: «Развитие вопроса о репарациях». В этой книге приводится, с одной стороны, заявление министров и государственных деятелей в начале войны о том, как будет выглядеть вечный мир, затем приводятся знаменитые 14 пунктов Вильсона, излагается Версальский договор и репарационные требования союзников. В поведении союзников столько бесстыдства и лжи, что даже слепым это ясно; могут это видеть все, кроме тех, кто видеть не хочет, и к числу которых принадлежат руководители Амстердамского Интернационала, навязавшие немецким профессионалистам признание виновности Германии, для того, чтобы с «чистой» со-

вестью прийти к рабочим своих стран и сказать: немцы сами признали свою вину, значит, они должны платить.

Уже на первом конгрессе Амстердамского Интернационала в одной из резолюций была отмечена справедливость репараций и необходимость для Германии уплатить все протори и убытки. То, что немцы должны платить, проходит через все резолюции, когда-либо принятые амстердамцами. Собираются в Амстердаме создавать Интернационал и постановляют: немцы должны платить; в Лондоне — опять немцы должны платить; в Риме — то же самое; то же самое в Вене. И сколько раз за эти годы ни собиралось их Бюро, каждый раз, как подходили к франко-германским отношениям, к Версальскому договору, который держит Европу на вулкане, они принимали обычные резолюции в следующем духе: «Признавая необходимость возмещения Германией убытков, не надо тем не менее насильничать, надо передать вопрос на разрешение Лиги Наций» и пр. и пр.

Таким образом, Амстердамский Интернационал в вопросе о репарациях занимал и занимает чисто союзническую ориентацию. Он навязывал немцам не только теоретическое признание справедливости возмещения убытков, но и требовал от них практических шагов воздействия на свое правительство в смысле регулярной и планомерной уплаты причитающихся сумм. Известно, что с репарациями дело до настоящего времени обстоит в высшей степени неблагополучно. Возмещение Германией всех убытков означало бы уплату сотен миллиардов золотом, что превышает финансово-экономическую платежеспособность страны.

Для того, чтобы дать наглядное представление об этой сумме, я приведу один пример. Один из немецких экономистов взял стоимость войны для одной только Германии и затем подсчитал, сколько нужно для того, чтобы превратить Германию в цветущий сад, в том смысле, чтобы ближайшее поколение работало бы только по 4 часа в день и получилось, что, если бы Германия затратила только половину всех денег, потраченных на войну, на мирное строительство, она могла бы превратить в цветущий сад не только самую Германию, но и всю центральную Европу.

Во время заключения Версальского договора шла речь относительно 400 миллиардов марок золотом. Но данная цифра оказалась настолько фантастической, что постепенно ее пришлось уменьшать, и в конце концов в мае 1921 года эта сумма была сведена к 132 миллиардам золотых марок. Таким образом, окончательная сумма репараций, помимо всевозможных поставок, экономических льгот и проч., свелась к этой чудовищной контрибуции.

Невозможность для Германии выполнить возложенные на нее Версальским договором условия привела к оккупации Рура и к обострению англо-французского конфликта. Оккупация Рура оказалась для Франции операцией невыгодной не только в политическом, но и в экономическом отношении. Французский франк начал сильно колебаться, и Франции пришлось обратиться за помощью к американской бирже. Американские финансисты поддержали Францию,

как веревка поддерживает повешенного. Через открытые Францией Рурские ворота хозяином Европы вошел американский капитал. Такова «естественная история» плана Дауэса. План Дауэса заключается в том, что за некоторые льготы в области репарационных платежей над Германией устанавливается франко-англо-американский финансово-экономический контроль со значительным преобладанием американского влияния. В результате плана Дауэса Германия теряет остатки своей политической и экономической самостоятельности, при чем авторы этого плана не скрывают, что они хотят заставить Германию (т.-е. германских рабочих) работать больше. План Дауэса означает 10- и 12-часовой рабочий день для рабочих Германии и этим самым автоматическое удлинение рабочего дня и для рабочих всех стран. План Дауэса отдает мощную германскую промышленность под контроль, главным образом, американского капитала и означает создание единого фронта всей мировой буржуазии под американским руководством против будущей германской и нынешней российской революции.

Что же делали руководители Амстердамского Интернационала в то время, когда германских рабочих превращали в кули, и когда от Германии требовали более, чем она вся стоит? — Они по вопросу о репарациях всегда выдвигали мысль о том, что Германия, конечно, должна платить, но надо все это сделать «по-божески», надо сделать это через Лигу Наций, чтобы соблюсти при этом установленные юридические нормы. Амстердамцы в этой части дальше фразеологии о международном праве не заходили. Такую же позицию они заняли и по отношению к плану Дауэса. На об'единенном заседании II и Амстердамского Интернационалов была вынесена резолюция, в которой сказано, что, хотя план Дауэса и не лишен недостатков, но он лучшее, что в данных условиях можно было придумать.

Мы видим, что по наиболее больному и основному вопросу современной международной политики, — по вопросу, который делит сейчас весь мир, сталкивает все страны, приводит к разорению всю центральную Европу, — по этому вопросу Амстердамский Интернационал занимал и занимает сейчас союзническую ориентацию и требует, чтобы немецкие рабочие восстановили разрушения, произведенные в свое время немецким империализмом. В то же время амстердамцы прекрасно знали и знают, что репарации и план Дауэса означают дальнейшее закабаление немецких рабочих, удлинение рабочего дня и ухудшение экономического положения трудящихся масс Германии. Тем не менее, амстердамцы настойчиво проводили эту линию, все время прикрываясь тем, что сами-де немцы желают платить.

Как только стало известно решение Комиссии Экспертов, исполнительные органы II и Амстердамского Интернационалов собрались (15 июля 1924 года) на совещание для того, чтобы определить свое отношение к нему. По установившемуся обычаю принятая резолюция излагает все ранее принятые по этому поводу обоими Интернационалами решения и состоит из нескольких «хотя», «но»

и «однако». «Хотя план экспертов содержит известные предпосылки для разрешения проблемы, но»... «он ищет разрешения репарационной проблемы такими способами, которые возлагают на германский рабочий класс сравнительно бо́льшие тяготы, чем на класс капиталистов *(одинаковые* тяготы хороши!) и подчиняет германские государственные железные дороги влиянию иностранных капиталистов. Поэтому конференция заявляет, что вышеприведенные причины делают невозможным считать это разрешение репарационной проблемы соответствующим требованиям Интернационала Профсоюзов и Социалистического Интернационала. Возлагать «неодинаковые» тяготы не соответствует требованиям — стало быть, план экспертов должен быть отвергнут. Ничего подобного: вся эта словесность требуется для пролетарской души, а для буржуазного кармана у них заготовлен особый параграф, который буквально гласит следующее: «Однако, несмотря на все недостатки и упущения плана экспертов, крушение настоящей попытки уладить репарационный вопрос не поставило бы на место этого плана ничего лучшего, а наоборот, это крушение обострило бы до крайности европейский кризис. При таких обстоятельствах, проведение плана экспертов является сейчас единственно (!) возможным разрешением вопроса». Что может быть гнуснее этих лживых, лицемерных сентенций, оговорочек, рядом *с безусловной* (это же единственно возможное разрешение вопроса) поддержкой этого грабительского плана экспертов!

Во время Лондонской конференции (сент. 1924 г.), прошедшей под знаком господства Моргана, и после нее защитниками плана Дауэса выступили руководители Амстердамского Интернационала, так что мы можем их с полным правом назвать соучастниками ограбления и колонизации Германии и превращения германского народа в кули. Следует отметить особо лакейское поведение немецких амстердамцев, которые готовы распродать оптом и в розницу любезное отечество, лишь бы сковать по рукам и ногам германскую революцию.

По одному только данному вопросу уже можно было бы определить то место, которое занимает этот Интернационал в современной борьбе рабочего класса; я скажу больше: если бы вся литература об Амстердамском Интернационале исчезла или, скажем, сгорела, то будущий историк через 100 — 200 лет только по резолюциям, которые Амстердамский Интернационал принимал по вопросу о репарациях и о плане Дауэса, смог бы установить их место в той эпохе развала капитализма, которую мы переживаем.

Проблема разоружения.

Следующий вопрос, это — проблема разоружения. Известно, что война велась, якобы, во имя уничтожения милитаризма. Государственные деятели Европы и Америки обещали, что, как только прусский милитаризм будет сломлен, начнется разоружение и народы получат облегчение от всех военных тягот. Распространителями этого мифа о разоружении и главными пропагандистами возможности разоружения при капиталистическом обществе были реформисты всех видов и оттенков, при чем роль реформистов во время

войны заключалась в облагораживании тех неблагородных задач, которые ставила перед собой буржуазия каждой страны.

Казалось бы, что вместе с победой союзников наступит время и для разоружения. Реформистские руководители профессионального и социалистического движения, которые несколько лет жевали эти самые пацифистские идеи о разоружении, непосредственно по окончании войны завели на этот счет разговоры, но из этих разговоров, как известно, ничего не вышло. Непосредственно по окончании войны, руководители международной политики не могли просто отвергнуть идею о разоружении: они не так глупы, чтобы не использовать до конца созданное реформистами в массах специфически-пацифистское настроение. Идея разоружения не была отвергнута, а была создана при Лиге Наций комиссия, которая время от времени собирается и обсуждает вопрос о пользе разоружения. И вот в этой самой комиссии выступают представители Амстердамского Интернационала, доказывая представителям правительств пользу разоружения и рисуя те блестящие перспективы, которые получатся, когда разоружение будет осуществлено. Наиболее характерно для составных частей Амстердамского Интернационала, как и для него в целом, это именно то, что в вопросе о разоружении их практические предложения не выходили из рамок Лиги Наций. Вы помните, Гоголь в одном из своих рассказов, кажется, в «Старосветских помещиках», характеризуя своего героя, говорит, что взгляд его не переходил за частокол, который окружал его домик. Когда я читаю выступления наших «друзей» из Амстердамского Интернационала, особенно по вопросам разоружения, мне и вспоминается этот провинциальный российский частокол.

Когда мы видим, как с каждым днем вооружение все увеличивается и соперничество между бывшими союзниками обостряется, когда не только в области морской и сухопутной, но и в области воздушной и химической делается все, чтобы подготовить возможность новой войны, — выступать в это время в комиссии по разоружению Лиги Наций с предложениями о разоружении — это все равно, что проповедывать волкам вегетарианство. Чем об'ясняется такого рода точка зрения? Личной непоследовательностью?— Нас мало интересует политическая глупость или недальновидность тех или других профбюрократов. В конце концов, дураков не мало на свете. Но, к сожалению, в этой пацифистской идеологии разоружения через Лигу Наций, ту Лигу Наций, которая сама является орудием вооруженного до зубов империализма,—в этом несомненно отражается наличие влияния буржуазии на рабочий класс. В этой идеологии отражаются смутные надежды и упования определенной части пролетариата каким-нибудь образом избавиться от будущей войны, минуя классовую борьбу, без напряжения всех революционных сил и без тех страданий, которые несет с собой социальная революция. Все это является отражением смутных пацифистских надежд, живущих в рабочем классе, и вина руководителей Амстердамского Интернационала заключается в том, что они вместо того,

чтобы разрушать эти вредные пацифистские иллюзии в массах, их проповедуют и придают вопросу о разоружении не классово-революционный, а чисто буржуазно-пацифистский характер.

Для каждого, кто мало-мальски осмыслил существующее положение, ясно, что добровольное разоружение невозможно, а возможно только насильственное разоружение. Последнее бывает двоякого рода. Первый тип разоружения это—тот, какой был осуществлен после Версальского договора, когда французы и англичане разоружили немцев, то-есть империалистическое разоружение, заключающееся в том, что буржуазия разоружает своего противника, а себя вооружает для будущих битв. Другой вид разоружения, — это проведенный нами в Советской России, когда мы разоружили буржуазию и вооружили рабочих. Политическое преступление руководителей Амстердамского Интернационала заключается не только в том, что они возлагают на Лигу Наций задачу разоружения, а в том, что они к этому вопросу о разоружении и вооружении подходят с чисто буржуазной точки зрения.

«Мы — против войны и поэтому мы — за разоружение»,—так говорят амстердамцы. Реформистская теория разоружения для нас представляет собою нечто чуждое, ибо она по задачам, формам и методам идет вразрез с тем, как мы подходим к этой проблеме и как мы ее разрешаем. Надежда на разоружение через Лигу Наций путем разрешения конфликтов международной юрисдикцией, — все это маниловщина чистейшей воды и свидетельствует о крайней ограниченности политического горизонта руководителей реформистского профдвижения.

Любопытные прения по поводу разоружения разыгрались в английском парламенте в середине 1923 года. Этот вопрос поднял представитель рабочей партии Макдональд, который пытался выискать способы сохранения британской империи путем разоружения. Председатель кабинета министров Болдуин ему ответил буквально следующее: «Теперь вообще не может быть речи о разоружении; в характере, в инстинктах людей заложено стремление бороться: это — инстинкт тигра и, может быть, этот инстинкт дан человеку для того, чтобы он путем борьбы обеспечил благоденствие своему народу». Таким образом, старая симпатичная формула: «Человек человеку волк» — руководителем английской политики изменена на не менее симпатичную: «Человек человеку тигр». И это не мешает руководителям II и Амстердамского Интернационалов обращаться к этим творцам Лиги Наций с предложением, чтобы они сами себя разоружили. Кто же сам себе враг, и кто будет себя разоружать, если пулеметами и пушками достигаются столь чудесные и столь реальные экономические результаты?

Как руководители II и Амстердамского Интернационалов проводят разоружение на практике, — это видно из 9-месячного пребывания у власти английской рабочей партии. 9 месяцев стояли во главе великой империи руководители Амстердамского и II Интернационалов. Бывший председатель Амстердамского Интернационала,

Томас, стал министром колоний. Целый ряд «социалистов» стали во главе разных министерств, а бледно-розовый пацифист Макдональд был во главе правительства. Казалось бы, что можно было приступить к разоружению. Но руководители II и Амстердамского Интернационалов разоружались только «духовно». На самом деле пребывание рабочей партии у власти открыло собою новую эру империалистического гнета, новую обостренную полосу гонения на колониальные народы. Правительство рабочей партии приступило к постройке новых броненосцев и к усилению воздушного флота. На запрос в парламенте, зачем правительство увеличивает вооружение, был дан достойный реформистов ответ: постройка броненосцев дает работу известному количеству безработных, а воздушный флот нужно увеличить для того, чтобы не отстать от своих соседей (дело идет о Франции). С речами о пацифизме и о разоружении на устах, правительство рабочей партии проводило старую английскую национальную империалистическую политику, против которой даже консерваторы не имели принципиальных возражений. Правда, Макдональд дал простор своему пацифистскому воображению на последнем (в сентябре 1924 года) заседании Лиги Наций в Женеве. Здесь же присутствовали и некоторые лидеры Амстердамского Интернационала, которые старательно участвовали в пацифистско-ораторском турнире. Для того, чтобы оценить по достоинству это последнее пацифистское состязание, необходимо отметить, что в качестве чемпиона пацифизма выступал бывший левый социалист, ренегат и один из бессовестнейших политиков Франции, Аристид Бриан, и нажившийся на войне известный предприниматель, французский Стиннесс — Лушер и т. д. При них, конечно, в качестве пацифистского ангела-хранителя состоял вице-председатель Амстердамского Интернационала Леон Жуо. Много красивых речей было произнесено в Женеве, но краткий смысл всех этих длинных речей свелся к тому, что все должно остаться по-старому, и что каждая страна будет продолжать свое вооружение, сколько сможет.

Насколько велики еще пацифистские настроения в рабочих массах, показывает то, что Гулльский конгресс английских тред-юнионов, конгресс, который проходил под руководством так называемых левых, послал Макдональду в Женеву телеграмму, приветствуя его пацифистскую деятельность и «борьбу за мир». Самое пикантное заключается в том, что телеграмма была послана через два дня после того, как в Кантоне английские пушки были направлены против народно-революционного правительства Сун-Ят-Сена. Мы видим, что реформистское разоружение как две капли воды похоже на дальнейшее вооружение буржуазии.

Проблема борьбы против войны.

Тесно связана с вопросом о разоружении вся проблема борьбы против войны. Конечно, Амстердамский Интернационал — против войны, но как избежать войны и каким образом бороться с ней? Если мы рассмотрим все принятые по этому поводу Амстердамским Интернационалом резолюции, то в них мы опять-

таки найдем положение о том, что конфликты, которые возбуждает один народ против другого, должны разрешаться международными конференциями или международной юрисдикцией. Нужно для разбора всех конфликтов создать некий верховный трибунал из совершенно беспристрастных (!) людей, и таким образом будет создано то верховное учреждение, которое сумеет примирить существующие противоречия и уничтожить воинственные поползновения отдельных стран. Анти-военную тактику Амстердамского Интернационала лучше всего характеризует созванный им в Гааге в декабре 1922 года Международный Конгресс Мира для того, чтобы совместно обсудить вопрос об опасностях войны и о методах борьбы с ней. На этот конгресс были приглашены и представители русских профсоюзов.

Прежде всего Гаагский конгресс замечателен своим социальным составом. На нем помимо представителей Амстердамского, II и 2½ Интернационалов и всех международных секретариатов по производствам присутствовали также представители всевозможных, возникших после войны, пацифистских обществ. Буржуазные пацифисты так же, как и реформисты, являются противниками войны во время мира, что не особенно трудно. Во время же войны громадное большинство их было вместе со своими правительствами: они натравливали один народ на другой, проповедуя выдержку, терпение и борьбу до конца. В Гааге были такие организации, как «За Лигу Наций», «Лига прав человека и гражданина», «Общество для установления дружественных отношений между различными церквами», «Союз пасторов-социалистов» и много других подобных обществ и союзов. Одним словом, было там «всякой твари по паре», и нам, представителям русских профессиональных союзов, было не особенно приятно в этом довольно смешанном обществе.

Говорили на этом конгрессе о том, что нужно вести пропаганду и воспитывать юношество против войны путем лекций, кинематографов и проч. Я — любитель кинематографии и ничего не имею против нее, но когда делегаты всех стран собираются для борьбы против войны накануне оккупации Рура и говорят о кинематографе, о воспитании юношества, как о самостоятельной деятельности в этой области, то, очевидно, с борьбой против войны дело обстоит не особенно благополучно. Все резолюции, принятые по этому вопросу, имели задачей всех удовлетворить, чтобы все были довольны. Раз собралось 600 человек, все мирно и хорошо настроенные, как немцы говорят «гемютлих», зачем же кого бы то ни было из них раздражать? В результате, и выработали резолюции на все вкусы, кроме нашего. Удовлетворить русских — вещь, конечно, очень трудная, и мы внесли в эту мирную идиллию резкую дисгармонию, но это просто потому, что у нас скверный большевистский характер, и удовлетворить нас нелегко. И вот в этой резолюции, которая вынесена, главным образом, для того, чтобы у всех было такое же хорошее пищеварение после конгресса, как и до него, помимо надежд на Лигу Наций, которая должна все устроить, имеется также угроза — и это был спорный вопрос—угроза тем, что в случае опас-

ности войны, все организации должны об'явить всеобщую стачку. Когда мы дочитали резолюцию до этого места, мы сказали: «Зачем вся эта словесность, зачем вы обещаете стачку в отдаленном будущем, лучше сделать ее в настоящем; раз вы готовы организовать стачку, то давайте, ввиду предстоящей оккупации Рура, устроим стачку 15 января (мы обсуждали этот вопрос 17 декабря), и тогда, несомненно, оккупация Рура не состоится, так как французский империализм, а также и союзники Франции увидят, что рабочие всех стран представляют собой довольно солидную силу». Наше предложение о стачке не вне времени и пространства, а определенно на 15 января вызвало невероятное волнение, потому что одно дело говорить о стачке вообще, а другое говорить о стачке конкретной—это совсем разные вещи, и наша резолюция конечно, не была принята.

Наши остальные предложения, правда, не кинематографического характера, как например, о том, чтобы вести анти-военную агитацию среди белых и среди цветных солдат, не только не были приняты, а вызвали возражение со стороны председателя с'езда,—председателя Амстердамского Интернационала, — знаменитого героя Черной Пятницы — Томаса, который сказал, что «для нас вести агитацию в войсках неприемлемо». Конечно, если это неприемлемо, то кроме кинематографа, и при том буржуазного, ничего другого не остается. Если неприемлемо вести классовую борьбу, то ничего другого, кроме пацифистских резолюций, не выдумаешь.

Я не буду подробно рассказывать о работе этого замечательнейшего, во всех отношениях, конгресса. Все Амстердамские конгрессы похожи на гоголевских дам: они «приятны во всех отношениях» или «просто приятны». Этот конгресс был «приятен во всех отношениях» и, главным образом, потому, что он удовлетворил решительно всех, кроме, конечно, русских. Надо сказать, что даже по вопросу о стачках в их редакции и по вопросу о воспитании юношества — тоже были любопытные черточки. Один из буржуазных пацифистов, который не отдавал себе отчета в том, что угроза всеобщей стачки была вставлена в резолюцию для галерки (т.-е. для рабочих — «вот, мол, какие мы революционеры»), начал доказывать, что, конечно, стачка вещь очень хорошая, но надо сначала воспитать для понимания ее юношество, детей. В конце концов, это заявление буржуазного пацифиста не противоречило общему духу принятых Гаагским конгрессом решений.

Это был типично-буржуазный, пацифистский с'езд, и хотя на нем было много представителей рабочих, но по характеру он был буржуазно-пацифистским, ибо основа его заключалась в том, что он хотел уничтожить войну, не затрагивая капиталистического общества; он хотел помешать войне не путем классовой борьбы, а через Лигу Наций; он хотел помешать войне, устанавливая буржуазно-пацифистский блок, и отвергая единый фронт с нами — с коммунистами. Испугавшись моей формулы, которую я им бросил: «Если хочешь мира, веди классовую войну», один из делегатов взроптал: «Мы приехали на с'езд для того, чтобы бороться за мир, а нам пред-

ставители России предлагают вести классовую войну». И это говорили так называемые руководители рабочего движения; для них все равно — просто война или классовая война. Вся идеология руководителей Амстердамского Интернационала выявилась ярко на этом с'езде: здесь произошло братание левой буржуазии — пацифистов — и правого крыла рабочего движения. Ясно было с самого начала, что приглашенные на с'езд буржуазные пацифисты не будут голосовать за резолюцию против капиталистического строя. Этот с'езд задался целью собрать все, что имеется пацифистского в мировом рабочем движении и среди передовой буржуазии, и, обратившись к правительствам всех стран, сказать: «Вот, какую силу мы представляем: если вы посмеете ввергнуть человечество в войну, то мы даже готовы на стачку». Уже значительно позже дошло до нас стороной, что, когда руководители Амстердамского Интернационала между собой говорили в Бюро относительно стачки, то большая часть смеялась над этим; они рассматривали это, как необходимый орнамент. Ведь нельзя же резолюцию вынести об одном только кинематографе, нужна и стачка, чтобы рабочие видели, что есть желание борьбы.

Таким образом, вместо демонстрации силы получилась демонстрация бессилия.

Когда мы на конгрессе предложили амстердамцам единый фронт, то докладчик политической комиссии, руководитель голландской социал-демократии, Трульстра, сказал: «С коммунистами мы заключим единый фронт только после того, как они пройдут карантин». А с буржуазными пацифистами они заключили единый фронт без карантина. Но кто кого в карантине поддержит — это мы, конечно, еще увидим.

Наступление капитала.

Я уже указывал, что конец войны совпал с расцветом реформистских иллюзий, при чем, если бы мы хотели установить связь между ростом недовольства рабочих, ростом реформистских иллюзий и реформаторскими устремлениями со стороны буржуазии, то связь получилась бы в высшей степени тесная. Но если мы возьмем эти последние годы, то увидим, что своей высшей точки социал-реформаторство и реформизм достигают приблизительно к середине 1920 года. Я сказал «достигают», хотя достижений никаких не было, потому что нельзя считать достижением создание Международного Бюро Труда, принятие Вашингтонской Конференцией программы рабочего законодательства и т. д. К началу 1920 года в мировом рабочем движении начинаются колебания, которые находятся в связи с новой экономической конъюнктурой. Годы под'ема в рабочем движении с конца 1918, во весь 1919 год и приблизительно до середины 1920, с одной стороны,—годы бурного роста профессионального движения, а с другой — ряда отступлений буржуазии в области социальных реформ: введение 8-часового рабочего дня, расцвет разговоров о социализации, создание во многих странах комиссий по социализации и проч.

С середины 1920 года начинается общий поворот в экономике, и появляется исходный пункт — кризис в международном товарообороте и в производстве. Он начинается в мае в Японии, перекидывается в Америку, и, вместе с падением оптовых цен, начинается не только приостановка отступления буржуазии, но наоборот, последняя начинает наступать. Это наступление капитала охватывающее собою конец 1920, 1921 и 1922 г.г.,—продолжалось весь 1923 г. Только к середине 1924 года появляются симптомы перелома: рабочие массы в отдельных производствах и в отдельных странах не только успешно обороняются, но даже и наступают. Наступление капитала начинается вместе с экономическим кризисом.

В чем смысл этого наступления капитала, и как реагировало на него международное профессиональное движение? Задача наступления капитала заключалась в удешевлении производства, так как началась заминка на мировом рынке, и конкуренция увеличилась. Имелись залежи товаров, но, несмотря на потребность в них, массы из-за дороговизны не в состоянии были эти товары приобретать. Отсюда со стороны предпринимателей нажим для удешевления издержек производства, чтобы пустить на рынок более дешевые товары. Надо было найти линию наименьшего сопротивления, а такой линией оказалась рабочая сила. Не усовершенствование техники производства, не увеличение производительности предприятий, но удешевление рабочей силы, отнятие того, что было дано в области социальной, «раз'яснение» 8-часового рабочего дня, сокращение заработной платы, отнятие ряда льгот — вот линия, по которой идет наступление капитала.

Приведу вам один пример относительного размера этого наступления. Официальная статистика понижения заработной платы коснулась в 1921 году 7.000.000 рабочих Англии. В течение всего 1921 года рабочие еженедельно теряли по 5 миллионов фунтов. Это составит 60 миллионов золотых рублей в неделю. В 1922 году рабочие теряли на заработной плате по 6 миллионов фунтов стерлингов в неделю т.-е. 60 миллионов золотых рублей в неделю. Возьмем 52 недели и получим за два года колоссальную сумму, которая превышает 5½ миллиардов золотых рублей потери заработной платы. Вот это уменьшение заработной платы имеет совершенно реальное значение, ибо на эти миллиарды, на которые удалось понизить заработную плату, увеличена возможность конкуренции на мировом рынке.

«Борьба» Амстердамского Интернационала с наступлением капитала.

Что же Амстердамский Интернационал, как организация, сделал для того, чтобы бороться против капитала? Прежде всего, в нынешней экономической борьбе национальные рамки оказываются узкими. Борьба выходит за национальные пределы. И Интернационалы на то и существуют, чтобы интернационализировать самую борьбу. Мы находимся на такой стадии развития или скорее упадка капитализма, на которой только в международном масштабе

и возможно достижение побед даже в чисто экономической области. Даже в области заработной платы международный рынок регулирует цены. И вот со стороны Амстердамского Интернационала не было за все время наступления капитала ни одного международного акта, ни одного международного действия, ни одного международного выступления, которое противопоставило бы этот Интернационал наступающему капиталу как единому целому. Были отдельные выступления, отдельные экономические забастовки, отдельные конфликты, отдельные стычки в каждой стране, при чем Амстердамский Интернационал чаще всего, в буквальном смысле слова, саботировал и срывал экономическую борьбу рабочих масс.

Особенность Амстердамского Интернационала и его организации заключается не только в преобладании национального начала над международным, но и корпоративного над классовым в пределах данной нации. Это особенно видно на примерах борьбы рабочих в Англии. Во время знаменитой стачки горнорабочих, в начале 1921 года, когда последние бастовали 13 недель, они были оставлены, изолированы. И такие организации, как союзы железнодорожников и транспортников, которые были вместе с ними в тройственном согласии, не помогли им. Тот день, когда эти союзы отказались помочь горнякам, вошел в историю под именем «Черной Пятницы». В 1922 году была громадная борьба — локаут английских металлистов: несколько сот тысяч металлистов (36 союзов) были втянуты в борьбу. Что же, другие союзы помогли металлистам? — Нет, и металлисты других стран тоже не помогли. Отдельные отряды на отдельных участках фронта ведут борьбу, при чем не только не получают помощи от своего Интернационала, но даже на данной территории и на своем участке терпят поражения из-за отсутствия помощи.

Особенно характерно для Амстердамского Интернационала поведение его и примыкающих к нему организаций в последний год. Не говоря уже о том, что амстердамские союзы Германии сорвали революционное движение октября—ноября 1923 года, эти господа занялись организованным штрейкбрехерством, и когда рабочие массы выступили единодушно на борьбу, они срывали стачки, подписывая соглашения об отнятии 8-часового рабочего дня, понижения заработной платы и т. д. (стачка горнорабочих Рурского бассейна, стачка в Верхней Силезии).

Ряд стачек, имевших место в Англии при рабочем правительстве, показал, на что способны руководители Второго и Амстердамского Интернационалов, когда они дорываются до власти. Здесь мы также видели организованное штрейкбрехерство. Многомесячный локаут в Норвегии выявил реформистов в том же свете. Особенно замечательна в этом отношении последняя стачка горнорабочих в Боринаже (Бельгия): горняки держались очень стойко, и предпринимателям удалось их разбить только лишь при помощи реформистского союза. А последняя всеобщая стачка металлистов в Австрии! А ряд сорванных реформистами стачек во Франции!

Какую страну мы ни возьмем, везде и всюду видим одно и то же явление: реформисты предпочитают действовать вместе с предпринимателями против революционных рабочих, чем вместе с революционными рабочими против предпринимателей.

А что во время всех этих конфликтов делал Амстердамский Интернационал? В чем выразилось его участие в этих гигантских конфликтах? В чем проявилось, если не влияние, то хотя бы содействие борьбе? Самые горячие сторонники Амстердамского Интернационала должны задуматься над этим его отсутствием в происходящих конфликтах.

Тактика Амстердамского Интернационала, т.-е. господство корпоративных начал над обще-классовыми, господство национальных интересов над международными—и приводит к разгрому отдельных отрядов этого Интернационала в борьбе с прекрасно организованным капиталом. Я довольно основательно знаю деятельность Амстердамского Интернационала и могу, совершенно об'ективно рассматривая его деятельность, констатировать, что *ничего не было сделано;* при чем это ничегонеделание, это бездействие в области международной и есть основной признак Амстердамского Интернационала,—если не в принципе, то во всяком случае, на практике. Ибо Интернационал, состоящий из национальных организаций, из которых каждая защищает интересы своего буржуазного государства, такой Интернационал по самому своему существу — не боеспособен. И вот, во весь период наступления капитала мы не видели об'единенной совместной борьбы, мы даже не видели серьезной попытки материальной помощи для того, чтобы поддержать тот или другой участок рабочего фронта.

Амстердамский Интернационал в борьбе с фашизмом.

Перейдем к важному в высшей степени вопросу — к фашизму.

Что представляет собою фашизм? Это последнее слово империалистической реакции, опирающейся на разоренные войной и послевоенным периодом средние классы, чиновничество и интеллигенцию, которые думают борьбой против социальной революции вернуть себе свое довоенное благополучие. Фашизм — реакция, отличительная черта которой заключается в том, что она стремится в своей борьбе опереться, если не на всех, то на часть рабочих, стремится привлечь на свою сторону некоторые слои трудящихся для того, чтобы разрушить организационные центры революции.

Прежде всего, нужно отметить, что фашизм многому научился у революции, и так как наиболее ярким представителем революции является большевизм — то фашизм многое позаимствовал также и у большевизма. Что же он позаимствовал у большевизма? Прежде всего, насильственный метод борьбы, во-вторых, отрицание демократических легальных форм, в-третьих, быстроту действия, в-четвертых, понимание того, что для осуществления своих целей необходимо разрушить до основания организационные центры вра-

ждебного класса. Таким образом, в методах большевизма и фашизма имеется некоторое сходство, и на этом внешнем сходстве реформисты спекулируют, часто сопоставляя имена Муссолини и Ленина, как представителей анти-демократической, по их выражению, реакции.

В чем существенная разница между большевизмом и фашизмом, между этими двумя крайними в социальной борьбе течениями?—Разница между ними — социальная, т.-е. с одной стороны, мы имеем применение всех методов для борьбы против рабочего класса, для уничтожения его мощи, для предотвращения социальной революции, а с другой стороны, — мы имеем применение революционных и насильственных методов для уничтожения сопротивляемости буржуазии, для борьбы против господствующей капиталистической системы в целях уничтожения ее и уничтожения самого классового общества. И естественно, что не внешние признаки определяют то или другое общественное движение, а социальная подоплека его. И вот, эта абсолютная социальная противоположность фашизма и большевизма делает их наиболее ожесточенными врагами и ставит перед рабочим классом в целом,—в такой мере, в какой рабочий класс осуществляет свои классовые задачи,—проблему о методах борьбы против реакции вообще и специфической, фашистской реакции в частности.

Как я уже сказал, характерные черты фашизма заключаются в том, что он, с одной стороны, опирается на средние классы, а с другой — пытается проникнуть в рабочие организации. Есть еще одна особенность фашизма: это вербовка им своих активных элементов в самих рабочих организациях и особенно, среди руководителей последних. Не следует забывать, что сам Муссолини все время до 1914 года принадлежал к левому крылу социалистической партии, был редактором «Аванти», что среди его министров и сотоварищей по фашизму имеются бывшие руководители анархо-синдикалистского движения. Естественно, что все эти элементы, прошедшие школу рабочих организаций, знают слабые места этих организаций и умеют наносить им очень больные удары.

Один итальянский писатель назвал фашизм *превентивной контр-революцией* — предупредительной контр-революцией — средством для того, чтобы избежать революцию. Фашистское движение, которое сейчас охватывает весь мир, и в том числе Дальний Восток, наиболее ярко проявилось в Италии. Фашизм представляет собою сейчас такое важное в социальном отношении явление, что его необходимо изучить особо тщательно, но это выходит за рамки моей темы. Сейчас нас интересует вопрос: как относились и как относятся Амстердамский Интернационал и примыкающие к нему организации к фашистской опасности?

Прежде всего, надо отметить, что Амстердамский Интернационал как и отдельные его секции не поняли социального характера фашизма. В тех очень редких резолюциях, которые они принимали по этому вопросу, они рассматривали фашизм, как обычную реак-

цию. Но если фашизм — обычная реакция, тогда почему мы не говорили о фашизме в Венгрии, где реакция сейчас не меньше, чем в Италии, почему мы не говорили о фашизме во Франции, где мы имели таких представителей реакции, как Пуанкарэ? — Очевидно, характер фашистского режима требует более точного определения. Это—реакция специфическая и с ней нужно бороться специфическими же методами. Фашизм, как мы говорили выше, не только пытается опереться на некоторые слои рабочего класса, но пытается также создать свои фашистские рабочие организации, а это представляет уже гораздо большую опасность. В Италии создалась целая *Конфедерация фашистских профессиональных союзов*, которая стремится овладеть рабочим движением. Естественно поэтому, что борьба против фашизма, помимо обычных методов борьбы против реакции, должна носить особенный, применительный к данной форме реакции характер.

Первыми забили тревогу относительно борьбы с фашизмом Профинтерн и Коминтерн. Непосредственно после переворота, имевшего место в Италии, мы обратились ко II, к 2½ и к Амстердамскому Интернационалам с предложением начать совместную борьбу против фашизма. Наше предложение было отвергнуто, и, таким образом, Амстердамский Интернационал, также как и политические реформистские организации, взяли на себя обязательство вести отдельно борьбу против фашистской реакции. В чем же заключалась эта борьба? Если просмотреть всю литературу Амстердамского Интернационала и затем литературу примыкающих к нему организаций, то мы не встретим в ней даже серьезного анализа фашизма. Мы встретим отдельные статьи, высказывающиеся против фашистской реакции из-за анти-демократического ее характера. И только. Но мы не встретим ни одной попытки обобщить данное социальное явление, начинающее распространяться по всему миру, ни одной попытки сделать из этого обобщения политические выводы и выдвинуть какую-нибудь общую линию борьбы против фашизма.

Однако, есть нечто более серьезное, что, пожалуй, и наиболее характерно. Если Амстердамский Интернационал в вопросе о фашизме не проявлял никакой активности и не давал никаких директив, никаких указаний своим местным организациям о методах борьбы против фашизма, то отдельные организации, примыкающие к Амстердамскому Интернационалу, в области борьбы с фашизмом заняли довольно странную, чтобы не сказать больше, позицию. Здесь нам опять придется обратиться к Италии, с которой приходится иметь дело каждый раз, когда мы говорим о фашизме, как приходится иметь дело с Советской Россией, когда мы говорим о большевизме.

Фашизм после своей победы в Италии сразу проявил себя в нажиме на рабочий класс по всем решительно линиям, начиная от понижения заработной платы, увеличения рабочего дня и т. д., при чем для того, чтобы все это могло быть проведено в жизнь, фашисты начали с разрушения рабочих организаций, отобрания у них по-

мещений, разгрома профессиональных союзов, захвата кооперативов, убийства наиболее видных руководителей и т. д. Здесь фашисты исходили из той мысли, что, чем больше истребить революционеров, чем чувствительней ударить по организациям рабочего класса, тем труднее будет в дальнейшем победа революции. Революцию нельзя уничтожить убийством революционеров, но затруднить ее этим, несомненно, можно. Мы знаем, что, после того, как французская буржуазия в течение кровавой недели от 20 до 27 мая 1871 года убила 30.000 человек, это отразилось весьма сильно на рабочем движении Франции. Кровопускание, которое имело место в первые годы германской революции, отразилось и на темпе развития рабочего движения и на развитии революционной организации. Уничтожение наиболее боевых революционных элементов, конечно, не может избавить данную страну от революции, ибо революция вызывается об'ективными условиями, и на место одних вождей приходят другие, но затруднить революцию, сделать ее более мучительной и кровавой—этого фашизм своими методами может достигнуть. В этом и заключается задача фашизма, которую он, с своей точки зрения, осуществляет довольно успешно.

Я уже сказал, что реформисты любят сравнивать большевизм с фашизмом, а затем провозглашать: «Не фашизм и не большевизм, а демократия».

Казалось бы, что фашистский переворот и господство фашистского кулака в Италии, где была не только уничтожена демократическая форма правления, но и рабочие организации были разгромлены фашистскими чернорубашечниками, казалось бы, что здесь надо было занять особо враждебную позицию по отношению к фашизму.

На самом же деле, опыт последнего года развития итальянского рабочего движения показывает, что единственным боевым отрядом против фашизма являются коммунисты, а реформисты занимают в высшей степени двусмысленную позицию по отношению к фашизму, ищут некоторую общую линию, которая могла бы установить то, что называется modus vivendi между фашистскими вождями и профессиональными союзами. В этом отношении крайне любопытны переговоры между Муссолини и руководителями итальянской Конфедерации Труда. Конечно, в самом факте переговоров еще нет ничего особенного. Могли же революционные рабочие России в свое время говорить с баши-бузуками--генерал-губернаторами, пред'являя им требования от имени пославших их масс. Но то, что предшествовало переговорам Конфедерации Труда с Муссолини, свидетельствует, что здесь имели место не переговоры представителей различных классов с целью либо выяснить слабые места своего врага, либо в этих переговорах отстоять определенную линию. Здесь имели место переговоры, которые должны были наметить общую линию сотрудничества.

Что это было именно так, показывает заявление Муссолини, сделанное им в одной из своих речей, что он всегда относился очень

хорошо к рабочему классу, решительно все готов для него сделать и очень хотел бы, чтобы представители профессиональных союзов приняли участие в правительстве, при чем он готов предоставить им наиболее важные портфели. Такое предложение, казалось, должно было бы вызвать бурю протестов со стороны представителей профессиональных союзов, которые заседают в парламенте — но вышло иначе. Во время голосования одного из предложений Муссолини, д'Аррагона, вынужденный голосовать против, сказал: «Настоящим заявляю, что мое голосование против правительства я делаю в качестве члена социалистической партии, а не как представитель Конфедерации Труда».

Если принять во внимание всю обстановку, все переговоры, которые были, а, главное, колоссальный фашистский нажим на рабочий класс и то, что Конфедерация Труда занимается исключением коммунистических местных союзов из своих организаций, вместо того, чтобы бороться против фашизма,—то характер этого флирта между фашистами и реформистами станет понятен. Когда фашизм шел в гору. то мы видели со стороны руководителей реформистского крыла профессионального движения попытки приспособиться к нему и даже «использовать» его в интересах рабочих. Но фашизм—явление переходящее. Конец 1923 и весь 1924 год проходили в Италии под знаком упадка фашизма. Растет активность масс. Чувствуя отдаленное приближение революции, буржуазия начинает делать оппозицию фашистскому правительству. Во всем этом антифашистском движении, которое особенно обострилось после убийства фашистом социалиста Маттеоти, амстердамские профсоюзы принимают участие, как организованная и составная часть всего оппозиционного блока. Нет ни малейшей попытки со стороны амстердамцев повести самостоятельную классовую борьбу против фашизма. За пределы парламентской оппозиции и оппозиционных разговоров амстердамцы не идут. Между тем фашизм теряет с каждым днем почву, в массах начинается под'ем, и трудно сказать, чего больше амстердамцы боятся: фашизма или коммунизма. Дальнейшее развитие событий в Италии не исключает возможности возобновления дружбы между амстердамцами и фашистским правительством.

Этот политический флирт не носит чисто итальянского характера. Мы наблюдаем аналогичное явление и в Германии. Особенно ярко это выразилось в октябре—ноябре 1923 года. В Германии социал-демократия и руководители профсоюзов все время рассматривали коммунистов как врагов более опасных, чем фашистов, и в то самое время, как Коммунистическая партия била тревогу о фашистской опасности в Германии, социал-демократы били тревогу по поводу опасности коммунистической. Здесь также имеется формула: «Не фашизм, не коммунизм, а демократия». Но «демократия» ни в коей мере не противоречит фашизму и об'единяется с ним против социальной революции.

В октябре—ноябре 1923 года Германия пережила революционный кризис. Социал-демократические и амстердамские профсоюзы

об'единились с генералом Сектом, с партией Стиннеса и с крайними националистами для того, чтобы раздавить растущую революцию. Так что, можно установить как правило: там, где начинается серьезная революционная борьба, революционные рабочие будут иметь против себя реформистско-фашистский блок.

О том, что «демократия» прекрасно уживается с фашизмом, свидетельствует и тот факт, что все «демократические» правительства: Франции, Англии, Соединенных Штатов,—признали на другой день после переворота правительство Муссолини и семь лет уже никак не могут выяснить своего отношения к Советской России. Все «демократические» правительства начали с единого фронта против русской революции на почве непризнания ее, а теперь пытаются создать единый фронт на почве юридического признания, пред'являя к русской революции старые требования (уплата долгов, возвращение конфискованной собственности и т. д.).

Между реформизмом и фашизмом нет противоположности: и тот и другой исходят из необходимости сохранения капиталистических отношений, а вопрос о методах этого сохранения — вопрос второстепенный, социальная же основа одна и та же. Раз налицо стремление к сохранению капиталистических отношений, то все, что подрывает эти отношения — а коммунизм несомненно играет эту «зловредную» роль, — является наиболее опасным и в высшей степени вредным, с чем нужно вести наиболее беспощадную войну: Такова позиция и реформистов и фашистов.

Но есть еще более разительный факт: мы наблюдаем на всем протяжении истории германской революции, что руководители социал-демократии расправлялись с рабочими не хуже, чем Муссолини. Из самых недр профессиональных организаций выделялись и выделяются некоторые отдельные группы, кристаллизуются такие ячейки, которые в момент наиболее острых социальных конфликтов становятся на сторону фашистов. Таким образом, в реформистских профессиональных союзах имеются уже сейчас определенные группы лиц и отдельные слои наименее развитых рабочих, на которых фашизм сможет опереться в своей борьбе против социалистической революции и против коммунизма.

Что же, были ли со стороны Амстердамского Интернационала и отдельных секций его попытки вести борьбу против такого явления? Было ли со стороны Амстердамского Интернационала или его секций желание во что бы то ни стало задушить зародыш фашизма в своих собственных рядах и вне их? — Отвлеченное, резолютивное, ни к чему не обязывающее желание есть, но активного действия нет на всем протяжении истории Амстердамского Интернационала. Нет потому, что Амстердамский Интернационал строит всю свою тактику не на революции, а на эволюции, не на столкновении, а на сотрудничестве, не на классовой войне, а на классовом мире.

ЛЕКЦИЯ V.

Тактика Амстердамского Интернационала.

Рурский конфликт.

На «Конгрессе Мира» в Гааге, где делегаты русских профсоюзов представляли не только русские союзы, но и Коминтерн и Профинтерн, мы открыто предложили установление единого фронта. Это предложение встретило в высшей степени резкий отпор со стороны реформистов. Единого фронта с нами они не хотели, и поэтому им крайне не понравилось мое заявление, что «мы единый фронт создадим, если хотите, с вами, без вас — если вы будете стоять в стороне, или против вас—если вы будете противодействовать». Если бы реформисты хотели единого фронта с нами, они не пригласили бы в Гаагу буржуазных пацифистов. Они понимают, что мы с буржуазией единого фронта не заключим, и поэтому сам по себе состав Гаагского конгресса был таков, что исключал возможность создания единого фронта.

Гаагский конгресс, как известно, закончился 18 декабря 1922 года, а 10 января 1923 года французские войска заняли Рур. С этого последнего момента и начинается серьезный поворот в массах в сторону единого фронта.

Чем вызван этот поворот?—Тем, что оккупация Рура демонстрировала в наиболее яркой форме банкротство Амстердамского Интернационала. Через три недели после того, как амстердамцы обещали устроить стачку, они не только ее не устроили, но не смогли вынести мало-мальски приличной резолюции протеста против оккупации, ибо немцы потянули в одну сторону, а бельгийцы и французы—в другую. Амстердамский Интернационал не мог дать на сей предмет сколько-нибудь ясного лозунга. Единственно, что он мог сказать в своей резолюции—это о необходимости передачи Рурского конфликта в Лигу аНаций, и выразил в мягкой — в высшей степени — форме протест относительно насильнических действий французских и бельгийских войск. Да и то отдельные руководители бельгийских профсоюзов и рабочей партии открыто заявили на своем с'езде и в парламенте, что никакого другого выхода из репарационной проблемы, кроме оккупации Рура, не было. Французские же реформисты доказывали, что оккупация Рура невыгодна с финансово-экономической точки зрения, что надо применять более выгодные

методы воздействия на Германию, как например, обращение к Лиге Наций и к другим международным организациям буржуазии.

В ответ на это один из бельгийско-королевских реформистов доказывал что сделка эта выгодна: «Мы получили от Германии 4½ миллиарда франков, тогда как нам оккупация обошлась только в 700 миллионов». Представьте себе Интернационал, члены которого обсуждают вопрос, выгодна ли с точки зрения бухгалтерской эта военная операция или нет, который через три недели после обещания забастовки предлагает обратиться в Лигу Наций, который даже к демонстрациям не мог призвать по поводу Рура,—и вы поймете то разочарование, которое началось в массах, примыкающих к Амстердамскому Интернационалу, и то отчаяние, которое вызвало в немецких рабочих бессилие и — политически преднамеренная — бездеятельность этого Интернационала.

Это банкротство Амстердамского Интернационала послужило для рабочих масс сильным толчком к поискам новой тактики. Ну, а что можно найти? — Можно итти или по реформистской линии, продолжая флиртовать с буржуазными пацифистами, или пойти на единый фронт с коммунистами. Третьего выхода нет. Оккупация Рура настолько ярко выявила внутреннюю раздробленность самого Амстердамского Интернационала, бросила такой яркий свет на внутренние национальные и империалистические противоречия, раздирающие этот так называемый Интернационал, что в массах возникло стихийное стремление к единому фронту, желание создать во что бы то ни стало, единый фронт с теми, кто хочет бороться. А кто в это время боролся? Кто выдвигал какие-либо реальные предложения борьбы с наступающей буржуазией? — Лишь сторонники Коминтерна и Профинтерна. Никакой другой активной революционной силы на политическом горизонте не было. Раньше говорили: «Все дороги ведут в Рим»; теперь можно сказать: «Все дороги ведут в Москву», ибо каждый раз, когда рабочий класс попадает в безвыходное положение и набивает себе шишки на лбу при применении реформистских методов, — в такие моменты он начинает искать путей в «Москву», т.-е. путей к совместной с коммунистами борьбе с буржуазией.

Берлинская конференция транспортников.

Уже на Франкфуртской конференции (март 1923 года) мы имели сторонников в лице представителей фабрично-заводских комитетов, мы имели там даже социал-демократическую группу, которая выступила, требуя от своих вождей, чтобы они создали единый фронт с коммунистами. Дальнейшие события в Германии показали жизненную необходимость этого фронта. Единый фронт создавался самими рабочими, помимо и вопреки воле реформистских социал-демократических вождей.

Амстердамский Интернационал резко и определенно отказался от единого фронта. Но не все производственные интернационалы могли отказаться от единого фронта, и первая брешь была пробита в одной из вертикалей Амстердамского Интернационала, — именно

в Международной Федерации транспортников. Вы, конечно, читали о международной конференции транспортников, которая состоялась в Берлине в конце мая 1923 года. Какие причины привели к этой конференции? Как это одна из частей Амстердамского Интернационала и один из секретарей последнего, Фиммен, дошли до такой мысли, что нужно, несмотря на запретительную политику Амстердамского Интернационала, все-таки собраться совместно с представителями русских союзов, членами Профинтерна и с ними заключить единый фронт? Это имеет свои корни в Рурской оккупации. Бывают такие моменты, когда удар обухом по голове придает некоторую ясность мыслям.

Рурская оккупация была таким ударом по голове: она породила большое разочарование и брожение в широких рабочих массах, и это не могло не найти отклика в головах наиболее чутких руководителей Амстердамского Интернационала.

В порядок дня этой конференции мы поставили несколько вопросов: борьба с фашизмом, создание единства в профдвижении и борьба против войны. Мы сошлись на манифесте, на резолюциях и т. д. Сойтись нам помогло создавшееся у представителей международной федерации транспортников убеждение, что на старом пути нет выхода. Мы приняли в высшей степени элементарные решения: ряд практических решений, как бороться против войны и реакции, о создании контрольных комиссий в портовых городах, в узловых и важнейших железнодорожных центрах и т. д.

Но то, что было принято международной конференцией транспортников, встретило резкий и решительный отпор со стороны Амстердамского Интернационала, который построен по принципу представительства национальных организаций и политически поддерживается вертикальными об'единениями,—Международными Производственными Секретариатами. Теперь представьте себе, что мы вытягиваем одну из этих подпорок, при чем транспортная подпорка играет исключительную роль, ибо бороться против войны мы сможем только тогда, когда в бой вступят транспортники.

Когда получился неимоверный скандал в «благородном амстердамском семействе», состоящий в том, что часть Интернационала заключила блок с коммунистами без согласия остальных, то, казалось, нужно было бы открыто заявить: «Мы не признаем единого фронта». Казалось бы, что иначе поступить в данном случае нельзя. Однако, положение Амстердамского Интернационала после оккупации Рура было далеко не то, каким оно было до нее. Они собрались, долго обсуждали этот вопрос и приняли, наконец, резолюцию, в которой говорится, что Амстердамский Интернационал не связан решением конференции транспортников. Но мы их и не думали связывать. Почему же они, вместо того, чтобы заявить свой протест против этого решения, просто заявляют о том, что это их «не связывает»? А потому, что они боялись об'явить себя противниками единого фронта, чтобы не потерять своего влияния в своих же собственных рядах. Поэтому-то они против единого фронта выступили

не лобовой атакой, а начали делать стратегические обходные движения, заявляя, с одной сороны, что они за единый фронт, а с другой,—что они не связаны теми решениями, которые приняли другие.

В то же время они заявили о своем желании разговаривать с русскими союзами. На это ВЦСПС ответил, что он не только не прочь поговорить с Амстердамским Интернационалом, но предлагает даже разговаривать серьезно по поводу единого фронта и борьбы против фашизма и т. д. Мы получили ответ за подписью Удегеста (там имеется левая и правая рука, и когда нужно подписывать что-нибудь сугубо реформистское, то подписывает Удегест), в котором он говорит, что предложение ВЦСПС будет обсуждаться Амстердамским Интернационалом в начале августа (переписка относится к 1923 году), и они хотят только убедиться, обращаются ли русские союзы от своего собственного имени или от имени Красного Интернационала Профсоюзов; что же касается конференции транспортников, говорится дальше, то Международная Федерация Профсоюзов за решения этой конференции никакой ответственности не несет.

ВЦСПС в своем письме к амстердамцам ссылался на конференцию транспортников и указывал на то, что желательно и в остальных производствах заключить такое жо соглашение. Но нажим реформистов был так велик, что им удалось на Совете Интернационала транспортников (август 1923 года) провести резолюцию, заявляющую, что, с одной стороны, создание единого фронта вещь хорошая, но с другой — нужно, чтобы этот вопрос обсудил Амстердамский Интернационал. Естественно, что, когда говорится «и с одной стороны, и с другой стороны»,—то в результате получается — ни с какой стороны. И в данном случае, получилось, что хотя все решения, принятые на Берлинской конференции, принципиально и признаны Международной Федерацией транспортников, однако, приктически ни с места не двинулись.

Постановили мы, например, на Берлинской конференции создать Международный Комитет Действия против войны и фашистской реакции, но реформисты дальше «принципа» не пошли. Известно, что Генрих IV выражал желание, чтобы каждый мужик имел курицу к обеду, но от этого принципиального желания Генриха IV у французского мужика не только курицы, но и черного хлеба не было в свое время. От таких принципов нам ни тепло, ни холодно. Во всяком случае, пока амстердамцам удалось «засаботировать» то, чему мы положили начало.

Насколько идея единого фронта была популярна в рабочих массах, показывает с'езд бельгийских профсоюзов, имевший место в первых числах августа 1923 года. На этом с'езде была принята резолюция, в которой бюро руководящего ядра бельгийских профсоюзов обязывается отстаивать в Амстердамском Интернационале единый фронт. Если в головах руководителей бельгийских союзов нашла себе местечко идея единого фронта, то это отнюдь не по их вине. Очевидно, что даже там, где саботаж единого фронта проходил блестяще — а на этот счет надо отдать справедливость руководителям

бельгийского рабочего движения — даже там нельзя было в то время ограничиться отписками, а необходимо было дать рабочим массам точный ответ на вопрос: хочешь или нет бороться вместе с коммунистами против реакции? В этом постановлении бельгийского с'езда профсоюзов отражается идейный и организационный распад Амстердамского Интернационала, отдельные части которого под давлением рабочих масс вступают в противоречие с линией своего международного об'единения.

Приведу еще один пример. Одновременно с конференцией транспортников в Берлине между 23 и 25 мая 1923 года происходил Гамбургский об'единительный конгресс II и 2½ Интернационала. На нем было 600 делегатов, а в то же время у нас — только 9. У них был конгресс, а у нас только *маленькое совещание*. На Гамбургском конгрессе присутствовал один секретарь Амстердамского Интернационала — Удегест, а на нашем совещании другой секретарь его — Фиммен. В Гамбурге Удегест говорил против коммунистов и единого фронта, а в Берлине Фиммен заключил единый фронт с нами. Легко себе представить, каков политический базис и политическая мощь организации, в которой один секретарь братается с коммунистами, а другой — с их противниками.

Правда, Амстердамский Интернационал, в конце концов, отделался от Фиммена и установил некоторое равновесие в своем секретариате. Но на этом не заканчиваются злоключения этого Интернационала. Отделавшись от левого секретаря, амстердамцы неожиданно для них получили в лице Перселя левого председателя, который отражает новые настроения, приобретшие довольно большую силу в последние годы в мировом профессиональном движении.

Амстердамцы думали отделаться от оппозиции, выкинув за борт Фиммена, но эта оппозиция проложила себе дорогу через английское профдвижение и заняла руководящие посты в Амстердамском Интернационале.

В результате 5 лет борьбы против коммунизма и всего революционного, что имеется в международном профдвижении, Амстердамский Интернационал не только не стал более однородным идейно и политически боеспособным, но и потерял свою первоначальную реформистскую первобытность, ибо крамола забралась в самое его сердце. Внутри Амстердамского Интернационала образовалось, незаметно для его руководителей, левое крыло, к рассмотрению программы и тактики которого мы теперь переходим.

Левое крыло Амстердамского Интернационала.

Да существует ли такое левое крыло? Ряд товарищей в Германии высказывают вообще сомнение в существовании левого крыла Амстердамского Интернационале. Если под левым крылом разуметь организованное, имеющее свою программу и тактику, течение, противопоставляющее свою политику правому крылу, то в таком смысле левого крыла, конечно, не существует. Внутри Амстердамского Интернационала, начиная с Рурского конфликта, как мы уже указывали выше,

обозначилось недовольство. Это недовольство нашло свое отражение в верхах. Оно пока еще не оформлено, много в этом недовольстве неясного, и те, кто называют себя левым крылом, очень часто мало отличаются от правого или плетутся за ним. И тем не менее можно сказать, что левое крыло существует. В этом крыле находятся все элементы, за исключением сторонников Профинтерна, находящихся внутри Амстердамского Интернационала, недовольные в той или другой форме его политической и организационной линией.

Недовольство это идет по разным направлениям: одни хотят единого фронта налево и разрыва коалиции с буржуазией, другие хотят соглашения *исключительно* с русскими союзами, третьи вносят маленькие поправочки в общую линию, четвертые недовольны бездеятельностью Амстердамского Интернационала, пятые — структурой его и т. д. Впервые левое крыло проявилось на Венском с'езде Амстердамского Интернационала (июнь 1924 года), при чем на этом с'езде оппозиция показала свой половинчатый и политически-неоформленный характер. Разногласия на Венском с'езде были по вопросу об отношении к русским союзам, и после горячей дискуссии была принята единогласно резолюция, в которой повторяется, приблизительно, то же самое, что Амстердамский Интернационал говорил в течение нескольких лет. Физиономию левого крыла можно было видеть на международном с'езде транспортников, где Фиммен выступал против плана Дауэса, а другие ораторы выступали за него.

С'езд английских профсоюзов в Гулле был также проявлением левых тенденций внутри Амстердамского Интернационала. Трудно здесь говорить о программе, ибо на три четверти решения Гуллского конгресса ничем не отличаются от решения предыдущих конгрессов. Он высказался за политику рабочей партии, прошел мимо коалиции Макдональда с буржуазией, обошел вопрос, — а этим самым, стало быть, подтвердил, — о плане Дауэса, поздравил Макдональда с его пацифистской политикой, принял программу практических требований, но оговорил, что он будет ее проводить исключительно «законными средствами» и т. д. А с другой стороны, этот же конгресс — и это является новым в английском профессиональном движении — выразил в очень горячей форме свое дружелюбное отношение к русским профессиональным союзам, принял хотя и не вполне определенную и не совсем ясную резолюцию, в которой говорится о желательности единства, и сделал шаг по пути реорганизации и дальнейшей концентрации профессиональных союзов. То, что произошло в Гулле, было только липь отражением процесса полевения, происходящего в широких слоях английского пролетариата. Если бы мы попытались свести воедино программу левого крыла, мы встретили бы большие затруднения. Те, кто, скажем, как Фиммен, подписали с нами соглашение на Берлинской конференции транспортников, имеют более или менее определенную линию. Они высказываются за единый фронт с коммунистами, при чем знают, для чего они добиваются этого

единого фронта. Такой ясности нет у всего левого крыла. В каждой стране, в каждом производстве известная часть элементов, принадлежащих к Амстердамскому Интернационалу, причисляет себя к левому крылу, при чем само левое крыло не пытается противопоставить себя правому крылу по всей линии на определенной политической платформе. Но, в таком случае, правы те, кто вообще отрицает существование левого крыла? Нет, они неправы. Нужно точно условиться, о чем идет речь. Ведь, мы не говорим о левом крыле в международном рабочем движении. Это левое крыло представлено Коминтерном и Профинтерном. Мы же говорим о левом крыле Амстердамского Интернационала, а это левое крыло болеет всеми болезнями этой организации и медленно высвобождается от реформистской идеологии.

Важнейший вопрос, который стоит перед нами, заключается в следующем: каково должно быть наше отношение вот к этому мало оформленному, неопределенному, колеблющемуся и не имеющему своей программы и тактики левому крылу Амстердамского Интернационала? Мы бы совершили большую ошибку, если бы возлагали большие надежды на это крыло, но мы совершили бы не меньшую ошибку, если бы прошли мимо него и отмахнулись от этого в высшей степени важного явления. Ведь мы ставим перед собою задачу завоевания профессиональных союзов, массовых профессиональных организаций. Каким образом происходит это завоевание? Процесс завоевания длительный и болезненный. Часть мы завоевываем целиком, некоторая часть рабочих находится на пути от Амстердама к Москве; они находятся еще частью под влиянием реформистской идеологии, но с другой стороны—ищут новых путей. Левое крыло отражает вот эту передвижку внутри широких масс, передвижку, которая происходит очень медленно, но которая не может не происходить под влиянием об'ективных условий. Мы должны тщательно изучить левое крыло и его слабости. Мы должны поддержать каждый шаг, сделанный левым крылом по пути освобождения от старой идеологии, мы должны критиковать все слабости левого крыла, его половинчатость, неопределенность его программы, непоследовательность и боязнь противопоставить себя правому крылу. Мы, таким образом, по отношению к левому крылу,—а это относится ко всем разновидностям этого левого крыла, — применяем формулу: постольку — поскольку. Поскольку левое крыло делает хотя бы малейший шаг в борьбе с теорией и практикой Амстердамского Интернационала, оно должно встретить самую решительную поддержку, поскольку же оно тянется за правым крылом, оно должно встретить с нашей стороны решительную критику. Только в том случае, если мы будем поддерживать и критиковать это левое крыло, раз'ясняя в то же время широким массам необходимость действительной, революционной, последовательной линии, только в этом случае мы сумеем постепенно привлечь на свою сторону те массы, которые идут за левым крылом и поддерживают его непоследовательную линию. Это определяет также и наше отношение ко всему английскому профес-

сиональному движению. В английском профессиональном движении в настоящее время мы имеем три группировки: решительных сторонников Профинтерна, об'единенных в движении меньшинства, решительных противников Профинтерна в правом крыле и центр, который руководил последним Гулльским конгрессом, и который занимает позицию, дружественную по отношению к русским союзам, но враждебную по отношению к Профинтерну. И здесь мы должны сделать все, от нас зависящее, чтобы поддержать центральную группу в английском профессиональном движении против правых, ни на одну минуту не забывая ее слабости, половинчатости, непоследовательности и глубоко реформистский характер ее тактических предложений и выступлений.

Революционные меньшинства внутри Амстердамского Интернационала.

Наш лозунг против раскола и за единство профдвижения привел к образованию внутри реформистских союзов,—а стало быть, внутри Амстердамского Интернационала, — организаций революционных меньшинств. Меньшинства эти организованы в каждой стране по-разному, но, несмотря на различный тип организации и различные названия, все они в общем и целом стоят на одной и той же платформе. В Германии оппозиция группируется вокруг коммунистических фракций. В конце 1923 года на конференции, в Веймаре, была сделана попытка создать оппозиционный блок, который об'единил бы, как все оппозиционные элементы внутри Общегерманского Об'единения Профессиональных Союзов, так и стоящие вне его. Но вся работа в Германии идет во фракциях, за которыми следуют довольно широкие слои сочувствующих коммунизму рабочих. Здесь борьба в наиболее яркой форме между коммунистами и социал-демократами внутри профессиональных союзов. В Австрии революционные рабочие, стоящие на платформе Профинтерна, создали «оппозиционный блок». В Испании коммунисты и синдикалисты, стоящие на платформе Профинтерна, находящиеся внутри реформистской и анархо-синдикалистской Конфедерации Труда, создали Комитет революционных синдикалистов и борются за единство всего испанского профессионального движения; в Америке революционное меньшинство об'единяется вокруг Лиги Профессиональной Пропаганды, которая ведет ожесточенную борьбу против созданной Гомперсом реакционной машины. В Англии все революционные элементы профессионального движения об'единились на конференции (август 1924 года) в национальное движение меньшинства. Это движение меньшинства резко отличается от левого крыла. Движение меньшинства имеет ясную и отчетливую платформу и стоит целиком на точке зрения Профинтерна.

Нет такой страны в мире, где бы внутри реформистских профсоюзов не было революционных групп, которые в зависимости от степени развития борьбы об'единены не только в местном, но и в национальном масштабе. Создание и об'единение под различными

ясного, что Коминтерн и Профинтерн не на словах, а на деле—против раскола, против лозунга разрушения союзов, что они проводят в жизнь, на практике свой лозунг завоевания союзов. Если бы коммунисты были за раскол, как это утверждают реформисты, то что мешало бы нам об'явить это открыто? Коммунистов, насколько мне известно, нельзя обвинять в недостатке откровенности. Мы наши лозунги приспособляем к многомиллионной массе, и если бы, действительно, хотели раскола, то мы не организовывали бы меньшинств и не боролись бы с остервенением против исключений, а открыли бы свою лавочку, и никакие вопли реформистов не могли бы нас напугать. Между тем, Комитерн и Профинтерн ведут ожесточенную борьбу против исключений и борются за право организовывать своих сторонников там, где они есть, и на этой почве об'единяют миллионы рабочих, организационно связанных с реформистским Интернационалом.

Если взять страну за страной и подсчитать, каково влияние этих меньшинств, то мы, хотя и встретим затруднения при подсчете, сможем все же определить удельный вес наших сторонников. Надо иметь в виду, что подсчет революционных меньшинств крайне труден. Революционное меньшинство—не организация, имеющая законченные рамки: это — политическое об'единение единомышленников. И поэтому нельзя дать точного учета наших сил. Но если нельзя *организационно* учесть количество наших сторонников, то политическое влияние их можно по целому ряду признаков (конференции, с'езды, выборы, фабзавкомы, стачки и т. д.) учесть с достаточной полнотой. Если с этой точки зрения подойти к оценке наших меньшинств, то мы можем сказать, что мы об'единяем внутри Амстердамского Интернационала *не меньше одной трети* его членов. Тенденция развития международного профессионального движения ведет к постоянному неуклонному росту нашего влияния, что крайне нервирует профбюрократов всех стран. Отсюда растущие репрессии со стороны профбюрократов против коммунистов (исключения, индивидуальные и коллективные), отсюда рост ожесточения всего реакционного профдвижения против Коминтерна и Профинтерна.

Профинтерн, таким образом, находится внутри Амстердамского Интернационала через национально-организованные меньшинства. Амстердамский Интернационал внутри Профинтерна своих сторонников не имеет. В этом сила Профинтерна и слабость Амстердамского Интернационала.

Амстердамский Интернационал и единый фронт.

Из всего предыдущего вывод о том, каково должно быть отношение Амстердамского Интернационала и всех реформистских организаций к тактике единого фронта, напрашивается сам собой. Каково происхождение идеи единого фронта, и каково отношение к единому фронту со стороны реформистского крыла рабочего движения?

Идея единого фронта возникла одновременно с отливом революционной волны в 1921 году. Надо сказать совершенно откровенно, что в первое время после Октябрьской революции, мы, русские коммунисты, переоценивали темп развития мировой революции. Казалось, что за нашей революцией непосредственно последует революция в главнейших странах Европы: одни определяли это неделями, другие — месяцами, в общем, это ожидание близкой развязки, быстрого развития событий, несомненно, накладывало определенную печать на всю нашу тактику.

Тактика революционной партии определяется не отвлеченными принципами, а оценкой реального положения дел и соотношением сил в борьбе. Для того, чтобы выбрать линию поведения на ближайший период, т.-е. наметить стратегический план действий, мы должны оценить обстановку, соотношение сил, степень сопротивляемости нашего врага, степень нашей организованности, учесть наличие всех борющихся сил, изучить социальную топографию местности,—а местность у нас довольно большая, так как она охватывает весь мир—и только на основании всего этого определяется наша линия. При быстром темпе развития событий—линия одна, при более медленном — у нас другая линия, хотя и имеющая перед собой ту же самую задачу.

Каковы характерные черты первых двух лет по-октябрьского периода? Припомним развитие событий в Германии и те уличные бои, которые там происходили при отсутствии не только сильной коммунистической партии, но даже сильных коммунистических местных организаций. Первый период характеризуется лобовыми атаками; они были отбиты. Наступил новый период, новая перегруппировка сил, наступила некоторая усталость, утомление в рабочих массах, буржуазия начала наступать на рабочий класс, отнимать его элементарные завоевания. В связи с этим перед Коминтерном стала задача повести такую линию, чтобы на почве противодействия наступающему капиталу сплотить ряды, задержать наступление, а потом от этой формы борьбы перейти уже к наступательным действиям.

Положение в 1921 году в мировом рабочем движении было уже немного труднее, чем в 1919 году, непосредственно после окончания войны. Стихийное движение начало улегаться, — высоко поднимающиеся революционные волны, которые сильно пугали буржуазию, были недостаточно могущественны, чтобы разбить этот колосс капиталистического здания. Начинается новый период, и к этому периоду надо было приспособить нашу тактику, тактику единого фронта, которая имела своей задачей при изменившихся условиях *сплотить широкие массы и, по мере сплочения, вовлекать их на путь оборонительной, а затем и наступательной революционной борьбы с капиталистической системой.*

В чем суть единого фронта? — Его можно определить следующим образом. Коммунисты и революционные рабочие обращаются к беспартийным рабочим, к реформистам, к католическим рабочим

союзам, одним словом, к рабочим без различия направления и говорят им следующее: «Мы расходимся с вами в вопросах основных: мы за диктатуру пролетариата — вы против, мы за революцию — вы за сотрудничество классов и т. д. Но сходимся мы с вами в том, что нужно сохранить 8-часовой рабочий день, что нужно заработную плату приспособить к растущей дороговизне жизни, что нужно сохранить те социальные завоевания, которых вы уже добились. Давайте, рабочие всех направлений, вести совместную борьбу по вашей программе, а не по нашей, давайте на основе ваших же требований создадим единый фронт. Наша программа не исчерпывается одними экономическими требованиями и требованиями борьбы против опасности войны. Наша программа несравненно шире, при чем основной пункт ее это — свержение капитализма, — вы с этим несогласны: вынесем за скобку пункты, которые нас разделяют, и оставим только то, что нас об'единяет и на этой почве будем вести беспощадную борьбу». Вот содержание, характер и смысл единого фронта.

Первый вопрос, который возникает: правильна ли эта линия со стороны революционной коммунистической партии, а также и со стороны революционных союзов? Можем ли мы для создания единого фронта вынести за скобку то, что нас отделяет от реформистов? Можем ли мы сделать и допустим ли такой стратегический маневр? Прежде всего, единый фронт возможен только тогда, если он—*чисто рабочий фронт*, а это и есть коренное отличие наше от реформистов, которые стоят за единый *рабоче-предпринимательский фронт*. Значит, первое основное отличие нашего единого фронта это — его чисто-рабочий характер, независимо от политических убеждений отдельных рабочих или групп. Дальше, цель этого единого фронта— борьба с буржуазией. Стало-быть, вы видите опять, что единый фронт направлен целиком против враждебного нам класса. И опять-таки самая идея единого фронта резко сталкивается с теорией и практикой реформизма, ибо у него дело идет о сотрудничестве классов.

Таковы пределы единого фронта для нас — для коммунистов. За эти пределы мы выходить не можем. И именно потому, что единый фронт должен быть чисто-рабочим, потому, что его задачи анти-предпринимательские, анти-буржуазные, потому, что он должен вести борьбу, а не соглашение, именно поэтому реформистские организации были все время против единого фронта. В этом заключается содержание позиции амстердамцев.

Амстердамцы смотрели и смотрят на единый фронт, как на новую, последнюю выдумку большевиков. Лозунг «единый фронт» был так и понят ими, как новый маневр «Москвы». (Под понятие «Москва» подводится ими все: и Профинтерн, и Коминтерн, и весь Советский Союз—все, что имеет какое-либо касательство к русской революции). Вот как поняли реформисты наше предложение единого фронта, хотя на самом деле их враждебное отношение к нему об'ясняется тем, что единый фронт предполагает классовую борьбу,

предполагает разрыв коалиции с буржуазией, тогда как амстердамцы являются самыми горячими сторонниками этой коалиции. По мере того, как создавался бы единый фронт с коммунистами— и в этом отношении они отдавали себе правильный отчет — самая возможность единого фронта с буржуазией должна была бы отпадать. Тут нельзя найти синтеза, третьего выхода нет: или с левым крылом рабочих, или с левым крылом буржуазии, и поэтому совершенно естественно было враждебное отношение Амстердамского Интернационала к идее единого фронта, и совершенно естественны были его попытки опорочить эту идею, не проводя ее в жизнь.

По поводу единого фронта были неоднократные выступления со стороны Амстердамского и II Интернационалов. У всех на памяти, что в свое время было в Берлине (в начале 1922 года), совещание трех Интернационалов, на котором были представлены и Коминтерн и II и 2½ Интернационалы. Тут получился далеко не единый фронт, а только разговоры, с одной стороны, на тему о зловредности большевизма, а с другой—о буржуазном, империалистическом характере реформизма. Таким образом, эта встреча представителей трех Исполкомов была попыткой нащупать крепость мышц друг друга, но никаких положительных результатов она дать не могла. Но эта неудача не могла остановить ни Профинтерн, ни Коминтерн в их дальнейших попытках создать единый фронт, и каждый раз, когда в международном рабочем движении или в международной политике выдвигался какой-нибудь важный момент, мы обращались к Интернационалам— и к Амстердамскому и к другим—предлагая им совместно действовать. При этом всегда и неизменно либо мы не получали ответа, либо получали ответ в том духе, что «мы, мол, на провокацию и маневры Москвы не поддадимся».

Интернационал слова и бездействия.

Амстердамский Интернационал никогда не отличался особой активностью, но теперь он окончательно потерял малейшую способность что-либо сделать. В самом деле: внутри Амстердамского Интернационала имеется одна треть сторонников Красного Профинтерна, остальные две трети делятся приблизительно поровну между левым и правым крылом Амстердамского Интернационала. Руководство находится в руках правого крыла, которое никогда не обнаруживало большого желания к действию. Реформистская теория и практика заключается, прежде всего, в том, что каждая национальная организация самостоятельна и независима, и Интернационал не имеет права вмешиваться в ее внутреннюю жизнь. Эта автономия и независимость входящих в Интернационал частей превращают его в сумму национальных организаций, для которых интересы международные стоят на втором месте.

Уже одно это делает Амстердамское об'единение только формальным Интернационалом. Он не в состоянии действовать. Если принять далее во внимание наличие внутри этого Интернационала ожесточенной идейной борьбы, то станет понятным, что Интернационал этот за пределы фраз и бессодержательных постановлений

выйти не может. Это не Интернационал действия, не Интернационал, организующий международные выступления пролетариата, а Интернационал бездействия, который в лучшем случае является посредником для взаимного обмена сведениями и организацией для периодического писания резолюций.

Амстердамский Интернационал, как организация, проявил себя только в двух направлениях: в борьбе с коммунизмом и в поддержке Лиги Наций. Наиболее активно этот Интернационал проявил себя против коммунизма и в этом—смысл его существования. Буржуазия всех стран рассматривает Амстердамский Интернационал, как оплот против большевистской опасности и опору в борьбе с надвигающейся революцией. Не случайно, ведь, румынская и юго-славянская полиция требует от профессиональных союзов присоединения к Амстердамскому Интернационалу. Это служит свидетельством о благонадежности.

Международную Федерацию профсоюзов можно назвать как угодно: международным обществом для взаимной информации, международным об'единением для саботажа революции, обществом взаимного страхования от коммунизма и т. д. Но Амстердамский Интернационал нельзя назвать рабочим Интернационалом, ибо реформизм, поскольку он спаян с буржуазией, создать Интернационала не может.

Амстердамский Интернационал и русская революция.

Естественно, что поскольку в основе философии Амстердамского Интернационала лежит его отрицательное отношение к революции, поскольку он считает, что рабочий класс может проиграть от революции, — постольку он делает все для того, чтобы революции не было, и относится с подозрением, во всяком случае, недружелюбно, к тем революциям, которые уже произошли. И действительно, именно из этой принципиальной линии Амстердамского Интернационала и вытекает его постоянно враждебное отношение к русской революции, особенно с того момента, когда русская революция приняла большевистский характер. Надо, однако, сказать, что отдельные реформистские союзы в момент февральской революции приняли переворот в России очень восторженно. Но с того момента, когда русская революция приняла октябрьский характер, мы имеем в высшей степени резко враждебное отношение к ней, к большевизму, к коммунизму, одним словом, ко всему тому, что связано с русской революцией. Тут надо отметить несколько моментов, которые в высшей степени любопытны для характеристики Амстердамского Интернационала.

Я уже сказал, что Амстердамский Интернационал резко и категорически против всей нашей концепции; он против диктатуры пролетариата, ибо предпочитает диктатуру буржуазии. Но каждый раз, когда русская революция переживала кризис, Амстердамский Интернационал пытался выступить на защиту русской революции. Здесь имеется внутреннее противоречие. Это противоречие наиболее ярко выразилось после подавления венгерской революции и в момент

наступления польской буржуазии на Советскую Россию. Все организации, примыкающие к Амстердамскому Интернационалу, как и сам Амстердамский Интернационал, не находили слов для того, чтобы опорочить и поносить венгерскую революцию, которая занесла в центральную Европу варварские «азиатско-большевистские» методы. Но когда победила реакция Хорти, тогда Амстердамский Интернационал выступил в защиту венгерских рабочих, в защиту разгоняемых профессиональных союзов. Казалось бы наиболее логичным поддерживать венгерских рабочих в то время, когда они были у власти, — это и есть наиболее удобный момент для поддержки, а не тогда, когда десятки тысяч рабочих перебиты, а сотни тысяч находятся за пределами самой Венгрии.

Почему же Амстердамский Интернационал выступил на защиту уже после разгрома?—Потому, что он должен был это сделать по отношению к рабочим, находящимся в его же союзах, ему нужно было показать, что он борется с реакцией, что он защищает рабочих других стран. Своим выступлением он как бы говорил: «Хотя венгерские рабочие и ошибались, но тем не менее мы должны их защищать». Таким образом, само выступление Амстердамского Интернационала в защиту пролетариата той или другой страны об'ясняется нажимом снизу, стремлением Амстердамского Интернационала удержать под своим влиянием массы, которые ушли бы от него, если бы он не проявлял хотя бы внешней, показной активности.

Что касается отношения Амстердамского Интернационала к Советскому Союзу, то имеется целый ряд выступлений его руководителей очень резкого характера против большевистской России, против русских союзов, Советской власти и т. д. Почему же в момент наступления Польши на Советский Союз амстердамцы вдруг вспомнили, что Советский Союз—это все-таки страна победившей революции?

Наиболее крайние из реформистов, утверждая, что царизм и большевизм—одно и то же, в то же время кричат, что нужно спасать революцию. Что же тут спасать, раз революции нет, раз она уже мертва?—Но это противоречие вы найдете во всем международном реформизме; в этой реформистской теории сказывается их политическое двуличие, ибо все их поведение не соответствует тому, что они думают. Раз ты считаешь, что царизм и большевизм—одно и то же, то нужно призывать к низвержению большевизма—вот логика. Но такой призыв невозможен потому, что реформистские организации наполнены рабочими, которые инстинктивно сочувствуют СССР. И вот, с одной стороны, стремление помочь Советскому Союзу: были даже попытки об'явить бойкот Польше и была организована, правда небольшая, помощь во время голода в СССР, а с другой — отрицательное отношение к нашей революции.

В этом противоречии бьется все реформистское рабочее движение. Особенно ярко это противоречие проявилось на Гамбургском

конгрессе II и 2½ Интернационалов (май 1923 года). Там докладчиком по вопросу о положении в СССР был меньшевик Абрамович, который для того сидит за границей, чтобы представлять там во всех случаях «российский пролетариат». Он выработал такую резолюцию, которая показалась неприемлемой даже для наиболее крайних реформистов, каковыми являются представители рабочей партии Англии. Долго на эту тему вели дискуссию, и, несмотря на то, что Абрамович горько плакал в жилет своим заграничным реформистским друзьям о всех бедах, которые пришлось вытерпеть меньшевикам в России, эти друзья оказались настолько коварными, что обрушились не на большевиков, а на Абрамовича. Чем же это об'яснить? Ведь с'езд был реформистский?—Тем, что для западноевропейского рабочего большевик — революционер, который сверг буржуазию, потому что западно-европейский рабочий не может понять, каким образом можно относиться враждебно к русской революции, при чем надо сказать, что в этом непонимании имеется довольно сильный элемент патриотизма. Реформист не может понять, как можно выступать против своего отечества. Право ли или виновато мое отечество, но я с ним,—таков символ веры западно-европейского рабочего. Исходя из патриотических соображений, он не может понять, как могли русские социал-революционеры вместе с французскими, английскими и американскими войсками воевать против СССР. Реформизм английский, немецкий, французский может заключить блок со своей черной сотней, но как можно вступить в соглашение с иностранными врагами против своего отечества—этого патриотически и реформистски настроенный рабочий понять не может. С другой стороны, как бы ни были руководители настроены против большевизма, они должны считаться с рядовыми членами своих организаций. Сочувствие широких масс к русской революции связывало реформистских лидеров. Только оголтелый реакционер Гомперс открыто выступал против русской революции, проклиная большевиков и Советский Союз, как исчадие ада.

Если принять все это во внимание, то станет понятным, почему в Гамбурге меньшевистское выступление не встретило сочувствия. Резолюция Абрамовича была несколько раз переделана, и тем не менее большое количество делегатов и, главным образом, англичане голосовали против нее.

Мы видим, таким образом, что отношение Амстердамского Интернационала к русской ревслюции было всегда двойственным. При чем в момент опасности для русской революции Амстердамский Интернационал в своих воззваниях находил довольно революционные формулы, чтобы сказать, что свержение Советского правительства будет означать реакцию не только на территории России, но и во всем мире. Вот это сознание, что падение Советского Союза было бы победой не только русской, но и мировой реакции, настолько прочно и крепко держится в головах европейских и американских рабочих, что даже наиболее реакционные руководители не могут итти вразрез с классовым чутьем широких рабочих масс.

Отсюда — колебание и зигзагообразное поведение Амстердамского Интернационал по отношению к Советскому Союзу: бешеная кампания против Советского Союза, если нет для него опасности извне, и вынужденная помощь, если эта опасность есть. Таким образом делается два шага вперед—три назад. Эти противоречия вытекают из противоречивого состава самого Амстердамского Интернационала: из неоформленных симпатий к нам со стороны масс и оформленной ненависти к нам со стороны руководителей.

Интернационалы по производствам.

Характеристика всего правого крыла международного профдвижения была бы неполной, если бы мы не остановились на существующих производственных интернационалах, которые связаны с Амстердамским Интернационалом. Таких интернационалов насчитывается 29. Интернационалы эти возникли в конце XIX и в начале XX столетия. Одни раньше, другие позже, при чем они, в целях совместной борьбы, об'единяют по вертикальной линии работников одной профессии, одного производства. Собственно, такова идея каждого интернационала. На самом-то деле, эти интернационалы на протяжении довольно долгого своего существования вели не особенно заметную политическую жизнь. Они по преимуществу были органами взаимной информации, и справедливость требует сказать, что информация тоже была не особенно хорошо поставлена. С началом войны и последующим крахом социалистического и профессионального Интернационалов, эти интернационалы прекратили свое существование. Выше уже было сказано, что с началом войны все международные организации, в том числе и рабочие интернационалы, разделились по военно-дипломатическим коалициям, в зависимости оттого, где данный интернационал находился. Социалистический Интернационал имел местопребывание в Брюсселе, и ключи от него находились в руках Вандервельде; профессиональный Интернационал имел местопребывание в Берлине, во главе его стоял Легин, тянувший к центральным империям. Все производственные интернационалы находились частью в Германии, частью в Англии, частью в других странах и, в зависимости от местонахождения, они ориентировались на ту или другую военную коалицию. Фактически производственные интернационалы не существовали во время войны и начали возрождаться после войны одновременно с рождением Амстердамского Интернационала.

Что представляют собою эти производственные об'единения?— Если взять их вместе, по вертикальной линии, то окажется, что все они в 1924 году насчитывали 16½ миллионов членов, что соответствует, в общем и целом, тому количеству членов, которое дает Амстердамский Интернационал, об'единяющий тех же рабочих, но по вертикальной линии.

Наиболее крупный производственный интернационал — это интернационал металлистов: он об'единяет почти 3 миллиона чле-

нов. Затем, интернационал горнорабочих, об'единяющих 2½ миллиона, фабричных рабочих (химиков)—2.300.000; затем идут транспортники — 2.300.000; интернационалы сельско-хозяйственных рабочих и текстильщиков, насчитывающие по 1½ миллиона членов. Меньше миллиона членов насчитывают деревообделочники, служащие и строители. Это—наиболее крупные международные об'единения. Но мы имеем и такие производственные интернационалы, которых только с трудом можно назвать международными организациями, например, мы имеем интернационал парикмахеров, который имеет 12 тысяч членов; меховщиков, имеющий 13 тысяч членов; горшечников — 13 тысяч членов и т. д. Достаточно сказать, что имеется несколько интернационалов даже в одном производстве: маляры имеют свой интернационал, строительные рабочие—свой, каменщики—свой и т. д. и т. д. Литографы, печатники и переплетчики организованы в отдельные интернационалы. Одним словом, при тщательном рассмотрении этих интернационалов, мы увидим исключительно формальные об'единения, удельный вес которых достаточно характеризуется таким числом членов, как 12—15 тысяч во всем мире. Это характерно для реформистского профдвижения, имеющего массу отдельных организаций, каждая из которых печется о своей автономии и стремится остаться в рамках своей профессии.

Но эти интернационалы характеризуются не только своей распыленностью — это было бы еще пол-беды. Имеется несколько интернационалов, как например: металлистов, горнорабочих, фабричных рабочих, транспортников, которые могли бы сыграть большую роль в классовой борьбе. Но если взять несколько последних лет существования этих об'единений, то мы увидим, что они ни в международной политике, ни во время национальных крупных столкновений не играли никакой роли даже в своих производствах. На нескольких примерах мы попытаемся выявить, в чем заключается тактика этих интернационалов, и чем она разнится от тактики революционных союзов.

Всем, конечно, памятна крупная 13-недельная стачка английских углекопов, бывшая в начале 1921 года. Эта стачка, охватившая больше миллиона углекопов Англии, имела большое значение для всего английского рабочего движения, и, в частности, для движения горнорабочих. Первое, что характерно для этой стачки—это ее изолированность внутри страны. Тройственный союз—соглашение горнорабочих, транспортников и железнодорожников на предмет совместных действий—лопнул вместе с этой стачкой. Английские транспортники и железнодорожники не поддержали горнорабочих; но последние оказались изолированными не только в национальном, но и в международном масштабе, потому что ни одна организация горнорабочих ничего не сделала, чтобы поддержать своих английских собратьев. Каким образом горнопромышленникам Англии удалось разбить это движение?—Благодаря немецкому, американскому и бельгийскому углю. Таким образом, члены

одного и того же интернационала дали возможность английским углепромышленникам раздавить это колоссальное, мощное движение и отбросить назад наиболее революционно настроенную федерацию углекопов.

Однако, английские углекопы, потерпевшие поражение в 1921 году, взяли «реванш» во время стачки американских углекопов. В 1922 году бастовало 500 тысяч американских углекопов. На этот раз английские рабочие ничего не сделали в смысле помощи американским рабочим, и уголь, добываемый английскими углекопами, помог разбить американских горнорабочих. Такие же взаимоотношения мы имеем между горнорабочими всей Европы. Ни немецкие, ни бельгийские, ни французские углекопы не шелохнулись во время стачки английских углекопов и по той простой причине, что английские углекопы не особенно беспокоились во время забастовок рабочих других европейских стран.

В такой же изоляции очутились немецкие горнорабочие во время стачки 1924 года. То же было во время стачки горнорабочих Боринажа, между тем, особенно английским, немецким, бельгийским и французским углекопам, если даже исходить с точки зрения узкого профессионализма—следовало бы организовать совместную борьбу, ибо ухудшение условий труда в одной из этих стран немедленно отражается на положении горнорабочих всех остальных стран.

Характерной чертой этого интернационала горнорабочих, как и всех остальных производственных интернационалов, является национальная тактика его отдельных составных частей. Организация, которая в моменты острой борьбы в какой-либо стране остается в стороне от борьбы и не только не помогает борющимся рабочим своего производства, но равнодушно взирает на то, как его составные части—горнорабочие других стран—срывают борьбу,—конечно, не является интернационалом.

Аналогичную же тактику—если это можно назвать тактикой—мы имеем и в интернационале металлистов. Так, во время локаута металлистов в Англии в 1923 году, ни одна секция, примыкающая к этому интернационалу, ничего не сделала для того, чтобы помочь английским металлистам. Единственным интернационалом, в котором замечается хотя бы некоторое стремление что-нибудь сделать на международной арене, является интернационал транспортников: им была предпринята попытка бойкотировать Венгрию Хорти, была попытка бойкота Польши во время наступления на Советский Союз и т. д. Правда, из-за саботажа отдельных организаций, эти попытки не давали больших результатов, но здесь мы все-таки замечали стремление стать интернационалом по существу.

Деятельность остальных интернационалов даже рассматривать нечего: они абсолютно ничем не отличаются от интернационала горнорабочих, металлистов и т. д.,—все они бездеятельны, пассивны, продолжая по вертикальной линии общую политику Амстердамского Интернационала.

В высшей степени характерно отношение всех интернационалов по производствам к той борьбе, которую приходится вести германскому пролетариату против своей и антантовской буржуазии. Каждый, даже политически неграмотный человек, знает, что система репараций—деньгами и натурой, план Дауэса—все это проводится за счет закабаления немецкого пролетариата, и что понижение жизненного уровня немецких рабочих должно повлечь за собою автоматическое понижение жизненного уровня рабочих других стран. Самый простой расчет должен был бы заставить все эти интернационалы выступить на защиту немецких рабочих. Между тем все они вместе с Амстердамским Интернационалом поддерживают систему репараций и план Дауэса, подготовляя этим условия для отмены 8-часового рабочего дня и понижения заработной платы во всей Европе.

Особенность всех этих интернационалов заключается в том, что чем больше вспыхивает в отдельных странах конфликтов, тем меньше слышно о них. При чем сами интернационалы не только не помышляют о руководстве борьбой, об организации международных выступлений, но даже не пытаются организовать материальную поддержку борющемуся пролетариату. Все гигантские экономические конфликты последних лет—в Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатах, в Норвегии, Швеции и т. д. — являются свидетельством того, что эти производственные интернационалы ведут в высшей степени мирный и тихий образ жизни. В начале войны Каутский сказал, что Интернационал является орудием мирного, а не военного времени. Руководители интернационалов по производствам, очевидно, тоже считают свои организации орудием «мирного» времени и поэтому исчезают с горизонта во время обостренных экономических конфликтов.

В каком же отношении находятся эти интернационалы к Амстердамскому Интернационалу? — До Венского конгресса они не были связаны с ним, признавая, в общем и целом, его политическое руководство. Мы, говорят они, интернационалы по профессиям, поэтому мы должны заниматься исключительно своими профессиональными вопросами, а Амстердамский Интернационал является обще-классовой организацией и занимается обще-классовыми вопросами. Так формулировали реформисты на происходившем в 1923 году международном с'езде химиков свою позицию, отказываясь от выступлений против войны и фашизма. На предложение русского союза пищевиков интернационалу пищевиков протестовать против интервенции в Китае, этот интернационал, во главе которого стоит левый амстердамец Шифферштейн, ответил, что такого рода выступление было бы смешным. Мы не думаем, что выступление интернационала пищевиков против разбойничьей политики империалистов в Китае было бы смешным. Смешны и жалки попытки окопаться в узком кругу корпоративных вопросов и не видеть, что порабощение колониальных и полуколониальных народов ведет к укреплению эксплоататарской системы.

Правда, были попытки со стороны отдельных интернационалов столковаться и выработать общую линию по наиболее боевым вопросам. Интернационалы металлистов, горнорабочих и транспортников хотели создать нечто в роде тройственного союза для международных выступлений, исходя из той мысли, что можно будет оказать этим большое воздействие на все международное движение. У них в 1922—1923 г.г. было несколько совещаний, они создали специальную комиссию, вынесли несколько резолюций протеста против войны, но действия со стороны и этих трех интернационалов опять-таки не было. Во время оккупации Рура эти три интернационала, обещавшие раньше что-то делать, ничего не сделали по той простой причине, что они так же раздираются национальными противоречиями, как и Амстердамский Интернационал.

На Венском с'езде Амстердамского Интернационала была сделана попытка организационно связать Амстердамский Интернационал с Международными Секретариатами. Это желание установить организационную связь было у правого и у левого крыла. Левое крыло хотело организационной связи для воздействия на политику Амстердамского Интернационала, а правое — для того, чтобы подчинить интернационалы по производствам общему руководству.

По вопросу о взаимоотношениях между Амстердамским Интернационалом и производственными Секретариатами на с'езде не было единодушия. Фиммен, например, выдвигал идею построения Амстердамского Интернационала на основе Международных Секретариатов. Но это не встретило сочувствия. На Венском с'езде дело закончилось тем, что Международным Секретариатам было предоставлено три места в президиуме Амстердамского Интернационала, при чем заранее было оговорено, что эти представители имеют решающий голос только лишь по вопросам, касающимся единства профдвижения.

Венский с'езд усилил связь между Амстердамским Интернационалом и Международными Секретариатами, поставив эти последние под непосредственный, правда, формальный, контроль Бюро Амстердамского Интернационала.

Борьба за организационную связь между Амстердамским Интернационалом и производственными Секретариатами имела в своей основе политический момент: отношение Интернационалов по производствам к революционным союзам вообще и к русским союзам в особенности. Я выше указывал, что в Амстердамском Интернационале появилось течение, которое высказалось за соглашение с русскими союзами. Сторонники соглашения с русскими союзами отстаивали ту точку зрения, что каждый интернационал может автономно разрешить этот вопрос. Амстердамский Интернационал оспаривал эту точку зрения, при чем он высказался и против единого фронта (конференция транспортников), и против приема русского союза в интернационал пищевиков (постановление Бюро Амстердамского Интернационала в ноябре 1923 года). Изо всех 29 интернационалов, только Интернационал пищевиков принял русский союз, все же остальные дальше ничего не говорящих резолюций не пошли.

Состоявшееся уже после Венского конгресса Амстердамского Интернационала Международные С'езды горнорабочих, текстильщиков, транспортников, строителей высказались против приема революционных союзов вообще и русских союзов в частности, до тех пор, пока этот вопрос не будет разрешен Амстердамским Интернационалом. Таким образом, хотя на Венском конгрессе Международные Секретариаты одержали, по мнению левых, победу (в принятой резолюции сказано, что Секретариат, включая в свой состав революционные союзы вообще или только русский союз, только доводят об этом до сведения Амстердамского Интернационала), они фактически подчинились общей линии и проводят директивы правого крыла Амстердама. Именно поэтому единство по вертикальной линии, несмотря на желание всех революционных союзов вступить в производственные интернационалы, не достигнуто. Этому единству амстердамцы оказали самое решительное сопротивление.

ЛЕКЦИЯ VI.

Красный Интернационал Профсоюзов.

(Профинтерн).

Корни Красного Профинтерна.

Перейдем теперь к другим течениям внутри международного профессионального движения.

Конкурирующей с Амстердамским Интернационалом организацией является, как всем известно, Красный Интернационал Профсоюзов, возникший в 1920 году. Каковы же корни этого Интернационала? Несомненно, корни революционного Интернационала Профсоюзов нужно отнести к военному периоду. Одновременно с отрезвлением рабочих от военного угара и созданием революционных ячеек внутри рабочих организаций — как политических, так и профессиональных, — одновременно с этим, родилась идея необходимости создания нового Интернационала. Правда, за все время войны идея создания нового революционного профессионального Интернационала не выдвигалась. В то время, как уже на Циммервальдской конференции, и даже до нее, большевиками была провозглашена необходимость создания III Интернационала, идеи создания нового Интернационала в области профессионального движения еще не было; но, несомненно, что на Циммервальдской и Кинтальской конференциях, в которых принимали участие отдельные профессиональные организации, уже была заложена политическая предпосылка дальнейшего оформления левого крыла рабочего профессионального движения в самостоятельную международную организацию.

Эта идея возникла после войны. Самая потребность, причины, толкавшие на создание нового Интернационала — связаны уже с дальнейшим периодом и, по преимуществу, с русской революцией и с возникновением III Интернационала. Русская революция, послужив исходным пунктом для организационного создания III Интернационала, послужила также толчком и для создания профессионального революционного об'единения. Однако идеи создания профессионального революцинного Интернационала не было еще даже непосредственно после Октябрьской Революции; эта идея возникла позднее возникновения самого Коминтерна.

Роль водораздела во всем рабочем движении сыграли два момента: появление нового четвертого типа профессионального движения и возникновение III Интернационала. Вместе с оформлением русского профессионального движения перед ним стал вопрос о международных связях, и уже на 3-й Всероссийской Конференции профсоюзов—(20—28 июня 1917 г.),—на которой в большинстве были еще меньшевики, была принята резолюция с указанием необходимости восстановления профессионального Интернационала и международных связей. Большевики, внесшие свою резолюцию, говорили о необходимости сплочения всего того крыла профессионального движения, которое не подчиняет интересы рабочего класса интересам буржуазии, и которое ведет революционную борьбу против войны и правящих классов. В этой формуле уже заложена необходимость дальнейшего оформления левого крыла международного профессионального движения.

На 1 Всероссийском С'езде профессиональных союзов (3—9 января 1918 г.), где большевики уже имели две трети голосов, в основной резолюции (по вопросу о задачах профессиональных союзов) имеется параграф, в котором говорится о необходимости восстановить профессиональный Интернационал. Какой Интернационал и каким образом его организовать? — Ответов на эти вопросы еще не было дано. Оформление нашей позиции по данному вопросу, позиции русских профессиональных союзов, — относится к периоду более позднему, к тому именно, когда организации, примыкающие к Амстердамскому Интернационалу, созвали вместе с буржуазией Вашингтонскую конференцию. Когда выяснилась эта позиция Амстердамского Интернационала, когда он связал свою судьбу с Лигой Наций через Международное Бюро Труда, тогда-то и выявилась потребность в некотором центре для концентрации левого профессионального движения во всем мире.

Оформлению левого профессионального движения способствовало в громадной степени возникновение III Интернационала. Хорошо известно, что III Интернационал, одновременно с возникновением своим, поставил перед собой проблему завоевания профессиональных союзов и овладения рабочей массой. Это оформление политического Интернационала и затем выработка этим Интернационалом своей тактики, своей программы, своей линии поведения, и в области профессионального движения способствовало окристаллизовыванию идеологии и концентрации воедино всего того, что имелось левого в международном профессиональном движении.

Итак, банкротство старого профессионального Интернационала и переход громадного большинства руководителей на точку зрения защиты буржуазного отечества, оформление левого крыла рабочего движения через Циммервальд и Кинталь и окончательная кристаллизация его через Коминтерн, русская революция, внесшая определенную ясность в мировое рабочее движение, дальнейшее укрепление российского профдвижения, тактика классового сотрудничества, положенная в основу вновь созданного международного об'единения

профсоюзов в лице Амстердамского Интернационала, и, наконец, коалиция с буржуазией всех составных частей его — вот те общие причины, которые привели к созданию нового боевого Интернационала профсоюзов [1].

Зарождение Профинтерна.

Организационное возникновение Профинтерна относится к середине 1920 года, ко времени второго конгресса Коминтерна. В Москве находились тогда представители профессиональных организаций различных стран (Англии, Италии, представитель меньшинства профсоюзов Франции и Испании и т. д.). Из переговоров с ними была выяснена возможность создания хотя бы временного центра революционных профсоюзов. Эти переговоры, в которых мне пришлось принять участие от имени ВЦСПС, в первое время носили довольно неопределенный характер. Так, созванное по инициативе Коминтерна совещание, состоявшееся 15 июня, на котором присутствовали от Коминтерна — Зиновьев, от Англии — Роберт Вильямс, от Италии — д'Аррагона и Коломбино и представители ВЦСПС (это совещание было предварительным обменом мнений насчет того, возможно ли об'единить все, что имеется левого в профдвижении), ничего определенного не дало. Переговоры все же продолжались, но уже без англичан и 15 июля были закончены соглашением между русскими союзами, итальянской Конфедерацией Труда, испанскими, юго-славскими и болгарскими профсоюзами. Договор констатирует неудовлетворительность политики Амстердамского Интернационала, его предательскую тактику, и необходимость борьбы против нее. На этом же совещании была выдвинута идея об'единения революционного профдвижения на основе признания диктатуры пролетариата и борьбы за социалистическую революцию. Эта первая декларация была выработана с довольно большим трудом, ибо д'Аррагона оказывал большое противодействие ясности каждого отдельного пункта. Когда мы подчеркивали необходимость диктатуры пролетариата, массовых выступлений и проч., он чувствовал себя не особенно хорошо. Теперь мы можем найти об'яснения этому факту. Он, очевидно, если не предчувствовал свое будущее фашистское увлечение, то, во всяком случае, его реформистскому нутру претила всякая революционная ясность. Эта-то декларация, в недостаточной степени даже и оформленная, и послужила основанием для создания первой ячейки, из которой впоследствии вырос Красный Профинтерн. Эта декларация констатирует:

«что в большинстве участвовавших в войне стран большая часть профессиональных союзов — сторонников нейтрализма (аполитизма)—сделались в течение печальных лет войны слугами империалистического капитализма и сыграли роковую роль, задерживая окончательное освобождение трудящихся;

---

[1] См. приложение: Основные моменты развития Красного Интернационала Профсоюзов»

что обязанностью рабочего класа является собирание всех профессионально-организованных сил в мощную революционно-классовую ассоциацию, которая, работая бок-о-бок с политической организацией интернационального коммунистического пролетариата и в тесной связи с ней, могла бы развернуть все силы для окончательной победы социалистической революции и установления Всемирной Республики Советов;

что диктатуре буржуазии нужно противопоставить, в качестве переходного и решительного средства, диктатуру пролетариата, которая единственно только и способна раздавить сопротивление эксплоататоров, обеспечить и консолидировать завоевания пролетарской революции;

что Амстердамская Международная Федерация Профессиональных Союзов неспособна по своей программе и по своей тактике добиться торжества вышеперечисленных принципов и обеспечить победу пролетарских масс во всех странах».

Так, в июле 1920 года был создан единый пропагандистский центр, который должен был послужить маяком для всего распыленного профдвижения. Этот единый пропагандистский центр был назван «Международным Советом профессиональных и производственных союзов».

Это наше выступление вызвало бурный протест со стороны Амстердамского Интернационала, который усмотрел в нем новые каверзы и новые козни «Москвы». Амстердамцы по этому поводу даже приняли на своем Лондонском конгрессе специальную резолюцию протеста против оскорбления словом их Интернационала. Им крайне не понравилось то, что мы их в своих декларациях называли предателями и другими не менее лестными эпитетами. Такие названия ясно не встречают сочувствия. Особенное внимание они обратили на резкость нашего тона, на слишком определеную мотивировку и на отсутствие в нашем обращении дипломатического стиля. Наша декларация вызвала большую бурю протестов, и с самого начала Красный Интернационал Профсоюзов вошел в литературу Амстердамского Интернационала, как «международный ругатель», как организация, которая поставила себе целью оскорблять лидеров профдвижения, при чем, по уверению амстердамцев, Красный Интернационал Профсоюзов ничем другим не занимается.

Так реформисты реагировали на возникновение нашего Интернационала и на первое наше выступление. Но совсем иначе реагировали на это рабочие всех стран. Самый факт возникновения нового Интернационала, который резко выступил против Амстердамского, завоевал симпатии к нам во всех странах; при чем, главная причина этих симпатий к нам заключалась в первое время не в характере нашего Интернационала, не в его статутах, не в теоретическом и практическом подходе к делу, а в том, что этот Интернационал — *московский*, рожденный на почве Российской Революции.

То же самое надо сказать и в отношении Коминтерна. Коминтерн как в первое время, так и сейчас, рассматривался и рассматривается как «московская организация», и симпатии к Коминтерну и Профинтерну обычно смешивают с симпатиями к русской революции и наоборот. Так это сложилось в нашей борьбе с реформистами, так смотрят на оба революционные Интернационала не только реформисты, но и представители буржуазно-дипломатического мира. Важнейшей организацией Коминтерна является РКП, сильнейшей организацией Профинтерна являются Советские профсоюзы. Оба Интернационала опираются на русскую революцию, играющую в международной политике очень большую роль,—это на международный пролетариат оказывало и оказывает исключительное влияние.

Идейное присоединение к Профинтерну в течение первого года было манифестацией симпатии к русской революции, к русскому пролетариату. Часто такие симпатии к нам проявлялись в пику реформистам, которые вели непрерывную борьбу против большевиков. Однако уже в первый год нашего существования стало очевидно, что революционное международное профдвижение не представляет собою нечто единое, что оно имеет различные ручейки, которые должны оформиться, выкристаллизоваться, при чем это оформление произойдет тогда, когда этот новый «Международный Комитет Пропаганды» или новый международный идейный центр выработает свою программу, свою тактику, определит свою линию поведения и займет определенное теоретическое, тактическое и организационное место в международном рабочем движении. Чем больше мы шли к оформлению нашей теории, нашей практики, тем яснее становилась необходимость борьбы на двух фронтах, не только против реформистской, но и против анархистской теории и практики.

Эти задачи идейного оформления новой организации и организационного закрепления ее, выработки линии, определенной программы и тактики, выпали на долю первого учредительного конгресса Профинтерна, который состоялся в июле 1921 года. Этот конгресс положил основание Профинтерну, дал ему определенный устав, определенную тактическую линию, выработал определенную программу и зафиксировал основные лозунги для всего международного профессионального движения. На этом конгрессе, на который были приглашены все революционные профессиональные союзы, и было постановлено дать новой организации название «Красный Интернационал Профсоюзов».

Первый конгресс Профинтерна.

3—19 июля 1921 года в Москве заседал первый международный конгресс революционных профсоюзов. Всего лишь 11 месяцев до того возник временный Международный Совет, который имел своей задачей противопоставить идеи революционно-классовой борьбы и социальной революции идеям сотрудничества классов, носителем которых является Амстердамский Интернационал. За это время во всех странах оформились и сложились значительные меньшинства, выступавшие резко и решительно против политики ста-

рых профсоюзов. Революционное профессиональное движение было крайне пестрое: не было единства программы, единства тактики. Было крайнее разнообразие течений, идей, об'единенных ненавистью к эксплоататорам, но раз'единенных в понимании путей, ведущих к социальной революции, и задач, стоящих перед рабочим классом. Это естественное многообразие, порожденное особенностями рабочего движения каждой страны, в первый период самоопределения и противопоставления себя старому профессиональному движению, было, конечно, неизбежно. Но это разнообразие, несомненно мешавшее единству действий, надо было изжить путем выработки единой общеобязательной линии.

Первый международный конгресс революционных профсоюзов эту задачу собирания революционных распыленных сил, выработки единой линии и создания крепкого фундамента для прочной организации революционных классовых профсоюзов вполне выполнил. Внимательно читая протоколы и резолюции 1 конгресса, мы видим, как коллективная мысль революционых союзов после долгих и страстных прений, взаимной борьбы и взаимных уступок нашла свое отчеканенное выражение.

Резолюцией, определявшей тогда все направление международного революционного профессионального движения, несомненно является резолюция о взаимоотношениях между Коммунистическим Интернационалом и Красным Интернационалом Профсоюзов. Перед I конгрессом коммунистическое движение во всех странах и Коммунистический Интернационал стояли как революционный факт. Как бы ни были «независимо» настроены многие делегаты, какие бы у них ни были предрассудки по отношению к политике, к политическим партиям, но факты упрямы, и с'езд должен был сказать: пойдут ли революционные союзы в своей борьбе против капитализма рука об руку с Коминтерном или с какой-нибудь другой силой? С'езд должен был дать ответ на вопрос, есть ли вообще еще какая-нибудь революционно-классовая сила, которая идет по тому же пути, какой поставил перед собой Красный Интернационал Профсоюзов. И здесь принятая резолюция, высказывающаяся за самостоятельно-организационное существование Профинтерна, подчеркивает абсолютную необходимость единства действий и тесного сотрудничества с коммунистическими партиями и с Коминтерном. Первый с'езд обосновывает этот взгляд концентрацией сил со стороны буржуазии тем, что буржуазия уже давно об'единила свои политические и экономические организации для совместной борьбы. Необходимость революционного натиска для борьбы с буржуазией и создания единого фронта с коммунистическими партиями заставила не только большинство конгресса, но и синдикалистское меньшинство, защищавшее с горячностью независимость профессионального движения, «признать необходимым установить как можно более тесную связь с III Коммунистическим Интернационалом, как авангардом революционного рабочего движения во всем мире, на основе взаимного представительства обоих исполнительных органов, совместных совеща-

ний и т. д.; считать, что связь эта должна иметь органический и деловой характер и выражаться в совместной подготовке революционных действий и в дружном проведении их в жизнь как в национальном, так и в международном масштабе; считать в высшей степени желательным для каждой страны установление практической связи между красными профсоюзами и коммунистической партией для проведения в жизнь директив обоих конгрессов».

Это постановление о взаимоотношениях с Коминтерном предопределило в дальнейшем все решения первого конгресса, и дискуссия, вспыхивавшая по тому же вопросу, по всем пунктам порядка дня, только лишь дополняла и развивала уже развитые и высказанные точки зрения во время прений по основному вопросу.

Но вопрос о взаимоотношениях между Коминтерном и Профинтерном разрешает только одну сторону проблемы; вопросы же о согласовании действий, о тесном сотрудничестве и проч. осталось еще решить, точно определив все оссбые задачи, которые стояли тогда перед революционным профессиональным движением всех стран. Цель — низвержение капитализма и установление диктатуры пролетариата. На этот счет на с'езде почти полное единогласие, ибо $^{9}/_{10}$ из присутствовавших на с'езде синдикалистов, наученные опытом войны и революции, высказались за диктатуру пролетариата, понимая ее, правда, по-своему, по-синдикалистски. Разногласия начались, и довольно большие, когда пришлось определить конкретные задачи борьбы в каждой стране и те боевые лозунги, вокруг которых надо было сосредоточить внимание рабочих масс. Здесь, прежде всего, пришлось определить самые методы борьбы. Прения заострились по вопросу о том, нужно ли разрушать старые союзы, или их завоевывать. Принципиальных сторонников раскола во что бы то ни стало на первом с'езде было только несколько человек. Для них старые реформистские союзы представляют собой вместилище всех пороков, где революционным праведникам не место, и поэтому они считали необходимым в основу революционной тактики положить разрушение старых союзов. По этому вопросу с'езд — в резолюции по тактике, а также в резолюции по организационому вопросу — занял совершенно определенную позицию. «Не разрушение, а завоевание союзов» — вот что сказал с'езд и сказал это всеми голосами против нескольких путаников, которые свой пессимизм и бессилие старались облечь в теоретические формы.

В особом параграфе, называемом «методы борьбы», с'езд обратил внимание на необходимость гибкой тактики в борьбе как оборонительной, так и наступательной. «Сторонник Красного Интернационала Профсоюзов, — говорит резолюция с'езда, — должен быть не только образцом революционности, но и образцом выдержки и хладнокровия. Вся тайна успеха заключается в систематически-планомерной и упорной подготовке каждого действия, каждого выступления. Быстрота и непримиримость действия должны сочетаться с крайне детальным изучением обстановки и обстоятельств, а равно и степени организованности враждебных сил. В борьбе классов, как

и в боях на фронте, нужно уметь не только наступать, но в порядке и сплоченно отступать. В нападении и обороне нужно всегда иметь в виду одно: иметь за собой сочувствие широких пролетарских масс и учитывать всю социально-политическую обстановку, в которой протекает борьба».

Особое место на первом с'езде занимал вопрос об итальянской Конфедерации Труда. Резолюция, принятая после тщательного обсуждения этого вопроса, в недвусмысленных выражениях высказывается против двойственной позиции, занимаемой итальянской Конфедерацией. С'езд, подробно обсудив заявление официальных представителей итальянской Конфедерации Труда, принял особую резолюцию, в которой подчеркнул свою основную линию и понимание задач революционного момента. Резолюция не направлена против итальянских союзов — с'езд прекрасно понимал, что итальянский пролетариат и его союзы только формально не с нами. Это с'езд и отметил в своей резолюции, выразив уверенность, что итальянский пролетариат очень скоро займет почетное место среди революционных союзов других стран.

Особое внимание первый с'езд обратил на выработку программы действия, которая целиком совпадает с программой действия, принятой 3 конгрессом Коминтерна. В этой программе действий собран опыт рабочего движения последних десятилетий и учтено все то, что принесли война и революция. Основной идеей, которой проникнута программа действия, является необходимость непосредственной, прямой революционной массовой борьбы против капитализма.

С'езд наметил далее ясную организационную линию, дал указание по основным вопросам организационного строительства, выдвинул лозунг организации союзов по производствам, лозунг создания фабрично-заводских комитетов, как базиса производственных союзов, поставил на практическую почву вопрос о завоевании старых союзов, дал ряд конкретных указаний для каждой страны в области организационного строительства, высказался против организации национальных союзов, дал лозунг создания об'единений исключенных союзов, определил свое отношение к женскому труду, к работе среди юношества, выработал условия приема в Красный Интернационал и, наконец, выработал подробный устав, на основе которого построен Красный Профинтерн.

Помимо этих основных вопросов, первый с'езд обратил серьезное внимание также и на вопрос о рабочем контроле. Опыт к этому времени в области рабочего контроля накопился очень большой. С'езду пришлось не просто выдвинуть лозунг рабочего контроля, а дать конкретные указания в этой области, сконцентрировать внимание рабочих на формах рабочего контроля, на методах подхода к нему и дать практическую программу действия в этой области.

Нужно дальше отметить резолюцию 1 с'езда, посвященную профессиональному движению на Дальнем, Среднем и Ближнем Востоке. С'езд подчеркнул необходимость превратить расовую ненависть в ненависть классовую, стремиться к поднятию сознания

эксплоатируемых масс до революционной классовой борьбы и до социальной революции.

Первый с'езд дал конкретные лозунги, он поставил перед союзами практические задачи, он создал организационные формы, он об'единил все разновидности революционного крыла рабочего движения, в том числе и тех, кто всегда очень плохо поддавался организации. С'езд заложил крепкий несокрушимый фундамент действительного международного профессионального об'единения. Интернационалу соглашения был противопоставлен интернационал борьбы, интернационалу бездействия — интернационал революционного натиска, желтому Амстердамскому Интернационалу — Красный Интернационал.

Второй конгресс Профинтерна.

Второй конгресс Профинтерна подвел итог первому периоду организационной работы. Он расширил рамки дальнейшей деятельности. Он наметил целый ряд практических вопросов и проблем, на которых необходимо было тогда сконцентрировать внимание революционных рабочих всех стран.

Четыре вопроса поглотили внимание конгресса. Эти вопросы: о едином фронте, о единстве профдвижения, об организационных задачах революционных союзов и о взаимоотношениях Профинтерна с анархо-синдикалистами.

На втором конгрессе уже не говорили о тактике единого фронта, вообще, а говорили о том, каким образом этот единый фронт провести в жизнь, вокруг каких вопросов концентрировать внимание рабочих, какие конкретные проблемы поставить в центр пропаганды и агитации.

Второй конгресс особенно внимательно отнесся к вопросу о единстве профдвижения. Для конгресса было совершенно ясно, что дальнейший раскол профдвижения может привести к величайшему ослаблению сил рабочего класса. Профинтерн и раньше принимал все меры против раскола. Он неоднократно обращался к Амстердамскому Интернационалу, предлагая ему совместно ликвидировать конфликты, но в этой своей инициативе Профинтерн всегда наталкивался на раскольническую волю амстердамцев, и помимо борьбы против капитала ему приходилось бороться также и против стремления амстердамцев расколоть во что бы то ни стало профдвижение, ослабляя этим самым боеспособность пролетариата.

Этот же вопрос о единстве стоял также в центре организационных задач профсоюзов. Конгрессу пришлось дать практический ответ на все вопросы организационного строительства и организационной деятельности революционных профсоюзов. Вопрос об укреплении профсоюзов был поставлен конгрессом, как важнейшая задача революционных рабочих. Конгресс сознавал, что лозунг укрепления профсоюзов может быть плохо понят, что самое укрепление профсоюзов может временно принести пользу реформистским руководителям, но он отбросил эти соображения, ибо отдавал себе отчет в том, что, укрепляя организации рабочего класса, мы укрепляем

самый базис социальной революции. Если из этой работы могут извлечь временную пользу реформисты, то это нас не должно остановить.

Эта исходная точка зрения наложила свою печать на все остальные практические вопросы, стоявшие на втором конгрессе. С этой точки зрения были рассмотрены и практические задачи, стоявшие перед рабочим движением важнейших стран. Перебирая одну страну за другой, конгресс указывал нашим товарищам, какие именно конкретные задачи стоят перед ними. Он поставил для рабочих всех стран во главу угла борьбу за единый фронт, за укрепление профсоюзов и сплочение пролетарских масс на почве борьбы за повседневные нужды рабочего класса.

Конгрессу пришлось также дать практический ответ на вопрос о международных об'единениях по производствам. Известно, что международные Секретариаты по производствам, находящиеся под единым руководством Амстердамского Интернационала, систематически исключают революционные профсоюзы из своих рядов. Эти исключения производятся, обычно, под тем предлогом, что союзы эти примыкают к Профинтерну. Таким образом, международные Секретариаты по производствам, которые вообще являются лишь об'единениями европейскими, не останавливаются перед тем, чтобы исключать значительную часть революционных рабочих Европы и революционных рабочих других частей света. Профинтерн с первого же дня своего основания высказался *против* немедленного создания международных революционных федераций. В этом смысле и в этом направлении он все время ведет свою работу. Но так как Профинтерн не мог согласиться с тем, чтобы революционные союзы были распылены, но уже на 1 конгрессе была выдвинута идея создания Международных Комитетов Пропаганды по производствам, вокруг которых должны об'единиться все революционные союзы. Эти Международные Комитеты Пропаганды имели своей целью об'единить революционные профсоюзы и добиться создания единых интернационалов по производствам. Несмотря на то, что у известной части революционных рабочих сложилось желание создать собственные интернационалы по производствам, конгресс высказался против этого. 2 конгресс опять подчеркнул свое самое горячее стремление к единству и вменил в обязанность всем революционным профсоюзам сделать все от них зависящее, чтобы эти единые интернационалы по производствам были окончательно созданы. Революционным союзам с'езд рекомендовал оставаться в соответствующих Международных Комитетах Пропаганды и вести свою борьбу в том же направлении, в каком они вели ее до 2 конгресса. От международных Секретариатов, примыкающих к Амстердамскому Интернационалу, зависит теперь создание единых интернационалов. Мы, с своей стороны, сделали все, что в наших силах, для того, чтобы в каждом производстве был только один интернационал. Мы и дальше будем этого добиваться и надеемся, что добьемся этого даже вопреки раскольнической тенденции амстердамских руководителей.

2 конгрессу пришлось разрешать вопрос о взаимоотношениях между Коминтерном и Профинтерном, или, вернее, между коммунистами и синдикалистами. Известно, что после 1 конгресса анархо-синдикалистские организации выступили с резкой критикой принятых им решений, особенно той части их, которая устанавливала тесную связь между Коминтерном и Профинтерном. Во главе этого похода против решений 1 конгресса стояли французские синдикалисты, среди которых уже с первого дня наметилось по этому поводу несколько течений. Одно течение, известное под именем чисто-синдикалистского, усматривало в этом повод для создания своего интернационала, при чем в нескольких странах нашлись небольшие группы синдикалистов, которые повели борьбу против Профинтерна именно в этом направлении. Немецкие локалисты, итальянские синдикалисты, синдикалисты Швеции и Голландии высказались за необходимость создания нового интернационала, абсолютно независимого и автономного. Независимость и автономия — вот те лозунги, под которыми все время боролись анархо-синдикалисты против Профинтерна.

Среди синдикалистов оказалось, однако, сильное течение, которое стояло на той же платформе, что и коммунисты, и высказывалось за диктатуру пролетариата и за соглашение и совместную работу с коммунистами. Но и представители этого течения считали, что сотрудничество между Коминтерном и Профинтерном не должно носить органического характера, а должно устанавливаться от случая к случаю. Среди этой группы синдикалистов сложилась определенная потребность создать единый фронт с коммунистами в борьбе против буржуазии. Этим стремлением были проникнуты постановления Сент-Этьенского конгресса Унитарной Конфедерации Труда. Для коммунистов же вопрос был ясен. Взаимоотношения между Профинтерном и Коминтерном совершенно очевидны для коммунистов. Для нас было ясно, что устами наших синдикалистских товарищей говорят еще старые предрассудки, но так как предрассудки эти происходили от революционных рабочих, имевших серьезное намерение вести борьбу с буржуазией, так как это были не предрассудки лиц, а довольно большого числа рабочих организаций, то коммунисты совершенно сознательно сделали в этой области уступку, стремясь создать единый фронт с синдикалистами в борьбе против реформизма и капитализма.

Приблизительно таким образом и была мотивирована резолюция, внесенная несколькими делегациями [1]). Мы хотим заключить блок с революционными синдикалистами и поэтому идем на уступку в надежде на то, что дальнейшая борьба покажет правоту точки зрения коммунистов. Таков был смысл сделанной уступки. Этим своим решением конгресс положил конец тем трениям, которые происходили между Профинтерном и анархо-синдикалистскими организациями. Для того, чтобы внести еще большую определен-

[1]) См. приложение—Резолюции II конгресса Профинтерна.

ность в этот вопрос, конгресс обратился с особым воззванием к анархо-синдикалистским организациям всех стран, а также к берлинской конференции анархо-синдикалистов, предлагая не заниматься расколом международного профдвижения, а войти в Профинтерн и там вести революционную борьбу за освобождение рабочего класса.

2 конгресс был по преимуществу конгрессом деловым. Вопросы организационные, вопросы практической деятельности стояли в центре внимания этого конгресса. Общие принципы были уже установлены на 1 конгрессе; революционные рабочие всех стран знают уже стоящие перед ними цели; дело идет о том, чтобы определить наилучшие методы для достижения этих целей. Конгресс подтвердил программу действия, выработанную на 1 конгрессе, подтвердил ее потому, что она есть концентрированный опыт революционного профдвижения всех стран. Конгресс ни на минуту не скрывал затруднений, стоящих перед революционным профдвижением. Десятки миллионов рабочих находятся еще под властью католиков, демократов, протестантов и т. д. А другие миллионы находятся еще вообще вне всякой организации. Имея перед собою такое состояние рабочего движения, где одна из его частей является опорой капиталистического господства, приходилось соответствующим образом вырабатывать свою тактику и программу действий.

2 конгресс Профинтерна показал, как велико уже влияние революционных идей в международном профдвижении. Рабочие Европы, Азии, Африки и Австралии тянутся к знаменам Профинтерна, ибо на них написано: борьба не на жизнь, а на смерть с капитализмом во имя завоевания власти рабочим классом. Когда наступит победа рабочего класса, 2 конгресс не мог, конечно, определить, но он зато ясно сказал: упорная и систематическая работа по сплочению масс, об'единению рабочих вокруг революционных лозунгов, неустанная борьба против буржуазии—приблизит нас к поставленной цели.

Третий конгресс Профинтерна.

Третьему конгрессу Профинтерна (8—22 июля 1924 г.) было и легко и трудно работать. Легко потому, что основные линии были намечены закончившимся перед самым его началом 5 конгрессом Коминтерна. Трудно потому, что нужно было в пределах этих основных линий дать ответ на практические вопросы, стоящие в международном профессиональном движении. Третий конгресс не мог ограничиться только лишь вынесением одних принципиальных резолюций, нужно было претворить в жизнь те принципы, которые были намечены еще предыдущим, вторым конгрессом. При исключительном разнообразии профессионального движения вообще, и революционного, в особенности, естественно, что нам пришлось, помимо общих задач, рассмотреть также положение дел в целом ряде стран и дать указания сторонникам Профинтерна, каким образом дальше вести работу.

С'езд, прежде всего, определил задачи революционного профессионального движения, выработал способ и методы борьбы за 8-часо-

вой рабочий день, вынес решение о дальнейшей борьбе за фабзавкомы, наметил рамки для дальнейшей деятельности Международных Комитетов Пропаганды, при чем высказался за их ликвидацию, если будут созданы единые интернационалы по производствам. С'езд дальше обсудил задачи сторонников Профинтерна в колониальных и полуколониальных странах, подробно рассмотрел вопрос о стачечной стратегии и установил взаимоотношения между сельско-хозяйственными рабочими и Международным Крестьянским Советом, наметил линию революционных союзов по отношению к кооперации и выдвинул ряд организационных задач практического характера. Дальше с'езд принял особые решения, касающиеся работы среди женщин, среди молодежи, высказался об отношении профсоюзов к рабочему спорту; с особой силой с'езд подчеркнул необходимость работы среди эмигрантов и наметил линию в борьбе против фашизма и т. д.

Большую работу проделал с'езд при обсуждении положения в разных странах. С'езд принял подробную программу действия для сторонников Профинтерна в Соединенных Штатах и в Канаде. Был разрешен ряд вопросов, касающихся дальнейшей работы в Испании и в Латинской Америке, в Голландии, на Балканах, в Скандинавских странах и в Бельгии. Особое внимание с'езд посвятил задачам сторонников Профинтерна в Англии. Здесь положение в высшей степени своеобразное: старое традиционное английское профдвижение сдвинулось с мертвой точки, в недрах его происходит глубокое брожение, при чем во вне оно принимает форму левого крыла. В обстановке сдвига во всем рабочем движении надо было наметить дальнейшие задачи в Англии и взаимоотношения между сторонниками Профинтерна и неоформленным, половинчатым, но отражающим глубокий сдвиг в массах, левым крылом. Для Чехо-Словакии, где революционные союзы живут самостоятельной от реформистских организаций жизнью, пришлось решать вопрос о формах организации: производственные союзы или единый союз с производственными секциями.

Распыленное по национальным, политическим и религиозным признакам чехо-словацкое профессиональное движение вызвало в рабочих массах реакцию, которая нашла свое выражение в стремлении создать Единый союз. С'езду пришлось внести корректив в излишнюю схематичность Единого союза, обратив внимание чехословацких товарищей на то, что на данной стадии развития рабочего движения такая форма организации может замедлить завоевание коммунистами большинства рабочего класса.

Центральным вопросом с'езда был, несомненно, вопрос о воссоздании единства национального и международного профессионального движения. 5 конгресс Коминтерна уже высказался о том, что нужно продолжать борьбу за завоевание союзов. Третий конгресс Профинтерна вновь подчеркнул свою старую линию, при чем борьба за единство обязательна не только в тех странах, где движение не расколото, но особенно в тех странах, где оно уже раскололось, как во Франции, Чехо-Словакии и т. д. Борьба за един-

ство здесь крайне затруднена тем обстоятельством, что реформисты в лучшем случае стоят на легитимистской точке зрения: «Мы-де — законная рабочая организация, идите все к нам». Если принять во внимание, что во Франции революционная конфедерация имеет больше членов. чем реформистская, то станет ясна бессмысленность такого рода предложения. Сторонники Профинтерна отвечают на это: «Созовем с'езд, где будут представлены на основе пропорционального представительства рабочие, примыкающие к обеим параллельным организациям. Кто окажется в большинстве, тот и будет у власти; меньшинство подчинится дисциплине в борьбе против буржуазии, сохраняя свою свободу агитации в борьбе за свои политические идеи». Реформисты до сих пор отказывались от такого, основанного на принципах пролетарской демократии, решения вопросов. Третий конгресс Профинтерна подтвердил необходимость продолжения борьбы за восстановление единства национального профессионального движения..

Но с'езд на этом не остановился, он пошел дальше и выдвинул, как практическую задачу дня, борьбу за единство мирового профессионального движения. Мы никогда не скрывали того, что наличие двух Интернационалов ослабляет боеспособность пролетариата, расколотое профдвижение не может быть в достаточной степени устойчивым и упорным в борьбе против наступающего капитала. С'езд Профинтерна имел перед собой решение Венского конгресса Амстердамского Интернационала, в котором высказывается желание вовлечь в Амстердамский Интернационал русские профсоюзы, при сохранении достоинства (?) Амстердамского Интернационала и при условии признания со стороны русских союзов статутов и условий этого Интернационала. Руководители Амстердамского Интернационала носятся со своим «достоинством» и со своими статутами и программой, как некий герой русской сказки с писаной торбой. Предлагая русским союзам переговоры, они заранее выставляют требование признания своих условий и статутов, не понимая или делая вид, что они не понимают, что переговоры обычно ведутся для выработки новых условий, а не для признания статутов и программы, в выработке которых ВЦСПС не принимал никакого участия. Третий конгресс Профинтерна вместо расплывчатых и ничего не говорящих формул о достоинстве поставил вопрос о слиянии двух Интернационалов путем созыва Международного Конгресса Единства на основе пропорционального представительства.

Третий конгресс Профинтерна поставил открыто перед лицом десятков миллионов рабочих вопрос о единстве всего мирового профессионального движения, и в этом, несомненно, его заслуга. Революционное профессиональное движение всех стран сделало на этом конгрессе еще один шаг вперед по пути об'единения и собирания всех сил для организации социальной революции.

Третий конгресс Профинтерна во всей своей работе шел по коммунистической колее, ибо другой колеи, кроме коммунистической, для революционного профессионального движения нет и быть не может.

ЛЕКЦИЯ VII.

Теория и тактика Профинтерна.

Наша программа и программа амстердамцев.

Каковы отличительные особенности Красного Интернационала Профессиональных Союзов, этого нового международного об'единения, чем оно отличается от Амстердамского Интернационала, и каковы те важнейшие вопросы, которые были выдвинуты и сейчас стоят перед революционным профессиональным движением всего мира? Прежде всего, мы и Амстердамский Интернационал имеем совершенно разные исходные точки зрения, и, естественно, что уже из одного этого вытекает и все остальное. Руководители Амстердамского Интернационала подходят к нынешнему положению вещей, как к временной заминке, как к временному расстройству капиталистического организма; они ставят перед собой задачу излечить этот больной организм, исходя из той точки зрения, что только полнокровный капитализм и дальнейшее развитие капиталистических отношений могут создать предпосылку для безболезненного завоевания рабочим классом политической и экономической власти. Таким образом, исходный момент, определяющий всю линию поведения Амстердамского Интернационала— это оценка им нынешнего положения, как периода временной неустойчивости капиталистической системы. Мы же рассматриваем расстройство капиталистической системы не как явление временное и случайное, могущее быть излеченным, а как явление, которое должно привести все нынешнее буржуазное общество к окончательной катастрофе. С одной стороны, следовательно, мы имеем попытку излечить и в дальнейшем добиться нормального развития капиталистического организма, а с другой — стремление не излечить, а залечить его — если можно так выразиться — на-смерть и не только не добиваться восстановления, а стремиться к разрушению того общества, которое, с нашей точки зрения, слишком медленно разрушается. Само собой, из этого исходного пункта мы делаем и дальнейший конкретный вывод в области нашей тактики.

Каковы методы осуществления стоящих перед нами задач? Амстердамский Интернационал убежден, что лучшим способом осуществления стоящих перед рабочим классом задач является со-

глашение с левым крылом буржуазии и развитие демократических форм государства, которое даст возможность рабочему классу овладеть экономическими ресурсами страны и должно привести к созданию так называемой промышленной демократии. Эта программа стоит в резко-непримиримом противоречии с самой историей и с логикой развития событий, которая ведет не к постепенному улучшению, а к низвержению капитализма, не к демократии, а к диктатуре пролетариата. Вот краткое противопоставление в основном нашей точки зрения и точки зрения реформизма. Естественно, что, поскольку наши исходные пункты и цели разные, постольку все вопросы текущей жизни разрешались по разному реформистским и революционным профессиональным движением.

Нейтрализм.

Какие же важнейшие вопросы пришлось решить нам на первом с'езде, чтобы оформить левое крыло, сложившееся вокруг временного Международного Совета революционных профессиональных союзов? — Первый вопрос, который выдвигался самим ходом развития левого движения, был вопрос о нейтрализме и независимости профсоюзов. Какова роль профессиональных союзов в классовой борьбе? Являются ли профессиональные союзы независимыми и единственными органами классовой борьбы, и каково их отношение к политическим партиям и Коминтерну? Вот вопросы, которые не могли не возникнуть в наших рядах, поскольку мы об'единяем различные течения левого профдвижения (коммунистов, синдикалистов, анархистов и т. д.). Но прежде всего начнем с нейтрализма.

В чем смысл этой теории? — Это такое направление в профессиональном движении, которое ставит перед профсоюзами исключительно экономические задачи, и которое совершенно одинаково нейтрально относится ко всем существующим политическим группировкам. Стало быть, нейтрализм—это есть попытка оторвать профессиональное движение от его обще-классовых, т.-е. политических задач, концентрировать внимание союзов исключительно на экономических проблемах и заставить их держаться в стороне от политических партий и группировок. Мы видели яркие формы нейтрализма в Америке, в Англии, Германии и т. д., при чем каждый раз получалось следующее: чем с большей силой профессиональный союз выдвигал идею нейтрализма, т.-е. одинакового отношения к политическим группировкам, тем ближе находился он к буржуазным партиям. Это, конечно, не случайно: теория нейтрализма приближает профсоюзы к определенным буржуазным группировкам. Ибо сама эта теория выдвинута идеологами буржуазии, которые все время стремились к тому, чтобы охранить профсоюзы от политической заразы и сконцентрировать их внимание на проблемах чисто экономических: на вопросах заработной платы, уменьшения рабочего дня и т. д. Здесь, естественно, возникает следующий вопрос: возможен ли со стороны рабочих организаций действительный нейтрализм, т.-е. одинаковое отношение ко всем политическим группировкам? Возможно ли это? Такого нейтрализма в природе не существует.

История рабочего движения Англии, Соединенных Штатов, Германии, словом тех стран, где теория нейтрализма приняла наиболее широкое развитие, показывает, что никогда рабочие организации не были нейтральными, и каждый раз, когда они пытались таковыми быть, они только играли на-руку враждебному нам классу.

В самом деле, нейтрализм должен был бы заключаться в том, что профорганизация стоит в стороне во время политической борьбы. Но что представляет собой политическая борьба? Это не только парламентские словопрения. В политической борьбе рабочий класс противопоставляет себя другим классам. Стоять в стороне от классовой борьбы рабочая организация не может. Если рабочая организация не будет вести классовой борьбы, то пролетариат будет терять те позиции, которые он уже отвоевал. Тактика политического мальтузианства на-руку буржуазии и ни в коем случае не в интересах пролетариата. Для того, чтобы показать суть нейтрализма, возьмем пример из русской революции: после Октябрьской революции социал-революционеры заняли активную позицию против нас, часть меньшевиков заняла нейтральную позицию. Что же, — меньшевики были нейтральными в борьбе? Конечно, нет. В отдельные моменты они были по ту или по другую сторону баррикад. В социальной борьбе нет нейтрализма, и тем более не может быть нейтральной какая-нибудь рабочая организация.

Независимость.

С нейтрализмом тесно связана и теория независимости профессионального движения. Эта теория имеет целый ряд всевозможных оттенков, но в наиболее чистом виде она была выражена анархо-синдикалистами Франции.

В чем смысл независимости профдвижения? Не только в том, что профсоюзы существуют параллельно с политическими партиями пролетариата, но также и в том, что они, по мнению анархо-синдикалистских «независимцев», являются главной силой в борьбе с буржуазией. Союзы, по их мнению, сделают сами революцию, сами проведут ее и реализуют результаы победы. Таким образом, под формулой «независимость профсоюзов» мы имеем соперничество с партией, идею замены партийной организации профсоюзами и возложение только на профессиопальные организации всех основных задач, стоящих перед рабочим классом.

Естественно, ни теория нейтрализма, ни теория независимости не могли встретить на нашем Учредительном Конгрессе никакой симпатии, так как и та и другая являются теориями, чуждыми рабочему классу. В чем корни теории независимости? В противопоставлении политической и экономической борьбы. Для анархо-синдикалистов, выдвигающих полную независимость профдвижения, политическая борьба не существует. Есть экономическая борьба рабочего класса, которая всеоб'емлюща, при чем они называют социальной борьбой то, что мы называем борьбой общеклассовой. Они отрицают политику, смешивая политику с парламентаризмом, и, борясь против последнего, они отбрасывают всю политическую борьбу.

Но что такое политика, и что такое экономика, и можно ли отделить эти два понятия друг от друга? В программе РКП имеется в высшей степени удачное определение политики. Там сказано: «Политика есть концентрированная экономика». На самом деле, что мы понимаем под политической борьбой? Мы понимаем под этим все формы и методы борьбы, каждый шаг рабочего класса и отдельных частей его, направленные к противопоставлению одного класса другому. Это есть политическая борьба. Можно ли из этой политической борьбы выделить экономические моменты и сказать примерно так: «борьба за 8-часовой рабочий день, за захват фабрик и заводов есть исключительно экономическая борьба?» Можно ли здесь отделить политику от экономики? Можно отделить только лишь в спутанной анархистской голове, а в реальной, классовой повседневной борьбе этого сделать нельзя. Мы имеем борьбу английских углекопов за сохранение заработной платы, за те формы национализации горной промышленности, которые они считали правильными, — что это: экономическая или политическая борьба? Когда миллион углекопов вступает в борьбу и сотрясает весь колоссальный, мощный организм британской империи — что это: экономика или политика? Мы имели колоссальную экономическую битву в Америке, борьбу за 8-часовой рабочий день, за страхование рабочих, демонстрации сотен тысяч рабочих против увеличения рабочего дня — что это: экономика или политика? Попытка отделить экономику от политики является чистейшей метафизикой. Мы можем в нашей практической борьбе создать разнообразные организационные формы для обслуживания тех или других сторон рабочего движения, но попытка противопоставить одну организацию другой, попытка столкнуть их является чисто анархистской, т.-е. бессмысленной дезорганизацией рабочего движения.

Естественно, что мы не могли стать на эту метафизическую точку зрения. Первый с'езд должен был совершенно определенно, и в выражениях, не допускающих кривотолков, высказаться относительно нейтрализма и независимости и дать определенную линию для всего мирового революционного профдвижения.

Партия и профсоюзы.

Но если независимость является чистейшей метафизикой, то почему же вообще существуют отдельные профорганизации и отдельные партийные организации? Если экономика и политика так тесно органически спаяны между собой, то каким же образом получилось, что рабочий класс на протяжении более ста лет создает различные организации: с одной стороны, экономические, кооперативные и профессиональные, с другой — политические?

Если мы возьмем развитие рабочего движения, то увидим, что рабочий класс шел в создании своих организаций ощупью, по линии наименьшего сопротивления. Его организации начали возникать, как организации взаимопомощи, похоронные кассы, кассы для помощи на случай болезни, и эти кассы не выходили за пределы данной профессии и очень часто ограничивались какой-нибудь одной

фабрикой, отдельным предприятием. Все эти организации были формой первичной элементарной спайки между рабочими, и только в дальнейшем, по мере обострения борьбы, эти общества взаимопомощи в старо-капиталистических странах превращаются в профсоюзы. Одновременно с этим начинает оформляться обще-классовая идеология, находящая свое выражение в социалистической теории. Чем эта обще-классовая идеология приходит позже, тем позже происходит и оформление различных видов рабочих организаций. Таким образом, в рабочие массы раньше проникает необходимость создать организации экономической самообороны, а затем рабочий класс постепенно выкристаллизовывает свою политическую партию. Исторически рабочий класс создал три формы организации: одну для защиты своей рабочей силы (профессиональные союзы), другую для защиты себя, как потребителя на рынке (кооперативы), и третью для борьбы со всем аппаратом буржуазного общества (политические организации). Эти три организации возникали в разное время, но везде и повсюду тенденция развития рабочего движения ведет к гегемонии общеклассовых целей и задач (политической партии) над частичными задачами (профсоюз). Что такое партия? Предоставим по этому вопросу слово 2 конгрессу Коминтерна. Вот что сказано в резолюции о роли коммунистических партий:

«Коммунистическая партия есть часть рабочего класса,—именно его наиболее передовая, наиболее сознательная, а потому и наиболее революционная часть. Коммунистическая партия создается путем отбора лучших, наиболее сознательных, наиболее самоотверженных, наиболее дальновидных рабочих. Коммунистическая партия не имеет различных от рабочего класса интересов. Коммунистическая партия отличается от всей массы рабочих тем, что она обозревает весь исторический путь рабочего класса в целом и старается на всех поворотах этого пути защищать интересы не отдельных групп, не отдельных профессий, а интересы рабочего класса в целом. Коммунистическая партия есть тот организационно-политический рычаг, при помощи которого наиболее передовая часть рабочего класса направляет по правильному пути вею массу пролетариата и полупролетариата».

Задача партии заключается, как мы видим, в том, чтобы привести в движение весь рабочий класс в целом, повести его к победе над буржуазией и после победы повести рабочий класс дальше, к конечной цели — к коммунизму. С другой стороны — если партия представляет собою авангард рабочего класса, воплощающий в себе все основные, стоящие перед ним задачи, то какова историческая роль и историческая задача профсоюзов? Профсоюзы являются теми первичными организациями, через которые рабочий приходит к сознанию своих интересов, как класса. У нас в СССР принято называть профсоюзы «школой коммунизма». Этого не надо, конечно, понимать в школьном смысле, а с точки зрения политического воспитания широких масс. Здесь выковывается и проверяется в борьбе классовая солидарность, здесь отдельный, бессильный перед капита-

лом рабочий научается ценить силу коллектива, здесь рабочие учатся подчинять свои личные и групповые интересы интересам более широкого коллектива. Профсоюзы — более массовые организации, чем партии, и имеют свои специфические задачи, на почве которых они об'единяют рабочий класс. Партия об'единяет рабочих по признаку единомыслия на определенной программе, на определенной тактике. Профсоюзы об'единяют всех рабочих, независимо от их политических убеждений, независимо от их взглядов. Это, конечно, не значит, что профсоюзы не имеют ни программы, ни тактики — это значит, что они имеют более широкую, т.-е. менее определенную платформу. Профсоюзы — широкие массовые организации, при чем задача авангарда рабочего класса, т.-е. компартии—итти во главе союзов, руководить ими, сделать их полем для коммунистической деятельности, сделать их таким орудием в борьбе рабочего класса, при помощи которого можно было бы те миллионы пролетариев, которые еще не дошли до коммунистического сознания, повести к коммунизму. Но такие взаимоотношения между партией и профсоюзами могут извратить самую природу профсоюзов — говорят реформисты и анархисты. Это — неверно. Природа профсоюзов извращается только тогда, когда их стараются превратить в орудие буржуазной политики.

Посмотрим, каковы фактические взаимоотношения между партией и профсоюзами. Они устанавливаются в зависимости от удельного веса профсоюзов, от удельного веса партии, от степени ее революционности, от соотношения сил между реформизмом и коммунизмом в рабочем движении.

Если взять все мировое рабочее движение, то мы имеем три различных формы взаимоотношений между партиями и профессиональными союзами. 1) Страны, где профессиональные союзы и партии независимы друг от друга и даже ведут между собою борьбу. Это было особенностью, главным образом, романских стран (Франция, Испания, Аргентина, Португалия и пр.). 2) Партия и профсоюзы — организационно самостоятельные организмы, но политически профессиональные союзы находятся под руководством партии — это тип русского и немецкого профессионального движения. 3) Партия строится на основе профессиональных союзов — это Англия, Норвегия и Бельгия. В Норвегии одно и то же собрание выбирает два комитета: один партийный, а другой местный, общесоюзный. В Бельгии Рабочая Партия об'единяет все формы рабочих организаций (кооперативы, профсоюзы, спортивные общества и пр.). В Англии профсоюзы коллективно входят в Рабочую Партию. 4) Страны — где профсоюзы против создания каких-либо рабочих партий (Соединенные Штаты Америки). В каждой стране имеются свои особенности, но эти четыре типа — основные.

Уже один этот перечень разных типов взаимоотношений между партиями и профсоюзами свидетельствует о том, как пусты крики о независимости, автономии и нейтрализме профсоюзов. Одно время среди реформистов имела хождение теория *равноправия* поли-

тической и экономической организации пролетариата. Эта теория так же мало выдерживает критику, как и теория независимости, ибо «равноправие» предполагает две организации (партия и профсоюзы), стоящие на разных политических платформах и договаривающиеся между собой как равные стороны. Но если партия и союзы стоят на *разных* платформах, то это означает, что во главе профсоюзов стоит *другая* партия, а две борющиеся внутри рабочего класса партии (с.-д. и коммунисты, или коммунисты и анархисты) решают тяжбу не на основе отвлеченного принципа равенства, а ожесточенной борьбой. Если же между партией и профсоюзами нет разногласий в важнейших вопросах, то тогда еще нелепее говорить о равноправии обеих организаций, ибо оно неосуществимо. Теория равноправия, как теория независимости, была до сих пор орудием в борьбе одной партии против другой, на самом деле ни независимости, ни равноправия профсоюзов в природе не существует.

Какие же взаимоотношения между партией и профсоюзами необходимы для того, чтобы рабочий класс мог победить, какие взаимоотношения единственно целесообразны с точки зрения интересов борьбы рабочего класса? Это прежде всего зависит от того, какие задачи ставят перед собой профсоюзы.

В капиталистических странах профсоюз обычно понимается, как организация, которая борется только за улучшение условий труда рабочих. В это определение задач профсоюзов мы еще до Октябрьской революции внесли довольно серьезные поправки. В отличие от реформистов, мы никогда не считали профсоюз организацией, борющейся только лишь за улучшение условий труда. Мы всегда считали профсоюзы такой организацией, которая, об'единяя рабочих на почве борьбы за улучшение условий труда, свою главную задачу видит в борьбе за низвержение всей капиталистической системы. Если спросить любого европейского профессионалиста — амстердамца — что́ такое профсоюз, то мы получим приблизительно столько же различных ответов на этот вопрос, сколько профессионалистам мы его зададим. Реформист французский скажет нам, что профсоюз—это такая организация, которая борется за улучшение правовых, социальных и политических условий, в которых находится рабочий класс, при чем в конечном счете профсоюзы стремятся к освобождению рабочего класса. В этом определении основное понятие о классовой борьбе отсутствует. Американский профессионалист на вопрос о том, что́ такое профсоюз, скажет, что это— такая организация, которая стремится к улучшению условий труда и к установлению мирных взаимоотношений и сотрудничества между трудом и капиталом, используя для своих целей буржуазные политические партии. Ясно, что между такими союзами и революционной партией может и должно быть состояние войны. Но борьба идет не против союзов, но против плохого руководства союзами. При чем гармония между союзами устанавливается, когда они целиком и полностью осуществляют в своей специфической обстановке и своими специфическими методами обще-классовые задачи проле-

тариата. С точки зрения интересов рабочего класса революционная партия должна руководить профсоюзами, иначе они становятся орудиями буржуазного государства. Полное политическое руководство не исключает организационной самостоятельности профсоюзов, но организационная самостоятельность ничего общего с теорией независимости не имеет.

К чему же исторически идут все эти типы: к закреплению параллелизма или к некоторому единству? — Несомненно, что существование параллельных организаций является преходящим для международного рабочего движения, и что чем дальше рабочее движение будет развиваться, чем ближе массы будут подходить к революционному сознанию, тем теснее будет связь между различными формами рабочего движения, тем полнее будет руководство компартии профсоюзами. На определенном моменте исторического развития все эти линии сойдутся, и будет создана единая организация, которая об'единит все существующие формы рабочего движения.

Таким образом, историческое развитие рабочего движения ведет к синтезу всех форм рабочего движения. Если правильно оценить линию развития рабочего движения, то с тем большей силой нужно будет высказаться против всякой идеологии независимости, которая хочет замариновать и законсервировать для всего дальнейшего периода те взаимоотношения, которые существуют в некоторых странах сейчас.

Надо отметить, что мы не только по этим причинам высказались за гегемонию партии и против независимости, но и потому что независимости, как и нейтрализма, в жизни не существует; нейтрализм и независимость — это тоже политика, но плохая, антирабочая политика.

Профинтерн и анархо-синдикалисты.

Решения учредительного конгресса Профинтерна вызвали с самого начала противодействие не только со стороны реформистов, но и со стороны анархо-синдикалистов, из которых многие как будто бы стояли на платформе диктатуры пролетариата. Синдикалисты делятся на несколько категорий: прежде всего есть такие, которые многому научились от русской революции и мировой войны — они называются революционными синдикалистами, или просто синдикалистами; они признают диктатуру пролетариата, необходимость насильственных действий для свержения буржуазии, признают Советскую власть и вообще ее необходимость для переходного периода государства, они высказываются за боевое сотрудничество с коммунистической партией и необходимость тесной совместной работы Коминтерна и Профинтерна. Но синдикалистское движение имеет еще и анархо-синдикалистские разновидности: есть анархо-синдикалисты, которые ничему не научились ни от войны, ни от русской революции. Эти так называемые чистые синдикалисты сохранились с довоенного времени, как будто бы они находились все это время под стеклом.

В чем заключается этот анархо-синдикализм или так называемый чистый синдикализм? — Анархо-синдикалисты выдвигают теперь ту же программу, которую выдвигали в 1906, 1907, 1908 и т. д. годах, будучи в полной уверенности, что их платформа применима не только к их странам, но что вообще их точка зрения и тактика являются наиболее правильными для всего Интернационала.

Непосредственно после первого конгресса началась борьба вокруг вопроса о взаимоотношениях между Профинтерном и Коминтерном. Что спорного было в этом вопросе? — Анархо-синдикалистская часть стояла на той точке зрения, что Профинтерн не должен иметь ничего общего с Коминтерном; Профинтерн не должен заниматься никакой политикой и не должен находиться под влиянием какой-бы то ни было политической партии; Профинтерн не должен становиться на платформу диктатуры пролетариата, ибо всякая диктатура есть зло; Профинтерн должен быть абсолютно независимой международной организацией, противопоставляющей себя Коммунистическому Интернационалу. Но борьба сосредоточилась, по преимуществу, не вокруг принципиальных вопросов, не вокруг вопроса о том, может ли вообще без диктатуры рабочий класс победить, но вокруг постановления 1 конгресса Профинтерна о взаимном представительстве между Коминтерном и Профинтерном. В этом взаимном представительстве анархо-синдикалистами была усмотрена тенденция Профинтерна и Коминтерна нарушить все божеские и человеческие законы и явное желание игнорировать принцип независимости профдвижения.

Так началась борьба внутри Профинтерна вокруг вопроса о взаимоотношениях между двумя Интернационалами. Мною была уже изложена, хотя и в другой связи, наша точка зрения на взаимоотношения между профсоюзами и партией. Отсюда ясно, какие с нашей точки зрения взаимоотношения между Профинтерном и Коминтерном должны быть установлены. Однако, поскольку анархо-синдикалисты придерживаются того взгляда, что профсоюз является исключительной организацией, которой принадлежит руководство всем рабочим движением, постольку естественно, что анархо-синдикалисты подвергли взаимное представительство не только сомнению, но и выступили решительно против него. Не будем останавливаться на всех тех документах, которые появились в результате этой внутренней борьбы. Необходимо только отметить, что внутри Профинтерна на протяжении всего периода его существования борьба вокруг тех или других форм взаимоотношений между Профинтерном и Коминтерном была очень обостренная, при чем закончилась она тем, что второй конгресс Профинтерна отменил 2 параграф устава Профинтерна, устанавливавший это взаимное представительство. Первый конгресс установил взаимное представительство между обоими Интернационалами, а второй конгресс заменил его тесным сотрудничеством, путем создания Комитетов Действия, совместных выступлений и т. д. Этим был заключен блок между коммунистами и здоровой частью международного синдика-

лизма, но на этом борьба не остановилась. Анархо-синдикалисты выступили с яростью против 2 параграфа устава, и после отмены его ни на одну минуту не прекратили своей борьбы против Коминтерна, Профинтерна и русской революции. Они целиком подпали под влияние анархистов, раскалывая и разлагая революционное профессиональное движение.

В этом отношении крайне характерна деятельность анархо-синдикалистского меньшинства внутри Унитарной Конфедерации Труда Франции и авантюристская политика Национальной Конфедерации Труда Испании. Анархо-синдикалисты установили единый фронт с реформистами в борьбе с Коммунистическим Интернационалом и с коммунистическими партиями. И вся стратегия этих господ заключалась и заключается в том, чтобы идейно и организационно ослабить примыкающие к Профинтерну организации. Крайне революционная фразеология переплетается у анархо-синдикалистов с пошлым мещанством, с толстовским непротивлением злу, с франк-масонством, с трусливым приспособлением к реакции и с подготовкой кадров для фашизма. Так, когда установилась в Испании диктатура Примо-де-Риверы, анархо-синдикалисты ничего лучшего не нашли, как добровольно распустить профессиональные союзы. Только под напором сторонников Профинтерна профсоюзы были восстановлены и начали функционировать.

Во Франции анархо-синдикалистское меньшинство ведет ожесточенную борьбу против Унитарной Конфедерации Труда и коммунистической партии. Борьба имеет своей задачей во что бы то ни стало отколоть часть профсоюзов от Унитарной Конфедерации Труда для того, чтобы создать, хотя бы маленькую ничтожную организационную базу для берлинского анархо-синдикалистского интернационала.

Застрельщиком раскола революционного профдвижения является федерация строительных рабочих, которая под предлогом борьбы за автономию и независимость стремится создать третью Конфедерацию Труда. Их лозунг последнего времени — создание третьей Конфедерации Труда. Анархо-синдикалистское меньшинство, созвав свою конференцию в конце октября 1924 года, постановило выйти из Унитарной Конфедерации Труда. За это же высказалась и руководящая головка федерации строительных рабочих. Таким образом, анархо-синдикалисты произвели откол известной части революционных рабочих, что не могло не вызвать злобной радости во всей реформистской и буржуазной прессе.

Что же побудило анархо-синдикалистское меньшинство к расколу? Катастрофический упадок его влияния. На Сент-Этьенском конгрессе Унитарной Конфедерации Труда (июль 1922 года) анархо-синдикалисты имели одну треть конгресса своими сторонниками. На конгрессе в Бурже (ноябрь 1923 года) они имели меньше одной четверти. На состоявшейся в начале октября 1924 года сессии Центрального Совета Унитарной Конфедерации Труда они уже имели только одну десятую. Таким образом, этот раскол есть желание

спасти остатки своего влияния путем создания новой, якобы независимой, якобы автономной, а на самом деле зависимой от буржуазии и франк-масонской организации.

О том, что борьба анархо-синдикализма против Профинтерна заканчивается в пользу последнего, видно также и по быстрому росту влияния Профинтерна в Испании, в Португалии (здесь крупнейший союз моряков присоединился на своем с'езде в октябре 1924 года к Профинтерну), в Мексике, Аргентине, Чили и т. д. Анархо-синдикализм питался противодействием рабочих масс оппортунизму, но по мере того, как коммунизм повел ожесточенную борьбу во всех странах против реформизма, анархо-синдикализму оказалось нечего делать в рабочем движении, и он планомерно вытесняется из классических стран анархо-синдикалистской путаницы.

Насколько анархо-синдикализм разложился, видно из того, как хвалящиеся своей революционностью руководители Индустриальных Работников Мира (в Соед. Штатах) поступили, когда внутри их исполнительного органа началась борьба одной группы против другой. Они обратились к буржуазному суду Соединенных Штатов за разрешением своих имущественных споров. И вот, эти «революционеры», призывающие продажную американскую юстицию наложить арест на имущество рабочих организаций, вместо того, чтобы обратиться к рабочему третейскому суду, эти господа, тоже считают Профинтерн недостаточно революционным и независимым. Вряд ли нужно доказывать, что такого рода «независимость» в наших рядах места иметь не может. Анархо-синдикалисты думают спасти свое влияние в рабочем движении путем откола. Но этим они окончательно перерезывают пуповину, которая связывала их с рабочим движением, и превращаются в болтающую секту анархистствующих факиров. Все, что было лучшего среди них, уже к нам ушло, оставшееся в их рядах небольшое количество честных рабочих также уйдет, оставив своих анархистских лидеров в об'ятьях реформистов и франк-масонов.

Разрушение или завоевание профсоюзов?

Следующий вопрос, точно так же определявший всю линию революционного рабочего движения — это вопрос о нашем отношении к старым реформистским союзам. Мы в Красном Интернационале собрали все, что имеется революционного в профессиональных союзах: самостоятельные союзы, отдельные национальные центры, революционные меньшинства в старых союзах и т. д. Нам пришлось дать ответ на вопрос: приступим ли мы к созданию новых профессиональных союзов там, где профессиональное движение не расколото, или мы будем бороться за завоевание старых союзов? Требовалось ясно сказать: за разрушение ли мы или за завоевание реформистских профессиональных союзов? Наш учредительный с'езд на этот вопрос ответил: не разрушение, а завоевание профсоюзов. Почему вообще возник этот вопрос? Он возник потому, что уже в конце 1918 года германская коммунистическая партия на своем учредительном конгрессе в Гей-

дельберге постановила призвать рабочих к выходу из старых союзов и к созданию новых. Благодаря этому постановлению, в Германии и возник небольшой союз, захотевший противопоставить себя мощному организму реформистского профдвижения, охватывающему около десятка миллионов членов. Компартия переменила впоследствии свою точку зрения, но от нее откололась часть элементов, образовавших германскую коммунистическую рабочую партию, важнейшим лозунгом которой было разрушение профсоюзов. Коминтерн тогда категорически высказался против этого решения [1]). Но как же случилось, что германская коммунистическая партия выступила с лозунгом: не завоевание, а разрушение профсоюзов? Это случилось потому, что во всех боях немецкого пролетариата в первый период после революции, консервативной машиной, которая раздробила революционное движение, были именно профсоюзы, обрушившиеся всей своей тяжестью на революционное движение. Опираясь на союзы, выходцы из социал-демократической партии, в роде Носке, расстреливали тысячи рабочих. Вот эти-то обстоятельства и вызвали отчаяние и пессимизм в наиболее революционных и наиболее нетерпеливых немецких рабочих. Отсюда возникла целая теория: старые профессиональные союзы прогнили насквозь, они реакционны, и их, чтобы можно было бороться с буржуазией, нужно разрушить до основания. Если весь этот колоссальный аппарат направляется против революции, если он так сросся с буржуазным государством, то, не разрушив его, нельзя установить власть трудящихся. Действительно, профессиональные союзы, в особенности в послевоенный период, теснейшим образом срослись с буржуазным государством. Это явление мы наблюдаем по всей Европе и в настоящее время. Можно бы это графически изобразить в виде пирамиды, верхушка которой органически срослась с буржуазным аппаратом.

Мы при определении нашей линии и в этом отношении категорически высказались не за теорию разрушения союзов, а — за завоевание. Почему? Разве мы не оценивали так же, как они, реакционный характер профсоюзов? Разве мы не признавали факта сращения верхушек профсоюзов с буржуазным государством? Разве мы не видели их реакционной роли? — Нет, мы все это видели, но мы к союзам подходили совсем с другой точки зрения, чем наши немецкие товарищи.

Что такое союз? Союз — это организация, об'единяющая рабочие массы, и надо считаться с тем, что в Германии, где был выдвинут лозунг разрушения союзов, реформистские союзы об'единяли ко времени 1 конгресса Профинтерна около 9 миллионов рабочих. Если мы выдвинем лозунг разрушения союзов, что мы этим сделаем? Масса за нами не последует, потому что она пришла в союз для того, чтобы там добиться чего-нибудь реального. Мы нашей тактикой

---

[1]) Смотри книгу т. Ленина: „Детские болезни левизны" и резолюции 2 конгресса Коминтерна.

разрушения союзов можем добиться только того, что вырвем из этих организаций несколько тысяч человек, создадим чистенький коммунистический союзик, который будет снабжен всеми коммунистическими добродетелями, но который не будет об'единять рабочие массы. Это — не коммунистическая тактика. Мы должны находиться там, где есть рабочие. Этот отлив революционных элементов из массовых организаций означал бы безраздельное господство реформистов в старых союзах. Завоевание союзов означает завоевание рабочего класса, тех миллионов, которые там находятся и, поскольку мы эту цель себе ставим, мы не можем проповедывать лозунг разрушения союзов.

Еще по одной причине мы были против этого лозунга. Что означает оценка профсоюзов безнадежными в революционном смысле? Если 9 миллионов рабочих Германии безнадежны, то безнадежна и сама революция. Мы получаем, таким образом, неожиданные выводы, которые имеют явно меньшевистский характер.

Вот те мотивы, по которым мы были против тактики разрушения союзов, и почему мы выдвинули совершенно ясный, недвусмысленный лозунг *завоевания союзов, завоевания масс*. Надо сказать, что последние годы блестяще подтвердили нашу точку зрения и правильность нашей тактики: безнадежна верхушка и особенно профсоюзная бюрократия, но рабочие массы не безнадежны, ибо их сознание определяется не отвлеченными соображениями, а тем нарастанием капиталистических противоречий, которые мы имеем в каждой стране.

Спор о том, разрушать или завоевывать профсоюзы, казался для Коминтерна и Профинтерна законченным. Между тем, он вновь возник с неожиданной силой в конце 1923 года в Германии. Роль социал-демократии и профсоюзной бюрократии в подавлении революционного движения в Германии, блок между профсоюзной верхушкой и фашистами в октябрьско-ноябрьские дни 1923 года, срыв ряда экономических забастовок — все это возродило в Германской Коммунистической Партии старые настроения. Началось бегство коммунистов, особенно в Берлине, из профессиональных союзов. Коминтерн и Профинтерн выступили со всей решительностью против упадочных настроений и противопоставили империалистской тактике испытанную ленинскую тактику, которую он развил в своей книге «Детские болезни левизны в коммунизме».

Это бегство из профсоюзов было настолько сильно в партии, что оно значительно ослабило влияние партии в старых союзах. Переломным моментом явился Франкфуртский Партейтаг Германской Компартии (апрель 1924 года), где был сделан серьезный нажим на сторонников ухода из профсоюзов. 5 конгресс Коминтерна и 3 конгресс Профинтерна сделали дальнейший шаг и торжественно осудили этот вредный уклон. Надо отдать справедливость Германской Коммунистической Партии, что после 5 конгресса Коминтерна и 3 конгресса Профинтерна она в громадном большинстве своем повела ожесточенную борьбу против раскольнических элемен-

тов, требуя от всех своих членов безусловного и безоговорочного выполнения решений конгрессов Коминтерна и Профинтерна.

На последнем заседании Центрального Совета Германской Компартии, имевшем место 19 октября 1924 года, было постановлено: все члены партии, которые до 1 декабря не войдут в профсоюзы, лишаются права занимать ответственную должность в партии, а те, кто до 1 февраля 1925 года останутся вне профсоюзов, будут исключены из партии. Такое решение можно только приветствовать; оно доказывает, что партия преодолела свои собственные слабости и сумела положить предел личной политике своих членов.

В Германии имеется сейчас небольшая группа коммунистов, находящихся под влиянием исключенного из партии Шумахера, продолжающих настаивать на необходимости раскола профдвижения. Но эта группа не представляет никакой опасности для революционного профдвижения Германии. Она слишком слаба качественно и количественно, чтобы оказать влияние на дальнейший ход развития профдвижения Германии.

Коминтерн и Профинтерн добились, таким образом, продолжения своей старой испытанной линии, но сохранение единства ни в коем случае не зависит от нас. Как показал опыт последних лет, рять руководство ими. По стопам амстердамцев идут теперь анархо-синдикалисты, и, таким образом, раскол профессионального движения, несмотря на нашу отчаянную борьбу против него, может пройти там, где до сих пор удалось сохранить единство профорганизаций.

ЛЕКЦИЯ VIII.

Теория и тактика Профинтерна.

Фабрично-заводские комитеты.

Следующий вопрос, который уже давно самой жизнью был поставлен в порядок дня, и на который нужно было дать ответ — это был вопрос о фабрично-заводских комитетах. Всем, конечно, известно, что в России фабрично-заводские комитеты возникли одновременно с февральской революцией. В свое время многим казалось, что данная форма организации является специфически-русской, т.-е. специфически принадлежит той стране, где в момент возможности создания широких рабочих организаций не было еще профсоюзов.

Но уже германская революция показала, что фабрично-заводские комитеты возникают не только там, где профсоюзы отсутствуют, или где они слабы, но и там, где профсоюзы крепки и имеют довольно большой авторитет в массах. Стало быть, их возникновение и развитие не зависит от того, существуют или нет профорганизации, а об'ясняется совсем другими причинами. Очевидно, фабрично-заводские комитеты должны выполнять какие-то другие функции, которые даже сильные профсоюзы не могут выполнить. Каковы же эти функции? Это, прежде всего,—контроль над производством. Фабрично-заводские комитеты представляют собой органы подготовки революции и закрепления ее победы в области производства. В непосредственной связи с фабрично-заводскими комитетами, будучи их основной функцией, родился рабочий контроль. Последний является первичной, элементарной формой, предшествующей социализации производства, или, что то же, захвату всех орудий производства и обмена.

Эта роль фабрично-заводских комитетов, конечно, наиболее ярко проявилась у нас во время Октябрьской революции. В странах Западной Европы, переживавших революционные потрясения — в Австрии, Венгрии, Германии — фабрично-заводские комитеты в период своего возникновения носили какой-то смешанный характер; они были чем-то средним между нашими рабочими советами и фабрично-заводскими комитетами. И эта путаница продолжалась довольно долго.

Отсюда вопрос о фабрично-заводских комитетах стоял перед нами в следующих плоскостях: 1) уяснение нашего отношения к фабрично-заводским комитетам вообще; 2) вопрос о фабрично-заводских комитетах, законодательным путем введенных в Германии, Австрии и т. д.; 3) вопрос о функциях фабрично-заводских комитетов; 4) роль фабрично-заводских комитетов в борьбе с наступлением капитала и за единство профессионального движения. Наше отношение к фабрично-заводским комитетам диктовалось их ролью. Мы стояли и теперь стоим на той точке зрения, что до, во время и после социальной революции фабрично-заводские комитеты должны играть исключительно важную роль. Во втором вопросе — о нашем отношении к существующим на основе закона, легальным фабрично-заводским комитетам были разногласия даже и в нашей собственной среде. Та часть примыкающих к нам революционных рабочих, у которых революционное чувство заменяло тактическую ясность и выдержку, находила, что мы не можем итти в эти фабрично-заводские комитеты, потому что они выбираются на основе закона, делающего их подсобными органами предпринимателей; входя в эти комитеты, мы до известной степени придаем-де авторитет той организации, которую мы обязаны разрушать, потому что она против нас. Мы с этими товарищами не согласились; мы не можем стать на такую формально-революционную точку зрения. Наша задача заключается в возможном расширении функций фабрично-заводских комитетов, в побуждении их переступать рамки закона, вести работу по революционизированию их, чтобы, таким образом, иметь в их лице опорные пункты для наших революционных действий. В этом смысле первый конгресс и высказался, отвергнув тактику бойкота легальных фабрично-заводских комитетов, которые по самой своей природе являются органами единства рабочего класса.

Мы имеем, например, в Германии, среди рабочих одного и того же предприятия членов различных союзов: на любом крупном немецком заводе имеются члены «свободного союза», члены «католического союза», члены «гирш-дункеровского союза» и «союза работников физического и умственного труда».

Но этим еще не исчерпывается расщепление рабочих внутри каждого предприятия: в каждом предприятии имеются члены нескольких «свободных союзов», ибо все профессиональное движение даже там, где, как в Германии, оно наиболее концентрировано, построено не по производственному, а по смешанному производственно-корпоративному признаку. Естественно, что даже чисто экономическая борьба рабочих данного предприятия наталкивается на большие организационные преграды. Надо было найти какой-нибудь орган, который бы непосредственно представлял всех рабочих данного предприятия, но здесь мы столкнулись с большими затруднениями, которыми мы обязаны реформистам. Мы стояли за то, что фабрично-заводские комитеты должны выбираться всеми рабочими, а реформисты говорили: «Ни в коем случае: в фабрично-заводской комитет

могут выбираться только члены свободных союзов, а не члены католических, гирш-дункеровских, или рабочие, примыкающие к каким-нибудь анти-классовым об'единениям». Внешне получалось, что как будто бы революционная логика в самом деле на стороне реформистов. Мы хотим создать орган классовый, а в него будут выбирать не только члены классовых союзов, но и члены католических союзов, рабочие, абсолютно ничего общего неимеющие с задачами классовой борьбы. На самом деле, в этой, якобы, классовой чистоте кроется, с одной стороны, непонимание сущности фабрично-заводских комитетов, а с другой — стремление оставаться в старых консервативных рамках. Если фабрично-заводские комитеты должны стать органами борьбы, то это возможно только тогда, если они будут избираемы всеми рабочими данного предприятия. Есть ли опасность, что в таком случае этот орган превратится в анти-классовый? Конечно, есть. Но наша задача заключается в том, чтобы в результате нашей агитации и пропаганды в каждом предприятии в заводский комитет выбирались наиболее передовые революционные рабочие. Поскольку рабочие выбирают реформистов, в этом проявляется их отсталость. Если выбирают католиков, в этом признак еще большей отсталости. Но, ведь, мы берем рабочий класс таким, как он есть; его нужно воспитать и сплотить на основе определенных политических действий, а не фраз. Вот почему мы категорически высказались против «левизны», внезапно проявленной реформистами.

Во Франции на ряде профсоюзных с'ездов при обсуждении вопроса относительно фабричных и рудничных комитетов выявились три точки зрения. Одни говорили, что в выборах должны принимать участие только члены революционных профессиональных союзов; другие выдвигали мысль о том, что фабрично-заводские и рудничные комитеты должны выбираться членами не только революционных, но и реформистских союзов; и, наконец, последняя точка зрения, именно наша, что фабрично-заводские комитеты должны выбираться всеми рабочими данного предприятия, независимо даже от того, принадлежат ли они, вообще, к союзу или нет. Действительно, достаточно внимательно остановиться на этом вопросе, чтобы убедиться в правильности нашей точки зрения. Допустим на момент, что фабрично-заводские комитеты должны выбираться только членами революционных союзов. Но в таком случае зачем, вообще, их выбирать: ведь, рабочие—члены революционных союзов—уже и так организованы; зачем же их организовывать по какой-то другой системе? Наша задача заключается в том, чтобы эти 100 уже организованных революционных рабочих оказали воздействие на остальные сотни рабочих, и ясно, что при данной постановке вопроса все ограничения выборов в фабрично-заводские комитеты не выдерживают ни малейшей критики. Первый конгресс Профинтерна высказался против всяких ограничений, выдвигая идею создания фабрично-заводских комитетов на основе всеобщего избирательного права по фабрикам и заводам. Конгресс выдвинул также лозунг

проведения через фабрично-заводские комитеты рабочего контроля, который служит могучим орудием борьбы рабочего класса за захват фабрик и заводов.

Второй и особенно третий конгрессы Профинтерна вновь занялись вопросом о фабрично-заводских комитетах. Последние годы показали, что, как только начинается революционное брожение, фабрично-заводские комитеты приобретают особенно важную революционную роль. С другой стороны, фабрично-заводские комитеты имеют громадное значение в борьбе за единство профессионального движения. Третий конгресс Профинтерна с особой силой подчеркнул эту роль фабрично-заводских комитетов в борьбе за единство.

Состоявшийся в начале октября 1924 года в Чехо-Словакии с'езд фабрично-заводских комитетов, где были представлены члены красных, социал-демократических и национал-социалистических профсоюзов и где рабочим всех направлений удалось выработать единую платформу борьбы за непосредственные интересы рабочего класса, показывает на практике громадное значение фабрично-заводских комитетов в восстановлении единства профессионального движения. Правда, расколотое по политическим, национальным и конфессиональным признакам, чехо-словацкое профессиональное движение не так легко об'единить, но нет другого способа сдвинуть с мертвой точки этот вопрос, если мы не сделаем исходным пунктом всей нашей борьбы завод и выбранное непосредственно рабочими предприятия представительство. Единство может быть восстановлено только в том случае, если мы расшатаем до самого корня традиционные перегородки внутри рабочего класса. Революционизирование фабрично-заводских комитетов, создание фабзавкомов там, где их нет, расширение сферы их деятельности—это и есть борьба за единство снизу.

Там, где фабрично-заводских комитетов еще нет, там в интересах восстановления единства профессионального движения устраиваются специальные районные, производственные и обще-национальные с'езды представителей фабрик и заводов, что служит исходным пунктом для организации фабрично-заводских комитетов. Одно ясно: до тех пор, пока все рабочие данного предприятия не будут крепко спаяны через свое фабрично-заводское представительство, до тех пор настоящего единства рабочего класса нельзя будет осуществить. Послевоенный опыт показал, что:

1) Фабрично-заводские комитеты являются специфическими органами классового единства эпохи социальной революции.

2) Фабрично-заводский комитет имеет своей задачей приближение рабочей массы к производству и создание кадра для предстоящего управления им.

3) Фабрично-заводские комитеты являются естественной базой перестройки по производственному принципу профессионального движения.

4) Развитие фабрично-заводских комитетов означает переход от цехового и корпоративного профессионального движения к высшей форме профдвижения—к производственному союзу.

5) Фабрично-заводские комитеты являются первичными органами контроля рабочих над производством и после социальной революции—основой социалистической организации народного хозяйства.

6) Опыт показал, что рост влияния и значения фабрично-заводских комитетов пропорционален росту и развитию социальных противоречий и социальной борьбы: прилив и отлив революционной волны влечет за собою приливы и отливы в движении фабзавкомов.

Социализация производства.

Здесь необходимо остановиться хотя бы кратко на понятии «социализация производства», которое за последние несколько лет стали слишком расширительно толковать. Нам кажется, что под понятием «социализация производства» надо разуметь такую систему производственных отношений, при которой предприниматель экспроприируется, а рабочий класс становится хозяином предприятия. Но это наша, «варварская», большевистская точка зрения; реформисты же под социализацией производства понимают нечто другое.

В Германии вопрос о социализации производства встал в порядок дня на другой же день после ноябрьской революции (1918 г.). Но там вопрос стоял не так, как у нас. Мы на другой же день после Октябрьской революции начали захватывать фабрики и предприятия, «обижая» предпринимателей, ибо трудно было их не обидеть, а в Германии выдвинули идею постепенного обобществления орудий производства. Далее, немецкие реформисты выдвинули тогда идею не насильственной экспроприации, которую могли себе позволить только «дикари»—большевики, а выкупа и вознаграждения предпринимателей за отобранное у них добро. Мы сначала захватили фабрики, изгнали буржуазию и тут же приступили к организации рабочего управления предприятиями; реформисты же, как люди, стоящие на точке зрения постепеновщины и «научной организации» производства, тратили время на обсуждение социализации, а самое ее осуществление откладывали на неопределенное время. Получилось следующее: были созданы довольно ученые комиссии по социализации, в которых на-ряду с Каутским, Гильфердингом и другими социал-демократами работали также предприниматели, при чем чем дольше работали эти комиссии, тем в более глубокие дебри они заходили, пока не выяснилось, что «социализация—вещь очень трудная». Этот вопрос жевали год, жевали другой, пока в результате этой жвачки получилось несколько толстых томов всевозможных теоретических исследований, а дело не только не подвинулось вперед, но даже и разговоры о социализации сошли со сцены. Ясно, что такая форма социализации, которая превращается в теоретическую дискуссию о социализации без практических последствий. ничего общего не имеет с точкой зрения Профинтерна. Мы рассматриваем рабочий контроль, как первый шаг к настоящей со-

циализации. Было бы утопией думать, что рабочий контроль можно ввести при наличии власти буржуазии. На фабрике может быть только один хозяин—либо предприниматель, либо рабочий. Все мечты реформистов создать конституцию на фабрике, т.-е. уничтожить самодержавие предпринимателей, мечты о создании путем соглашения «промышленной демократии»—пустая, вредная и антирабочая затея. Ведь не случайно разные государственные, политические формы (монархия, республика) уживаются с экономическим самодержавием капиталиста-предпринимателя. В «либеральной» Англии, в «демократической» Франции и Америке и в царской России на заводах и фабриках был один и тот же режим—господствовало самодержавие предпринимателя. Мы рассматривали и рассматриваем рабочий контроль, как способ захвата предприятий. Мы имели достаточно оснований подойти с этой точки зрения к вопросу, так как перед нами был довольно богатый опыт русской революции.

Рабочий контроль.

Вопрос этот был практически поставлен в русской революции, и опыт, проделанный в этой области, показал, что рабочий контроль является первым шагом к овладению производством. Наиболее ожесточенные бои накануне Октябрьской революции между предпринимателями и рабочими шли по линии борьбы фабрично-заводских комитетов за контроль. Разногласия между большевиками и меньшевиками в этот период сводились к следующему: меньшевики выдвигали государственный контроль, а большевики—рабочий контроль. Эти две формулировки отражают самую суть разногласий между меньшевизмом и большевизмом. Дело сводилось к тому, будет ли контроль в руках внеклассового (т.-е. буржуазного) государства или в руках рабочих. Опыт рабочего контроля в до- и послеоктябрьский период показал, что нельзя остановиться только лишь на одном контроле. Можно начать с контроля, но как только рабочие приходят к практическому контролю над предприятием, необходимо перейти к управлению им. Вот почему не прошло и одного месяца после Октябрьской революции, как рабочий контроль стал превращаться фактически в рабочее управление. В международное рабочее движение идея рабочего контроля вошла через русские союзы, и здесь разногласия между левым и правым крылом рабочего движения шли по той же линии, как они все время шли в России: с одной стороны, реформисты в Бельгии, Франции, Германии выдвигали идею государственного контроля, создания паритетных комиссий из предпринимателей и рабочих для ознакомления рабочих с производством, а с другой стороны, был выдвинут лозунг рабочего контроля над производством, смысл которого заключался в действительном подчинении предприятия контролю рабочих, что должно было автоматически привести к экспроприации капиталистического класса. Учредительный конгресс Профинтерна занялся вплотную этим вопросом, связав, конечно, рабочий контроль с развертыванием деятельности и активности фабрично-заводских коми-

тетов. Надо отметить, что в первые годы по окончании войны вопрос о рабочем контроле так же, как и вопрос о фабрично-заводских комитетах стоял очень остро в рабочем движении Западной Европы, но по мере упадка революционной волны, по мере перехода рабочих от наступления к отступлению, рабочий контроль отодвигался на задний план: он *практически* и сошел с порядка дня. Вопрос этот стал снова актуальным, когда обострились социальные отношения в Германии в октябре—ноябре 1923 года. Тогда вопрос о работе фабрично-заводских комитетов, о всевозможных контрольных, ревизионных комиссиях, о рабочем контроле над предприятиями стал практически перед рабочими. Нельзя сказать, чтобы в этой области в Германии были сделаны очень большие завоевания. Для нас важно сейчас установить роль и значение рабочего контроля в борьбе рабочего класса. Рабочий контроль становится актуальным лозунгом дня по мере обострения социальных противоречий, по мере приближения к социальной революции. Он является первым шагом к социализации производства. Рабочий контроль надо рассматривать, как временную, преходящую и военную против предпринимателей меру, которая может быть выгодна для рабочих только в том случае, если она каждый день будет выхватывать все новые и новые области у предпринимателей, выталкивая их из производства. Рабочий контроль ни в каком случае не может быть длительным и самостоятельным явлением. Он является исходным пунктом наступления рабочих на экономическую власть предпринимателя и должен служить орудием ослабления предпринимателей как класса. Рабочий контроль может сыграть свою роль только в том случае, если он будет служить исходным пунктом захвата экономической и политической власти пролетариатом. Было бы утопией думать, что рабочий контроль может существовать длительное время при сохранении капиталистической системы, между тем, как раз в этом и заключается основная мысль реформистов. Каждый раз, когда *мы* говорим о контроле над производством и о вовлечении рабочих в производственный процесс, — рабочий контроль является (и в этом смысл решений всех с'ездов Профинтерна) одним из могучих орудий в арсенале международного революционного профессионального движения.

Организационное строительство профсоюзов.

Далее уместно будет остановиться на другом старом вопросе, который опять-таки интересовал только лишь нас—революционный Интернационал, но почти не занимал внимания Амстердамского Интернационала. Это вопрос организационного строительства. Если взять организационное строение профессиональных союзов, то мы увидим, как союзы из узко-корпоративных организаций превращаются в более широкие об'единения, и далее—в производственные об'единения. Процесс этот в высшей степени медленный. На первом конгрессе Профинтерна профсоюзы понимались как органы защиты интересов рабочего класса, наступления на буржуазию и социалистического строительства. Профсоюзы имели и имеют перед собой довольно сильно орга-

низованного врага, и по мере того, как классовый враг менял форму своей организации, рабочему классу нужно было также менять формы своих об'единений, иначе он организационно отставал от буржуазии.

В самом деле, ведь буржуазия имеет, помимо аппарата государства, которое является могущественнейшим орудием для подавления рабочего движения, свои предпринимательские организации, об'единяющиеся по производствам. Ведь предприниматель, владеющий, например, крупным металлургическим заводом, не входит в два-три союза только потому, что у него работают чернорабочие, модельщики и т. д. Он входит только в один определенный союз (соответствующий основному производству). Предприниматели все время улучшают свою организацию, приспособляя ее к условиям борьбы, придавая ей те формы, которые делают ее наиболее боеспособной против рабочего класса. В этом отношении рабочий класс все время отставал от предпринимателей. И в то время, как, например, в Англии, мы имеем все предпринимательские союзы организованными с одной стороны, по производствам, а с другой — в единую Британскую Федерацию промышленников,—рабочий класс Англии только в 1921 году создал свой Генеральный Совет тред-юнионов, вне которого стоит все еще больше миллиона рабочих, имеющих свою собственную федерацию.

Недостаточная централизованность, характеризующая профессиональное движение Англии, является результатом преобладания корпоративных, цеховых об'единений и крайней автономии местных организаций. Величайшее зло современного мирового профессионального движения заключается в раздроблении рабочих каждого предприятия по нескольким союзам. Это порождает отчужденность одной группы рабочих от другой, соперничество, взаимное подсиживание, выдвигание на первое место групповых интересов, в противовес общим интересам, что часто приводит к взаимной борьбе и срыву—на радость предпринимателям—стачек и выступлений. Эти корпоративно-цеховые курятники могут быть разрушены только в том случае, если все профессиональное движение будет построено по производственному принципу. Вот почему мы выдвинули лозунг производственных союзов: *в одном предприятии один союз*. И этот наш лозунг революционные рабочие перенесли во все страны.

Сознание необходимости перестройки профсоюзов по производственному принципу в настоящее время довольно широко распространено в Соединенных Штатах Северной Америки. Внутри Американской Федерации Труда идет ожесточенная борьба за и против амальгамации, т.-е. слияния родственных союзов. Носителем этого лозунга является Лига Профессиональной Пропаганды, которая связывает перестройку союзов с радикальным отказом от реакционной политики последователей Гомперса. Эта пропаганда встречает ожесточенное противодействие профбюрократов, которым выгодна распыленность и взаимное соперничество отдельных категорий труда. Они, как и буржуазия, стоят на точке зрения: разделяй и властвуй.

В Англии процесс амальгамации за последнее десятилетие подвинулся далеко вперед. Но и здесь он натыкается на упорное сопротивление веками созданного профбюрократического аппарата. Генеральный Совет не является руководителем английского профессионального движения, а скорее всего политическим представительством его. Беда реформистского профдвижения заключается не в недостаточной централизации, а в бюрократическом характере этой централизации, и в том, что каждая профсоюзная организация опирается на отдельных членов, а не на предприятия в целом.

Если под централизацией разуметь исключительные полномочия руководящей верхушки, то скажем, американские и немецкие союзы побили в этом отношении все рекорды. Там бюрократы решают все вопросы за рабочую массу, ни мало не заботясь об ее настроениях и требованиях. Против такого рода бюрократической централизации революционное профдвижение ведет ожесточенную борьбу, противопоставляя лозунгу — бюрократический централизм — лозунг демократического централизма. Отличительной особенностью революционного профдвижения в этой области является построение союзных организаций на базисе фабзавкомов, выборность, подконтрольность и смещаемость профчиновников и руководство всем профессиональным движением страны обще-профессиональным центром, как единым классовым целым.

Единый Союз. Как реакция против цеховщины и корпоратизма родилась идея Единого Союза, который охватил бы рабочих всех производств. Эта идея возникла в Соединенных Штатах Северной Америки под именем «One-big Union». Единый Союз означает единую организацию с производственными секциями. Те, кто выдвигал эту идею, связывали такое построение союзов с передачей этой организации после победы социальной революции управления всем производством. Эта организационная схема отстаивается индустриальными рабочими мира.

Попытки создания Единого Союза были сделаны и в Австралии, и в Канаде. В Европе эта организационная схема нашла себе последователей в Германии. После революции, когда выяснился контрреволюционный характер профбюрократической верхушки, среди революционных рабочих возникла мысль о том, что реакционность германских профсоюзов зависит от их организационной структуры. Отсюда был сделан вывод о необходимости создания новой идеальной организационной формы для профсоюзов. Вид стройности этой идеологии придала коммунистическая партия Германии, которая на своем Гейдельбергском конгрессе противопоставила Единый Союз старым реформистским союзам. Так, в Германии возникли унионы, которые имеют несомненно очень много добродетелей, кроме одной— рабочая масса находится вне их.

Теоретически говоря, Единый Ооюз несомненно высшая форма профессионального движения, но формы профсоюзов органически вырастают из классовой борьбы пролетариата, и попытка одним ударом перестроить все профессиональное движение, создать маленькие

идеальные союзики, пожертвовав миллионами рабочих—не могла не потерпеть крушения. Ряд унионов распался. Остался унион работников физического и умственного труда, который даже в период своего расцвета играл роль только лишь среди горнорабочих Рейнско-Вестфальской провинции.

Интересные попытки в области создания Единого Союза сделаны в Чехо-Словакии. В смысле раскола профессионального движения Чехо-Словакия побила все рекорды. Здесь деление идет по политическим, религиозным и национальным линиям. Естественно, что реакция на распыленность должна была быть здесь большей. После исключения из реформистского чешского Об'единения нескольких крупных союзов, исключенные создали Международное Об'единение Союзов с производственными секциями. Об'единение построено на единстве кассы и единстве управления. Из всех попыток, имевших место в международном рабочем движении, создать Единый Союз, опыт Чехо-Словакии надо считать наиболее удавшимся. Но и здесь встречаются непреодолимые затруднения. Переход от крайней распыленности к крайней централизации вызвал сопротивление даже в рядах революционных рабочих.

Трехлетнее существование этого Союза наполнено борьбой за автономию, в рамках организации, немецкой секции текстильщиков, союзов строителей, деревообделочников и т. д. И второй и третий конгрессы Профинтерна высказались против крайней централизации не потому, что они отвергали в принципе Единый Союз, а потому, что наиболее целесообразной переходной формой Профинтерн признает Союзы, построенные на фабзавкомах, руководимые общепрофессиональным центром. Продолжающиеся до настоящего времени (ноябрь 1924 г.) трения и разногласия между рабочими Чехо-Словакии о характере и пределах автономии и о функциях секций и т. д., а главное, — крайне медленный рост Единого Союза, свидетельствует о том, что предупреждения, сделанные вторым и третьим конгрессами, правильно учитывали пределы централизации профдвижения в данных условиях.

Проблема стачечной стратегии.

Вопрос этот никогда не ставился ни на одном международном конгрессе и впервые был выдвинут Профинтерном. Чем ожесточеннее становится классовая борьба, тем ярче выявляется слабость рабочих организаций перед централизованными и крепко сплоченными, опирающимися на всю силу современного государства, предпринимательскими организациями. Все оборонительные и наступательные стачки последних лет свидетельствуют о распыленности, несогласованности, недостаточном понимании обстановки и неумелом использовании всех методов борьбы. Профинтерн рассматривает стачку, как форму классовой войны, и считает необходимым использование в стачечной борьбе всего опыта империалистических и гражданских войн, какие имели место до настоящего времени. Дело идет не о механическом перенесении опыта военного фронта на классовый фронт, но о тщательном изучении военного опыта и выработке

своей классовой стратегии для руководства мелкими и крупными экономическими боями. Самое беглое ознакомление со стачечной борьбой последних лет покажет те недостатки, которыми страдают рабочие организации по сравнению с организациями предпринимательскими. Цеховщина, корпоратизм, национальная ограниченность, соглашательство с буржуазией—все это отдает рабочих, связанных по рукам и ногам, в руки предпринимателей.

Период стихийных вспышек и стачек прошел; рабочий класс имеет перед собой гигантские предпринимательские организации, опирающиеся на весь аппарат современного государства, и импровизация в такой обстановке не обещает ничего хорошего. Борьба становится все сложнее, требуется громадное напряжение сил, понимание обстановки, выбор момента для удара—иначе нас ожидает непрерывное поражение. Вот те мотивы, которые заставили Исполнительное Бюро Профинтерна поставить на 3 Сессии Центрального Совета (25 июня—2 июля 1923 года) вопрос о нашей стачечной стратегии. 3 Сессия избрала специальную комиссию, которая представила свой доклад пленуму, но пленум после обсуждения этого вопроса решил отложить его до 3 с'езда, предложив всем примыкающим к Профинтерну организациям тщательно заняться изучением этого, в высшей степени важного и сложного вопроса. В циркулярном письме ко всем примыкающим к Профинтерну организациям от 19 июля Исполнительное Бюро писало по этому поводу следующее:

«Вы прекрасно знаете, что стачечное движение, в котором ежегодно принимают участие во всем мире миллионы рабочих, еще до сих пор мало изучено. То, что рабочий класс в своем порыве к освобождению часто стихийно выковывает в своей борьбе те методы, которые нередко дают победу рабочим той или другой страны, того или иного производства,—все это не стало достоянием всего международного пролетариата. Богатейший стачечный опыт не изучен и не использован.

Достаточно только сравнить то, что буржуазия сделала для изучения войны и военных столкновений с тем, что не сделано для изучения классовых битв. Каждому малейшему дипломатическому конфликту, каждому воспи му столкновению, отдельным битвам, посвящены сотни исследований. Во всех странах имеется богатейшая военная литература, специальные военные школы и академии, где подвергается тщательному изучению все, что может в той или иной степени бросить свет на формы, методы и обстановку военных столкновений. А что мы имеем в области изучения стачечного движения? Почти ничего. Разбросанные статьи, хроникерские заметки, внешнее изложение форм стачек в профессиональных органах и небольшое количество книжек и брошюр. Вот и все. Этого мало, убийственно мало. А между тем, разве стачка 1.200.000 английских горнорабочих, потрясшая ги-

гантскую английскую империю, имеет, с точки зрения исторического развития, меньшее значение, чем битва под Седаном? Разве стачечная волна 1919—1921 г.г., прокатившаяся по всему миру, пробудившая к сознательной жизни десятки миллионов трудящихся, недостойна изучения во всех своих деталях, и разве наш класс сможет победить, если мы не будем учитывать каждую крупицу потраченной нами энергии и всего того, что сделано в области борьбы?

Если сторонники Профинтерна в каждой стране с бо́льшим вниманием, чем до настоящего времени, отнесутся к происходящим стачкам, обратят внимание на условия возникновения стачек, на формы и характер переговоров, на вспомогательные организации во время стачечной борьбы, на формы происходивших столкновений с властями, на методы борьбы с штрейкбрехерством, на роль буржуазной прессы во время конфликтов, на методы моральной мобилизации стачечников, на роль, которую играют семьи в ослаблении стачечной напряженности, на пикеты, бойкот, стихийный саботаж, подкупы лидеров, на формы организаций предпринимательских союзов и методы их противодействия рабочим и т. д., если по всем этим вопросам собрать подробные материалы, тщательно их классифицировать и изучить, то это может служить неисчерпаемым источником для интернационализации нашей тактики и для превращения опыта одних в достояние всех».

3 конгресс Профинтерна тщательно обсудил этот вопрос [1]). В докладах Монмуссо, Геккерта и Дэна по этому вопросу нашел свое отражение опыт германских, романских и англо-саксонских стран. Крайне любопытны были и прения. Новизна вопроса заставила всех делегатов поделиться своим опытом, и только тогда с'езд увидел, насколько сложна проблема стачечной стратегии.

Насколько серьезно 3 Конгресс отнесся к этому вопросу, видно из того, что он *два* раза останавливается на стачечной стратегии. В резолюции с'езда о ближайших задачах революционных профсоюзов есть специальная глава «О стачечной стратегии». Там мы читаем следующее:

«Экономическая борьба сейчас, как никогда раньше, связана с борьбой политической. Мощный централизованный капитал, опирающийся на весь аппарат буржуазного государства, ведет ожесточенную борьбу против растущего движения масс. Мало-мальски крупный экономический конфликт вовлекает в борьбу всю организованную буржуазию, которая пускает в ход все средства развратa, подкупа и насилия, лишь бы сорвать стачку и дезорганизовать рабочие массы. Этой мощи организованного капитала противостоит расколотое реформистами рабочее движение, живущее навыками прошлого и проникнутое духом кустарничества и корпора-

[1]) См. мой доклад «К вопросу о стачечной стратегии» в прилож. стр. 324.

тизма. Идея международного характера борьбы рабочего класса, идея концентрации больших масс для борьбы и вовлечения в нее рабочих общественно-необходимых предприятий еще не вошла в плоть и кровь революционных рабочих. Часто происходит растрата революционной энергии по мелочам. Революционный рабочий еще не задумывается над вопросом о необходимости на основе опыта мирового рабочего движения создать, разработать стратегию и тактику стачечной борьбы. Но этот вопрос поставлен. Рабочий класс оплачивает дорогой ценой свои недостаточно-организованные, распыленные, корпоративные, не связанные единством воли выступления. Сторонники Профинтерна должны отнестись к этому с величайшим вниманием. Надо помнить, что армия, идущая в бой без плана, без централизованного руководства, без подчинения отдельных частей единой направляющей воле,—такая армия обречена на поражение».

По заслушании докладов и прений по вопросу о стачечной стратегии 3 конгресс не счел возможным принять по этому вопросу какие-нибудь окончательные решения. Слишком нов этот вопрос и слишком мало изучено мировое стачечное движение, чтобы уже сейчас можно было сделать *руководящие, общеобязательные* выводы. Вот почему с'езд принял следующую резолюцию:

«3 конгресс Профинтерна, считая изучение опыта стачек во всех странах предварительным условием для выработки тактики стачечной борьбы, в связи с заслушанными докладами и прениями по этому вопросу постановляет:

1. Поручить Исполнительному Бюро издать на всех языках доклады о стачечной стратегии.

2. Всем примыкающим к Профинтерну организациям собрать и издать материалы, характеризующие методы и способы ведения стачек в их странах.

3. Крупным забастовкам Исполнительное Бюро должно посвящать работы монографического характера, с целью выявления слабых и сильных сторон гигантских конфликтов между трудом и капиталом.

4. С особой тщательностью должны быть собраны все факты, касающиеся самодеятельности и активности масс во время стачечной борьбы, воздействия предпринимательских организаций на руководящую верхушку, роли женщин в борьбе, реформистских методов срыва стачек и т. д. Ни одна самая мелкая деталь, касающаяся срыва стачек, откуда бы она ни исходила, не должна быть упущена.

5. С'езд призывает все революционные союзы отнестись к вопросу о стачечной стратегии с величайшей серьезностью, ибо без тщательного изучения всего опыта стачечной борьбы, без взаимного и широкого ознакомления революционных рабочих одних стран с опытом других стран, без концентрации всех сил, планомерной, систематической подготовки мелких

и крупных столкновений с капиталом, революционный пролетариат не сможет победить концентрированный, опирающийся на всю мощь современного буржуазного государства, монополистический капитал».

Вопрос сейчас перед международным рабочим движением поставлен во весь рост, и не подлежит ни малейшему сомнению, что проблема стачечной стратегии найдет свое разрешение, хотят этого реформисты или нет. Слишком дорогой ценой приходится рабочему классу оплачивать импровизацию в стачечной борьбе, чтобы не попытаться использовать все достижения военной науки в классовых боях.

Международные Комитеты Пропаганды.

Вместе с возникновением Профинтерна перед революционными союзами встал вопрос об их отношении к международным интернационалам по производствам. Создавать ли параллельные интернационалы металлистов, текстильщиков, кожевников, или продолжать старую линию, т.-е. добиваться вступления революционных союзов в соответствующие интернационалы по производствам, собирая все активные революционные силы вокруг созданного революционного Интернационала. Прежде всего мы высказались против создания параллельных производственным Интернационалам организаций. Высказались так потому, что мы были против раскола международного профессионального движения и считали необходимым возможно дольше сохранить единство там, где представляется для этого малейшая возможность, но, с другой стороны, нельзя было оставить необ'единенными по вертикальной линии те профессиональные союзы, которые производственные интернационалы в свой состав не принимали. 1 конгресс Профинтерна выдвинул идею создания Международных Комитетов Пропаганды по производствам. Таким образом возникли Международные Комитеты Пропаганды у металлистов, текстильщиков, горняков, деревообделочников, строителей, кожевников, траспортников и т. д., всего 15 — 16 комитетов, задача которых заключалась в том, чтобы действительно сплотить все революционные элементы международного профессионального движения по производственной линии. Наши противники вместе с возникновением этих комитетов подняли шум о том, что мы создаем новые Интернационалы, но в решениях всех конгрессов Профинтерна нет даже и намека на создание новых интернационалов по производствам. Наоборот, на всех конгрессах сторонники Профинтерна подчеркивали свое горячее желание об'единить по вертикальной линии рабочих всех направлений. Уже одно название — Комитет Пропаганды — свидетельствует о том, что это не интернационал, ибо интернационал ставит себе задачей не только пропаганду, а гораздо более широкие задачи. Но революционные союзы пошли гораздо дальше. Они не только отказались от создания новых интернационалов по производствам, но заявили совершенно открыто, что в случае вступления всех революционных союзов в соответствующие интернационалы. Международные Комитеты

Пропаганды будут немедленно распущены. Опыт, проделанный за последние несколько лет революционными союзами в их взаимоотношениях с интернационалами по производствам, нельзя назвать особенно удачным. Вот уже 4 года, как русские союзы и революционные союзы других стран добиваются вступления в соответствующие интернационалы, но во всех интернационалах по производствам, где господствуют амстердамцы, русские союзы встречают решительный и категорический отказ. На всех международных с'ездах русский вопрос стоял в порядке дня. На большинство с'ездов русские союзы пытались посылать своих делегатов, но их обычно не допускали на с'езды, а если допускали, то только в качестве безгласных свидетелей происходящего. Решения, которые принимались по русскому вопросу на всех этих международных с'ездах, за исключением международного с'езда пищевиков, были против революционных союзов вообще и русских в особенности. Содержание всех этих решений сводится к следующему: так как данный русский союз примыкает к Профинтерну, то он не может быть принят в такой-то и такой-то интернационал. Для того, чтобы быть принятым, он должен выйти из Профинтерна. Таково клише всех принятых решений. Амстердамцы, ничто же сумняшеся, предлагали русским союзам, чтобы они раскололи наше профессиональное движение,—ибо для них ведь не секрет, что примыкают к Профинтерну не отдельные союзы, а все российское профессиональное движение в целом,—только лишь для того, чтобы получить право вступить в тот или другой интернационал. Русские союзы, конечно, не могут пойти на такого рода предложение, и до настоящего времени вопрос остается открытым.

Что касается международного союза пищевиков, то здесь положение несколько другое. Международный С'езд пищевиков, состоявшийся в Брюсселе в октябре 1923 года, высказался за прием русского союза. Как только русский союз был принят, он, для того, чтобы доказать свое действительное желание единства, вышел из Международного Комитета Пропаганды, при чем довел об этом до сведения Международного Об'единения. Сам Международный Комитет Пропаганды реорганизовался — он стал называться Международным Комитетом Пропаганды союзов пищевой промышленности, не принятых в интернационал пищевиков. Казалось бы, что между русским союзом и интернационалом положение совершенно ясное, но это только так кажется. На самом деле интернационал пищевиков пред'явил к русскому союзу требование, чтобы Международный Комитет Пропаганды перестал вообще функционировать. Русский союз сообщил интернационалу о том, что он не входит в Международный Комитет Пропаганды, что никто не может запретить не принятым в интернационал союзам об'единиться для совместной работы и т. д., но Исполком интернационала пищевиков продолжал и продолжает настойчиво добиваться от русского союза роспуска Международного Комитета Пропаганды. В этом отношении крайне характерно полученное русским союзом письмо от интернационала пищевиков (во главе интернационала стоит левый амстердамец Шиф-

ферштейн), в котором в грубых выражениях русскому союзу предъявлен ультиматум: либо роспуск Международного Комитета Пропаганды (в который русский союз не входит), либо исключение из интернационала. Мы видим, таким образом, что взаимоотношения между интернационалами по производствам и революционными союзами вообще и русскими в частности до сих пор остаются в такой стадии, что дальнейшее укрепление Международных Комитетов Пропаганды является абсолютно необходимым. Достаточно перечитать решения 1, 2 и 3 конгрессов Профинтерна о Международных Комитетах Пропаганды, чтобы убедиться в действительном характере созданных нами Международных Комитетов Пропаганды. Вот что по этому поводу говорит 3 конгресс Профинтерна:

«Борьба революционных союзов за вступление в международные Секретариаты профсоюзов должна вестись с неослабной энергией. 3 Конгресс подтверждает решения 1 и 2 Конгрессов по этому поводу. *Международные Комитеты Пропаганды возникли для борьбы за восстановление единства профессионального движения по вертикальной линии*, и до тех пор, пока будут существовать революционные союзы, которые по тем или иным соображениям не принимаются в международные Секретариаты, Комитеты Пропаганды должны и будут существовать. *Как только Интернационалы по производствам об'единят профсоюзы всех направлений, как только революционные союзы будут иметь возможность внутри этих интернационалов бороться за свои идеи, Международные Комитеты Пропаганды будут распущены*».

Решения Конгресса настолько ясны, что вряд ли могут вызвать сомнения. Только при крайне недобросовестном отношении к делу можно вычитать из наших решений и, что еще более важно, из наших действий, что мы в какой бы то ни было форме стремимся к расколу по вертикальной—производственной линии. И здесь, как и в других областях, наше стремление к единству натыкается на жестокое сопротивление бюрократического амстердамского аппарата, который считает, что международный реформизм поставит барьер наплыву революционных элементов в международные организации.

ЛЕКЦИЯ IX.

Политика и тактика Профинтерна.

Отношение революционных рабочих к Лиге Наций.

Для того, чтобы выяснить особенности Профинтерна по сравнению с Амстердамским Интернационалом, остановимся на основных вопросах, отчасти уже освещенных при характеристике последнего.

Наше отношение к Версальскому договору, к Лиге Наций, к Международному Бюро Труда можно выразить двумя словами: самое скверное. Может быть такая характеристика и недостаточна, но я думаю, что для революционного интернационала не может быть вопроса о сотрудничестве с Лигой Наций и созданными ею органами.

Вспомним, что Вандервельде в одной из своих многочисленых речей доказывал, что собственно говоря, Версальский договор не так уже плох, ибо там имеется 13-й раздел, который защищает права рабочих. Так вот с 13-м разделом или без него—мы считаем Версальский договор наиболее разбойничьим договором, который когда-либо создавала человеческая фантазия, и исправлять его мы не собираемся. Вместо этого мы с самого начала выдвинули лозунг: «Долой Версальский договор, и да будет разрушено все, что создано им, Севрским и другими аналогичными договорами».

То же самое и по отношению к Лиге Наций и ко всем созданным ею комиссиям. Одной из таких комиссий является «Комиссия по разоружению». Было уже сказано, как красноречиво разливаются в этой комиссии руководители Амстердамского Интернационала. Если мы высказались против этой Комиссии Лиги Наций, то не потому, что мы считали недопустимым произносить речи в присутствии министров: нет, возможны такие обстоятельства, когда в присутствии министров можно и даже должно произносить речи. Весь вопрос заключается лишь в том, будем ли мы строить свои речи и выступления так, чтобы помочь министрам дурачить рабочие массы, или мы будем говорить так, чтобы разрушать иллюзии рабочих масс. Только с этой точки зрения мы подходим к любому нашему стратегическому шагу. Поскольку работа в «Комиссии по разоружению» носит характер сотрудничества с буржуазией, поскольку в ней представители буржуазных правительств явно дурачат этих так назы-

ваемых представителей рабочих, постольку для каждого революционера не может возникнуть вопроса относительно участия во всем этом международном жульничестве.

Международное Бюро Труда, которое является, по мнению, реформистов, «величайшим завоеванием рабочего класса», Международное Бюро Труда, во главе которого стоит Альбер Тома, высказавший свою симпатию к фашизму, является организацией, занимающейся сейчас собиранием документов по рабочему законодательству и о положении рабочих, и надо сказать, что даже здесь они специализировались на фальсификациях.

Правда, Международное Бюро Труда пытается вырабатывать законодательные предположения, но никто сейчас не берет всерьез эту организацию. Непосредственно после войны Международное Бюро Труда должно было демонстрировать социальный либерализм победителей, отвлекая этим внимание рабочих масс от борьбы. Для буржуазии это была диверсия, для либералов реформистского профдвижения это было «завоеванием». Но как только непосредственная опасность прошла, Международное Бюро Труда было фактически превращено в общество любителей социальных наук, занимающееся никому не нужными и безвредными разговорами. На всех заседаниях Международного Бюро Труда присутствуют, как известно, представители предпринимателей, рабочих и «нейтральных» правительств. Бесконечно дебатируется вопрос о том, что постановления Вашингтонской конференции (октябрь 1919 года) до сих пор не проведены в жизнь. Напрасно Альбер Тома подает правительствам докладные записки, убеждая их в пользе социального законодательства. Это так же помогает, как мертвому подкожное впрыскивание. Если буржуазные правительства Европы и Америки дают еще деньги на содержание этого учреждения, то по той простой причине, что Бюро Труда является орудием в руках Антанты (вспомним, например, «борьбу» Бюро Труда за 8-мичасовой рабочий день в Германии и замалчивание вопроса об отмене 8-мичасового рабочего дня в странах Антанты), и что правительства эти еще надеятся использовать созданный аппарат против подымающего голову пролетариата. Рабочим, во всяком случае, нечего делать в этом, созданном трестом победителей, вертепе.

Проблема репараций.

Переходим к проблеме репараций. Выше я уже говорил о точке зрения амстердамцев на эту проблему, суть которой в том, что немцы должны восстановить разрушенные области. Почему только немцы? Почему нужно восстановить только Бельгию и Францию? Разве Россия, Австрия, Болгария, Турция, Германия и Польша не были разрушены?—Это первые нескромные вопросы, которые мы обычно ставим амстердамцам. Но имеется еще и другой нескромный вопрос. Из опубликованных по сие время документов очевидно, что в мировой войне виновна вся международная буржуазия. Следовательно, если уже платить, то должны платить все. Гамбургский с'езд 2-го и 2½ Интернационалов (май 1923 года) принял резолю-

цию, в которой сказано, что виновен в войне международный империализм в целом. Казалось бы, что отсюда должен следовать тот вывод, что должны платить все империалисты, а не одни только немцы. А между тем конец той же резолюции требует, чтобы одни немцы платили. Такую же точку зрения занял по вопросу о репарациях Амстердамский Интернационал, взгляд которого на эту сложную проблему можно выразить следующей краткой, но выразительной формулой: «немцы должны уплатить все потери и убытки». Реформистская логика, что должны платить только немцы, не укладывается в нашем понимании.

Но мы не только в одном этом расходимся с амстердамцами. Допустим, что должна платить Германия, но кто в Германии должен платить? Германия не представляет собою некоего классового целого. По нашему мнению, должна платить немецкая буржуазия. Но это можно сделать только в том случае, если мы возьмем ее за горло. Какую позицию занимают немецкие амстердамцы в этом важнейшем вопросе? Прижатые к стене, они высказываются за репарации, хотя они не стоят на точке зрения виновности Германии в войне. Репарационный вопрос, по их мнению, как и все остальные вопросы внутренней и внешней политики Германии, может быть разрешен только лишь путем соглашения пролетариата и буржуазии. А это «соглашение» сводится к переложению всего репарационного бремени на плечи рабочего класса. Не было в истории такого факта, когда бы коалиция между рабочим классом и буржуазией принесла бы пользу рабочему классу. Наш принцип по вопросу о репарациях можно формулировать следующим образом: необходимо восстановить все разрушенные области, но это восстановление должно коснуться действительно всех пострадавших в войне стран и оно должно быть сделано за счет буржуазии всех стран: и побежденных и победителей. Практически, конечно, совершенно ясно, что даже, если удастся весь германский народ превратить в кули, Германия не сможет возместить все убытки или заплатить по французской поговорке «за все разбитые горшки».

Профинтерн вместе с Коминтерном вели с самого начала своего существования ожесточенную борьбу против грабежа народных масс Германии под видом репараций. Третий конгресс Профинтерна поставил перед революционными рабочими всех стран борьбу против плана Дауэса, как центральную задачу ближайшего периода. Вот что сказал по этому вопросу 3 конгресс:

«Война и Версальский договор имели своей задачей вывести Германию из строя в качестве конкурента на мировом рынке. Ту же цель преследовала репарационная политика Антанты и в настоящий момент преследует план экспертов. Разбить целиком производственно-технический аппарат германской промышленности или, путем контрибуции и обложений, сделать дороже германскую продукцию—вот к чему сводится план экспертов, соучастниками которого являются II и Амстердамский Интернационал. Германская буржуа-

зия, поддерживаемая социал-демократами и профбюрократией, перелагает тяжесть репараций на плечи трудящихся масс—отсюда увеличение рабочего дня, отмена ряда социальных законов и т. д. Так буржуазия и профбюрократия стран Антанты, вместе с буржуазией и профбюрократией Германии, перелагает всю тяжесть войны и послевоенного кризиса на плечи германского пролетариата. Осуществление этого подлого заговора будет означать не только превращение германских рабочих в кули, но и общее понижение жизненного уровня рабочих всех стран и в первую очередь стран Антанты. Этот гнусный заговор против трудящихся Германии является одновременно заговором против международного пролетариата. Вот почему красные союзы всех стран должны повести отчаянную борьбу против плана экспертов и против профбюрократии, приложившей свою руку к этому бесстыдному документу. Разоренные местности должны быть восстановлены, потерпевшие должны быть вознаграждены за счет господствующих классов всех стран, и в том числе господствующих классов Германии. В центре агитации, пропаганды и деятельности революционных союзов всех стран, основой для международных выступлений примыкающих к Профинтерну организаций должны служить лозунги: «Долой Версальский договор», «Долой план экспертов», «Долой закабаление трудящихся Германии».

Несколько месяцев, прошедших после 3 с'езда, показали, что борьба против плана Дауэса захватывает все новые и новые слои рабочих. Ряд английских союзов, как, например, союз горнорабочих, тоже выступили против плана Дауэса. Но выступления амстердамских союзов носят до настоящего времени отвлеченно-теоретический, а не боевой политический характер.

Во главе всего движения против репараций и плана Дауэса идут Коминтерн и Профинтерн. Это вынуждены признать не только буржуазные, но и реформистские противники.

Когда мы говорим о громадных потерях войны и о сотнях миллиардов, представляющих собой издержки войны, то эти издержки складываются из различных частей. Имеются убытки чисто материального характера: разрушенные дома, поля, фабрики и заводы. Дальше идут убытки от вызванного войной расстройства всего экономического организма в отношении производительности труда, экспорта, импорта и т. д. и т. д. Дальше идут потери людьми. Если оценить живого человека в известную сумму,—а буржуазные экономисты этим занимаются—если даже с этой чисто финансово-бухгалтерской точки зрения подойти к 10 миллионам убитых людей и подсчитать, сколько они в рублях стоили, то мы увидим, какой колоссальный ущерб получился для народного хозяйства.

В тех потерях, которые принесла война, имеются потери безвозвратные: потеряны безвозвратно люди, потери трудоспособности инвалидов тоже не восстановишь, растрачены орудия, военное снабжение, порох, и т. д. и т. д. Но часть потраченных капиталов где-то осталась. Когда государство заказывало пушки, аэропланы, танки, автомобили, повозки, предметы питания для солдат, ружья,—

все это кто-то делал и где-то прибавочная стоимость оставалась. Где остались эти сотни миллиардов? Они стались у господствующих классов, у военных поставщиков, у заводчиков и фабрикантов. Задолженность нынешних государств только отчасти внешняя, а большей частью, это задолженность внутренняя,—по внутренним займам. А кто вкладывал деньги в займы?—Те, кто на войне зарабатывал сотни и сотни миллионов, при чем здесь надо отметить, что буржуазия побежденных стран заработала на войне не меньше своих противников. Таким образом, если за дело взяться практически и заставить буржуазию—и побежденных и победивших стран—платить, то вопрос восстановления разрушенных местностей поддастся разрешению. Правда, тут пришлось бы поступать не особенно нежно и вежливо, пришлось бы уничтожить взаимные долги, аннулировать внешние и внутрение займы, ввести прогрессивно-подоходный налог и т. д., но так разрешить репарационный вопрос может только пролетариат, взявший в свои руки власть, а не меньшевистские слюнтяи, вроде Макдональда, Вандервельде, Брантинга и т. д.

Борьба против опасности войны.

Одним из важнейших вопросов, ставшим в последние годы перед рабочим классом, является вопрос о методах и способах борьбы против войны, О том, что нет такого рабочего или такой рабочей организации, которые хотели бы войны, всем нам хорошо известно. И вопрос тут сводится не к тому, чтобы высказывать свое моральное возмущение международной бойней и принимать протестующие по этому поводу резолюции; вопрос стоит немного иначе, а именно в плоскости того, каким образом рабочий класс должен повести борьбу против войны с некоторыми шансами на успех.

В чем трудность борьбы против войны?—Я думаю, что лучше всего мы поймем это, если ознакомимся с той ролью, какую играли в империалистической войне рабочие организации и сами рабочие.

Прежде всего не подлежит ни малейшему сомнению, что сама война была возможна только потому, что рабочие в массе, во всяком случае в первый период, были несомненно за войну, ибо громадное большинство рабочих думало, что на их страну напали, и что они защищают свое отечество. Руководители политических и профессиональных организаций были за войну и даже, более того, оказывали своим правительствам существенную помощь в ее ведении, подводя под нее идеологический фундамент (борьба за демократию, борьба против прусского милитаризма, борьба за вечный мир, борьба против царизма, последняя война, национальные интересы выше классовых и т. д.). Таким образом, борьба против опасностей войны в первую голову сводится к борьбе со всей этой военной идеологией. С другой стороны, нельзя вести анти-военную пропаганду, если мы одновременно не приложим всех усилий, чтобы освободить рабочий класс от всего того, что способствовало созданию этой военной идеологии. Отсюда естественно, что на первый план в нашей борьбе против опасности войны мы все время выдвигали и выдвигаем необхо-

димость борьбы со всеми национальными предрассудками, с защитой отечества, своего государства и т. д.

Известно, что анархисты также против войны. Правда, во время последней войны громадное большинство их было за нее. Но во всяком случае, в общем и целом, анархисты против войны, при чем они против нее—не как революционеры, а как пацифисты. Это значит, что они против войны потому, что последняя несет с собой смерть и разрушение. Мы не против всякой войны, а только против той, которая ведется в интересах господствующего класса. И наши задачи внедрить в головы рабочих это, как будто простое, но на самом деле глубоко принципиальное различие между национальной и классовой войной. Наша задача доказать рабочим, что без создания своей классовой боевой армии, без об'явления самой решительной войны буржуазии они не смогут освободить человечество от войны, не смогут победить. Таким образом борьба против всей национальной идеологии, борьба против лозунга «защита отечества» и выдвигание необходимости превращения империалистической войны в войну гражданскую, а затем защита *социалистического* отечества, своего пролетарского государства—вот что лежало и лежит в основе нашей анти-военной тактики.

Но с другой стороны, мы в своей анти-военной агитации и пропаганде, в своей борьбе против войны не можем не считаться со связью рабочих со своим отечеством. Поэтому мы неоднократно заявляли, что устройство забастовок протеста в самый момент об'явления войны является величайшей утопией, потому что в этот момент буржуазия максимально вооружена, а рабочий класс максимально дезорганизован. Стало быть, дело не в том, чтобы приурочить стачку к моменту об'явления войны, а в том, чтобы перед войной подготовить рабочие массы и не только настроить их отрицательно к войне, но научить их, как до об'явления, в момент об'явления и во время войны вести решительную и ожесточенную борьбу против самой системы, порождающей войны. По мере того, как классовая борьба будет обостряться, мы будем создавать ту силу, которая сможет помешать самому возникновению войны, а в том случае, если она все-таки возникнет, сможет закончить ее с успехом для рабочего класса.

Борется против войны только тот, кто борется против буржуазии. Вот почему угрозы амстердамцев об'явить стачку во время войны являются пустой фразой. Такой же пустой фразой является лозунг анархистско-индивидуалистического отказа от войны: в момент, когда разнузданы националистические и шовинистические страсти, отдельные рабочие еще более беспомощны, чем в мирное время. Не индивидуалистический отказ от войны, а организация солдат для восстания и обращение оружия против своей буржуазии и своего буржуазного государства. Самое опасное в вопросе о борьбе с войной—это анархистско-реформистские фразы на тему: любите друг друга. Наша борьба против войны должна иметь в своей основе священную ненависть к господствующим классам. Не отказ от оружия, а овла-

дение всей гигантской техникой для уничтожения буржуазии. Ни для кого не секрет, что проповедь анархистского, реформистского и всех других разновидностей мелко-буржуазного пацифизма является прикрытием для империалистической политики. Всем пацифистам, которые лезут с такого рода проповедями к рабочим, необходимо ответить словами поэта: «Мы долго умели любить, пора нам начать ненавидеть».

Для ведения борьбы против войны необходима постоянная агитационно-пропагандистская и организационная работа среди армии, т.-е. идейно-политическое и организационное разложение основной силы буржуазного государства. На Конгрессе Мира в Гааге наше предложение вести анти-военную пропаганду среди солдат вызвало резкий протест со стороны реформистов—руководителей конгресса. Такое отношение к нашему предложению вполне понятно, так как реформисты рассматривают армию, как организацию, необходимую для защиты отечества и, следовательно, разложение армии есть разложение оборонительных и наступательных сил дорогого их сердцу буржуазного отечества.

Пропаганда среди войск, открытая или тайная, играет в настоящее время огромную роль, и чем активнее будет наша деятельность в этом направлении, тем у буржуазии останется все меньше и меньше уверенности в возможности начать новую войну и бросить рабочих одной страны против рабочих другой. Но в связи в этим в области борьбы против войны. появляется еще одна задача. На чем сейчас зиждутся силы империалистических государств?—Они зиждутся на эксплоатации колоний, при чем колониальные войска, уже игравшие роль в последней войне, начинают теперь приобретать особое значение, как мощное орудие в руках буржуазии для подавления внутренних «беспорядков». Не даром вся французская буржуазная пресса усиленно обсуждает вопрос о привлечении туземцев колоний к несению постоянной военной службы во Франции. Колониальные войска составляют основное ядро французской оккупационной армии в Руре, а некоторая часть этих войск и по сей день находится в пределах самой Франции на «всякий случай».

Так как эти войсковые части составлены из наиболее отсталых элементов (цветные войска поголовно беграмотны), то буржуазия уверена, что в случае рабочих волнений они будут хорошим орудием в ее руках.

Отсюда видно, что вопрос борьбы против опасностей войны совпадает с вопросом борьбы против империалистической и колониальной политики. Работа в колониях, создание в колониальных странах рабочих союзов выдвигается как конкретный практический вопрос, потому что колониальное могущество буржуазии угрожает рабочему классу возможностью переброски цветных войск как на театр военных действий, так и на внутренний фронт,—в случае гражданской войны.

В последние годы вопрос о борьбе против войны стал не как теоретический, а как практический вопрос: нам нужно было дать ши-

роким рабочим массам и указать, как организованно эту борьбу вести. Мы в этом отношении на франкфуртской конференции и на берлинской конференции транспортников выдвинули специальные практические лозунги и положения по данному вопросу. Мы выдвинули идею создания в портовых, узловых и в пограничных пунктах особых комитетов, организаций с целью контроля над всякими перевозками военного снаряжения из одной страны в другую и для связи между рабочими организациями различных стран в целях *одновременной* борьбы против войны.

Во время войны борьба против нее революционных рабочих затруднялась тем, что Европа была линией огня разделена на две части, и трудно было информировать рабочих враждовавших между собою стран о действительном положении дел. В этом отношении буржуазная пресса играла колоссальную роль: она была в буквальном смысле слова седьмой державой, ибо она блестяще выполнила свою задачу натравливания рабочих масс друг на друга и затемнения классового сознания. Данный опыт империалистической войны нам нужно учесть и оказать организованное противодействие буржуазной прессе, противопоставив ей пролетарскую печать и информацию.

Вот в общем и целом те проблемы, которые выдвигались нами в связи с борьбой против опасности войны. Конечно, мы не только не отказывались от таких действий, как всеобщая стачка, но мы ее ставили на практическую базу. Так, когда в Гааге реформисты декламировали на тему о том, что в случае войны нужно об'явить всеобщую стачку, мы говорили: идея хорошая, но только эту стачку надо заранее подготовить, а для этого необходимо повести борьбу против всех национальных предрассудков, нужен разрыв коалиции с буржуазией. Совершенно ясно, что раз рабочая организация связана со своей буржуазией, то последняя эту связь использует, как только ей это нужно будет для военной мобилизации рабочего класса. Таким образом вся проблема борьбы против войны органически связывается для нас с борьбой против капиталистической системы, порождающей войны, и все то, что хотя бы в малейшей степени ослабляет и дезорганизует капиталистическую систему, идет по линии борьбы против войны, все то, что усиливает эту систему—а вся реформистская тактика направлена к усилению и к оздоровлению капитализма—увековечивает также и войны. Отсюда борьба против войны у нас связана не только с борьбой против буржуазии, но и с разлагающим рабочее движение реформизмом, иначе говоря, если хочешь мира, веди ожесточенную борьбу против реформизма, без помощи которого буржуазия не могла бы толкать народы к все новым и новым международным кровавым конфликтам.

Наше отношение к разоружению.

В связи с вопросом об анти-военной пропаганде стоит вопрос и о нашем отношении к идее разоружения. Излагая точку зрения Амстердамского Интернационала на разоружение, мы уже высказали и нашу точку зрения на этот вопрос. Мы относимся к лозунгу разо-

ружения, как к высшей степени вредному, анти-пролетарскому и анти-коммунистическому, ибо мы не за разоружение вообще, а за разоружение буржуазии и за вооружение рабочего класса. В этом вопросе даже революционные рабочие часто попадают на буржуазно-пацифистскую удочку, ибо легче всего кричать: долой разоружение, забывая, что буржуазия насильственно разоружает рабочих, сохраняя и увеличивая свою вооруженную силу. Мы уже говорили о том, что все разговоры о разоружении, происходившие в Лиге Наций и в созданных ею комиссиях, не более как маневр, имеющий своей задачей отвлечь внимание широких рабочих масс от классового подхода к этому вопросу. Для нас сейчас интереснее колебания по вопросу о разоружении внутри левого крыла рабочего движения.

Когда нам пришлось вести борьбу против правого крыла французской коммунистической партии, то пришлось обратить внимание на то, что она заражена буржуазно-пацифистским миропониманием. Так, один из бывших руководителей французской компартии высказал мнение, что легче всего было бы бороться против войны, если бы вообще никаких, даже революционных армий не было. В этой сентенции вся сущность пацифизма и заключается. В самом деле, в чем задача рабочего класса?—Конечно, не в простом взрыве на воздух всех орудий, танков и проч., а в том, чтобы все оружие, которым располагает буржуазия, очутилось в руках рабочего класса. И поэтому, вся идеология пацифистского разоружения направлена целиком против интересов рабочего класса.

Мы высказываемся категорически не только против реформистского пацифизма, но и против пацифизма анархистского. По этому вопросу нам пришлось на 3 сессии (июнь 1923 г.) Центрального Совета Профинтерна принять решение в связи с выступлением французских анархистов. История этого выступления следующая: во Франции существует так называемый «Комитет борьбы против империализма и войны», в который входят представители партий, Унитарной Конфедерации Труда, а также и анархистской федерации. Когда начался англо-русский конфликт (нота Керзона в мае 1923 г.), в «Комитете Действия» этот вопрос поставили в порядок дня в плоскости мобилизации французских рабочих на защиту Советской Республики. Анархисты по этому пункту внесли особую резолюцию, в которой было сказано: «рабочему классу нет никакого дела до каких бы то ни было военных столкновений». Он против защиты какого бы то ни было отечества, и потому Комитет не должен вмешиваться в коммерческий спор, возникший между Англией и Россией. Нашим вмешательством мы можем только натравить русский народ на английский и наоборот.

В чем смысл этой небольшой, но довольно показательной резолюции? — Тут несколько моментов. Первый—это анти-советский характер заявления анархистов. Французские анархисты, как, впрочем и всякие, занимают анти-советскую позицию, потому что Советы—это власть, а анархисты против всякой власти. Далее, они против всякой армии.

«Допустим—говорил я в полемике, с французскими анархистами—что злокозненная коммунистическая партия не существует, что Коммунистический Интернационал сослан на Чортов Остров, или даже на Марс, что во Франции есть только профсоюзы, во главе которых стоите вы. И вот в один прекрасный день вы свергли буржуазию. Что же вы будете делать дальше? Ведь контр-революция сразу не сложит оружия?»

Анархисты мне отвечают:—«Несомненно».

«Значит бороться с ней нужно будет?»

«Да, нужно будет».

«Уверены ли вы, что, когда произойдет революция во Франции, флот Северной Америки не будет бомбардировать ваши порты?»

«Нет, не уверены».

«Французская буржуазия будет иметь свои отряды и полки?»

«Несомненно».

«Значит, вам нужно будет что-нибудь создать, чтобы бороться с буржуазией, своей и иностранной? Будут ли это анархистские группы, дружины—назовите, как хотите,—но какие-нибудь вооруженные силы нужны будут, чтобы бороться?»

«Да, нужны будут».

«Сможете ли вы бороться, если вы не централизуете своего аппарата, если у вас не будет организации, если вы не сумеете спаять пролетариат в группы, части, батальоны и т. д.?»

Вот, когда мы доходили до этого пункта, анархисты прощались с логикой, заявляя: «мы—против организованного насилия, рабочие должны защищать индивидуально свои заводы и фабрики, всякое государство—вампир, всякая армия, и красная в том числе, направлена против рабочего класса и т. д.».

Эта анархистская идеология, встречающая сочувствие в некоторых кругах французских рабочих, представляет собой контр-революционную идеологию, ибо она стремится отвлечь рабочих от самой мысли о возможности революции. Те рабочие организации, которые не ставят перед собой задачи организовать пролетариат таким образом, чтобы он мог удержать в своих руках завоеванные фабрики и заводы, держат курс на поражение, а не на победу.

Все эти рассуждения анархистов находятся в прямом противоречии с построением и задачами тех международных организаций, которые не метафизически подходят к борьбе рабочего класса, а стремятся повести организованную борьбу, создать пролетарскую армию для защиты с оружием в руках своего рабочего государства. Имея в виду эту разлагающую рабочее движение анархо-пацифистскую болтовню, 3 Сессия Центрального Совета Профинтерна высказалась в своей резолюции о ближайших задачах Профинтерна следующим образом:

«В центре внимания всех организаций, примыкающих к Профинтерну, должна быть борьба против опасности войны и пацифистских иллюзий. Надо раз'яснить широким массам разницу между национальной обороной империалистического государства и самозащи-

той с оружием в руках победившего свою буржуазию пролетарского государства. Обязанность рабочих всех стран—поддержать всеми силами борющееся за свою независимость рабочее государство».

Особенно ярко выражено отношение революционных рабочих к вопросу о борьбе против войны в инструкции, написанной тов. Лениным для советской делегации, отправлявшейся на Гаагскую конференцию. «По вопросу о борьбе с опасностью войны в связи с конференцией в Гааге—писал тов. Ленин—я думаю, что самой большой трудностью является преодоление того предрассудка, что это вопрос простой, ясный и сравнительно легкий.

Ответим на войну стачкой или революцией,—так говорят обыкновенно все виднейшие вожди реформистов рабочему классу. И очень часто кажущаяся радикальность этих ответов удовлетворяет и успокаивает рабочих и крестьян.

Может быть, самый правильный прием состоял бы в том, чтобы начать с самого резкого опровержения подобного мнения. Заявить, что особенно теперь, после недавней войны только самые глупые или безнадежно лживые люди могут уверять, что подобный ответ на вопрос о борьбе против войны куда-нибудь годится».

Таким образом, мы отвергаем не только реформистских пацифистов, но и анархистских, ибо мы никогда не были пацифистами; пацифизм—не в природе коммунизма. Он ничего общего с революционным рабочим движением не имеет.

Наша борьба с фашизмом.

Следующий вопрос, на котором опять сталкиваются реформистское и революционное рабочее движение, это—вопрос о борьбе с фашизмом. Что такое фашизм? — Это уже известно. Как борются реформисты с ним? — Тоже известно. Что же мы предлагаем для борьбы с фашизмом?—Конечно, лучшим способом, лучшим лекарством была бы Красная Армия. Это довольно сильно действующее средство. Но, к сожалению, Красная Армия пока находится только на территории, хотя, правда, и очень большой, но все-таки одной страны, а нам нужно указать способ борьбы там, где Красной Армии нет, и где фашизм за то и борется, чтобы Красной Армии не было. Если мы возьмем фашистскую литературу, то увидим, что фашизм довольно искусно ведет свою агитацию и пропаганду для привлечения на свою сторону рабочих масс. Выше было указано, что фашизм опирается по преимуществу на средние классы, но он вместе с тем пытается проникнуть и внутрь рабочего класса. Значит, первая задача заключается в том, чтобы выбить фашизм из рабочих траншей, т.-е. разрушить рабочие организации, создаваемые фашистами.

Так как в наиболее чистом виде фашизм можно наблюдать в Италии, то при выработке методов борьбы против него,—нам надо рассмотреть методы и технику итальянских фашистов. Фашизму там удалось путем усиленной демагогии в первое время сколотить довольно большие профессиональные организации. И перед нами, в нашей борьбе с фашизмом, вопрос стал таким образом: допустимо

ли вхождение революционных рабочих в фашистские союзы и создание в них нелегальных коммунистических ячеек? Можно ли в союзах, которые по существу являются штрейкбрехерскими, разлагающими рабочую организацию, играющими роль пособников буржуазии и проч., создавать опорные ячейки для нашей пропаганды?

Мы на это отвечаем: конечно, допустимо. С врагом нужно бороться теми способами, которые диктуются об'ективным положением вещей. Создание в фашистских союзах своих ячеек планомерно проводится сторонниками Профинтерна в Италии. И мы имеем массу случаев, когда в Италии фашистские союзы выступают против предпринимателей, начинают применять против них те же методы, которые они раньше применяли против рабочих организаций. Против такого способа воздействия на фашистские организации возражать ни в коем случае не приходится. Разложение фашистских организаций зависит от того, что в них проникают революционные элементы, которые вносят туда то, что не соответствует ни фашистской теории, ни практике.

Результат этой внутренней работы сказался в настоящее время (ноябрь 1924 г.) в Италии. Фашистские союзы, несмотря на помощь всего аппарата государственной власти, потеряли окончательно какое бы то ни было влияние. Самое характерное — это отказ предпринимателей заключать коллективные договоры с фашистскими союзами с мотивировкой, что такого рода договоры не гарантируют исполнение рабочими принятых союзом (а стало быть, и государственной властью) обязательств. Предприниматели предпочитают заключать договоры с классовыми профсоюзами, ибо это дает им гарантию «нормального» хода производства. Такое организационно-политическое опустошение фашистских профсоюзов нужно считать большим шагом вперед по пути борьбы с фашизмом.

Но этого, конечно, недостаточно. Наиболее решительное средство — это открытая массовая борьба против фашизма. Там, где фашизм победил, дело идет о его свержении, т.-е. об установлении, на место фашистской диктатуры диктатуры рабочего класса, а в других странах, где он развивается, там дело идет о том, чтобы не дать ему вырасти. При проведении в жизнь нашей тактики нам приходится наталкиваться не только на противодействие фашистов, но и на противодействие реформистов, которые и в борьбе с фашизмом не считают нужным выходить за методы легальной борьбы, что на деле приводит к соглашению с ними. Чтобы сделать лозунг борьбы с фашизмом понятным массе, его нужно конкретизировать. Рабочая масса чувствует на себе гнет фашизма там, где он победил, но там, где он не победил,—там широкие круги рабочих не представляют себе точно, что такое фашизм. Здесь вся работа должна заключаться в идейно-политической мобилизации широких масс против всех разновидностей фашистской реакции.

Следующим шагом должно быть создание рабочих дружин самообороны. Эти организации ставят перед собою чисто оборонительные

цели. Доказать рабочим массам необходимость таких оборонительных дружин легче, чем вовлечь их в наступательные организации. С другой стороны,—так как фашизм агрессивен и стремится там, где он еще не победил, взять власть в свои руки,—то, естественно, что постановка перед рабочим классом вопроса о самообороне встречает большое сочувствие. Имеются такие фашистские материалы, из которых ясно, что фашисты подготовляют не только просто переворот, но что у них есть определенные диспозиции, определенные планы: какие города занять, как передвигаться, кого отправить на тот свет, какие районы наиболее опасны, как разбить и обезвредить рабочие организации и т. д. И так как, кроме того, фашизм стремится выступить с вооруженною силой против коммунистов, то в Германии, где эта опасность была очень велика, в конце 1923 года на почве борьбы против фашизма удалось создать довольно большое движение дружин самообороны (красные сотни).

Но здесь мы встречаем противодействие со стороны реформистов. Они—против дружин самообороны, потому что из органов самообороны эти дружины могут в один прекрасный день превратиться в органы наступления. Если рабочие вооружены, то классовая логика толкает их дальше, ибо старое правило стратегии гласит, что наилучшая защита — это нападение. Реформисты понимают, что из этих дружин самообороны могут выйти такие органы, которые поведут борьбу против всей капиталистической системы. Неудивительно, что социал-демократические реформистские союзы Германии выступили вообще против создания таких дружин. Но когда началось массовое движение среди рабочих, и коммунистам удалось на почве создания этих дружин об'единить рабочих разных направлений, социал-демократия выдвинула лозунг создания чисто социал-демократических дружин. И по той простой причине, что дружины, в которых находятся и коммунисты, не могут быть анти-коммунистическими, а чисто социал-демократические могут быть анти-коммунистическими (социал-демократы Германии подготовляют кадры для борьбы с оружием в руках против коммунистов). И немецкие социал-демократические министры и государственные деятели принимают самые решительные меры против создания дружин самообороны вообще и против смешанных дружин самообороны в особенности.

Кроме создания дружин самообороны и усиления агитации и пропаганды, мы выдвинули идею создания специальных антифашистских Комитетов Действия. Эти Комитеты Действия по нашей мысли должны были охватить рабочих всех направлений, ибо война и фашизм интересуют рабочий класс в целом и все политические группировки рабочего класса. Но эта мысль создания Комитетов Действия, усиления агитации и пропаганды, нажима всего международного пролетариата на фашизм—все время встречает противодействие со стороны социал-демократов. Известно, что подобно тому, как большевизм вызывает во всех странах стремление у рабочих создать организации, аналогичные тем, которые создал для

своей борьбы русский пролетариат, так и победоносный фашизм играет организующую роль для реакции во всех странах. Он стал международным явлением и противопоставляет себя целиком большевизму. Стало быть, борьба против фашизма должна вестись не только в плоскости национальной, но и в плоскости международной. Внимание рабочего класса всех стран должно быть направлено на разгром итальянского фашизма так же, как внимание буржуазии всех стран направлено на разгром русского большевизма. Буржуазия видит в большевиках врагов всего капиталистического строя, обращает свои надежды на фашистов и фашистские правительства.

Стало быть, задача международного пролетариата заключается в том, чтобы заострить свою борьбу против итальянского фашизма. И здесь возможен целый ряд способов при условии, конечно, некоторого предварительного единства в отношении к фашизму разных рабочих организаций. Тут возможна и демонстрация и целый ряд таких выступлений, которые могли бы оказать воздействие на итальянское правительство. Это можно бы сделать и в Берлине, и в Париже, и в Нью-Йорке и т. д. Такие манифестации сыграли бы колоссальную роль в смысле воздействия на фашистскую политику в самой Италии. Кроме того, мы выдвигаем дальше вопрос об антифашистской пропаганде среди итальянской эмиграции. В Америке несколько миллионов итальянцев, во Франции—больше миллиона итальянских рабочих. Из этих миллионов рабочих-итальянцев, находящихся вне Италии, можно вербовать людей, которые будут полезны для борьбы с фашизмом в самой Италии, ибо фашизм пытается и грозит везде установить свои организации.

Таковы те положения и лозунги, которые мы выдвигаем для борьбы против фашизма. Основной лозунг и вместе с тем наилучшее средство против фашизма— это революция, ибо там, где революция победила, фашизм раздавлен. В частности, у нас фашизм в такой же мере невозможен, как и возрождение монархии. Отсюда— лучшее средство против фашизма —это социальная революция. Но социальная революция представляет собою такое сильнодействующее средство, которое совсем не переваривается не только буржуазией, но и реформистами. И задача в этой области заключается в том, — правда, это уже не специальная задача борьбы с фашизмом, — чтобы освободить рабочие массы от реформистских лидеров. В этом заключается одна из задач, при выполнении которой будет разрешен и вопрос борьбы с фашизмом.

Профинтерн и колониальные и полуколониальные страны.

Я уже говорил, что Амстердамский Интернационал по преимуществу европейское об'единение. Из внеевропейских стран к Амстердамскому Интернационалу примыкают союзы Канады и часть союзов Аргентины. Поэтому мы не преувеличим, если скажем, что Амстердамский Интернационал можно скорее назвать федерацией европейских союзов, чем действительным Интернационалом. Реформистское рабочее движение всегда смотрело свысока на трудящихся колониальных

и полуколониальных стран, да иначе это и не могло быть, ибо реформизм является участником империализма по эксплоатации колоний. Правда, со стороны союзов отдельных стран, примыкающих к Амстердамскому Интернационалу, были попытки распространить свое влияние на Восток. Английские тред-юнионы делали кое-какие попытки воздействовать на развивающееся профессиональное движение Индии, в смысле установления его идейной и организационной связи с профессиональным движением метрополии. Но эти попытки английских тред-юнионов имели своей задачей не освобождение колониальных и полуколониальных рабов, а наоборот, тред-юнионы определенно способствовали,—конечно, под демократическо-пацифистским знаменем, — успешности империалистической долониальной политики английской буржуазии. Этой же цели должна была служить созванная в августе 1924 года, во время рабочего правительства в Лондоне, имперская конференция труда. Задумана эта конференция была очень широко, но на ней, кроме представителей Исполкома рабочей партии, Генерального Совета тред-юнионов и делегатов Британской Гвинеи, британской Колумбии, Родезии, Ирландии и Австралии, никого не было. Хотя порядок дня был очень большой (взаимоотношения партии и профсоюзов в британской империи, международные связи, политические и экономические, укрепление всеобщего мира, эмиграция, расовые вопросы, положение индустрии и законодательства), но совещание ограничилось несколькими тощими постановлениями в роде того, что необходимо создать комитет для расследования того, что касается колоний, и для установления тесной связи с рабочим движением в колониях, о необходимости созыва таких конференций каждые два года и т. д.

Если бы Генеральный Совет тред-юнионов и Исполком рабочей партии поставили в порядок дня этой имперской конференции только один вопрос: освобождение колоний от британского империализма, и Исполком рабочей партии и Генеральный Совет тред-юнионов взяли бы на себя инициативу борьбы за независимость колоний, то такого рода конференция была бы действительно серьезным этапом в развитии мирового и британского рабочего движения. Но представители II и Амстердамского Интернационала не могли, конечно, стать на такую точку зрения. Нам не известно ни одного постановления Амстердамского Интернационала за все годы его существования, где был бы хотя намек на независимость колоний. Все четыре конгресса Амстердамского Интернационала (Амстердамский, Лондонский, Римский и Венский) даже не заикнулись об этом вопросе. А между тем, под гнетом империализма находится около 1 миллиарда населения.

В противоположность такому отношению Амстердамского Интернационала и его организаций к рабочему движению на Востоке, отличительная особенность Профинтерна, как и Коминтерна, заключается в том, что Профинтерн стал центральным притягательным пунктом для революционных профсоюзов и не только Европы

и Америки, но и Азии, и Африки, и Австралии. Русская революция пробудила весь угнетенный Ближний, Средний и Дальний Восток, и во многих восточных странах само организованное рабочее движение ведет свое летоисчисление от русской революции. То, что Профинтерн органически связан с русской революцией, с самого начала притянуло к нему симпатии рабочих союзов Ближнего, Среднего и Дальнего Востока.

С момента своего возникновения Профинтерн поставил перед собой задачу — об'единение профдвижения Запада и Востока. Соединительным звеном являлось профессиональное движение СССР. Не было ни одного конгресса Профинтерна, ни одного заседания Центрального его Совета, где бы вопрос о работе в колониальных и полуколониальных странах не стоял в порядке дня. Так, 1 конгресс Профинтерна в резолюции о рабочем движении в восточных странах и в колониях заявляет следующее:

«Эксплоатируемые мировым капитализмом ближне- и дальневосточные страны, как и все колонии вообще, переживают сейчас период расцвета революционного движения под флагом национального освобождения от гнета империализма. Это национальное движение, имеющее, несомненно, революционный характер, часто проникнуто чисто-расовой ненавистью. С другой стороны — в этих же странах рабочие ведут непосредственную борьбу против иностранных и отечественных эксплоататоров. Расовая ненависть должна быть заменена ненавистью классовой. Красные профсоюзы всех стран должны с особым вниманием следить за ростом революционного движения в восточных странах, отдавая себе отчет, что только растущее рабочее движение в этих странах является залогом освобождения их от гнета мирового империализма.

«Красные профсоюзы должны оказывать братскую помощь рабочим колоний, эксплоатируемым буржуазией их стран, стремясь к установлению связи с ними и моральной и материальной поддержки революционного рабочего движения.

«Нужно иметь в виду, что в этих странах, просыпающихся к коммунистической жизни, борются десятки миллионов рабочих, и революционные профсоюзы совершили бы большую ошибку, если бы прошли мимо этого важнейшего в истории человечества факта.

«Могущество европейской и американской буржуазии опирается на отсталый Ближний и Дальний Восток и на колониальные страны. Организация эксплоатируемых масс в этих странах, создание революционных союзов, их об'единение, поднятие их сознания до необходимости социальной революции—является не только непосредственной помощью этим эксплоатируемым рабочим, но является лучшим средством для борьбы с империалистической буржуазией своей страны.

«Вот почему С'езд поручает всем революционным союзам, и особенно Совету Красного Интернационала Профсоюзов, с особым вниманием и заботливостью следить за происходящим движением в ближне- и дальне-восточных странах, помогать ему и сделать все,

от него зависящее, чтобы собрать в одну братскую семью профессионально-организованных рабочих как передовых капиталистических странах, так и ближне- и дальне-восточных стран и колоний».

Этим постановлением была дана определенная линия поведения для революционного профессионального движения всех стран.

Первой и наиболее спешной задачей Профинтерна было — возможно полнее информировать международное рабочее движение о борьбе и об организациях рабочих колониальных и полуколониальных стран. На пути к осуществлению этой задачи была проделана большая работа. Рабочее движение Турции, Персии, Китая Японии, Индии, Явы и т. д. не является уже теперь чем-то мифически таинственным, как это было раньше: перед нами в этих странах развертываются те же формы и методы борьбы и те же формы организаций, которые имели и отчасти еще имеют место в Европе и в Америке.

Вторая задача, стоявшая перед Профинтерном, заключалась в ознакомлении рабочих колониальных стран с борьбой рабочего класса в Европе и в Америке. Здесь Профинтерн натыкался на рогатки, поставленные империалистическими правительствами, которые зорко охраняют колониальных рабов от красной заразы. Но несмотря на это, нет ни одной колониальной и полуколониальной страны, куда бы идеи Профинтерна не проникли.

Третья задача Профинтерна заключалась и заключается в отделении классового движения трудящихся Востока от движения националистического. Известно, что под гнетом мирового империализма, националистическое и классовое движение переплетаются в колониальных и полуколониальных странах. Задача Профинтерна заключалась в том, чтобы освободить движение рабочего класса от влияния националистических идей, поддерживая в то же время национальное освободительное движение. Эта задача остается и впредь, ибо без ее осуществления рабочее движение стран Востока рискует на долгие годы попасть в фарватер национализма и реформизма.

Работа Профинтерна в этой области встречала громадные препятствия. Препятствия эти заключаются в следующем: 1) трудность найти работников, знающих языки и условия труда этих стран, 2) жесточайшие репрессии со стороны империалистических правительств против выдающихся работников угнетенных стран, 3) противодействие всеми мерами проникновению представителей Профинтерна на «священную» территорию безграничной эксплоатации. Эти трудности приходилось преодолевать, и они если не целиком, то в значительной своей части, преодолены. Профинтерн имеет сейчас кадры товарищей, знающих рабочее движение колониальных и полуколониальных стран. Профинтерн привлек на свою сторону ряд уроженцев этих стран, которые играют большую роль в местном рабочем движении. В этой работе Профинтерн прежде всего и больше всего опирается на местные профсоюзы и на коммунистические партии и группы. Политическое и экономическое движение

в этих странах тесно переплетено между собою. Работа Коминтерна и Профинтерна делается очень часто одними и теми же организациями, одними и теми же людьми.

Второй конгресс Профинтерна вновь занялся проблемой профсоюзов в колониальных и в полуколониальных странах. Пришлось дать ответ на ряд практических вопросов, которые возникли в профессиональном движении колониальных и полуколониальных стран. Практическая часть принятого вторым конгрессом решения гласит:

«Задачи профессионального движения в колониях и полуколониях в главных чертах одни и те же повсюду:

а) создавать производственные союзы, основанные на принципе классовой борьбы, действующие совершенно самостоятельно и независимо от буржуазии, для защиты классовых интересов пролетариата, для чего в большинстве стран (не исключая и Турции) придется вести упорную борьбу за легализацию союзов, за свободу коалиций и т. д.;

б) вести планомерную и настойчивую борьбу за уравнение труда туземных рабочих в отношении заработной платы, рабочего дня и общих условий труда с трудом рабочих, эмигрировавших из метрополии;

в) на-ряду с этим вести борьбу с рассовой, национальной враждой между рабочими метрополии и туземными рабочими, чрезвычайно выгодной для капитала и в сильнейшей степени задерживающей развитие рабочего движения в колониях и полуколониях. Туземный капитал новейшей формации особенно заинтересован в сохранении и углублении этой вражды, которую он использовывает в двух направлениях: 1) чтобы расколоть само рабочее движение и 2) вовлечь широкие массы трудящихся в национально-освободительную борьбу в интересах туземной буржуазии;

г) оставаясь на страже своих классовых интересов, пролетариат колоний и полуколоний должен в то же время принимать самое непосредственное участие в анти-империалистическом движении, получающем в колониях и полуколониях совершенно неизбежно национально-освободительный характер. Не сломив господства империализма, стремящегося к извлечению сверх-прибылей из колоний, рабочий класс в колониях и полуколониях не сможет добиться действительного улучшения условий труда.

Но, участвуя в общей национально-освободительной борьбе, рабочие должны занять на анти-империалистическом фронте самые передовые и совершенно самостоятельные позиции, вскрывая лицемерие и половинчатость крупной и мелкой буржуазии и их партий (Гоминдан—в Китае, гандизм в Индии, кемализм в Турции) и недостаточность их аграрной программы. Пролетариат колоний должен стремиться к тому, чтобы захватить руководство крестьянскими массами и аграрной революцией, без которой освобождение колоний и полуколоний немыслимо вообще;

д) особая задача вырастает перед профдвижением колоний и полуколоний в виде необходимости организовать многомиллион-

ные массы с.-х. батраков, составляющих в некоторых странах (Корея, Персия, Турция) весьма значительную часть населения, и многочисленных ремесленных подмастерьев, начинающих отходить от патриархально-цехового уклада и вовлекаемых в борьбу пролетариата.

Задачи эти имеют первостепенное значение не только для колоний, но и для рабочего движения всего мира, и Профинтерн должен притти на помощь молодому профессиональному движению колоний и полуколоний:

а) примыкающие к Профинтерну революционные национальные об'единения и меньшинства стран, имеющих колонии (Англия, Франция, Америка, Япония, Голландия, Италия, Бельгия и др.), должны выделить особый орган для связи с профдвижением этих колоний. Особенно крупная роль выпадает на долю Японии, находящейся в непосредственной близости со своими колониями и полуколониями (Корея, Китай и др.). Степень развития рабочего движения в этих странах ближайшим образом определит разрешение всей тихо-океанской проблемы;

б) для выработки конкретной программы действия для каждой страны и колонии в соответствии со всей реальной обстановкой 2 конгресс Профинтерна постановляет созвать одновременно с ближайшим конгрессом Профинтерна возможно широкую конференцию революционных профорганизаций колоний и полуколоний всего мира. К подготовке этой конференции следует приступить безотлагательно;

в) для осуществления еще до созыва конференции лучшей связи между революционным профдвижением Запада и Востока, с одной стороны, и стран Востока между собой, с другой стороны—необходимо учреждение ряда портовых бюро в главнейших портах. Выбор отдельных пунктов и определение ближайших условий деятельности этих портовых бюро должны быть предоставлены особому совещанию транспортников при участии Профинтерна».

Особо важно в резолюции 2 с'езда указание на линию поведения рабочих организаций метрополии по отношению к профдвижению в колониальных и полуколониальных странах.

Последним крупным достижением в нашей работе в колониальных и полуколониальных странах является состоявшаяся в июне 1924 г. в Кантоне тихо-океанская конференция транспортников. Эта конференция была первой организационной попыткой связать разрозненное движение наиболее передовых отрядов рабочего класса в странах Тихого океана. На этой конференции были обсуждены вопросы работы на тихо-океанском побережье, и было заложено начало организации там портовых бюро. Такое бюро, которое должно служить организационной связи стран Востока между собой, с одной стороны, и этих стран с Профинтерном, с другой—было в первую очередь создано в Кантоне.

Каковы наши дальнейшие задачи в области работы на Востоке? О них подробно говорится в резолюции 3 конгресса Профинтерна,

где подчеркивается: «задачи, стоящие перед рабочим движением Востока, кроме Японии, остаются прежними: а) борьба против империализма совместно с национально-революционными элементами своей страны и б) борьба за свои чисто классовые интересы. При этом рабочий класс при всей своей численной слабости во всех странах Востока должен будет искать боевого сотрудничества с наиболее пролетаризированными и сознательными революционными элементами крестьянства (фермерства) и ремесленников. Образование рабоче-крестьянской партии, лиг, комитетов действия и другие формы сотрудничества рабочих и крестьян—лучший путь в тяжелой борьбе трудящихся Востока за свое национальное и классовое освобождение».

Из этих решений наших конгрессов явствует, какое принципиальное различие в этом вопросе существует между Амстердамским Интернационалом и Красным Интернационалом Профсоюзов. И не случайно растут симпатии всех угнетенных народов Востока к русской революции, к Коминтерну и Профинтерну. Они видят в них действительных союзников в своей борьбе против империализма.

Профинтерн и социальная революция.

Последний вопрос, на котором нужно остановиться, чтобы дать законченную характеристику революционного профдвижения, это отношение к революции вообще и к Октябрьской революции в особенности. Выше уже была дана характеристика отношения Амстердамского Интернационала к этому вопросу. Достаточно сказать, что Профинтерн представляет собой в этом полную противоположность Амстердамскому Интернационалу. Профинтерн охватывает больше десятка миллионов революционных рабочих, среди которых коммунисты составляют меньшинство. Примыкающие к Профинтерну организации и меньшинства охватывают много миллионов некоммунистических, но революционных рабочих. Благодаря этому профсоюзы не могут иметь такой же ясной, строго очерченной и теоретически выдержанной программы, как коммунистические партии. Состав этих непартийных организаций заставляет при определении их задач создать такие широкие рамки, внутри которых могли бы рука-об-руку бороться и коммунист, и синдикалист, и беспартийный рабочий, вообще всякий пролетарий, стоящий на точке зрения классовой борьбы. Красный Интернационал Профессиональных Союзов, несмотря на свой непартийный характер, ставит перед собою совершенно определенную общеклассовую задачу: низвержение капитализма путем беспощадной классовой борьбы, установление диктатуры пролетариата и создание коммунистического общества. Это со всей ясностью и определенностью сказано в уставе и резолюциях конгрессов Профинтерна. Вот что по этому поводу говорит устав Красного Интернационала Профсоюзов:

«Интернационалу бессилия, путаницы и прислужничества перед буржуазией, каковым является желтый Амстердамский Интернацио-

нал, необходимо противопоставить Интернационал революционного действия и активности,—Интернационал, который вместе с Коминтерном оргнизует рабочий класс для низвержения буржуазии, разрушения буржуазного государства, установления диктатуры пролетариата, захвата орудий и средств производства и водворения коммунизма. Боевой профессиональный Интернационал может быть построен только революционными классовыми союзами, для которых ясна цель и методы оборонительной и наступательной войны против своих классовых врагов. Задача, поставленная историей перед революционными союзами, требует максимальной концентрации сил, неслыханного напряжения и величайшей самоотверженности передовых и сознательных элементов рабочего класса».

Мы видим здесь, что внепартийность организации не освобождает ее от классовой обязанности борьбы за освобождение рабочего класса. Профинтерн—не Амстердамский Интернационал, где каждая организация делает, что она хочет. Вот почему в том же самом уставе мы находим минимум условий, которые требуются для вступления в Красный Интернационал Профессиональных Союзов. Эти условия следующие:

1) Признание принципов революционно-классовой борьбы;

2) Проведение в жизнь этих принципов своей повседневной борьбой с капиталом и буржуазным государством.

3) Признание необходимости низвержения капитализма путем социальной революции и установления для переходного времени диктатуры пролетариата.

Эти выдержки из устава настолько ясны, что вряд ли требуется еще цитировать отдельные абзацы революций всех трех конгрессов Профинтерна. Основная задача Профинтерна та же, что и Коминтерна, а именно — организация социальной революции. Но осуществляем мы эту задачу особыми, свойственными профсоюзам, методами. Не удивительно, поэтому, что Профинтерн с первого дня своего возникновения считал важнейшей своей задачей поддержку Октябрьской революции всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Надо иметь в виду, что Профинтерн, как и Коминтерн, возник и развился благодаря русской революции и ее влиянию на международное рабочее движение. Ту роль, какую РКП играет в Коминтерне, ВЦСПС играет в Профинтерне. А это означает, что двигателем обоих Интернационалов является Российская Революция. Несмотря на наличие разных идейных течений внутри Профинтерна, Профинтерн, как целое, рассматривает русскую революцию, как начало мировой революции, как первый практический шаг, и считает поэтому закрепление завоевания русской революции, поддержку первого пролетарского государства, борьбу против врагов этого государства важнейшей международной задачей. Защита русской революции не есть национальное русское дело. Это — дело международное. В моменты максимальной опасности для русской революции даже Амстердамский Интернационал вынужден был признать, что поражение русской революции означало бы победу

мировой реакции во всем мире. Профинтерн вел самую решительную борьбу против анти-советских, анти-коммунистических элементов, которые под флагом анархизма пытались внутри нашего Интернационала занять анти-советскую и анти-коммунистическую линию. Борьбу против этих элементов мы вели чисто идейно. Мы не принимали и не предлагали никаких организационных мероприятий против тех, кто считал необходимым вести борьбу против *всякого* государства, и в том числе, советского. Эти группировки сами ушли из Профинтерна и главным образом потому, что мы не вели анти-советской и анти-коммунистической политики. Всей своей четырехлетней деятельностью Профинтерн и примыкающие к нему организации доказали, что они всегда во всех своих малейших практических шагах имели в виду интересы социальной революции, а тот, кто не на словах, а на деле хочет бороться с буржуазией, кто считает социальную революцию не бессмысленной утопией, а практической задачей нашей эпохи, тот должен отдать все свои силы на поддержку Октябрьской Революции и первого пролетарского государства. Это Профинтерн делал, делает и будет делать.

ЛЕКЦИЯ X.

Теория и тактика Профинтерна.

Единый фронт. О том, что мы понимаем под единым фронтом, мы говорили уже раньше [1]). Это есть метод организации и мобилизации масс на почве борьбы за повседневные нужды рабочего класса. Решающим в едином фронте является момент действия против буржуазии. Все, что ведет к сплочению пролетариата против господствующих классов,—все это должно встретить самую решительную поддержку. Вначале лозунг единого фронта встретил противодействие в рядах и Коминтерна и Профинтерна. Центром противодействия были латинские страны. Все аргументы против единого фронта сводились, в общем и целом, к следующему: 1) Единый фронт означает перемирие с реформистами, ибо нельзя предлагать единство выступлений и продолжать ожесточенную борьбу с социал-демократией. 2) Если же это не перемирие и не блок, а маневр,—то партии и профсоюзы Запада слишком слабы, недостаточно дисциплинированы, чтобы позволить себе такого рода маневры. 3) Единый фронт еще допустим в профдвижении, но ни в каком случае между политическими партиями.

Все эти возражения, которые делались в первые месяцы провозглашения тактики единого фронта, быстро исчезли,—все убедились, что единый фронт даст возможность революционным рабочим не только сохранить, но и усилить контакт с массами.

2 конгресс Профинтерна в специальной резолюции — «Наступление капитала и единый пролетарский фронт», после определения причин наступления капитала и методов его, указал на классовое сотрудничество, на причины неспособности рабочих к сопротивлению, на раскол реформистами профсоюзов для спасения классового сотрудничества, а затем дал практический ответ на вопрос: *как создать единый фронт* и каковы *задачи единого фронта*. Вот точный текст резолюции 2 конгресса Профинтерна:

«а) сторонники Профинтерна должны в своей повседневной борьбе поставить себе задачей: планомерно организовать и решительно провести сопротивление рабочих наступлению капитала.

---

[1]) См. лекцию V, стр. 73.

б) В своих стараниях усилить и внутренно укрепить революционные организации они (т.-е. сторонники Профинтерна) не должны упускать из виду, что главной их задачей является организация общих, совместных выступлений всех рабочих об'единений.

в) Основным условием создания обще-профессионального единого фронта является единство воли и дружная дисциплинированная деятельность всех революционных сил. Все существующие разногласия по отдельным вопросам национального и международного характера должны быть оставлены в стороне. Всякое соперничество революционных сил усиливает реформизм.

г) Единый фронт лишь тогда может иметь под собой прочный фундамент, когда он является результатом интенсивной работы в массах, в первичных ячейках организаций и в предприятиях, а не результатом соглашения организационных верхов.

д) Единый блок рабочих организаций может лишь в том случае обеспечить успех борьбе пролетариата, если он сможет указать конкретные цели и методы, обязательные для всех его последователей. Борьба за единый фронт лишь тогда будет успешной, когда в основу этого единого фронта будут положены фабзавкомы.

Для успешной борьбы с наступающим капиталом должны быть выполнены следующие элементарные задачи:

а) Борьба против понижения заработной платы, — независимо от того, является ли это понижение результатом прямого сокращения заработной платы или повышения цен. Решительная борьба за равную оплату труда мужчин и женщин при равной производительности.

б) Борьба за безусловное сохранение 8-часового рабочего дня и против всякого удлинения рабочего времени для тех профессий, которые по своим особенностям требуют более короткого рабочего дня.

в) Борьба за экономические требования трудящейся молодежи в противодействие стремлениям капитала использовать эту молодежь для конкуренции со взрослыми рабочими.

г) Борьба за завоеванную рабочими охрану труда и расширение охраны труда работниц и материнства, а также за переложение всей тяжести социального страхования на государство.

д) Отпор всем покушениям капитала на права и завоевания рабочего класса, на его доверенных представителей и фабзавкомы, на право коалиции, особенно государственных служащих и рабочих так называемых жизненно необходимых предприятий.

е) Борьба за обеспечение существования безработных в течение всего периода безработицы. Одинаковые размеры пособий для безработных мужчин и женщин.

ж) Организованная систематическая борьба против всех штрейкбрехерских организаций буржуазии и государства, как, например: «Техническая Помощь»—в Германии, «Ку-клукс-клан»—в Америке, «Гражданский Союз»—во Франции и т. д., а также против всех желтых союзов (христианских и националистических организаций).

з) Борьба за вооружение пролетариата для отражения нападения вооруженных банд буржуазии и для противодействия возникновению фашизма.

и) Беспощадная борьба против всех воинственных стремлений и мероприятий буржуазии.

к) Борьба за расторжение капиталистических мирных договоров и против всех покушений, в какой бы форме они ни происходили, на Советский Союз.

л) Борьба против эксплоатации и порабощения рабочих масс в колониях без различия их принадлежности к той или иной расе.

Эта практическая программа свидетельствует прежде всего о том, что единый фронт для революционных рабочих означает продолжение борьбы с буржуазией новыми методами. 4 конгресс Коминтерна и 2 конгресс Профинтерна рассеяли все недоразумения, и тактика единого фронта стала могучим средством организации и мобилизации масс вокруг конкретных лозунгов. Спор перед 5 конгрессом Коминтерна и 3 конгрессом Профинтерна шел уже только о методах применения единого фронта. Саксонский опыт показал, что единый фронт таит в себе опасности, на что и указал V конгресс Коминтерна.

Спор на 5 конгрессе Коминтерна шел о том — применять ли единый фронт *только* снизу или сверху и снизу. По этому вопросу и 5-й конгресс Коминтерна и 3-й конгресс Профинтерна заняли совершенно определенную позицию: *и снизу и сверху*. Вот что сказано в разделе 9 принятой 3 конгрессом Профинтерна резолюции о «Ближайших задачах революционного профессионального движения».

«Опыт показал, что тактика единого фронта совершенно правильна, несмотря на то, что применение этой тактики в некоторых странах дало, благодаря неумелому применению, недостаточные результаты. В некоторых случаях тактика единого фронта понималась, как периодическая посылка писем реформистской верхушке. Тактика единого фронта, сведенная к такого рода периодической переписке, представляет собою, несомненно, искажение основной идеи борьбы за единый фронт. Суть тактики единого фронта заключается в организации массовых кампаний вокруг выдвигаемых лозунгов,— в том, что широкие рабочие массы вовлекаются в качестве активных участников в предполагаемые действия. Прежде всего и больше всего необходимо при всяком предложении единого фронта помнить о миллионах трудящихся, о том, чтобы они в той или другой форме реагировали на поднятый вопрос. Если во главе угла всех предложений об едином фронте будет стоять момент совместных действий, и если вокруг вопроса — за или против совместных действий рабочих всех направлений — будет развернута энергичная кампания, то всякое наше выступление даст благоприятные для нас результаты. В такой постановке вопроса отпадает и формула — только единый фронт снизу. *Единый фронт сверху ни в каком случае не означает закулисных переговоров и тайных совещаний с реформистскими лиде-*

рами. Все должно быть сделано открыто, на виду у всех трудящихся, и, что особенно важно, сопровождаться широкой кампанией в массах агитационно-пропагандистского характера, при чем острота нашей критики и борьба против реформизма ни на одну минуту не должны быть притуплены. При таких условиях и единый фронт сверху даст благоприятные для революционного рабочего движения результаты, а через единый фронт мы сможем вовлечь и широкие неорганизованные массы в борьбу против капитала».

Враги коммунизма утверждают, что лозунг единого фронта не более, как большевистский трюк. На последнем с'езде австрийской социал-демократии, в ноябре 1924 г., Фридрих Адлер разразился бешеной речью против тактики единого фронта. По его словам «это самый недостойный обман рабочего класса — это попытка околпачить пролетариат лживыми уверениями, и со времен Маккиавели история не знала ничего более циничного, чем тот способ, каким пользуются идеи единого фронта, чтобы заставить пролетариат против его собственной воли (!) и вопреки его собственному сознанию служить делу коммунизма». Центральный орган германской социал-демократии «Форвертс» неоднократно писал «о московском жульничестве с единым фронтом» и каждый раз, когда создавался единый фронт в борьбе, делал все, что от него в силах, чтобы его сорвать. Все эти вылазки и нападки на единый фронт прежде всего показывают, что реформисты всех разновидностей задеты за живое, и что они в применении единого фронта видят начало конца своего влияния на массы. Я не собираюсь опровергать нападки реформистов, а хочу показать на трех примерах, как мы понимаем тактику единого фронта, какие цели мы преследуем, когда нам удается заключить соглашение с организациями, примыкающими к Амстердамскому Интернационалу, и как коммунисты и сторонники Профинтерна проводят практически в жизнь заключенное соглашение. Эти три примера: 1) *международная конференция во Франкфурте* (март 1923 г.); 2) *международная конференция транспортников*; 3) *англо-русский комитет для борьбы за единство мирового профдвижения* (ноябрь 1924 г.).

Международная конференция во Франкфурте.

Эта конференция была создана по инициативе Рейнско-Вестфальского с'езда фабрично-заводских комитетов, на котором коммунисты имели преобладающее влияние. Задачей этой конференции, созданной по предложению Коминтерна и Профинтерна, было об'единить на почве обще-приемлемых лозунгов все рабочие организации важнейших стран. Инициативный Комитет разослал приглашения рабочей партии и профсоюзам Англии, коммунистической партии, реформистским и революционным профсоюзам Франции, социал-демократическим и коммунистическим партиям и профсоюзам Германии, Чехо-Словакии и Польши. Были приглашены Коминтерн, Профинтерн, 2 и 2½ Интернационалы, Амстердамский Интернационал и Международные Производственные Об'единения. Это была попытка, исходящая от непартийной организа-

ции — с'езда фабрично-заводских комитетов областей оккупированных Францией — притянуть к делу борьбы против оккупации Рура, против опасностей войны, против международной реакции реформистские организации и вместе с ними выработать план действия. С самого начала выяснилось, что все реформистские Интернационалы и партии были категорически против этой самой конференции. Единый фронт они упорно старались изображать, как «гнусный маневр Москвы», на который они не хотят итти.

«Маневр» тут действительно был, но он заключался в нашем желании, чтобы реформистские организации вместо слов занялись делом. Мы хотели, чтобы они вместе с нами на приемлемой для них платформе вели борьбу против оккупации Рура. Вот все то «злокозненное», что имелось в наших предложениях. Но так как борьбы реформисты не хотят, то естественно, что они уклонились от нашего предложения и в результате, все находящиеся под влиянием с.-д. Интернационалы на Франкфуртскую конференцию не явились. Тем не менее, на эту конференцию явились рабочие, представители от фабрик и заводов, главным образом, Германии. Были получены приветствия от рабочих Глазго и других городов Англии. Здесь рабочие разошлись со своими руководящими органами. Они поняли значение этой конференции и выразили нам свое сочувствие в попытке найти общую платформу для борьбы против опасностей войны.

Франкфуртская конференция характерна тем, что на ней, помимо коммунистической, была социал-демократическая фракция, затем там были независимые — несколько человек из группы Лелебура. Социал-демократическая фракция этой конференции составилась из представителей заводов, при чем социал-демократы пришли на конференцию, нарушив дисциплину и своего Интернационала, и своей социал-демократической партии и своих собственных профсоюзов. Дело в том, что социал-демократическая партия и Всеобщее Об'единение Профсоюзов Германии высказались категорически против участия на Франкфуртской конференции, угрожая даже принять репрессивные меры против нарушителей данного постановления. Все же фракция создалась. Она была мала, в сравнении с количеством остальных делегатов, тем не менее коммунистическое большинство этой конференции не навязало конференции таких вопросов, которые, в общем и целом, неприемлемы для социал-демократических рабочих. Мы не видим в принятых во Франкфурте резолюциях ни вопроса о диктатуре пролетариата, ни о присоединении к Коминтерну и Профинтерну, — эти вопросы, даже не ставились. Там ставился вопрос борьбы против оккупации Рура, борьбы с фашизмом и другие. В принятых резолюциях была сделана попытка самую идею единого фронта организационно оформить. Значение Франкфуртской конференции в том, что там была выдвинута идея создания Комитетов борьбы против фашизма, создания пограничных Бюро, создания дружин самообороны и т. д. Эта конференция показала, что мы под единым фронтом понимаем соглашение рабочих на платформе, направленной против буржуазии. При чем,

за скобки мы выкидываем все, что могло бы разъединить договаривающиеся стороны. Франкфуртская конференция, имевшая большое практическое значение, принятыми резолюциями и постановлениями показала наше искреннее желание создать единый фронт; она оказала воздействие на рабочих, которые раньше не доверяли коммунистам и думали, что под идеей единого фронта скрывается какая-то советская, в высшей степени злокозненная каверза. Рабочие могли из принятых резолюций убедиться в нашем искреннем намерении. Франкфуртская конференция еще потому оказала влияние на рабочие массы, что это была единственная международная конференция после оккупации Рура, на которой была выдвинута ясная и приемлемая для всей рабочей массы платформа борьбы против этой оккупации. Что мы видели по этому вопросу в резолюциях II и Амстердамского Интернационала? Протесты вообще и ссылки на Лигу Наций. У нас же были выдвинуты практические методы борьбы против оккупации. Это оказало громадное влияние на широкие массы и привлекло на сторону Коминтерна и Профинтерна симпатии тех широких рабочих масс, которые раньше находились под влиянием реформистских вождей и не доверяли нашей тактике единого фронта.

Международная конференция транспортников.

Второй пример — *международная конференция транспортников* — еще более характерен. На этой конференции мы уже имели дело не с представителями заводов и предприятий, а с представителями центральных организаций международной федерации транспортников, с которой представители русских союзов транспортников вели официальные переговоры о создании единого фронта.

Что наиболее характерно для этой международной конференции? — Это полное единодушие, если не со всеми представителями международной федерации, то с большинством их. На каких вопросах мы сошлись? — На вопросе о борьбе с фашизмом, о борьбе против войны, на методах этой борьбы, и еще—что является в высшей степени большим достижением — на вопросе борьбы за воссоздание единства мирового профдвижения. Принятые резолюции и воззвания не содержат в себе ничего специфически-коммунистического, но в них имеется определенная программа действий, определенный план борьбы с наступающим капиталом, т.-е. то, чего не хочет и не может дать ни один реформистский Интернационал, ни одна реформистская организация. Почему эти резолюции были наполнены определенным конкретным содержанием? Потому что мы только о конкретных вопросах и можем говорить с представителями Амстердамского Интернационала. Разве мы могли бы столковаться с ними на платформе нашей оценки событий и перспектив? — Конечно, нет. Но мы можем столковаться на вопросе борьбы с фашизмом, борьбы против капитала и, поскольку с их стороны было желание борьбы, мы могли выносить совместные резолюции. На примере Берлинской

конференции транспортников широкие массы опять-таки могут увидеть, насколько вздорно заявление наших противников, что единый фронт является исключительно маневром, что на самом деле мы не хотим единого фронта, и что мы сами бы его сорвали, если бы он создался. В ответ на это мы нашим противникам с полным правом можем указать на саботаж Амстердамским Интернационалом решений Берлинской конференции, на длинный ряд других аналогичных фактов, когда по вине Амстердамского Интернационала срывались, достигнутые с колоссальным трудом, соглашения о совместных действиях. Создание единого фронта с нами разрушает единый фронт реформистов с буржуазией. В этом вся суть. Это есть вопрос разрыва коалиции с буржуазией, ибо нас в коалицию с буржуазией они не надеются втянуть. Поэтому-то амстердамцы и высказываются против единого фронта. Я уже говорил в 5 лекции о том, как отнесся Амстердамский Интернационал к важнейшей попытке установления единого фронта в международном масштабе—к берлинской конференции транспортников. Против ее решений он открыл бешеную кампанию, которой заседавший в то время (июнь 1923 года) Центральный Совет Профинтерна дал следующую характеристику: «Центральный Совет Профинтерна выносит на суд рабочих всех стран чудовищное поведение той части руководителей Амстердамского Интернационала и Международной Федерации Транспортников, которая саботирует с таким трудом заключенное соглашение. От имени революционных союзов всех стран Центральный Совет протестует против двусмысленного поведения Генерального Совета Международной Федерации Транспорников, которая разрывает, как клочек бумаги, заключенные договоры. Рабочие транспортники, рабочие всех производств, требуйте от своих руководителей об'яснения, почему они срывают единство действий рабочих всех направлений против опасностей войны и фашистской реакции. Требуйте от них об'яснений — что неприемлемого в постановлениях берлинской конференции транспортников?».

Вместе с тем Центральный Совет заявил, что «мало-мальски успешная борьба против опасностей новых войн и фашистской реакции может вестись только при создании единого фронта. Совместные действия рабочих всех направлений являются также предпосылкой успешной экономической борьбы и противодействия наступающему капиталу. Единый фронт есть шаг к восстановлению единства национального и международного профдвижения. Это нужно сделать ясным каждому пролетарию. Центральной задачей в этой области является организационное построение единого фронта. В этом смысле примером может служить международная конференция во Франкфурте и международная конференция транспортников». Таким образом, в то время, как коммунисты, которые, якобы, не хотят единого фронта, делают все возможное, чтобы провести в жизнь принятые решения и осуществить взятые на себя обязательства, реформисты срывают заключенное соглашение под самыми пустяковыми предлогами. Кто же искренне хочет единого

фронта, а кто занимается демагогией и политиканством? На это дает ответ организованный правым крылом Амстердамского Интернационала саботаж всех предпринятых с нашей стороны попыток и шагов к установлению единства действий рабочих всех направлений.

Англо-Русский Комитет Единства.

Созданный в Москве во время 6 с'езда профсоюзов Англо-Русский Комитет Единства является практическим достижением в области установления единого фронта. Коммунисты, стоящие во главе русских союзов, ни на минуту не скрывали существующих между нами разногласий. Никто из представителей Коминтерна, Профинтерна и ВЦСПС ни на одну минуту не сомневался, что единый фронт с представителями английских тред-юнионов нельзя будет создать на коммунистической платформе. Для всех было ясно, что пределы и программа единого фронта будут очень ограничены, и тем не менее все с радостью высказались за соглашение с английскими тред-юнионами. Почему? Потому что коммунисты помнят завет Маркса, что один шаг вперед в практической деятельности важнее дюжины программ. Мы люди дела и готовы итти на всякого рода компромиссы и уступки *внутри* рабочего класса, если можно этой ценой хотя бы на один шаг продвинуть дело рабочего класса вперед. Англо-Русский Комитет—типичный образчик нашего делового отношения к такого рода вопросам. В самом деле, До настоящего времени (декабрь 1924 года) задача Комитета определена только в самых общих чертах: единство международного профдвижения. Но как, на каких основах это единство создать, об этом в предварительном соглашении не сказано. А ведь, ни для кого не секрет, что существуют разногласия также и в методах восстановления единства. Для многих представителей английских тред-юнионов проблема единства сводится к включению русских союзов в Амстердамский Интернационал, отсюда и выступления на Венском с'езде Амстердамского Интернационала, на Гулльском с'езде тред-юнионов и даже на 6 с'езде профсоюзов СССР, за *вхождение* русских союзов — тогда как советские профсоюзы выдвигают лозунг *слияния* обоих Интернационалов через *Международный конгресс единства*. Нам дальше придется подробно останавливаться на методах восстановления единства, сейчас достаточно и того, что разногласия между заключившими соглашение сторонами даже по этому вопросу не помешали создать Англо-Русский Комитет Единства. Программа деятельности этого Комитета еще не намечена, но для нас задачи этого Комитета как нельзя более ясны. Английские и советские союзы, взявшись за восстановление единства, должны начать серьезную кампанию во всем мире, чтобы привлечь широчайшие массы к этому делу. Ждать, пока профсоюзные чиновники всех стран придут сами к мысли о необходимости восстановить единство, означало бы отложить вопрос на неопределенное время. Митинги, листовки, брошюры, газеты и журналы — все должно быть

двинуто в ход для того, чтобы популяризировать идею единства. На какой основе может быть создано это единство? Только на основе классовой борьбы. Выйдет ли что-нибудь при наличии неясности в этих существенных вопросах, можно ли создавать Комитет Единства, не сговорившись предварительно по существеннейшим пунктам? — спросят товарищи. Несомненно, можно. Комитет нужно было создавать, раз есть обоюдное желание восстановить единство. Пребывание английской делегации в СССР (ноябрь — декабрь 1924 года) показало, что каждый рабочий, который подходит к Советской России без заранее предвзятой враждебности, без желания во что бы то ни стало осудить русскую революцию и роль в ней наших коммунистических профсоюзов, — вынужден признать, что революция — это дело десятков миллионов пролетариев, и что Интернационал, опирающийся на революционный пролетариат СССР, представляет собой слишком серьезную силу, чтобы можно было его игнорировать. Наша полная готовность заключить соглашение с любым отрядом международного пролетариата на программе конкретных действий лишний раз доказывает, что никакого «жульничества» или «подвоха» в едином фронте нет. Да, вообще, смешно говорить о «жульничестве» там, где дело идет о вовлечении в действие десятков миллионов пролетариев.

В то время, как с нашей стороны все делалось и делается, чтобы начавшееся между русскими и английскими рабочими сближение сделать исходным пунктом для создания единого фронта рабочих всех стран — со стороны правого крыла Амстердамского Интернационала и международной социал-демократии начат жесточайший поход против сближения английских и русских рабочих. Во главе похода идет центральный орган германской социал-демократии «Форвертс», который в ряде статей требует от англичан сделать выбор между рабочими СССР и «рабочими континентальной Европы». Почему нужно сделать выбор? «Форвертс», видите ли, считает, что нужно поставить советским союзам ультиматум, смысл которого сводится к следующему: «русские союзы должны отказаться от своих коммунистических идей, разорвать связь с компартией, об'явить борьбу Советской власти и тогда они будут достойны принятия в лоно Амстердамского Интернационала». За «Форвертс»'ом тянется Удегест, который ставит и свои условия. Этот адвокат проигранного дела требует: 1) отказа от 21 условия; 2) отказа от создания ком'ячеек; 3) борьбы против милитаризма (конечно, советского); 4) борьбы за социальное законодательство и, наконец, 5) полной и абсолютной независимости. Все эти условия выставляются с единственной целью сорвать соглашение и помешать делу единства. Этой же благородной задаче должно служить привлечение в этот критический момент в лоно Амстердамского Интернационала Американской Федерации Труда, председатель которой, Гомперс, в свое время так прославился большевикоедством. Таким образом, тактика международного реформизма в вопросе об едином фронте сводится к сле-

дующему: кричать — «караул!» по поводу козней большевиков и «московского жульничества с единым фронтом», срывая все практические шаги по сближению между профсоюзами разных стран. Этот саботаж сопровождается невообразимым шумом и возведенной в принцип, в перл создания клеветой, следуя старому правилу: «Клевещите, клевещите, что-нибудь от этого останется». Но как бы ни шумели господа реформисты, в порядок дня поставлен не только единый фронт, но и единство международного профдвижения. Возможно ли это единство? Нет ли в этом лозунге элемента утопии? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, надо остановиться на причинах раскола и выяснить, устранимы ли и как именно препятствия, лежащие на пути к единству.

Причины раскола международного профдвижения.

Вряд ли найдется хотя бы один серьезный деятель рабочего движения, который высказался бы сейчас против единства. Самые завзятые реформистские раскольники молитвенно складывают руки, когда речь идет о единстве, при чем они с особой силой начинают говорить о единстве, когда выкидывают революционных рабочих из организаций. Только при поверхностном отношении к важнейшим вопросам международного рабочего движения можно думать, что раскол возник случайно, что также случайно на первый план выдвигается лозунг борьбы за единство. Кто подойдет к этому вопросу с такой «случайной» точкой зрения, тот ничего не поймет. Нет ничего случайного в международном рабочем движении. Возникновение профсоюзов, их оформление, расщепление на реформистские, католические и демократические, затем создание одного Интернационала, а за ним другого, раскол в реформистских союзах — все это имеет свои глубокие причины, без понимания которых нельзя сделать ни одного шага вперед.

Каковы причины раскола? Они, прежде всего, состоят в том, что буржуазия пыталась использовать рабочие организации в своих классовых целях. Для этого она создавала, — поскольку ей не удавалось оказывать воздействия на классовые союзы — свои собственные профорганизации. Отсюда — возникновение союзов: католических, либеральных, демократических, протестантских и проч. Но влияние буржуазии на рабочий класс сказалось не только в этом, оно проявилось в подчинении всех массовых пролетарских организаций (реформистских и синдикалистских) интересам национального, т.-е. буржуазного государства. Отсюда и берет свое начало раскол рабочего движения, ибо рабочий класс, являющийся одновременно и строителем капиталистического общества и его разрушителем, не может не подписывая себе смертного приговора отказаться от своих классовых интересов. Таким образом, *корни раскола — в сотрудничестве классов, в коалиционной политике, в подчинении интересов рабочего класса интересам буржуазии.*

Амстердамский Интернационал и единство профдвижения.

Пойдем дальше и посмотрим, каково отношение Амстердамского Интернационала к единству национального и международного профдвижения.

Если взять *слова* амстердамцев, то они—за единство, если же взять *дела* их, то получается как раз наоборот. Нам неизвестно *ни одного случая*, когда бы Амстердамский Интернационал взял на себя инициативу восстановления расколотого профессионального движения. Нам известно, наоборот, много случаев, когда представители Амстердамского Интернационала способствовали расколу. Достаточно только вспомнить поведение Зассенбаха на с'езде профсоюзов в Румынии. Амстердамский Интернационал систематически саботировал допущение русских союзов в Интернационалы по производствам. Он сорвал Международную Конференцию транспортников. Решения Венского конгресса Амстердамского Интернационала о том, чтобы вступить в переговоры с русскими союзами на основе признания ими статутов и резолюций Амстердама—являются организованным саботажем единства. На последних международных конгрессах строителей, металлистов, горняков и т. д., вопрос о принятии революционных союзов вообще и русских союзов, в частности, был провален. На состоявшемся в начале августа 1924 года с'езде бельгийских союзов вице-председатель Амстердамского Интернационала, Мертенс, провел решение (324 голоса за, 38 — против и 123 — воздержались) о том, чтобы все местные организации удалили коммунистов со всех руководящих постов. Конец 1924 года ознаменован рядом индивидуальных и коллективных исключений из Всеобщего Об'единения Профсоюзов Германии и ожесточенной борьбой правого крыла Амстердамского Интернационала против всех, исходивших от ВЦСПС предложений: начать переговоры о восстановлении единства мирового профдвижения. А ряд исключений, проведенных реформистами в Италии? А разгром реформистами вкупе с полицией профсоюзов Польши, Румынии, Юго-Славии, Болгарии и оппозиции в Венгрии? Что означают эти факты? Желание единства?—Это означает желание раскола. Я уже не говорю о том, что Амстердамский Интернационал неоднократно отвергал предложения Профинтерна о едином фронте. Почему он отвергал? — Да потому, что он предпочитает единый фронт с левым крылом буржуазии единому фронту с левым крылом пролетариата. А эта тактика есть величайшее препятствие к единству. На этот счет не должно быть никаких сомнений.

Английские профсоюзы и проблема единства.

Одним из важных этапов на пути к единству международного профессионального движения является конгресс английских профсоюзов в Гулле. Этот конгресс отразил в себе все то неустойчивое равновесие, в котором находятся широкие рабочие массы Англии. Осуществляя старые традиции, он был за легальные методы борьбы с буржуазией, за империалистическую политику Макдональда и против каких бы то

ни было революционных выступлений. С другой стороны, отражая новое настроение в массах, он высказался за реорганизацию профсоюзов и продемонстрировал свое классовое родство с пролетариями Советского Союза. Гуллъский конгресс отверг ясную и недвусмысленную резолюцию Поллита о созыве международного конгресса единства из организаций, примыкающих к обоим Интернационалам. Но затем конгресс подтвердил предложение Перселя, чтобы Генеральный Совет «стремился свести представителей разных течений». Это — туманная и неопределенная формулировка; но тем не менее даже это решение является шагом вперед по сравнению с тем, что было раньше. Широкие английские рабочие массы вышли из состояния традиционного покоя и пришли в движение. Для руководящего ядра, даже левого, еще неясна обстановка и, главным образом, неясно, до чего дойдет сдвинувшаяся с места пролетарская масса. Вот эта неясность и сказалась в самой резолюции. Что значит свести представителей разных течений? Идет ли здесь речь об Амстердамском Интернационале и русских союзах, или же имеется в виду Амстердамский Интернационал и революционные профсоюзы всего мира в лице Профинтерна? — Резолюцию можно толковать разно, — а это есть самое худшее в ней. В этом отношении данная резолюция резко отличается от принятых тем же конгрессом резолюций по вопросам практического характера. Особенность английских конгрессов, как известно, заключается в том, что по самому сложному вопросу принимается резолюция в 10 — 15 строк. Там нет философии, отвлеченных рассуждений, а есть конкретный ответ на стоящий перед профессиональным движением вопрос. Ответ, который дал Гуллъский конгресс по вопросу об единстве, нельзя назвать конкретным и можно заранее быть уверенным, что правое крыло в английском профдвижении, еще очень сильное, будет по своему толковать это решение. Что резолюция Гуллъского конгресса не дает определенных директив трэд-юнионам Англии, видно из поведения представителей отдельных английских трэд-юнионов на международных конгрессах, где каждый выступал по своему и вразброд.

И тем не менее, решение Гуллъского конгресса в этой области, несмотря на свое туманное выражение, является целым этапом в борьбе рабочего класса за единство профессионального движения. Значение решений Гуллъского конгресса видно из того недовольства, какое оно вызвало в правых кругах Амстердамского Интернационала. Здесь очень кисло встретили принятое решение и особенно прием, оказанный русской делегации.

Надо иметь в виду то положение, в котором находится в данное время английский пролетариат. В Англии катастрофически ломаются сейчас традиции. Привыкший к конституционности, к соглашению, к классовому миру, к внеклассовым учреждениям и проч.,—английский пролетарий получает сейчас предметный урок классового воспитания. Консерваторы и либералы выжали из рабочего правительства все, что им было нужно, а потом неделикатным

пинком отправили его на задворки. А между тем широкие рабочие массы считали рабочее правительство своим правительством, ждали от него рабочей политики. Теперь они столкнулись с коалицией всего буржуазного общества и познают, какую мощь представляет буржуазная пресса и так называемый «внеклассовый государственный аппарат»... Девятимесячный опыт рабочего правительства раскрыл глаза довольно широким слоям английских рабочих на механику социальной политики. Возвращение к власти консерваторов является для английских рабочих предметным уроком, который еще более толкает их влево. Это означает, что в вопросе единства международного профессионального движения английские профсоюзы не могут не занять более решительную позицию, чем они занимали на Гулльском конгрессе. Общий сдвиг влево уже сказался в той позиции, которую заняла делегация английских тред-юнионов, которая пошла,—уверенная, конечно, в поддержке своего Генерального Совета,—на создание Англо-Русского Комитета Единства. До настоящего времени большинство английских представителей левого крыла стоят на точке зрения «вхождения» русских союзов в Амстердам, но это пройдет, они скоро убедятся, что действительное единство лежит не на пути «вхождения» русских союзов, а на пути *слияния* обоих Интернационалов.

Амстердамский Интернационал и ВЦСПС.

Отношение Амстердамского Интернационала к проблеме единства с особой наглядностью видно по его переписке с ВЦСПС. Переписка эта тянется уже давно, но она до сих пор не дала никаких результатов. До Венского с'езда на все предложения ВЦСПС организовать совместные выступления (фашистский переворот в Италии, гигантские забастовки в Англии, Германии, Америке, оккупация Рура, белый террор и пр.). Амстердамский Интернационал или отмалчивался, или отвечал ничего не значущими фразами. После Венского конгресса бюро Амстердамского Интернационала прислало Всесоюзному Центральному Совету профсоюзов письмо, в котором предлагает переговоры на основе принятых в Вене решений, наивно полагая, что русские союзы не поймут смысла этого крючкотворства. Амстердамцы хотят вести переговоры о единстве, выдвигая два предварительных условия.

1. Они хотят вести переговоры *только* с русскими и *только* о *вхождении* русских профсоюзов в Амстердам.

2. Переговоры и вхождение должны состояться на основе программы и статутов Амстердамского Интернационала.

На это письмо ВЦСПС ответил, что переговоры между Амстердамским Интернационалом и русскими профсоюзами имеют как раз целью выяснить условия создания единства и всякие предварительные условия могут только сорвать дело. Что же касается ссылки на решения с'ездов Амстердамского Интернационала, то ведь и ВЦСПС связан с решениями Профинтерна, и сами переговоры могут вестись или на основе решений с'ездов Амстердамского Интернационала и Профинтерна или без всяких предварительных условий. По

лучив такой ответ, бюро Амстердамского Интернационала вместо того, чтобы сказать, готово ли оно вести переговоры на основе сделанных предложений, вдруг вспомнило, что ему вообще неизвестна точка зрения ВЦСПС на единство. Запрос о том, как представляет себе ВЦСПС единство и на каких основах — является образчиком крючкотворства. ВЦСПС спокойно ответил, что восстановление единства он мыслит себе путем слияния обоих Интернационалов через международный конгресс единства, при чем новый, единый Интернационал должен быть построен на основе классовой борьбы. После этого ответа бюро Амстердамского Интернационала замолкло. Смысл такого рода дипломатических запросов ясен, как божий день.

Что амстердамцы ставят такие условия — это естественно. Они продолжают саботаж, который они начали на Венском Конгрессе. Они продолжают ту линию, какую они проводили в течение нескольких лет. Если взять переписку, которая происходила между Амстердамским Интернационалом и ВЦСПС за последние два-три года, мы увидим, что ничего нового в последних предложениях нет. Аналогичные предложения неоднократно делались, при чем ВЦСПС неизменно отвечал, что он не принимал участия в выработке программы и статутов Амстердамского Интернационала и не имеет основания признавать их в качестве предварительного условия.

Правые амстердамцы, таким образом, занимаются саботажем. В этом нет ничего удивительного, ибо саботаж единства мирового профессионального движения является их профессией. Такого рода деятельность совершенно понятна. Но что менее понятно, это участие в такого рода комбинациях — вольное, или невольное — представителей левого крыла. Неужели руководители левого крыла Амстердамского Интернационала полагают, что этот путь является кратчайшим к восстановлению единства мирового профессионального движения? Некоторые руководители Амстердамского Интернационала считают, очевидно, возможным предписывать революционным союзам условия, забывая, что условия вырабатываются в зависимости от реального соотношения сил, а реальное соотношение сил в мировом профессиональном движении далеко не таково, как об этом думают правые и даже левые амстердамцы. Вот почему можно посоветовать и тем и другим выбросить из головы мысль о том, что они могут навязать свою волю революционному профессиональному движению. Кроме конфуза для них из такого рода политики ничего выйти не может.

Борьба Профинтерна за единство.

Несмотря на раскольническую политику Амстердамского Интернационала, на массовые исключения, имевшие место во многих странах, Профинтерн не поддавался на провокацию и продолжал бороться за единство. На всех своих конгрессах, а равно и в промежутках между конгрессами, Красный Интернационал Профессиональных Союзов решительно и последовательно высказывался против раскола. Вот несколько фактов, свидетельствующих о том, что Профинтерн всегда был за единство.

1. Профинтерн высказался против лозунга разрушения союзов.

2. Профинтерн предлагал Амстердамскому Интернационалу восстановить единство французского и чехо-словацкого профдвижения.

3. Профинтерн на всех своих конгрессах постановлял, чтобы все революционные союзы вступали в соответствующие Интернационалы по производствам.

4. Профинтерн открыто заявлял несколько раз, что как только революционные союзы будут приняты в соответствующие Интернационалы по производствам, международные комитеты пропаганды будут распущены.

5. Профинтерн на своем 2 конгрессе выдвинул лозунг единого фронта и неоднократно обращался к Амстердамскому Интернационалу, предлагая совместные действия.

6. На международном конгрессе мира в Гааге Профинтерн сделал попытку предложить Амстердамскому Интернационалу единый фронт. Такие же попытки делались после оккупации Рура, до и после Франкфуртской конференции.

7. Единый фронт в профессиональном движении Профинтерн всегда понимал как первый шаг к организационному единству расколотых частей.

8. В целях сохранения единства. Профинтерн очень часто советовал своим сторонникам, имевшим даже большинство, организационно не присоединяться к нему, если это может привести к расколу.

9. Во всех случаях, когда в рядах Коминтерна и Профинтерна начинала создаваться тенденция к расколу профессиональных союзов, Профинтерн выступал со всей решительностью против этой тактики, отстаивая всеми имеющимися в его распоряжении средствами лозунг единства профессионального движения.

10. Наконец, созданный английскими и русскими профсоюзами Англо-Русский Комитет Единства получил полное одобрение со стороны Профинтерна, который предложил всем примыкающим к нему организациям оказать этому Комитету всяческую помощь и поддержку в его деятельности.

Можно привести десятки и сотни фактов из четырехлетней деятельности Профинтерна, которые подтвердят желание Профинтерна сохранить во что бы то ни стало единство профдвижения. Наши противники усматривают раскольнические действия со стороны Коминтерна и Профинтерна в том, что они независимо от решений тех или других реформистских верхушек продолжают вести свою агитацию в массах. Но коммунисты и революционные рабочие никогда не откажутся от своего права организовывать массы на революционной платформе. Организационное единство не означает превращения союзов в кладбище. Руководители Амстердамского Интернационала обычно ссылаются на резкие полемические приемы с нашей стороны. Когда называешь настоящим именем того или другого бюрократа, то все они подымают вой о том, что Москва оскорбляет рабочий класс. Простите, господа! — профбюрократы и рабочий класс

— это далеко не одно и то же, и мы не имеем никаких оснований замалчивать губительную для рабочего класса политику реформистских бюрократов.

3 конгресс Профинтерна поставил проблему единства во весь рост, связав ее с борьбой против международного реформизма.

«Ни на минуту не прекращая — говорит резолюция 3 конгресса — своей решительной борьбы со всякими проявлениями реформизма в международном рабочем движении, беспощадно вскрывая всю предательскую его сущность, неутомимо раз'ясняя это всем рабочим, не понявшим еще сущности реформизма, как тормоза в освободительной борьбе пролетариата, 3 конгресс считает, в интересах концентрации пролетарских сил и единого руководства борьбой рабочих против экономического наступления капитала и фашистской реакции, наиболее актуальной задачей своей деятельности развитие широкой кампании в рабочих массах за единство международного профессионального движения. Эта кампания за единство, в первую голову и главным образом снизу, развиваемая в широких массах, должна поставить перед ними во весь рост и с полной отчетливостью вопрос о создании единого Интернационала профсоюзов. Одним из следующих шагов в этом направлении, после соответствующей подготовки масс мог быть созыв об'единительного интернационального конгресса профсоюзов, на котором должны быть представлены организации, примыкающие к обоим Интернационалам (Москва или Амстердам) на основе пропорционального представительства, для выработки общего устава и создания исполнительных органов нового Об'единенного Интернационала. Конгресс считает, что только этим путем можно осуществить одновременное и полное влияние параллельных организаций».

Предлагая Амстердамскому Интернационалу восстановить единство, мы ни на минуту не забывали о той пропасти, которая отделяет реформизм от коммунизма. Для того, чтобы организовать оборону и затем перейти к успешному наступлению, необходимо добиться максимальной концентрации пролетарских сил, необходимо восстановить единство национального и мирового профдвижения. Мы готовы на это пойти по той простой причине, что все время были за единство. Вряд ли можно сомневаться в том, что восстановление единства в мировом профессиональном движении будет громадным шагом вперед в борьбе рабочего класса за свое освобождение. Чтобы сделать этот шаг вперед, мы готовы пойти на всевозможные организационные уступки, компромиссы. Единство мирового профессионального движения стоит этого.

Борьба с уклонами.

Наша борьба за единый фронт и единство профдвижения встретила противодействие не только со стороны амстердамцев, но и в наших собственных рядах, на левом фланге рабочего движения.

С откликом былых настроений нам пришлось иметь дело во время 3 конгресса Профинтерна. Надо сказать прямо, что на кон-

грессах Коминтерна и Профинтерна вопрос этот вызвал противодействие, при чем противодействие это об'ясняется, главным образом, тем, что противники этого лозунга не додумали до конца тактику Профинтерна и Коминтерна в профдвижении. Особое противодействие это встретило со стороны части германской делегации, которая усмотрела в лозунге слияния двух Интернационалов «оппортунизм» и даже «меньшевизм». Почему коммунисты с реформистами могут быть в одной национальной организации и не могут быть в одной международной — сказать трудно. Те, кто высказывался против этого лозунга, сами того не замечая, отдавали тогда невольную дань раскольническим стремлениям, имевшим место в некоторой части немецких рабочих. Надо отдать справедливость Германской компартии, она очень быстро изжила старые настроения и проделала в последние 5—6 месяцев громадную работу по проведению в жизнь решений 5 конгресса Коминтерна и 3 конгресса Профинтерна.

После 3 конгресса Профинтерна в Германии часть коммунистов под руководством Шумахера, Кайзера и Вайера старались толковать решения этих конгрессов, как лозунг разрушения, а не завоевания союзов. В Германии процесс этот принял наиболее болезненный характер, потому что внутри партии были довольно сильные бойкотистские—по отношению к профессиональному движению—настроения, которые нашли свое выражение в конце 1923 года в массовом уходе из профсоюзов. Для коммунистической партии Германии стало вопросом жизни или смерти преодолеть те настроения, выразителем которых был Шумахер. Германское профессиональное движение является, пожалуй, наиболее централизованным и имеет самый мощный бюрократический механизм. Известно, что профессиональные союзы Германии являются важнейшим орудием социал-демократической, т.-е. буржуазной политики. Германские профбюрократы наиболее цинично попирают элементарные права членов профсоюзов и с неслыханной наглостью поддерживают буржуазию против рабочих, при чем поддержка идет вплоть до срыва стачки и экономических выступлений. Естественно, что на этой почве сложились бойкотистские настроения и стремление во что бы то ни стало создать свои, хотя бы и узко сектантские, но «чистенькие» союзы. Нужно ли говорить, что такого рода настроения находятся в противоречии со всей линией Коммунистического Интернационала и Красного Профинтерна? Нужно ли здесь указывать на то, что поддаться на провокацию социал-демократов и бежать из профсоюзов для того, чтобы открыть свою сектантскую лавочку, означает вести в профессиональном движении анти-ленинскую, антибольшевистскую линию? Германская коммунистическая партия, которая сделала шаг вперед на Франкфуртском партейтаге в апреле 1924 года, в смысле борьбы с бегством революционных рабочих из профсоюзов, после конгрессов Коминтерна и Профинтерна,—сделала дальнейший шаг, начав решительную борьбу против остатков бойкотизма. В этом отношении германская коммунистическая партия заняла совершенно правильную позицию, и все попытки Шумахера

цепляться за решения Коминтерна и Профинтерна являются заведомым шантажем.

Надо считать очень удачным постановление Центрального Совета германской коммунистической партии (19 октября 1924 года), в котором членам партии дается твердый срок для того, чтобы покончить с колебаниями в области профдвижения. Чем жестче партия нажимает на индивидуалистов и вольных стрелков, желающих вести «свою» самостоятельную линию, вместо линии Коминтерна и Профинтерна, тем скорее растет влияние и авторитет партии в широких массах.

Характерно, что кампания коммунистической партии за единство в профессиональном движении крайне обеспокоила профбюрократов Германии, которые рассчитывали отделаться от коммунистов благодаря неумной тактике бойкота профсоюзов и ухода из них. Ослабевшая было борьба за завоевание профсоюзов, после 5 конгресса Коминтерна и 3 конгресса Профинтерна вновь разгорелась с большей силой, ибо партия сумела преодолеть упадочное настроение и повести решительную борьбу внутри массовых профессиональных организаций за их завоевание.

Как мы мыслим себе восстановление единства.

Если подойти к проблеме единства серьезно, то совершенно, очевидно, что все страхи его противников ни на чем не основаны. Наше желание единства нужно доказать делами, а предложение о созыве Международного Конгресса Единства является лучшим доказательством того, что для нас единство не пустая фраза и не маневр, как это думают некоторые «хитроумные» товарищи. Мы ни в какой мере не боимся очутиться в одной международной организации с теми, кто нашей программы не признает. Наша программа признана историей, и она будет в конечном счете признана всем рабочим классом. Этого совершенно достаточно для того, чтобы мы не боялись открыто вести борьбу за свои идеалы на широкой арене Об'единенного Интернационала.

Предложение единства не есть, как это думают некоторые товарищи, верхушечная комбинация между руководителями Профинтерна и Амстердамского Интернационала. Нет, такие вещи не делаются путем верхушечных комбинаций. Единство мирового профдвижения может быть установлено в том случае, если нам удастся поднять десятки миллионов пролетариев, заинтересовать их в этой кампании.

Некоторые товарищи спрашивают с опаской: «Ну, а что будет, если Амстердамский Интернационал примет ваше предложение и согласится на Международный Конгресс Единства?» На это мы отвечаем: «Прекрасно, мы первые будем рады, если Амстердамский Интернационал примет это предложение, ибо наша резолюция об единстве имеет своей задачей реализовать это единство». «Ну, а если вы в Об'единенном Интернационале будете в меньшинстве?»,— спрашивают те же товарищи.—«Если мы будем в меньшинстве, мы

будем бороться за большинство, при чем мы надеемся это большинство завоевать». «Вы готовы пойти на Международный Конгресс Единства без каких бы то ни было предварительных условий?» продолжают у нас спрашивать все те же опасающиеся оппортунизма товарищи. «Да, мы готовы итти на Международный Конгресс Единства без всяких предварительных условий. Соотношение сил на Об'единительном конгрессе определит программу и тактику нового Интернационала». «А если амстердамцы поставят предварительные условия, тогда что?»—«Переговоры покажут.—если таковые состоятся,—какие из предварительных условий, выставленных обеими сторонами, приемлемы для обеих сторон, и какие нет. Рабочая масса нас рассудит». «А если амстердамцы откажутся от каких бы то ни было переговоров об единстве?» допытываются товарищи. «Если они откажутся, тем хуже для них. Мы от нашей борьбы за единство не откажемся. Амстердамцы не хотели единого фронта, но из-за этого мы не отказались от единого фронта. То же самое и в этом вопросе».

Борясь за единство профессионального движения в каждой стране, мы этим самым боремся и за единство международного профессионального движения. Хотя в этой области работы проделано еще не много, но зато удалось почти уже столковаться по вопросу, который непосредственно после 5 конгресса Коминтерна и 3 конгресса Профинтерна, возник в нашей кампании за единство. Нужно ли выставлять ультимативную платформу и поставить единство в зависимость от принятия этой платформы амстердамцами? Такую точку зрения отстаивали наши немецкие товарищи, которые считают необходимым выставить целый ряд требований (борьба за 8-часовой рабочий день, борьба против плана Дауэса и др.) и отказаться от восстановления единства международного профессионального движения, если амстердамцы от этой программы-минимум откажутся. Нам казалось с самого начала, что пред'явление ультимативных требований Амстердамскому Интернационалу является нецелесообразным. Когда немецкие товарищи ведут кампанию за вступление в немецкие союзы, то они разве ставят свое вступление в союз в зависимость от перемены профсоюзной бюрократией своей политики? Правда, здесь в кампании за единство международного профессионального движения дело идет не о вступлении в Амстердамский Интернационал, а о слиянии двух Интернационалов. Но как мыслим мы себе это слияние?

Предварительным условием для восстановления единого Интернационала является воздействие масс на Амстердамский Интернационал и примыкающие к нему организации, чтобы прекратился саботаж единого фронта, были прекращены исключения, обратно приняты исключенные и т. д. Дальше необходимо созвать совещание из равного количества представителей от обоих Интернационалов — скажем, по 15 с каждой стороны — для того, чтобы выработать условия созыва национальных и международных конгрессов Единства. Совещание из представителей обоих Интернационалов создает пари-

тетную комиссию для созыва международного с'езда Единства. Эта комиссия делает всю подготовительную организационную работу. На конгрессе принимают участие все организации, примыкающие к обоим Интернационалам, а равно и профсоюзы, не примыкающие ни к одному Интернационалу, но заявляющие о своей готовности подчиниться решениям Об'единительного Конгресса. До Об'единительного Конгресса, или на самом конгрессе Профинтерн и Амстердамский Интернационал заявляют, что они растворятся в Об'единенном Интернационале. Международный Конгресс Единства вырабатывает новые статуты, намечает линию своей деятельности и выбирает исполнительный орган. Еще до конгресса договаривающиеся стороны заявляют, что они подчинятся решению с'езда, будут сохранять организационное единство Об'единенного Интернационала при свободе идейной борьбы и агитации. Что может быть более демократического, чем такой способ восстановления единства? Революционные союзы заранее заявляют, что они останутся в этом новом Интернационале и будут соблюдать дисциплину в борьбе против буржуазии и в праве ожидать от Амстердамского Интернационала и примыкающих к нему организаций такого же заявления. Только таким путем можно восстановить единство мирового профессионального движения. Все же шитые белыми нитками комбинации амстердамцев только запутают вопрос и отдалят в туманную даль восстановление единства национального и международного профдвижения.

Мы настаиваем на международном конгрессе Единства, для того, чтобы разрубить запутанный узел, для того, чтобы предоставить массам решить вопрос, кто имеет большинство в международном рабочем движении. Мы не боимся поставить этот вопрос на суд широких масс. Более того, мы предлагаем такой же путь и для восстановления единства в национальном масштабе. Возьмем, например, Францию. Здесь существуют две параллельные Конфедерации Труда. Реформистская Конфедерация Труда утверждает, что она имеет 750 тысяч членов. Унитарная Конфедерация насчитывает 480 тысяч. Если цифры эти верны, то почему же реформистская Конфедерация Труда категорически отказывается от с'езда на основе пропорционального представительства? Им ведь заранее обеспечена победа? Если бы у них была уверенность в победе, то вряд ли они категорически отказывались бы от Конгресса Единства. А между тем, как руководители Амстердамского Интернационала думают восстановить единство? Французские реформисты предлагают «единство снизу», т.-е. чтобы революционные союзы вошли в реформистские союзы в виду «легитимистского» характера последних. Но ведь это не серьезно? Да и почему это называется единством снизу? Настоящее единство снизу будет заключаться в том, если все члены реформистской и Унитарной Конфедерации Труда будут на основании всеобщего избирательного права выбирать на Об'единительный С'езд, который разрешит суверенно все вопросы. Если бы мы применили такой же принцип и в Чехо-Словакии, в Румынии, Юго-Славии, Испании и т. д., мы бы создали действительное единство. Мы спра-

шиваем, почему такого рода предложения неприемлемы для Амстердамского Интернационала и примыкающих к нему организаций? Есть только одно об'яснение этого вопроса. Реформисты хотят быть в большинстве всегда, независимо от степени своего влияния. И если исходить из этой точки зрения, тогда, конечно, позиция амстердамцев правильна. Кто хочет быть всегда в большинстве и стоять вопреки воле масс—во главе организации, тому не следует поставить свою судьбу в зависимость от выборов. Но если дело обстоит так, а оно именно так и обстоит,—зачем же тогда амстердамцы болтают о демократических принципах? Для того исключительно, чтобы дело запутать. Если напустить побольше туману,—так рассуждают амстердамцы,—то рабочие не заметят самого главного, и нам и дальше удастся удержаться у власти в профсоюзах.

А так как мы не хотим тумана в этом вопросе, желаем создать максимальную ясность, мы выдвигаем лозунг,—*слияние раскололого профессионального движения через международный и национальные Конгрессы Единства.*

Допустим, что после большой подготовительной работы в массах амстердамские бюрократы будут вынуждены согласиться на международный с'езд. Ясно, что на этом международном с'езде будет бороться несколько точек зрения: ясная коммунистическая платформа, которая об'единит всех сторонников Профинтерна, правое и левое крыло амстердамцев. Какая-нибудь из этих платформ будет иметь большинство. Если большинство будут иметь амстердамцы, то естественно, что будет принята их резолюция и устав. Если бы мы заявили, что останемся в Амстердамском Интернационале только, скажем, в том случае, если большинство выскажется против плана Дауэса или за разрыв с буржуазией, то этим самым мы сделали бы наше совместное пребывание с реформистами в одном Интернационале невозможным. Тогда незачем было огород городить и принимать резолюции об единстве. Дискуссия, происшедшая по этому вопросу в германской и французской коммунистической прессе, привела к значительной ясности. Мы не ставим предварительных условий для переговоров и не ставим создания единого Интернационала в зависимость от принятия реформистами нашей или вообще более или менее левой платформы. Мы стремимся к созданию единого Интернационала, заведомо зная, что в нем будут реформисты, сторонники плана Дауэса, сторонники коалиции с буржуазией. Дело пролетариата в каждой стране, а затем в международном масштабе—с этой соглашательской политикой покончить, но покончить с ней можно не на международном конгрессе, а в ожесточенной борьбе внутри национальных и международных организаций.

От чего и от кого зависит темп восстановления единства? Прежде всего, это зависит от той энергии, которую развернут революционные союзы и коммунистические партии в борьбе за единство. Но больше всего это, конечно, зависит от воли широких пролетарских масс. Надо прежде всего сломить существующую в значительной части Амстердамского Интернационала волю к дальнейшему рас-

колу и распылению профессионального движения. Каждый рабочий, к какой бы организации он ни принадлежал, должен ответить на вопрос, хочет ли он единства профессионального движения или он за существование параллельных Интернационалов. И если он хочет единства, он должен уметь заставить своих руководителей подчиниться и это единство проводить в жизнь. Безразличное отношение к этому вопросу означает помощь раскольникам. Кто не борется за единство профессионального движения, тот развязывает руки реформистам в распылении профессиональных союзов. Кто не выступает активно по этому вопросу, тот является орудием в руках безответственной профбюрократии. Если бы восстановление единства профсоюзов зависело только от нас, т.-е. от сторонников Профинтерна, то мы бы восстановили единое профдвижение в очень короткий срок. Но так как это зависит от реформистов, то возможно, что благодаря их саботажу дело затянется. Но как бы ни отнеслись к этому вопросу реформистские бюрократы, как бы они ни саботировали единство мирового профдвижения—Коминтерн и Профинтерн, ни перед чем не останавливаясь, будут итти намеченной дорогой и добьются, вопреки саботажу реформистов, восстановления единства национального и международного профдвижения.

ЛЕКЦИЯ XI.

Соотношение сил реформистского и революционного профдвижения и его перспективы.

Силы Профинтерна.

В прошлых лекциях мы останавливались на тех стоящих перед рабочим классом основных вопросах, различное отношение к которым делит международное профессиональное движение на несколько лагерей. Попробуем теперь оценить удельный вес и сравнить реальную силу каждого из существующих Интернационалов. Я уже указывал, что отличительная черта Профинтерна заключается в том, что часть его армии находилась и находится внутри рядов реформистского интернационала профсоюзов.

Профинтерн имеет 8 типов примыкающих к нему организаций:

1. Обще-профессиональные центры, охватывающие все профдвижение данной страны (Россия — 6.400.000 членов профсоюзов; Болгария — 40.000; Греция, Египет — 50.000; Персия — 20.000; Эстония —25.000, и т. д.).

2. Обще-профессиональные или районные революционные центры, существующие параллельно с реформистскими центрами и ведущие с ними борьбу, при чем наши организации сильнее реформистских (Франция — 480.000; Чехо-Словакия — 300.000; Юго-Славия — 100.000; Ява — 35.000 и т. д.).

3. Обще-профессиональные центры, играющие в сравнении с реформистским профдвижением своей страны небольшую роль (Голландия — 20.000; Бельгия — 12.000, Германия — 150.000; Соединенные Штаты— 25.000 и т. д.).

4. Обще-профессиональные центры, стоящие на платформе Профинтерна, но из-за белого террора не примыкающие к нему (Финляндия — 50.000; Румыния — 60.000 и т. д.).

5. Отдельные, не входящие в обще-профессиональные центры своей страны, независимые союзы и союзы исключенных.

6. Меньшинства внутри реформистских союзов, об'единенные под непосредственным руководством комфракции (Германия, Япония, Италия, Швеция, Дания и т. д.).

7. Оппозиционные блоки (движение меньшинств), об'единяющие все левые элементы, находящиеся внутри и вне реформистских

и анархо-синдикалистских союзов (Соединенные Штаты, Великобритания, Испания, Австрия, Аргентина, Мексика и т. д.).

8. Наконец, левые элементы, об'единенные в Советы безработных (Англия), Комитеты старост и проч., поддерживающие обычно политику Профинтерна.

Эта пестрая организационная структура рядов наших сторонников не дает возможности точно статистически определить количество членов Профинтерна. Приходится приводить для целого ряда стран приблизительные цифры, которые меняются с каждым днем в нашу пользу. Главное то, что нет ни одной страны и ни одной серьезной рабочей организации в мире, где бы Профинтерн не имел своих сторонников.

Силы Амстердамского Интернационала.

Теперь перейдем к рассмотрению состава Амстердамского Интернационала. Руководители Амстердамского Интернационала вначале выступали от имени 25 миллионов членов, затем они говорили от имени 20 миллионов, сейчас, по данным, представленным венскому с'езду, Амстердамский Интернационал формально об'единяет 16½ миллионов человек. Нам в свою очередь неоднократно приходилось отмечать, что эта цифра — статистический мираж, что такого числа членов Амстердамский Интернационал не имеет. Если подойти к цифрам исключительно формально, то данное количество еще, пожалуй, можно насчитать, но если смотреть на дело по существу, то получится нечто другое. Как уже было сказано, Амстердамский Интернационал, по преимуществу, об'единение европейское. В Германии он насчитывает 6.536.725 членов, но на самом деле из них имеется не меньше 3 миллионов сторонников Профинтерна. В Англии он насчитывает 4.369.268, но к этой цифре приходится внести ту поправку, что из этого количества имеется не менее 10 — 12% сторонников Профинтерна (национальное движение меньшинства), и что левое крыло в английском профдвижении охватывает во всяком случае не меньше половины членов тред-юнионов. В Австрии Амстердамский Интернационал насчитывает 1.079.949 членов, но оппозиционный блок, состоящий из наших сторонников, имеет более 5% этого количества. В Бельгии, в реформистских союзах имеется 618.871 членов, здесь наши сторонники составляют приблизительно от 8 до 10%. Далее, в Болгарии, по утверждению Амстердамского Интернационала, последний об'единяет 14.000 членов, а на самом деле реформистские союзы об'единяют там максимум 1.000 человек. В Дании реформисты имеют 233.166 членов, из которых 10% сторонников Профинтерна. В Испании в реформистском об'единении имеется 201.085 членов, из которых около 25% сторонников Профинтерна, при чем в Испании имеется налицо два параллельных профцентра: один реформистский, а другой революционно-синдикалистский, и сторонники Профинтерна имеются в обеих организациях. В общем можно сказать, что в обеих Конфедерациях Испании мы имеем теперь (конец 1924 года) около 50% своих сторонников. Во Франции Амстердам-

ский Интернационал насчитывает всего 757.847 членов, а на самом деле в то время, как Унитарная Конфедерация Труда имеет 480.000 членов, реформистская Конфедерация Труда имеет максимум 250.000 членов. Венгрия имеет 167.242 организованных рабочих, но здесь имеется очень серьезная оппозиция, которая, судя по бешеным выступлениям социал-демократической и черносотенной прессы, играет серьезную роль в венгерском профдвижении. В Италии в настоящее время осталось, вероятно, благодаря фашистским погромам не более 250 — 300 тысяч организованных рабочих, из которых не менее 50% стоят на платформе Профинтерна.

Норвегия вышла из Амстердамского Интернационала и не вступила в Профинтерн, — она находится по дороге между ними, и пока что, этот вопрос еще не разрешен. Голландия имеет сейчас 182.893 члена в реформистских профсоюзах; среди них наши сторонники в небольшом количестве. В Польше 369.991 организованных рабочих, из которых не меньше половины за нами, хотя точно наше влияние там, трудно определить из-за белого террора и разгрома союзов. В Швеции имеется 313.000 членов профсоюзов, из которых 15% — сторонники Профинтерна. Швейцария имеет 155.000, при чем 25%—наши сторонники. В Чехо-Словакии реформистское об'единение охватывает 388.294 члена, но сейчас это количество не превышает 300 тысяч, и, кроме того, сторонники Профинтерна внутри этих союзов имеют за собой не менее 25—30%. В Канаде 152.500 членов, при чем 40% членов этих союзов стоят на нашей точке зрения.

Таким образом, если подсчитать наши силы, пользуясь цифровыми данными самого же Амстердамского Интернационала, то количество его членов, примыкающих идейно-политически к нам, выразится в 30 — 35%.

Но мы уже знаем, что Амстердамский Интернационал не охватывает всех стран. Так, в нем совершенно не представлены целые континенты (Америка, Азия, Австралия). В целях правильного учета наших сил, я остановлюсь на тех странах, союзы которых не входят в Амстердамский Интернационал.

Из европейских стран в синдикалистском об'единении Голландии мы имеем 15 тысяч наших сторонников, в Португалии из 40 тысяч членов анархо-синдикалистского об'единения мы имеем около 30.000 сторонников. В Румынии — большинство на нашей стороне. Дальше, эстонские профсоюзы целиком за нас. В Греции подавляющее большинство за Профинтерн.

В Соединенных Штатах Америки имеется Американская Федерация Труда, ввиду «левизны» последнего. Влияние Лиги Профессиональция Труда, которая не примыкает к Амстердамскому Интернационой Пропаганды, примыкающей к Профинтерну, охватывает около 2 миллионов организованных рабочих.

Дальше, в Мексике мы имеем около 30 тысяч наших сторонников, в Аргентине — около 40 тыс., в Чили — 60 тыс., в Уругвае — приблизительно — 15 тыс.

Остановлюсь на Азии. Из стран, входящих в состав СССР, отмечу только Бухару и Хиву, где имеются небольшие наши об'единения. В Голландской Индии мы насчитываем 35 тысяч наших сторонников, в Персии — 20 тысяч, в Турции — число наших сторонников не поддается учету ввиду разгрома наших союзов. В Японии — 50 тысяч, в Китае около 100 тысяч организованных рабочих связаны с нами. В Зеландии — около 50 тысяч членов профсоюзов стоят на платформе Профинтерна. В Австралии от 200 до 250 тысяч членов профсоюзов высказались за платформу Профинтерна; остальные не заняли еще окончательной позиции.

Надо к этому прибавить Кубу, Филиппины, Корею и т. д. Нет ни одной колониальной или полуколониальной страны, где бы Профинтерн не имел на своей стороне серьезные группировки сторонников. Далее, в Индии, которая охраняется английским империализмом, как «зеница ока», Профинтерн имеет серьезные группы сторонников. Мы не можем точно установить их количество, потому что сношения с Индией крайне затруднены, но о том, что они имеются, это видно из той революционной борьбы, которую ведет против английского империализма ряд рабочих союзов.

Таким образом, хотя Амстердамский Интернационал формально об'единяет больше рабочих, чем Профинтерн, но зато — что особенно важно — сторонники последнего представлены во всем мире, почему Профинтерн и является в настоящем смысле слова Интернационалом.

Подсчет сил по производственной, вертикальной линии даст нам следующую картину: мы имеем у транспортников половину, у металлистов около половины, у строителей около 40 — 50%, у деревообделочников — больше половины, у кожевников — приблизительно около 40% членов — нашими сторонниками.

Тенденция развития Профинтерна.

Таким образом, мы имеем перед собой два Интернационала, количественное соотношение сил которых можно охарактеризовать следующим образом: Амстердамский Интернационал об'единяет формально 16½ миллионов членов, основа его — английские и немецкие союзы. Из этих 16½ миллионов не менее одной трети—политически с нами. Если принять это во внимание, то силы Профинтерна и Амстердамского Интернационала уравновешиваются.

Если графически, с точки зрения формальной статистики, изобразить в виде двух линий эти два Интернационала, то получается, что линия Амстердамского Интернационала выше, а наша ниже, но тенденция развития Амстердамского Интернационала и Профинтерна, если взять последние годы, отличается тем, что количество членов Амстердамского Интернационала все время сокращается, а Профинтерна все время растет. При этом, так как наши союзники более активны — на то они и революционные — то независимо от того, что они представляют собой в общем масштабе количественно меньшую цифру, они являются политически более влиятельными:

удельный вес их больше, ибо они являются более сплоченными, не раздираемыми национальными противоречиями и специфическим корпоративно-цеховым соперничеством, организациями.

Силы Профинтерна еще потому больше, что Амстердамский Интернационал внутри наших организаций не имеет своих сторонников, а мы их внутри Амстердамского Интернационала имеем.

Далее, если исключить из Амстердамского Интернационала тех, которые стоят на нашей платформе, то оставшиеся распадаются по вопросу об единстве с нами и об едином фронте на два лагеря. Представители левого течения — Персель, Фиммен и другие — считают необходимым об'единиться с нами для борьбы, правое же крыло резко и категорически не только против единства профдвижения, но также и против единого фронта. Каково соотношение сил между правым и левым крылом Амстердамского Интернационала? Если к вопросу подойти формально, то получится следующее: английские профсоюзы находятся на левом фланге, а все остальные — на правом. Но такой подход был бы слишком поверхностным. Амстердамский Интернационал в настоящее время глубоко потрясен внутренней борьбой, несмотря на то, что она во-вне не приняла еще особенно острых форм. Силы правого и левого крыла приблизительно уравновешиваются. Если же к левому крылу присоединить наши революционные меньшинства внутри Амстердамского Интернационала, то правое крыло окажется в явном меньшинстве. Таким образом, Амстердамский Интернационал, за вычетом наших сторонников, раздирается противоречиями национально-империалистическими—с одной стороны, и политическими—с другой. Положение в Амстердамском Интернационале сейчас таково, что борьба внутренняя делает его совершенно неспособным к каким бы то ни было действиям. Естественно, что при таких условиях можно довольно легко определить: удельный вес какой организации больше — Амстердамского Интернационала или Профинтерна?

Здесь мы можем сослаться на самих амстердамцев.

В наши руки в 1923 году попала схема, которая изображает коммунистическое влияние в мировом профессиональном движении. Эту схему выработало Обще-германское Об'единение Профсоюзов и предложило Амстердамскому Интернационалу для опубликования, но последний решил эту схему не опубликовывать, чтобы не создавать рекламы Профинтерну и Коминтерну. В этой схеме Коминтерн и Профинтерн изображены в виде паука, опутывающего своей паутиной весь мир, захватывая профсоюзы, союзы фронтовиков, союзы безработных, работников спорта, кооперативов, фабрично-заводские комитеты, юношеское движение, союзы инвалидов, движение квартиронанимателей, больничные кассы и т. д. Все формы рабочего движения покрыты этой самой коммунистической «паутиной». Все это хорошо изображено на этой схеме.

Такова оценка нашей деятельности нашими противниками. Так как они не заинтересованы в преувеличении наших сил, а совсем наоборот, то лучшей похвалы нашей работе нам и не надо.

Есть еще один момент, на который нужно обратить внимание — это тенденция развития мирового профдвижения. Если статистика мирового профдвижения, его внешнее численное выражение пока еще формально против нас, то какова динамика движения, в каком направлении идет его развитие?

Здесь мы можем сослаться на определенные исторические факты. Профинтерн возник четыре с половиною года тому назад. За Профинтерном нет старых традиций. Это — новая организация. Каковы же результаты этой более чем четырехлетней работы? — Мы были в течение долгого времени блокированы, мы еще и сейчас блокированы, потому что легально выступать в Европе Профинтерну трудно. В Венгрии, Румынии, Югославии, Финляндии, Италии и в других странах полиция терроризирует и громит организации, примыкающие к Профинтерну. И вот, несмотря на колоссальный аппарат буржуазии, направленный против работы революционных профсоюзов, несмотря на то, что все возможности решительно на стороне и в руках Амстердамского Интернационала, несмотря на все это, происходит постоянное понижение влияния последнего и вместе с тем — постоянный рост влияния Профинтерна. Это об'ясняется правильностью нашей политической линии и правильным учетом соотношения сил рабочего класса и буржуазии. Мы можем совершенно определенно сказать, что развитие международного рабочего движения идет по линии упадка Амстердамского Интернационала и роста Профинтерна. Борьба Профинтерна за единство приведет в конце концов к созданию единого Интернационала. Оба Интернационала растворятся в новом Об'единенном Интернационале. Но этот новый Интернационал будет проникнут духом классовой борьбы, а не классового сотрудничества, т.-е. будет проникнут духом Профинтерна.

Такова логика развития исторических событий, против которой амстердамцы ничего не могут сделать.

Анархо-синдикалистский Интернационал.

Исчерпывается ли обоими Интернационалами, на которых я так подробно останавливался, все то, что имеется в международном профессиональном движении, все имеющиеся течения? Или же есть еще какие-нибудь ручейки рядом с этими громадными потоками? — Имеется еще одна организация, которая претендует на руководство международным профессиональным движением. Эта организация называет себя «Международным Товариществом Рабочих», т.-е. она присвоила себе то название, которое имел первый Интернационал, основанный Марксом, и это единственно положительная черта в этом так называемом Интернационале. Организация эта возникла в конце 1921 года по инициативе немецких синдикалистов.

Почему возник этот Интернационал? Он возник как оппозиция коммунистическому курсу Профинтерна. Этот Интернационал против нашего ловунга — «диктатура пролетариата», против нашей

политики, против наших методов и способов борьбы, против нашего блока с коммунистическими партиями, и против Коминтерна и СССР.

Оппозиция против нашей линии имеется и в Испании, и среди французских синдикалистов, и среди «Индустриальных Работников Мира» Соединенных Штатов, и среди синдикалистских организаций Южной Америки. Кроме того, имеются еще небольшие группы итальянских, немецких, голландских и шведских синдикалистов.

Эти анархо-синдикалистские группировки выступают против Профинтерна с несколькими обвинениями. Первое — это связь Профинтерна с Коминтерном, второе — его политический уклон, третье—обвинение в том, что Профинтерн выдвигает, как один из важнейших лозунгов, диктатуру пролетариата, четвертое — в том, что он за революционное насилие, пятое — что он поддерживает Советский Союз и т. д.

Отличительная черта анархо-синдикализма послевоенного периода заключается в том, что от его довоенной идеологии не осталось и следа. Война и революция внесли колоссальные изменения в анархо-синдикалистские организации. Среди них образовалось течение, которое высказывается за диктатуру пролетариата... Часть анархо-синдикалистов перешла к коммунистам, часть высказывается за сотрудничество с коммунистами. Таким образом, этот период кризиса идей коснулся довольно основательно и всего анархо-синдикалистского крыла мирового профдвижения и внес в его ряды величайшую внутреннюю путаницу, разложение и крайнюю пестроту.

Надо отметить, что среди всех этих анархо-синдикалистских группировок только небольшая часть твердо осталась на старой точке зрения. Отличительная черта этой последней заключается в том, что ни война, ни революция на нее не повлияли. Может быть, это и добродетель, но в данный момент очень сомнительная добродетель. Они стремились создать свой «Интернационал» на основе довоенного «чистого» синдикализма, будучи как и раньше уверены, что только профсоюзы являются революционными организациями, а все остальные организации, в том числе и коммунистические, лишь исполнители воли господствующих классов.

Что представляет собою этот Интернационал?

Он охватывает немецких синдикалистов, — 30.000, затем анархо-синдикалистов Испании — приблизительно 100.000, затем меньшинство португальской Конфедерации Труда — около 10.000 человек, меньшинство в Унитарной Конфедерации Труда — 25.000, наконец, отдельные небольшие группы в Швеции — 15 — 20 тысяч человек, в Голландии — около 5.000, и отдельные небольшие группки и небольшие организации в южно-американских странах: в Аргентине, Мексике и Бразилии. Вот все силы анархо-синдикалистского Интернационала. Его платформа, принятая на учредительном конгрессе, характеризуется теми чертами, о которых я уже говорил.

Насколько плохи дела этого так называемого «Интернационала»,

видно из того, что во всех странах количество его членов быстро идет на убыль. Еще год тому назад анархо-синдикалисты имели большинство в Испании и в Португалии. Сейчас они в этих странах уже в меньшинстве, хотя и держат в своих руках союзный аппарат. Во Франции анархо-синдикалистское меньшинство имело в 1922 г. (июнь) на с'езде в Сент-Этьене одну треть, в 1923 году (ноябрь) на с'езде в Бурже они имели одну четверть, к концу 1924 года они имеют в Унитарной Конфедерации Труда только одну шестнадцатую часть членов. Вот это планомерное уменьшение влияния заставило французских анархо-синдикалистов пойти на раскол. Они начали кампанию за «автономию» союзов, организовав одновременно свою третью Конфедерацию Труда. Теперь, эта третья Конфедерация создана под именем «Федеративного Об'единения автономных профсоюзов Франции». Этот новый раскол вызвал горячий протест всех союзов, во главе которых стоят анархо-синдикалисты, и нетрудно предвидеть, что эти анархо-синдикалистские авантюры будут в ближайшие месяцы ликвидированы, несмотря на то, или скорее именно потому, что во главе нового раскола стоит анархистский союз Франции и его орган «Либертер». Насколько «велико» влияние этого Интернационала, показывает тот факт, что Индустриальные Работники Мира Америки выразили на своем последнем конгрессе (октябрь 1924 года) сомнение в самом существовании этого Интернационала. Для характеристики этого Интернационала нужно еще отметить, что одну из руководящих ролей в нем играют представители «анархо-синдикалистского меньшинства профсоюзов России». Правда, на территории СССР никто об этом «меньшинстве» не слышал. Ни один советский профсоюз не подозревает даже о существовании такого рода меньшинства, а между тем в анархо-синдикалистском Интернационале заседает парочка эмигрантов, которые выступают там от имени русских (?) революционных (?) рабочих.

В каждом Интернационале одна сторона играет руководящую роль — это определяет физиономию данного международного об'единения. В Амстердамском Интернационале эту роль играют английские профессиональные союзы, в Профинтерне руководящую роль играет профессиональное движение СССР: кто же играет руководящую роль в анархо-синдикалистском Интернационале? — Там эту роль играет синдикалистско-толстовская организация Германии. Руководство этим Интернационалом принадлежит немецким синдикалистам, преимущественная особенность которых — исключительная пассивность. Что делают немецкие синдикалисты, чем они занимаются? — Они занимаются проповедью самоусовершенствования, они проповедуют непротивление злу, непротивление насилию, занимаются защитой русских анархистов, «обиженных» Советской властью, и нападают на Советскую власть за все совершенные ею «преступления». Одним словом, эти люди занимаются, с одной стороны, самоусовершенствованием, а с другой—не только безвредной, но и выгодной для буржуазии агитацией.

Они принципиально стоят за раскол профессиональных союзов.

вылавливая из них наиболее «чистые», наиболее революционные, с их точки зрения, элементы. Немецкие синдикалисты так же опасны для немецкой буржуазии, как, например, общество «Эсперанто», или «О-во любителей катанья на коньках». Такие общества, может быть, и очень полезные, но, во всяком случае, для буржуазии они не представляют никакой опасности. Из этой характеристики руководящей организации в анархо-синдикалистском Интернационале можно сделать вывод и о всем Интернационале. Этот Интернационал организовался исключительно только для отрыва определенной части профсоюзных элементов от Профинтерна, его задача — борьба против Профинтерна и русской революции. Но к несчастью для этого Интернационала и к счастью для международного рабочего движения, он охватывает очень небольшое количество рабочих. Во всем мире можно насчитат максимум 200 — 250 тысяч рабочих, находящихся под влиянием анархо-синдикалистских организаций. Этот Интернационал абсолютно никакой роли в борьбе, в тех грандиозных битвах, которые сейчас происходят, не играет. И сам по себе этот Интернационал, отражая слабость и политическую невыдержанность, отсталость отдельных своих членов, представляет собою скорее «международное общество любителей анархо-синдикалистской словесности», чем международное товарищество рабочих.

Католические, протестанские, и другие рабочие союзы.

Для полноты картины мирового профдвижения необходимо остановиться еще на тех союзах, которые ни в какой мере не связаны хотя бы даже и словесно с социалистической идеологией.

Прежде всего, каково происхождение этих союзов? — Мы имеем здесь попытки буржуазных классов оказать влияние на рабочие массы и укрепиться в рабочих организациях. Правда, эти союзы везде не очень сильны, но определенную роль они, конечно, играют. Возьмем, скажем, Германию. В Германии рядом с реформистскими союзами мы имеем около 1 миллиона рабочих, организованных в католические союзы; мы имеем там также около 400 тысяч рабочих, входящих в Гиршдункеровские (либеральные) союзы. В Италии, также имеются католические союзы.

В некоторых странах эти союзы играют значительную роль, как, например, в Голландии. Там шесть обще-профессиональных центров: об'единение реформистских союзов (200.000 членов), католических (150.000), евангелических (80.000), демократических (50.000); затем синдикалистское об'единение, состоящее на платформе Профинтерна, приблизительно с 15 — 20 тысячами членов, и еще одно об'единение, которое откололось от нас и примыкает теперь к анархо-синдикалистскому Интернационалу, с 5.000 членов.

Таким образом, в одной небольшой стране 6 небольших межсоюзных профорганизаций, среди которых, католическая, демократическая и евангелическая об'единяют вместе около 300.000 человек, т.-е. большинство организованных рабочих Голландии.

Почему каждая буржуазная партия стремится найти опору в рабочих массах — это понятно. Но почему последние идут в эти союзы?

В чем принципиальная основа, скажем, католических союзов? Основной принцип этих союзов заключается в формуле: «Долой классовую борьбу, любите друг друга». Формула «любите друг друга» играет в классовой борьбе совершенно определенную роль, ослабляя боеспособность рабочих организаций и превращая их в оружие политики господствующих классов. В воспитании, которое получают члены католических союзов, преобладает религиозное начало, которое имеет своей задачей искоренить само понятие классовой борьбы. Конфессиональные союзы стремятся связать политику и экономику с религией и подвести под требования рабочих некоторый религиозный, в частности католический или протестантский, фундамент. Во всех крупных классовых конфликтах организации эти играли и играют в настоящее время явно штрейкбрехерскую роль. Правда, были моменты, когда под воздействием рабочих масс руководители католических, протестантских и либеральных союзов вынуждены были вместе с другими организациями вступать в забастовку, но дело обычно кончалось тем, что руководители католических организаций стремились выйти из забастовки возможно скорее и этим дезорганизовывали ряды борющихся.

За последние два—три года мы замечали в католических союзах Германии, Италии и других стран процесс радикализирования. Он об'ясняется наступлением капитала, который бьет также и рабочих этих специфически мирных и соглашательских с буржуазией организаций. Такой же процесс радикализирования и полевения отмечается и в националистических профсоюзах (Чехо-Словакия, Польша и т. д.). Все это — результат нажима предпринимателей на широкие рабочие массы.

Следует также отметить здесь попытки со стороны фашистских партий всех стран создать свои рабочие организации. В наиболее широком масштабе эти попытки были сделаны в Италии. В начале фашистского режима было с помпой об'явлено, что больше миллиона рабочих организовано в «Конфедерацию национальных организаций», — так называлась фашистская профорганизация. Но теперь сами фашисты признают, что рабочих в их организациях нет. Это не мешает, конечно, фашистам других стран делать попытки к созданию своих организаций.

Анти-пролетарский характер всех этих организаций не требует доказательства. Вред их совершенно очевиден, но почему все-таки находятся определенные отряды рабочих, которые вступают в эти организации? Это зависит от двух причин: от неоднородного состава рабочего класса и степени идеологического воздействия буржуазии на рабочих. Прежде всего, рабочий класс не однороден. Отдельные слои его находятся на различных стадиях развития. Эти слои частью примыкают к мелкой буржуазии, частью — к крестьянству и к ремесленникам.

Естественно, что эти слои пролетариата проникнуты мелкобуржуазной, не пролетарской идеологией. С другой стороны, капитализм на протяжении многих десятилетий подвергал обработке индустриальный пролетариат. В период поступательного развития капитализма рабочие массы, непосредственно участвовавшие в создании и развитии капиталистической системы, чувствовали свою связь с ней. Рабочий является создателем капитализма и разрушителем его. Пока капитализм идет по восходящей линии, преобладает тенденция связи между рабочим классом и капиталистической системой. Когда капитализм начинает итти по нисходящей линии, связь эта разрывается, и в рабочем классе начинает преобладать момент отрицания капитализма и борьбы с ним. Надо принять во внимание, что вся так называемая культура современного общества (университеты, школы, печать, литература, философия, церковь и т. д.) не может не оказывать своего воздействия на рабочий класс. Дети рабочих учатся в школах буржуазии, проходят учебу по учебникам, составленным буржуазными профессорами; им прививают привязанность и любовь к своему отечеству, национальную гордость, уверенность в устойчивости современной системы, почтение к буржуазной собственности, возможность «выйти в люди» и разбогатеть путем бережливости и т. д.

Таким образом, неоднородный состав пролетариата, наличие различных слоев внутри его, влияние буржуазной идеологии—все это проявляется в виде различных идеологических группировок. Этим и об'ясняется, что существуют католические, демократические, протестантские и реформистске рабочие организации, наряду с коммунистическими. Практическая работа католических союзов мало чем отличается от работы реформистских, разве только в том, что первые часто говорят о боге, ну а реформисты говорят о Лиге Наций... Значит, вообще кто-то со стороны должен притти на помощь рабочему классу.

По существу тактика реформистских и католических союзов одна и та же. И не случайно мы в Германии имеем блок между реформистскими и католическими союзами, начавшийся еще до войны и продолжающийся и в настоящее время, блок не только по вопросам заработной платы, но и политический. Обе эти организации—католическая и реформистская—все время находят общую почву, ибо основной принцип их обеих—это классовое сотрудничество и беспощадная борьба против коммунизма.

Влияние буржуазной идеологии.

Такие анти-пролетарские по характеру деятельности и пролетарские по составу организации имеются во многих странах, но не все они обязательно носят реакционную вывеску. Американская Федерация Труда — реакционнейшая организация, лозунг которой—анти-коммунизм и анти-социализм. Чиновники Американской Федерации Труда называют себя независимыми, а на самом деле они целиком зависят от буржуазно-политических партий.

Известно, что в Америке, где анти-социализм достигает своего апогея, продажность тоже достигает свого апогея. Мы имели там такой случай, когда умерший руководитель желтого союза оставил наследство в 500 тысяч долларов, «накопленные» им за какие-нибудь 15—20 лет своего руководства. Конечно, деньги эти «вожди» получают не в виде жалованья, а от буржуазии, которая вознаграждает их за какое-нибудь удачное предательство интересов рабочего класса. Были доказанные случаи, когда руководитель союза—секретарь его—в определенный момент срывал стачку, получая за это определенное количество тысяч долларов. Некоторые предприниматели давали деньги для того, чтобы устраивать стачки у конкурентов и т. д. Мы имеем в Америке целую, придуманную буржуазией систему развращения рабочих руководителей для того, чтобы срывать классовую борьбу и направлять ее в другое русло.

Так, в настоящее время капиталисты очень умело используют увлечение ряда американских союзов устройством своих банков, многие предприниматели делают вклады в эти «рабочие» банки. Десятки рабочих лидеров состоят сейчас директорами смешанных банков и получают очень высокое жалованье, конечно, не из-за прекрасных глаз, а за те услуги, которые эти лидеры оказывали, оказывают и будут оказывать в борьбе против рабочего класса.

Часть лидеров американского рабочего движения открыто поддерживала на последних выборах Куллиджа. Председатель Американской Федерации Труда Гомперс [1]) является руководителем антибольшевистской Лиги. Вместе со своими лейтенантами он устраивает с руководителями фашистских организаций патриотическую неделю, которая должна пройти под лозунгом борьбы с коммунизмом. Надо отдать справедливость американской буржуазии: она очень ловко приручает руководителей профсоюзов, но не хуже ее действует испытанная европейская буржуазия. Не случайно Стиннес назвал один из своих пароходов именем руководителя реформистского профдвижения—«Легин». Не случайно руководитель германского Всеобщего Об'единения Профсоюзов Лейпарт принимал участие в похоронах Стиннеса, не случайно вся предпринимательская пресса Германии поддерживает руководителей реформистского профессионального движения против «разрушительных» тенденций коммунистов. А участие виднейших руководителей Амстердамского Интернационала в комиссиях при Лиге Наций и в Международном Бюро Труда, где они получают жирные проездные, прогонные и проч. Все это — явления одного и того же порядка. Влияние буржуазного государства в каждой стране, конечно, имеет свои особенности, каждая страна имеет свой метод развращения рабочего класса, при чем буржуазия каждой страны этот метод применяет для своих выгод довольно удачно. Но самая возможность оказывать воздействие на рабочие организации свидетельствует о том, что буржуазия имеет свои опорные пункты внутри рабочего же класса, как.

[1]) См. примечание на стр. 26.

скажем, мы—Профинтерн—имеем свои опорные пункты внутри Амстердамского Интернационала.

Сила буржуазии, таким образом, заключается не столько в ее армии, полиции и юстиции, сколько в том, что она умеет действительно идейно воздействовать и политически подчинить себе определенные слои рабочего класса и подорвать те организации, которые должны вести против нее борьбу. Ведь если мировая многомиллионная масса профсоюзов была бы настоящей сплоченной армией с определенной программой, то буржуазия была бы давно разбита вдребезги. Но именно потому мы не можем до сих пор разбить ее, что имеем не только элементы буржуазной идеологии внутри рабочего класса, но и ее организационные опорные пункты внутри профсоюзов. Трудности рабочего движения в том и заключаются, что нужно вычистить из рядов рабочего класса все эти организационные центры буржуазии. Чуть ли не поголовно весь состав реформистских руководителей заражен буржуазной идеологией. Нам нужно создать новые кадры вождей, которые чувствовали бы себя представителями борющегося за свое освобождение рабочего класса. Трудность создания новых кадров, очищения идеологии рабочего класса от буржуазного влияния, прививки широким массам и их руководителям революционных идей и представляют собой одну из причин, задерживающих победу революции во всем мире.

Перспективы развития проф-движения.

В заключение остановимся на перспективах развития мирового рабочего движения в целом. Та картина международного рабочего движения, которая была дана, на первый взгляд может показаться несколько пессимистичной: если буржуазия настолько сильна, что подчиняет себе рабочие организации, то можем ли мы преодолеть ее влияние? Каковы методы этого преодоления, и как мыслится нам дальнейшее существование и профсоюзов и всех остальных рабочих организаций? Для политических деятелей, для революционных борцов пессимизм и оптимизм при оценке исторических событий вообще не должны иметь места. Нужно марксистски подойти к вопросу, и тогда будет дан практический путь для преодоления лежащих перед нами трудностей.

Мы дали реальную оценку соотношения сил, мы видим, в чем наша слабость и в чем наша сила. Мы видим сопротивляемость наших врагов, видим наличие опорных пунктов буржуазии в нашей среде и должны выработать методы дальнейшей борьбы. Много ли пройдет времени, пока мы завоюем эту численно колоссальную массу и доведем ее до сознания ее собственных интересов—никто не может сказать. Длину пути нам не дано определить, мы можем только определить направление, а это—самое главное. Единственно, на что мы, марксисты, можем ответить, это — идет ли действительно рабочее движение по линии очищения от всего того, что его засоряло или нет. Мы можем на основании истекших нескольких лет сказать, что рабочий класс сделал колоссальный шаг вперед. Если

сравнить рабочее движение времени Великой французской революции с тем, что оно представляет собою сейчас, то мы можем смело сказать, что за семилетие Октября 1917 — 1924 г.г. международное рабочее движение сделало большие успехи, чем за период 1789 — 1917 г.г., т.-е. за 130 лет от Великой французской до нашей Октябрьской революции. Таким образом, с точки зрения исторической события идут с головокружительной быстротой. Нет никаких оснований думать, что поступательное движение приостановится. Правда, рабочее движение никогда не развивается по определенной линии. Есть приливы и отливы, есть победы, но есть и поражения. Но даже и поражения идут на пользу рабочему классу. После заминки, дезорганизации, рабочее движение снова идет вперед, и есть все основания думать, что толчек, данный мировому рабочему движению Октябрьской революцией, в гигантской степени ускорит процесс превращения международного пролетариата из класса для других в класс для себя.

Развитие рабочего движения должно привести к коренному изменению особенностей всех существующих рабочих организаций—кооперативных, партийных, профессиональных и т. п.

Что представляет собою политическая партия? Почему возникает политическая партия?—Это есть орган классовой борьбы. Она существует до того момента, пока существует классовая борьба, но когда класс исчезнет, когда развернутая форма коммунизма разольется по всему миру,—будут ли тогда существовать политические партии вообще и коммунистическая в частности? Нет. Таким образом, через определенный промежуток времени (мы не можем определить и выразить его в цифре) политические партии исчезнут, ибо исчезнет все то, что их создало: исчезнут классы и классовая борьба. Но само исчезновение партии будет происходить в обстановке развивающегося социалистического общества «эволюционным» путем. По мере укрепления власти рабочего класса и увеличения однородности рабочего класса, партия будет переносить центр тяжести своей деятельности на экономическое строительство. Такую же эволюцию будут проделывать и Советы. Эти органы пролетарской диктатуры, отмирая как органы государственной власти, возродятся в советах народного хозяйства.

А что будет с профсоюзами?—Они тоже исчезнут, но это исчезновение произойдет совершенно иначе. К чему сводится тенденция развития рабочего движения?—Она сводится к тому, что на определенной стадии развития рабочий класс, победив буржуазию, устанавливает свою диктатуру, при чем диктатура эта—временная. Когда мы говорим о временной диктатуре, мы не хотим этим сказать, что она будет продолжаться пять или десять лет, но имеем в виду целый исторический период. Диктатура кончится, когда не будет классов. Конец диктатуры означает исчезновение аппаратов и органов государственного принуждения. При чем, по мере продвижения от диктатуры к коммунистическому обществу, происходит постепенное слияние экономических органов пролетарской диктатуры и

профсоюзов, создается синтетическая, руководящая всем производством, организация. Из профсоюзов, на основе профсоюзов, вырастет в развернутом обществе тот орган, который будет управлять производством, будет регулировать производство, вырастут экономические органы управления обществом. А так как в развернутом коммунистическом обществе никаких других органов нет, кроме органов экономического управления и производства, то, таким образом, профсоюзы превратятся в процессе своего развертывания в какой-то новый орган, имя которого нам неизвестно, но который будет заниматься производством, регулированием распределения, учета, статистики и т. д.

Программа РКП очень ясно и четко говорит, что «профсоюзы должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единого хозяйственного целого». А какова судьба кооперативов? Уже в эпоху диктатуры пролетариата кооперативы играют с каждым днем все большую и большую роль, вытесняя остатки частного капитала и беря на себя все больше и больше обще-государственные функции. Кооперирование всего рабочего населения является важнейшей задачей социалистического государства после завоевания пролетариатом государственной власти, а это должно привести к перенятию кооперативами всех экономических функций пролетарского государства.

Мы видим, таким образом, что все формы рабочего движения, развертываясь в момент революции, увеличивая и охватывая широкие массы по мере развития самой революции, в процессе ее изменяются. Все существующие организации постепенно переходят на экономические рельсы, все выделяемые для руководства экономическим строительством органы сливаются, и к моменту общей победы коммунизма все формы рабочего движения в известной степени растворяются в новом бесклассовом обществе, видоизменяясь и наполняя новым содержанием, соответствующим требованиям времени.

Таковы перспективы развития мирового рабочего движения. Так приблизительно мыслится нам, деятелям нынешней революции, будущие взаимоотношения разных организаций и судьбы различных форм рабочего движения, созданных рабочим классом в процессе его исторического развития.

Этот анализ или, если хотите, прогноз будущего развития вытекает из нашего марксистского учения. Конечно, жизнь в дальнейшем внесет целый ряд изменений в эту картину, но если правильны основные предпосылки, что мы идем к внеклассовому обществу, что диктатура пролетариата есть явление исторически временное, то совершенно правильно и то, что все органы, созданные классовым обществом, должны исчезнуть потому, что не будет базы, на которой эти органы могут держаться.

Для нашего поколения все эти вопросы практически еще не стоят. Но мы, коммунисты, всегда отличались одной особенностью— мы всегда бесстрашно смотрели и смотрим будущему в глаза, и в области оценки развития событий мы всегда доходили до логиче-

ского конца. каковы бы ни были выводы. Мы не знаем в точности. в деталях, как будет выглядеть развернутое коммунистическое общество, но несомненно то, что исторические силы, которые пришли в движение и подняли десятки и сотни миллионов людей, неминуемо ведут человечество к этому строю.

Октябрьская революция оказала глубокое влияние на весь Ближний, Средний и Дальний Восток. Все колониальные и полуколониальные страны—Китай, Корея, Индия, Ява и т. д., спавшие тысячелетним сном, втянуты в освободительное движение. Мы присутствуем при активном процессе распада сложившегося веками эксплоататорского строя. Когда этот процесс закончится—сказать нельзя. Ведь дело идет о перестройке общественных отношений на всем земном шаре. Но для нас ясно одно: чем крепче, сплоченнее и гибче будет революционное крыло рабочего движения, чем трезвее мы, коммунисты, будем учитывать соотношение сил рабочего класса и буржуазии, чем правильнее будет наша линия поведения, тем скорее человечество придет к развернутой форме коммунистического общества.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Профсоюзы в эпоху диктатуры пролетариата.

На протяжении долгих лет своего существования профсоюзы не ставили перед собой тех задач, которые сейчас стали перед профессиональными союзами России. Это происходило потому, что они имели дело с системой капиталистической эксплоатации, и наиболее революционные из союзов всех стран в процессе самозащиты пришли к необходимости бороться не только с отдельными капиталистами, но и со всей капиталистической системой. Если изучать столетнюю историю борьбы рабочих союзов, мы увидим на протяжении 19 века вачаточные организации взаимопомощи—цеховые корпоративные союзы, возникшие, как элементарные формы об'единения, как первичные организации самозащиты, которые постепенно, под давлением концентрированного капитала, об'единились в более широкие и крупные организации и в отдельных странах дошли до создания мощных производственных об'единений, охватывающих сотни тысяч и миллионы рабочих. История профессионального движения есть история превращения распыленных рабочих в организованные звенья большой машины, которая сплотила рабочих разных отраслей труда в органы взаимопомощи на почве повседневных экономических задач, в органы непосредственной самозащиты.

По мере их борьбы с капиталом союзы приходили в столкновение со всей капиталистической системой, с самим капиталистическим государством. Коллективные договоры, бывшие на заре развития профдвижения идеалом для союзов, быстро себя пережили. Они показали, что применение коллективного договора, хотя и является шагом вперед, но менее всего способно разрешить основные противоречия капиталистического строя. Союзы под ударом об'единенного капитала вынуждены были превратиться в органы борьбы с капиталом, в революционные организации, которые совместно с политическими партиями должны взорвать буржуазное общество.

Но к этой ступени пришло не все профессиональное движение. Профсоюзы разных стран еще и в настоящее время стоят на разных стадиях этого длинного исторического пути. Еще и сейчас существуют громадные рабочие организации, которые находят, что задачи союзов не выходят из рамок капиталистического общества, и что вся деятельность их должна быть приспособлена к капиталистическим отношениям, устойчивость которых для них стоит вне вся-

кого сомнения. Для большинства этих союзов, поскольку они не ставили перед собой вопроса о социальной революции и диктатуре пролетариата, будущая роль союзов не представляла интереса. Союзам этого типа будущее представлялось в виде постепенного развития демократических масс на основе равноправия труда и капитала, на основе широкого развития демократизма. Если профсоюзы не ставили, то социал-демократические союзы Германии занимались вопросом о будущей роли союзов, но, проникнутые духом реформизма и постепеновщины, они подходили к задачам союзов так же, как тред-юнионистские организаций. Дальше идеи равноправия труда и капитала, коллективных договоров и постепенного внедрения в капиталистическое общество, дальше этих реформистских принципов профсоюзы Германии тоже не шли. Когда разразилась война, вся идеология германских профсоюзов стала как две капли воды похожа на идеологию английских тред-юнионов: и те и другие не думали о будущей роли союзов, а связывали самое бытие профессионального движения с победой национального оружия.

Профсоюзы Франции, в противоположность английским и германским, ставили вопрос о своей роли на другой день после социальной революции. Революционные синдикалисты Франции мыслили союзы единственной организацией, которая сделает революцию и осуществит ее задания. Основные принципы революционного синдикализма заключаются в том, что союзы в центре и на местах примут на себя управление производством, при чем кроме органов, управляющих производством, никаких других органов не будет, ибо социальная революция непосредственно связана с разрушением государства и с установлением безвластной формы человеческого общежития. Правда, война сравняла французских синдикалистов с их германскими и английскими антагонистами. Французские синдикалисты, бывшие ярыми противниками всякого государственного строя, стали верными слугами буржуазного государства и трубадурами национального единения.

Естественно, что в этот период перед ними уже не было вопроса о будущей роли союзов; их настоящее было связано с буржуазным обществом, и из этого настоящего они делали практические выводы для будущего.

Впервые вопрос о роли профсоюзов в переходную эпоху был поставлен в России. Молодые союзы, возникшие в 1905 году и раздавленные в период реакции, возродившиеся снова в 1917 году через восемь месяцев после начала революции, стали лицом к лицу с разгромом буржуазии и с необходимостью наложить руки на фабрики и заводы. Октябрьская революция была прежде всего и больше всего революцией экономической; самая форма Советской власти, вызвавшая бешеную ненависть со стороны международной и российской контр-революции, была тесно связана не только с политическим, но и экономическим уничтожением старых господствующих классов. Вооруженной рукой русский пролетариат выбил буржуазию из ее позиций. Свержение коалиционного правительства сопровождалось

одновременно свержением буржуазии на фабриках, изгнанием хозяев, захватом предприятий и обращением их в коллективную собственность. Экономическая борьба, начавшаяся уже с первых дней февральской революции, привела к Октябрьской революции, ибо политика, как говорит программа РКП, есть концентрированная экономика.

С первых дней Октябрьской революции перед союзами встал вопрос о том, что им делать и как им быть дальше. Союзы стали лицом к лицу с грандиозным массовым рабочим движением и взрывом революционной энергии на колоссальном пространстве России. Рабочие фабрик и заводов непосредственно расправлялись с хозяевами. «Вся власть Советам, вся власть рабочему классу» была понята, и правильно понята, как захват в свои руки цитадели буржуазного общества—фабрик и заводов. Но когда буржуазия уже была изгнана, перед русскими союзами возникли практически три вопроса:

1. Взаимоотношения между фабрично-заводскими комитетами и профсоюзами.

2. Взаимоотношения между союзами и Советами и

3. Место профсоюзов в общей системе Советского государства.

Что касается фабрично-заводских комитетов, то здесь с самого начала было ясно, что революционные союзы должны строиться на базисе фабрично-заводских комитетов. В самом деле, что представляли собой эти последние? Органы борьбы, созданные всеми рабочими данного предприятия для того, чтобы в первый период преодолевать наступление капиталистов, а во второй—изгнать капиталистов и утвердить диктатуру пролетариата. Если бы в предприятии были две организации: фабрично-заводские комитеты и профсоюзы, то в результате они должны были бы притти к взаимным столкновениям, соперничеству, параллелизму и растрате сил. Это еще имело бы свое историческое оправдание, если бы мы были накануне социальной революции: тогда фабрично-заводские комитеты центр тяжести своей работы видели бы в контроле над производством, а профсоюзы—в организации труда. Но Октябрьская революция поставила перед фабрично-заводскими комитетами и союзами одни и те же задачи.

Логика развития привела бы к столкновению этих двух организаций, и перед профсоюзами еще накануне первого с'езда профсоюзов встал вопрос о перестройке российского профдвижения, о переходе от системы делегатов и делегатских собраний к системе фабрично-заводских конференций и к построению всего аппарата союзов на базисе фабрично-заводских комитетов. Таким образом. низшими ячейками союзов являются фабрично-заводские комитеты. Сумма их представляет собой суверенный орган, выбирающий правление союза. Исчезли параллелизм и соперничество, и вопрос разрешился без особых трений постановлением I Всероссийского С'езда Профсоюзов в начале января 1918 года.

Гораздо труднее и сложнее вопрос о взаимоотношении между профсоюзами и Советами. Что представляют рабочие Советы? Это—

органы диктатуры пролетариата, те органы, которые в принудительном порядке в общегосударственном масштабе осуществляют основные требования рабочего класса. Совет, избирательной единицей которого является фабрика и завод, есть та новая форма государственного образования, которая лучше всего подходит к переходному от капитализма к коммунизму времени.

Но к чему ведет логика развития Советов? Она ведет к тому, что по мере укрепления власти рабочего класса, по мере распространения самой социальной революции, Советы, как органы государственной власти, преобразуются. Их государственные функции отмирают, тогда как хозяйственные растут, поглощая все остальные административно-технические функции советского аппарата. Если Советы представляют собою признанную форму пролетарской диктатуры, то какую же роль при утверждении Советов играют профсоюзы? Ведь профсоюзы после социальной революции не имеют перед собой капитала.

Из органов борьбы с капиталом они превращаются в органы хозяйственного строительства, но само хозяйственное строительство и та сумма функций, которая лежит здесь на союзах, переплетаются с теми хозяйственными функциями, которые лежат на Советах.

В государстве, где власть в руках рабочего класса, каждая рабочая организация должна, с одной стороны, брать на себя государственные функции, а с другой—государственные органы не могут не брать на себя функций, лежащих на профсоюзах.

Таким образом, самый процесс развития всех форм рабочего движения после социальной революции приводит к тесному переплетению наличных рабочих организаций, к тому, что хозяйственные органы и профсоюзы, проникнутые коммунистическим духом, все более и более сплетаются между собою, и, на определенном этапе такого сплочения. — создается единый орган, который осуществляет как руководство самим производством, так и организацию труда.

Этот процесс сращивания очень длительный, это—целая историческая полоса. Самый темп переплетения и сращивания профсоюзов с соответствующими хозяйственными органами зависит, с одной стороны, от развития международной революции и удельного веса промышленности в общей экономике страны, с другой, — уровень развития рабочих организаций после социальной революции дает практическое указание на роль союзов в рабочем государстве и ключ к установлению нормальных взаимоотношений между союзами и Советами.

Советы проводят обще-классовые интересы пролетариата в государственном порядке; союзы в порядке добровольного об'единения рабочих проводят те же самые обще-классовые интересы пролетариата своими методами. Для бессильных, не проникнутых коммунистическим духом союзов, невозможны ни пролетарская диктатура, ни самое существование Советов.

Союзы организуют труд в производстве и для производства. Подходя к производству с точки зрения класса-хозяина, с точки зрения

того класса, которому на данной территории принадлежит производство, профсоюзы являются фундаментом пролетарской диктатуры. Само развитие и укрепление пролетарской диктатуры ставит перед союзами все более и более широкие задачи, а момент отмирания государственных функций у Советов приводит к сосредоточению в руках союзов всех хозяйственных и производственных функций.

Таким образом, уже в переходный период союзы являются основными аргументами, из которых в развернутом обществе складывается аппарат управления производством и аппарат учета и распределения.

Из этого следует, что самое тесное сотрудничество между союзами и Советами, постоянная совместная деятельность, совместное обсуждение и проведение мероприятий, взятие на себя союзами общегосударственных функций и т. д. являются необходимой предпосылкой победного развития революции, необходимым условием пролетарской диктатуры. Отсюда совершенно ясно, какое место занимают союзы в общей системе советского государства. Союзы—не государственные органы; они—свободные об'единения производителей, которые выбирают Советы, но они об'единяют тот же самый рабочий класс для специальных задач, которые не разрешаются Советами.

Союзы дополняют Советы и делают самую советскую систему более устойчивой, ибо рабочие об'единены не только как граждане своей страны, как осуществляющие свою диктатуру над другим классом, но и как производители, что делает из них социальную единицу, создающую определенные производственные, общественно-необходимые ценности.

Вот почему союзы являются и опорой и дополнением Советов. Эта своеобразная специфическая форма об'единения рабочих имеет свою особенность в строительстве союзов и Советов.

Советы строятся рабочим классом горизонтально, по районам: от фабрик к уездам, от уездов к губерниям, от губерний ко всей России. Каждый Совет, есть собрание рабочих всех производств. Союзы об'единяют рабочих не только горизонтально (уездные бюро, губернские Советы, ВЦСПС), но и вертикально — по производствам (металлисты, текстильщики, деревообделочники, транспортники и т. д.). Это вертикальное об'единение рабочих вызывается потребностью самого производства.

Руководить общегосударственной работой можно и через районные и губернские об'единения Советов, руководить же производством нельзя только через горизонтальные об'единения, здесь нужны вертикальные об'единения по производствам.

Самый строй народного хозяйства и потребности его организации приводят к своеобразным организационным формам, в которые отливаются союзы. Если до революции они организовывались по производствам, чтобы бороться с организованным по производству же капиталом; если каждый союз, по мере роста классового сознания рабочих, охватывал все больше и больше категорий труда, чтобы противопоставить их об'единенному капиталу, что и являлось

главной причиной возникновения производственных союзов, то после пролетарской революции создание производственных союзов, их укрепление вызывается уже потребностями народного хозяйства и невозможностью правильно организовать его без профсоюзов. Но здесь возникает один вопрос, на который приходится дать ответ уже с первых шагов революции. Если само народное хозяйство не может быть организовано без профсоюзов, то, может быть, лучше всего, чтобы каждый союз взял на себя организацию всего производства, иначе говоря, передать управление соответствующими отраслями производства в руки соответствующих союзов?

Этим был бы разрешен основной вопрос о формах и способах управления производством. Некоторые так и мыслят роль союзов в эпоху диктатуры пролетариата; им кажется, что союзы начнут с этого: вместе с политической партией разобьют капитализм, и как только будет водворена пролетарская диктатура, возьмут на себя управление производством.

В такой абсолютной форме это положение неприемлемо—прежде всего потому, что профсоюзная организация производства привела бы к распылению его. Правда, для координации производства и для его регулирования существуют межсоюзные об'единения, как советы союзов и общенациональные об'единения, но, тем не менее, такая передача управления производством в руки отдельных союзов привела бы к вертикальному разрезу всего производства, к взращиванию профсоюзного эгоизма и к конкуренции отдельных производств между собой.

В первый период строительства необходимо, чтобы регулирование производства было обще-классовым, чтобы Советы стирали те углы, которые неизбежно создаются между разными категориями труда, если им передаются в полное ведение соответствующие отрасли народного хозяйства.

Как это сделать? Достигается это тем, что в переходный период создаются органы управления отдельными отраслями промышленности, в которых представлены как Советы, так и союзы, и на почве совместной, постоянной, каждодневной работы союзов и Советов создается связь между ними.

Хозяйственные органы, совместно с союзами, с одной стороны, организуют производство, а с другой — подходят ко всем вопросам производства не с узко-корпоративной или цеховой точки зрения, а с обще-классовой, понимая под производством не только технику управления, но и организацию труда. По мере развития самой революции, все большего захвата ею новых стран и исчезновения класса эксплоататоров и связанных с этим классом межеумочных элементов, спайка между хозяйственными органами и союзами становится все крепче; и на определенной стадии развития, вместе с отмиранием Советов, как органов государственных, хозяйственные органы и союзы сливаются. Союзы переходят к сосредоточению, — как говорит программа Российской Коммунистической Партии,—в своих руках всего

народного хозяйства, как единого целого. Это — длительный процесс, и потому нельзя мыслить себе немедленной передачи союзам управления соответствующими отраслями промышленности целиком Народное хозяйство, особенно социалистическое, не может не быть централизованным хозяйством.

План всего народного хозяйства, согласованность его частей, тщательный учет всех производительных сил, в том числе рабочей силы, научный учет потребностей, — все это предполагает совершенно научный и организованный в обще-национальном и мировом масштабе аппарат, что несовместимо с передачей управления производством в руки отдельных союзов. Нужно дальше иметь в виду, что народное хозяйство не исчерпывается промышленностью, сюда же входит земледелие, которое играет громадную роль в общей экономике страны, особенно в странах аграрного типа как Россия, Италия и т. д. Передача управления каждой отраслью промышленности в руки соответствующих союзов предполагает превращение отдельных производственных союзов в секции общенационального об'единения профсоюзов, что опять-таки может быть только лишь результатом длительного процесса организации масс, с одной стороны, и организации административно-технического и хозяйственного аппарата, с другой.

Таким образом, в ответ на вопрос, о том, какую роль должны играть профсоюзы в эпоху диктатуры пролетариата, мы можем не только на основании чисто теоретических выводов, но и на основании уже имеющегося у нас русского опыта, сказать:

1) Профсоюзы являются фундаментом диктатуры пролетариата, ибо они организуют труд в процессе производства и само производство в его связи с трудом.

2) Союзы являются необходимым дополнением Советов, осуществляющих через союзы и вместе с союзами обще-классовые задачи пролетариата. 3) Профсоюзы являются важнейшим орудием самой социальной революции: они вместе с Коммунистической Партией и под руководством ее экспроприируют экспроприаторов и захватывают средства производства. 4) В момент социальной революции профсоюзы и их органы на местах—фабрично-заводские комитеты—являются единственными организациями, на которых лежит забота об обеспечении непрерывного процесса производства и подчинения цеховых и корпоративных тенденций обще-классовым задачам пролетариата. 5) Охватывая широкие беспартийные массы, профсоюзы воспитывают рабочий класс в его целом на практике социалистического строительства, являясь тем самым школой коммунизма.

Из этого схематического изображения роли профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата можно и нужно сделать следующий простой, но глубоко практический вывод: завоевание союзов является предварительным условием социальной революции и установления диктатуры пролетариата.

(„Коммунистический Интернационал" № 17.)

Международный Конгресс мира в Гааге.

Русские профсоюзы и Конгресс.

Когда русские профсоюзы получили приглашение от Амстердамского Интернационала принять участие в этом Конгрессе, для нас было совершенно ясно, что здесь делается попытка под флагом Международного Конгресса Мира произвести пацифистско-буржуазную демонстрацию, чтобы показать рабочим, что Амстердамский Интернационал стоит на страже интересов мира. Нам было известно, что на этот Конгресс приглашены всевозможные пацифистские буржуазные общества. Для того, чтобы сгладить впечатление от приглашения буржуазных пацифистов, инициаторы этого Конгресса в своем приглашении говорили, что принять участие в Конгрессе могут только те, кто разделяет резолюции римского конгресса амстердамцев. Вообще, с этой римской резолюцией амстердамцы носились, как известный герой русской сказки с писаной торбой. Они пытались было навязать и русским союзам свою резолюцию в качестве предварительного условия участия на самом Конгрессе, но ни ВЦСПС, ни поехавшая за границу делегация не сочли нужным давать какие-либо подписки или обязательства на этот предмет и особенно насчет «признания Амстердамского Интернационала единственной компетентной международной организацией», как этого требовали *Фиммен* и *Удегест* в своем письме.

В самом деле, что представляет собою резолюция римского конгресса? В этой резолюции от имени 107 делегатов европейских стран, а также примыкающих к Амстердамскому Интернационалу Международных Секретариатов по производствам было заявлено, что «долг организованных рабочих всеми имеющимися в их распоряжении средствами оказать противодействие войне и помешать фактическому возникновению ее об'явлением и проведением в жизнь международной всеобщей забастовки». Таким образом, от буржуазных пацифистов требовалось всего только признание международной забастовки в день об'явления войны, или, иначе говоря, социальной революции. Насколько это было несерьезно, видно хотя бы из того, что ни инициаторы этой резолюции, ни Амстердамский Интернационал не связали самую международную стачку с вопросом о защите отечества. Так как эту резолюцию составляли патриоты разных национальностей, которые знали, что во вопросу о защите отечества между

ними имеются такие же разногласия, как и у всех националистов, то они этот вопрос просто обошли, выдвинув голый принцип—всеобщая забастовка на случай войны, при чем каждый принимал резолюцию с оговоркой, что самая забастовка будет неприменима в случае оборонительной войны. Как бы все-таки ни было, Конгресс должен был, по мысли амстердамцев, об'единить все, что имеется пацифистского в современном обществе, и создать грозный блок пацифизма против опасности новой войны.

Состав Конгресса.

Мы, таким образом, заранее знали, что на этом Конгрессе мы встретим представителей пацифистских обществ, но, тем не менее, состав Конгресса превзошел все наши ожидания. Прежде всего этот Конгресс был чисто европейским. На нем серьезно были представлены только лишь реформистские организации Франции, Бельгии, Германии, Голландии и Англии, остальные же страны имели весьма ограниченное число представителей. Особенность Конгресса заключалась в том, что рядом с рабочими реформистскими организациями здесь присутствовали представители всевозможного рода пацифистских обществ, которые выросли поле войны, как грибы после дождя. Так, на с'езде фигурировали: представители Униона Международных Ассоциаций, Международного Союза Обществ Мира—из Бельгии, Национального Совета Мира, Международного Союза Обществ Мира, Униона Демократического Контроля, Союза «Долой Войну», Международного Союза дружественных отношений между различными церквами, Международной Женской Лиги «за мир и свободу», Международного Бюро Мира, Совета для борьбы против голода и реконструкции Европы — из Англии; Немецкой Лиги Прав Человека, Федерации Пацифистских Обществ—из Германии; Международного Союза бывших солдат и жертв войны. Союза Франкмасонов «К восходящему солнцу», Французской Лиги Защиты Прав Человека и Гражданина, Союза Национальностей, Международной Лиги Женщин «за мир и свободу», Федерации Французских Ассоциаций «за общество наций», Лиги Республики, Международного Блока средних классов — из Франции.

Я не привожу имен всех достопочтенных джентльменов, старых пацифистских дам, которые представляли эти многочисленные, с красивыми названиями, международные союзы, братства, лиги и проч. Известно, что во время войны все эти лиги и братства были, за редкими исключениями, организациями шовинистическими, которые с пеной у рта защищали свое отечество, обвиняя всех в шовинизме, кроме самих себя. Для полноты картины надо еще отметить, что на этом с'езде помимо представителей других европейских стран, были вездесущие представители от эмигрантской Грузии и даже Украины.

Этот состав уже сам по себе был целой программой. И совершенно естественно, что инициаторы Конгресса, пригласившие в Гаагу любителей пацифистской словесности, старых профессоров международного права, желающих юридическими заклинаниями помешать войне, должны были приспособить весь Конгресс к уровню этих старых баб

и пацифистских джентльменов. Впрочем, руководителям реформистских союзов, представителям 2 и 2½ Интернационалов, не приходилось приспосабливаться,—они уже были готовы для участия в таком избранном пацифистском обществе. С'езд показал, что реформизм и буржуазный пацифизм являются двумя сторонами одной и той же истертой буржуазной монеты.

Русская делегация на Конгрессе.

В Берлине мы узнали, что только трое из нас, а именно т.т. *Радек*, *Ротштейн* и я, получили разрешение на в'езд в Гаагу; об остальных же голландское консульство ничего не знало. Мы решили поехать в «дозволенном» составе и в первый же день нашего приезда попытались об'ясниться с *Фимменом* по поводу недопущения русской делегации на Конгресс. Кроме того, мы сразу же внесли 3 письменных предложения: 1) о немедленном приглашении на этот Конгресс Коминтерна и Профинтерна, 2) о предоставлении представителям русских профсоюзов слова для протеста против недопущения большинства русской делегации, 3) о введении в порядок дня Гаагского Конгресса Мира вопроса о репарациях, о борьбе против решений лозаннской и лондонской конференций и о подготовляющемся занятии Рурского бассейна. Наши предложения не только не были поставлены на голосование, но даже не были доведены президиумом до сведения делегатов. Кстати сказать, президиума никто не выбирал.

Что касается нашего письменного требования предоставить нам право содоклада, то эти господа только после настойчивых повторных требований ответили письмом, в котором заявляли, что они не могут делать для кого бы то ни было «привилегий». А до этого *Фиммен* нам заявил, что самое требование содокладов является с нашей стороны дерзостью. Мы *Фиммену* ответили, что с господами, не умеющими себя держать, мы вообще не желаем разговаривать. Он несколько раз приходил извиняться, ссылаясь на то, что у него это слово сорвалось, и что он, дескать, ничего неприятного нам сказать не желал.

Как бы то ни было, но президиум с самого начала саботировал все предложения русской делегации. Перед нами с первого дня Конгресса встал вопрос — не лучше ли вообще оставить это международное сборище националистов, притворяющихся социалистами? Все же мы решили оставаться дальше и до конца добиваться возможности высказать точку зрения русской делегации на поставленные в порядок дня вопросы.

Характер работ Конгресса.

Так как задача организаторов Конгресса заключалась не в том, чтобы выработать практическую программу действий, а в том, чтобы об'единить пестрое разношерстное общество на какой-нибудь ничего не значущей резолюции, то Амстердамский Интернационал придумал такой способ ведения Конгресса: один за другим были прочитаны все доклады, стоявшие в порядке дня, затем два дня отвели на прения по всем докладам, один день — на комиссионные работы и полдня — на принятие всех резолюций. *Жуо*, *Фиммен*, *Гендерсон*, *д-р Герлях* выступали один за другим, рассказывали

Конгрессу об ужасах войны и о той пользе, которую принесет всему миру борьба против этого бича человечества. При всем нашем желании уловить какую-нибудь здоровую и новую мысль во всех этих докладах, это было очень трудно, потому что во всех этих докладах говорились или уже известные истины в роде того, что война очень плохая вещь, или такие истины, которые были совершенно недоказуемы, как например, возможность превращения нынешней Лиги Наций в идеальную Лигу Наций. По этому же типу были составлены и резолюции всех докладчиков. Практически все то, что можно было выудить из этих докладов и предложений, сводилось приблизительно к следующему: необходимость превращения нынешней Лиги Наций в настоящую Лигу Народов, пересмотр мирных договоров в соответствии с резолюциями обоих социалистических Интернационалов и Амстердамского Интернационала, превращение военной индустрии в учреждения, работающие на нужды мира, допущение Германии в Лигу Наций, воспитание юношества, создание хороших кинематографов и т. д. Особенно рекомендовалось каждому рабочему пробуждать в своей семье пацифистский дух. Очень много места докладчики и резолюции уделяли вопросу о том, что необходимо иначе преподавать историю, что нужно покончить с прославлением завоеваний и завоевателей, что необходимо научить молодежь почитать труд во всех его формах. Все эти грошевые истины и составляли суть докладов и резолюций.

Центральным пунктом был вопрос о борьбе против войны путем международной всеобщей стачки. Но и докладчик и предложенная резолюция поставили эту стачку в такой перспективе, что она никакой опасности ни для кого, кроме рабочего класса, не может представлять. Стачка на этом Конгрессе должна была играть роль прикрытия для протаскивания всякого рода реформистских предложений. Одно то, что пацифисты и слабонервные пацифистские дамы не опротестовали даже идею международной стачки, свидетельствует о том, что они понимали показной характер этого лозунга на данном Конгрессе. Он должен был придать революционность Конгрессу, дабы можно было под флагом этой революционности продать залежавшийся реформистский товар. В этом отношении интересны некоторые резолюции и предложения, исходившие от виднейших членов Конгресса. Достаточно указать на то, что на пленуме Конгресса один из пацифистов взволнованным голосом сообщил, что Конгресс сделал громадный шаг вперед по пути борьбы за мир, ибо он выбрал подкомиссию, которая должна выработать новые статуты для идеальной Лиги Народов, о которой, как известно, мечтают пацифисты и реформисты всех народов и всех стран.

О едином фронте.

Мы, попавшие волею ВЦСПС в этот реформистско-пацифистский зверинец, испытывали величайшие муки и решили поставить ребром вопрос перед этим собранием мумий относительно единого фронта. Я спросил их, почему на это Конгресс не приглашены ни Коминтерн, ни Профинтерн. Почему Коминтерн, создавшийся из

партий и революционных меньшинств, боровшихся во время войны против войны, что, несомненно, труднее, чем борьба против войны во время мира, не приглашен на этот Конгресс, в то время, как сюда приглашены пацифистские общества и здесь фигурируют представители церкви? От имени русских профсоюзов, от имени Коминтерна и Профинтерна мы предлагали единый фронт на почве практической борьбы. Мы не требовали от этих джентльменов признания коммунистической платформы, мы предлагали им разорвать блок с буржуазией вообще и с буржуазными пацифистами в частности и заключить блок с нами. Борьба против войны возможна только на основе борьбы классов, а не на основе содружества с буржуазией. Мы выработали практические предложения—немедленное создание Международного Комитета Действий и таких же национальных комитетов, куда должны войти все существующие Интернационалы, а также Международный Союз Кооперативов. Официальное предложение о едином фронте я закончил заявлением, что мы создадим его с ними, если они этого хотят, и без них и против них, если они будут этому противодействовать.

Наше предложение о едином фронте вызвало бурю негодования и насмешек. Первым кинулся возражать *Дюмулен*, который с таким пламенем говорил против русской делегации, что забыл о нашем предложении создать единый фронт. О Комитетах Действия он тоже забыл, как не вспомнили об этом и другие ораторы. Зато они без конца повторяли, что у нас в тюрьмах меньшевики, и что бедненькие эсеры обижены, что неутешная вдовица—меньшевистская Грузия, сидящая за границей, ждет, чтобы ее позвали назад. В этом же, примерно, духе были и другие речи. Реформистские мертвецы оживились, отсутствующий было в них пафос проснулся, когда они увидели живых большевиков, и вместо борьбы против капитализма они занялись борьбой против коммунизма, против единого фронта. Против единого фронта говорил *Грумбах*, против единого фронта выступал и целый ряд других ораторов, обвиняя коммунистов в том что они, мол, этот единый фронт нарушили, раскалывая рабочее движение. Таким образом, наше предложение о едином фронте не во имя отвлеченной фразы, а во имя конкретной борьбы за мир, встретило резкий отпор, большое негодование и возмущение. Ярче всех это выразил *Грассман*, сказав: «Нам эта история о едином фронте надоела до тошноты». И эти господа, как и раньше, предпочли блок с буржуазией блоку с революционными рабочими.

О единстве профдвижения.

Наше предложение о едином фронте встретило резкий и враждебный отпор. Еще более характерно отношение Конгресса к сделанному нами предложению об единстве профсоюзов. В речах, а потом и в резолюции русская делегация предлагала все меры для того, чтобы ликвидировать существующий в массовых профессиональных организациях раскол и предупредить надвигающийся раскол профдвижения во всех странах. Это наше предложение осталось без ответа. Амстердамцы все время обходили этот щекотливый вопрос, обвиняя нас в расколе профдвижения. *Дюмулен* заявил, что Москва виновата

в расколе французских профсоюзов. Вообще, рефреном всех речей была Москва.

Таким образом, наше предложение было отвергнуто. Зато в комиссии *Дюмулен* сказал, что он считает необходимым дополнить предложенную резолюцию одним из пунктов резолюции русской делегации. Резолюция *Фиммена* была дополнена пунктом, в котором отколовшимся меньшинствам предлагается вернуться в старые организации. Так как амстердамцы считают себя всегда в большинстве, то они этим самым хотят сказать, чтобы Унитарная Конфедерация Труда во Франции или новая революционная Конфедерация Труда в Чехо-Словакии, т.-е. организации, имеющие за собой большинство организованных рабочих этих стран, просто вернулись в реформистское лоно. Ни малейшей попытки, ни малейшего желания действительно ликвидировать раскол и понять всю опасность для мирового профдвижения от расчленения профсоюзов. Постоянно одна лишь забота о том, чтобы остаться в большинстве и не выпустить руководство профсоюзными организациями. Правда, в частных разговорах, которые *Вильямс и Фиммен* имели с представителями русской делегации т.т. *Грунины* и *Мельничанским*, амстердамцы выражали желание положить предел расколу. Но это была обычная словесность, ни имеющая никакого практического значения.

Одновременно с решительным отказом сделать малейший шаг по пути ликвидации раскола профдвижения, происходили длительные переговоры между представителями 2 и 2½ Интернационалов: была создана специальная комиссия из 10 человек, которая должна созвать особый «об'единительный» с'езд на май 1923 года. Протесты швейцарцев и литовцев против этого не помогли: реформизм от *Гримма* и *Мартова* до *Носке* и *Реноделя* создал единый фронт против коммунизма.

О защите отечества.

Я уже выше отмечал, что международная забастовка во время войны, если это принять всерьез, означает отказ от национальной обороны. Так тов. Радек и подошел к этому вопросу в своей речи. Он раз'яснял им смысл принятой ими же самими римской резолюции и спрашивал их: как же обстоит дело с национальной обороной? Если вы пришли к сознанию, что лозунг защиты буржуазного отечества направлен против рабочих, то скажите это прямо, не прикрывайтесь ничего незначащими пустыми фразами. Затем, какие гарантии у нас имеются относительно того, что вы действительно проведете всеобщую забастовку в случае войны? Мы, русские коммунисты, не такие большие революционеры, как вы, и не взяли бы на себя назначить день и час международной забастовки. Мы бы сказали: поскольку нам не удалось помешать войне до ее об'явления, нужно, чтобы рабочие брали оружие и в соответствующий момент обратили его против своего врага. Но если вы уже действительно хотите путем стачки оказать воздействие на буржуазное общество, то почему же вы об этих страшных вещах говорите в неопределенном будущем? Не займемся ли мы той конкретной международной обстановкой, в кото-

рой мы теперь живем? Лозаннская конференция еще не закончила своей работы, но результаты ее уже видны. Лондонская конференция может привести к оккупации Рурского бассейна, репарационные тяготы давят трудящиеся массы Германии. Об'явим однодневную стачку и этим докажем всему миру, что мы действительно хотим бороться против войны. Этот маленький шаг практического действия важнее целого десятка ваших резолюций, тем более, что резолюции мы уже видели, и мы хорошо знаем, как авторы этих резолюций выполняют взятые ими на себя обязательства. Поменьше фраз и побольше практического дела.

Это простое практическое предложение русской делегации вызвало бурю негодования. С возражениями прежде всего выступил министр его величества бельгийского короля гражданин *Вандервельде*. Он начал с заявления, что никто не отказывается от оборонительной войны, что репарации основаны на здоровом принципе возмещения убытков. *Вандервельде* при этом упустил только, что помимо Бельгии и Франции были разрушения и в других государствах, скажем — в Сербии, Польше, России — разрушения, вызванные союзниками. Об этих репарациях он не говорил. Как истый патриот франко-бельгийского отечества, он только заботился о своем. *Вандервельде*, с пафосом провинциального актера рассказал конгрессу о той великой борьбе, которую он и его партия ведут за справедливость. Он сообщил, что никогда не терял надежды на Интернационал, даже во время войны, и что, если Франция посмеет поработить немецких рабочих (как будто бы она их уже не поработила), тогда бельгийская партия вместе с французской смело и открыто выступят против французского правительства.

Что *Вандервельде*—один из самых наглых социал-патриотов, это знают все, но чтобы на международном конгрессе он мог так открыто говорить о справедливости репараций и о порабощении немецкого народа, как о чем-то, что может притти в недалеком будущем — такого бесстыдства даже от него никто не ожидал. *Вандервельде* побил все рекорды. После *Вандервельде* на трибуне появился меньшевик *Абрамович*, который всегда, как известно, имеет в кармане один большой мандат от русского пролетариата и 100 маленьких мандатиков от своих грузинских единомышленников. *Абрамович* рассказывал с'езду о том, как большевики обидели грузинских меньшевиков, и как бедные и абсолютно ни в чем неповинные русские меньшевики страдают от варварства Советского правительства. В своей речи *Абрамович* забыл только сказать, что, если грузинские меньшевики и пострадали, чего никто не отрицает, то это от грузинских рабочих, а если и была аннексия Грузии, то со стороны грузинского пролетариата; мы же в качестве большевистских варваров могли бы только пожелать французским, английским и немецким пролетариям так же аннексировать свои страны, как это сделал грузинский пролетариат.

Само собою разумеется, что нам не дали возможности рассказать о том, как обстоит дело в Грузии. Зато после того, как кончил

меньшевистский плакун-трава, выступили представитель немецких профсоюзов *Грассман* и представитель германской социал-демократической партии *Вельс* и заявили, что они, мол, в принципе ничего не имеют против репараций, но что положение Германии очень тяжелое. В защиту репараций говорил также и немецкий пацифист доктор *Квиде*, при чем все эти господа, выражавшие готовность возмещать убытки, нанесенные немецким империализмом, забывали только об одном: что вся тяжесть этих репараций ложится на рабочий класс. Для каждого, присутствовавшего на Конгрессе, было ясно, что эти заявления продиктованы им их правительствами. Эти господа лишний раз показали, что они, как и остальные делегаты, на другой почве и в другом обществе также решают те вопросы, какие были поставлены в порядок дня всех последних европейских правительственных конференций.

О Лиге Наций, о разоружении и прочих хороших вещах.

На долю т. *Ротштейна* выпала задача заняться Лигой Наций, вопросами разоружения, военной индустрии и пр. Нетрудно было доказать, что во всем этом нет ни грана здорового пролетарского смысла, а есть лишь вредная буржуазная пацифистская болтовня, имеющая своей задачей засорить мозги рабочего класса, что все попытки превратить Лигу Наций в действительное общество народов без низвержения господства капитала являются вредной и бессмысленной утопией. Тов. *Ротштейн* высмеял резолюцию *Гендерсона*, которая представляла собой верх политической безграмотности. Насколько серьезно все эти люди относились к Конгрессу, видно из того, что *Гендерсон* публично заявил, что резолюции по своему докладу он не составлял и в дальнейшем не принимал никакого участия в комиссии по выработке резолюции по его же собственному докладу. Не все ли равно *Гендерсону*, какая резолюция будет принята! Он был уверен, что действия не будет никакого, а со словесностью он готов согласиться с любой.

Так как Лига Наций имела все-таки очень много поклонников на этом Конгрессе, то на трибуну стали вылезать какие-то заплесневелые фигуры пацифистского вида и загробным голосом излагать все красоты той будущей Лиги Наций, которая должна вылупиться из нынешней лиги разбойников. Но никто не принимал всерьез все эти вещи. Все знали заранее, что будут приняты верноподданнические резолюции, и поэтому они посвящали все свое внимание борьбе с коммунизмом.

Реформисты между собой.

Наконец, все это пацифистское творчество было передано в комиссии. Я попал в комиссию профессиональную, а тов. Радек—в политическую. Здесь любопытно было наблюдать авгуров между собою. Не было буквально ни одного человека, который бы верил в предлагаемые резолюции. Это выразил в профессиональной комиссии *Гюисманс*, который буквально заявил следующее: «Такие резолюции мы уже принимали до 1914 года, и я уверен, что, если вновь грянет война, то получится то же самое, что было в 1914 году». *Гюисманс*

знает своих товарищей по Интернационалам, и его диагноз, несомненно, правильный.

В Комиссии по профдвижению *Роберт Дисман*, представитель германских профсоюзов, попытался было кое-что сказать против защиты буржуазного отечества. Но в этом был усмотрен немецкий подвох против французского отечества. В политической комиссии были такие чемпионы революции, как *Том Шоу*, *Трульстра*, *Вельс*, которые заботились лишь о том, чтобы поглаже написать резолюции, удовлетворить всех, обойти все острые углы. Эту задачу комиссии — надо отдать им справедливость — выполнили блестяще. Резолюции получились на редкость бесцветные, при чем для того, чтобы придать резолюции по профдвижению специфический привкус, известный французский реформист *Пуассон* предложил в эту резолюцию вставить требование о превращении Лиги Наций в действительное общество народов. Я тогда спросил *Пуассона*, может ли крокодил превратиться в ягненка, на что *Демулен* мне ответил: «Ведь произошел же человек от обезьяны». Мы видим, что господа реформисты готовы ждать столько же тысячелетий, сколько потребовалось на превращение обезьяны в человека, чтобы и их нынешнюю лигу разбойников превратить в действительное общество народов.

Саботаж мира.

Для нас было совершенно очевидно, что эти господа собрались не для борьбы за мир, а для саботажа его. И тов. *Радек* и я высказали это публично в заключительном заседании Конгресса. Пацифистским делегатам не понравилась наша настойчивость и подчеркивание необходимости непримиримой классовой борьбы. Им не понравились эти постоянные ссылки на практические действия вместо революционных фраз. Им не понравилось, что и т. *Радек* и я отмечали недостаток мужества у них, чтобы признать ошибки прошлого и встать на новый путь. Многие из них протестовали. Но нашлось также не мало делегатов, которые чувствовали правоту нашей точки зрения. Они боялись присоединиться к нам. Они считали, что наши предложения слишком резки, что мы не считаемся с трудностями борьбы, что нужно смягчить формулировку, что наши требования классовой войны являются по существу той же самой войной. Тем не менее они чувствовали, что здесь имеется определенная линия, ясно выраженная точка зрения. Это сознание нашей правоты было у очень многих делегатов, вот почему они приходили к нам, выражали нам сочувствие, об'ясняли, почему они не могут голосовать за наши резолюции, предлагая сделать кой-какие изменения. В общем чувствовался надлом у некоторой части делегатов, даже пацифистов, которые увидели воочию, что Амстердамский Интернационал никакой борьбы против войны не намерен вести и не может вести.

Наши 14 пунктов.

Для того, чтобы разоблачить эти бесцветные и расплывчатые резолюции и концентрировать внимание Конгресса на важнейших вопросах практического действия, мы формулировали очень кратко нашу программу, которую мы предложили по всем пунктам

порядка дня. Мы составили наше предложение в 14 пунктах, иронически отмечая, что, так как пацифисты привыкли к 14 вильсоновским пунктам, то, может быть, эта мистическая цифра 14 так же остановит их внимание. Эти пункты следующие:

«Международный Конгресс Мира, исходя из той точки зрения, что покончить с войнами возможно только путем уничтожения капиталистической системы, порождающей эти войны, и считая, что предпосылкой какой бы то ни было борьбы с империалистическими войнами является создание единого, чисто-классового рабочего фронта, постановляет:

1) Создать Международный Комитет Действия из представителей Амстердамского Интернационала, II Интернационала, Венского Интернационала, Коммунистического Интернационала, Профинтерна и Международного Кооперативного Союза для борьбы против войны.

2) Аналогичные Комитеты Действия создаются в каждой стране в составе примыкающих к вышеуказанным Интернационалам организаций.

3) В эти Комитеты Действия привлекаются все рабочие организации, не вошедшие до сего времени ни в один из Интернационалов, если эти организации действительно хотят бороться против войны.

4) Эти Комитеты Действия имеют также своей задачей предпринимать все шаги для ликвидации раскола массовых профессиональных организаций и для предупреждения новых расколов профсоюзов при условии соблюдения свободы идейной пропаганды и единства действий в борьбе против буржуазии.

5) На эти Комитеты Действия и на примыкающие к ним рабочие организации возлагается обязанность систематической борьбы против теории и практики защиты буржуазного отечества, отдающего рабочий класс, связанный по рукам и по ногам, империалистической буржуазии.

6) Для этого, чтобы борьба пролетариата за мир дала максимальные результаты, необходимо покончить с классовым сотрудничеством, с коалицией с буржуазией и провести резкую грань между рабочими организациями и буржуазными правительствами.

7) Принимая во внимание, что буржуазный пацифизм гонится за иллюзией осуществления мира на почве капитализма, который порождает войну, Международный Конгресс Мира считает предварительным условием успешности борьбы против войны разоблачение этих вредных пацифистских иллюзий. Не отклоняя помощи пацифистских организаций в борьбе против войны, Конгресс высказывается против блока с буржуазным пацифизмом, усматривая в этом сотрудничество классов.

8) Для того, чтобы подготовить армии и широкие слои трудящихся к действительной борьбе против войны, необходимо создать среди солдат организации — легальные и нелегальные, — которые постоянной, упорной, систематической работой среди солдат могли бы в решительный момент стать во главе восставшей против буржуазии армии.

9) Надо повести решительную массовую борьбу за уничтожение чудовищного Версальского и других аналогичных договоров, против Международной Лиги империалистических разбойников, действующих под флагом Лиги Наций, против порабощения под видом репараций трудящихся масс Германии, Австрии, Болгарии и других стран и заставить международную буржуазию исправить все опустошения, произведенные по ее вине.

10) Разоблачать все заговоры международного империализма против интересов трудящихся масс и требовать немедленного опубликования всех тайных договоров.

11) Привлекать к борьбе против войны рабочие и крестьянские массы полуколониальных и колониальных стран, находящиеся под гнетом империалистических хищников. Особенное внимание должно быть обращено на агитацию среди цветных войск против империализма.

12) Бороться за немедленную эвакуацию союзниками германских областей и за увод войск из всех стран, областей и территорий (Дальний и Ближний Восток, Африка и т. д.), оккупированных по мандату Лиги Наций, т.-е. по праву сильного.

13) Бороться за разоружение белогвардейских буржуазных организаций, за вооружение рабочих масс, за создание во всех странах рабочих правительств, задачей которых будет провести против воли господствующих классов вышеуказанные требования.

14) Организовать 8/15 января международную неделю борьбы против войны, против Версальского договора, против империализма, против диктатуры капитала, за власть труда.

Такова наша «пацифистская» платформа. Надо отметить, что наиболее радикальные пацифистские дамы, которые принимали почти всю нашу платформу, в ужасе останавливались перед вооружением рабочих и сладким голосом спрашивали тов. *Радека:* «Почему вы вставили такой пункт? Нельзя ли выкинуть вооружение рабочих? Ведь это может привести к гражданской войне, тогда как мы против всякой войны». На это тов. *Радек* со свойственной ему вежливостью отвечал, что он охотно уступил бы им вооружение рабочих, если бы он был против гражданской войны.

Представители профсоюзов или агенты своего правительства?

«Мы приехали сюда для борьбы со своими правительствами, тогда как вы приехали в Гаагу для того, чтобы вести национальную политику и защищать международную политику вашего правительства»,—так говорил с астрономическими жестами, указывая на нас перстом, былой антимилитарист, а ныне патриот французского отечества гр. *Леон Жуо.* На ту же тему не преминул, конечно, высказаться и *Вандервельде,* который подчеркнул империалистическую политику Советского правительства. Не мог остаться равнодушным к этому неслыханному подчинению свободных и независимых профсоюзов правительству также советник его величества, герой «Черной пятницы», председатель Совета железнодорожников и Амстердамского Интернационала гр. *Томас.*

Все они с ужасом говорили о том, что русские профсоюзы ведут ту же самую политику, что и Советское правительство, тогда как они, собравшиеся здесь представители «свободных» и «независимых» организаций, борются против своих правительств и своей буржуазии. Нападки и упреки этих «независимых» людишек нас очень веселили, и мы от души хохотали над всеми этими кривляниями бывших, настоящих и будущих буржуазных министров и королевских советников.

Задача этих господ заключалась в том, чтобы подчеркнуть свое несогласие с внешней политикой Советского правительства и свое согласие с внешней политикой своих буржуазных министров. Это они делали довольно часто. Мы в ответ на демагогию этих независимых от социализма социалистов, заявили публично: «Да, мы солидарны с Советским правительством, потому что это наше рабочее, революционное правительство. Русская революция не могла бы существовать и одну неделю, если бы русские союзы не поддерживали всей своею мощью свое рабочее правительство. Это мы говорим совершенно открыто. А вот вы, поддерживающие свои буржуазные правительства — вы об этом не говорите. Вы стараетесь затушевать этот факт. Вы не имеете мужества сказать всю правду о ваших отношениях с вашими правительствами. Имейте же мужество это признать, сказать так же открыто, как и мы, что вы тесно и органически связаны с вашими правительствами». Это наше заявление было встречено ревом; особенно вопили гр. гр. Ренодель и Леон Жуо. На воре и шапка горит.

Мертвый труп утоплого человека.

Когда начинаешь подводить итоги этого в высшей степени странного Конгресса Мира, то приходишь к одному убеждению: этот Конгресс был в буквальном смысле слова с'ездом опустошенных душ, с'ездом мертвых людей. Конгресс собрали в Гааге. Почему именно здесь?— Да потому, что здесь нет рабочих, что в этом городе рантье, жирного сыра и тумана не нужно было давать никакого отчета интересующимся проблемой войны и мира пролетариям. Они могли бы в той же самой Голландии выбрать рабочий центр, хотя бы Амстердам. Они предпочли мирное житие подальше от бурного рабочего моря. Они хотели было созвать свой Конгресс во Дворце Мира, но их туда не пустили. Они его устроили в Зоологическом Саду. Место это было в высшей степени подходящее для этих господ. Вся пацифистско-реформистская фауна была здесь на-лицо: от крокодилов священного единения до болонок буржуазных правительств. Воочию наблюдая представителей 2, 2½ и Амстердамского Интернационалов за работой, видя их изысканную вежливость и предупредительность по отношению к буржуазным правительствам и наглое поведение по отношению к революционным рабочим, чувствуешь, как далеко пошло разложение рабочего реформизма. Эти живые мертвецы еще произносят речи от имени пролетариата. Они устами *Томаса* обвиняли даже коммунистов в том, что эти последние помешали железнодорожникам и транспорт-

никам поддержать в свое время английских горнорабочих. В этих смердящих телах живет одна страсть — ненависть к революционному рабочему движению, которое широким, бурным потоком затопляет их реформистские кладбища. Это поколение руководителей умерло для дела рабочего движения. И величайшей задачей европейского рабочего движения является — освободить широкие рабочие массы от трупного яда разлагающихся реформистских верхов.

Итак, что представляет собою Международный Конгресс Мира в Гааге? — На это дал ответ один из чеховских героев: *мертвый труп утоплóго человека.*

(«Красн. Интерн. Профсоюзов», дек. 1922 г. Берлин, 17 декабря 1922 г.).

Амстердамский Интернационал и борьба против войны.

Немножко истории.

Амстердамский Интернационал возник непосредственно на развалинах социалистического и профессионального интернационалов. Он возник на Бернской Конференции в начале 1919 года и окончательно сложился в июле 1919 года на международном конгрессе в Амстердаме. Трудны были роды этого нового интернационала. Организаторам его предстояло разрешить в высшей степени сложный вопрос — создать интернационал из тех руководителей профдвижения, которые были самыми бешеными националистами во время войны. Все еще помнят те еле сдерживаемые националистические страсти, которые кипели на амстердамском конгрессе. Предварительным условием допущения немецких профсоюзов в интернационал победители, т.-е. представители стран Антанты, ставили признание со стороны немецких профсоюзов виновности Германии. На этой почве в комиссиях происходили столкновения, которые закончились, как известно, выступлением *Зассенбаха*, признавшего вину Германии в оккупации Бельгии и недостаточно активное поведение лидеров немецкого профдвижения в этом вопросе. Он об'яснял это неосведомленностью их в положении дела. Это в высшей степени скромное и бледное заявление было потом дезавуировано генеральной комиссией Всеобщего Об'единения Профсоюзов Германии. Руководители немецкого профдвижения считали, что им не в чем извиняться перед победителями, во всяком случае, они не хотели сделать более того, что сделало буржуазное правительство их страны.

Так сложился Амстердамский Интернационал и начал жизнедеятельность. Кто внимательно следил за взаимоотношениями между профессиональными организациями союзных стран и профсоюзами центральных держав тот мог убедиться, что старое соперничество и национальная рознь, и даже ненависть остались попрежнему на верхушках; руководители профдвижения всех этих стран друг другу явно не доверяют, на что имеют, конечно, весьма серьезные основания. Но положение обязывает. Рабочий класс, обескровленный войною, ищет выхода из увеличивающихся и осложняющихся противоречий. Боясь быть выброшенными из рабочих организаций, социал-националисты всех стран должны были создать интернационал.

Победа союзников над Германией имела следствием также и победу профсоюзов Антанты над немецким профессиональным движением. Известно, что до войны во главе международного об'единения профсоюзов стояли немцы. Победа союзников сделала невозможным оставление во главе нового интернационала *Карла Легина*. *Легин* не только был смещен с должности генерального секретаря, но его даже не хотели выбрать на первом конгрессе и в президиум. Эта манифестация против *Легина* вызвала протест со стороны представителя Австрии *Гюэбера*, который заявил: «Мы вместе боролись, вместе страдали и вместе будем и дальше страдать». Руководство в международном об'единении профсоюзов таким образом досталось союзникам. Председателем был избран *Эппельтон*, а первым вице-председателем — *Жуо*. Но для того, чтобы показать свою об'ективность, победители установили местопребывание нового Интернационала в нейтральной стране, именно в Голландии. Практическими руководителями работы были выбраны два провинциальных голландских чиновника — *Фиммен* и *Удегест*, которые должны были служить посредниками между враждующими лидерами националистического профдвижения.

Это недавнее прошлое не могло не наложить глубокую печать на всю деятельность Амстердамского Интернационала, который в течение всего своего существования не в состоянии был организовать ни одной серьезной международной кампании вследствие внутренних националистических противоречий. На всех международных конгрессах — амстердамском, лондонском, римском и гаагском — представителей Германии и Австрии только терпели, заставляя их часто подписывать такие резолюции и постановления, которые противоречили их националистическим чувствам и интересам. Мы увидим дальше, что, если представители Германии и подписывали многие резолюции, то это ни на шаг не подвигало дела вперед, ибо они считали себя точно в таком же положении, в каком находится и германское правительство по отношению к союзникам: нужно, мол, подписывать то, с чем ты не согласен, раз сила на противной стороне.

Проблема репараций.

Если пересмотреть внимательно резолюции всех конгрессов Амстердамского Интернационала, то мы увидим, что преобладающее место занимают резолюции по вопросам экономическим. Это неудивительно, ибо международное положение требовало от каждой организации ответа на крайне острые и волнующие рабочий класс вопросы. Но в какой плоскости ставилось все это? — Как известно, наиболее острым является вопрос о репарациях. Как же отнеслись к этому вопросу Амстердамский Интернационал и входящие в него об'единения? — Представители профсоюзов Англии, Франции и Бельгии с самого начала заявили, что возмещение Германией убытков является священным долгом немецкого народа и столь же священным правом победителей. Побежденные представители центральных держав хотя и очень сомневались насчет священных прав победителей,

но если они были против силы аргументов, то они вынуждены были признать аргумент силы. Амстердамский Интернационал занимается, таким образом, все время репарционной проблемой, при чем все предложения Амстердамского Интернационала сводятся к тому, что Германия должна все исправить по мере своих финансово-экономических ресурсов и сил. Есть ли что-нибудь социалистическое в этой формуле? Абсолютно ничего. Английская буржуазия, которая более дальновидна, чем буржуазия французская, уже давно выступила с лозунгом о том, что нужно требовать от Германии выполнимых вещей, и вся борьба между Францией и Англией фактически свелась к тому, что Франция, не считаясь с экономическими ресурсами Германии, хотела во что бы то ни стало получить все, тогда как Англия, учитывая экономические возможности, предлагала давать отсрочки и уменьшить репарационные обязательства Германии до пределов их выполнимости. Вот эта политика английской буржуазии была все время также и политикой Амстердамского и, скажем к слову, 2 Интернационала. Руководители Амстердамского Интернационала, представители французских и бельгийских союзов прикрашивали, конечно, свои предложения целым рядом красивых слов о международной солидарности, но в основе своей они отстаивали ту же точку зрения, что и английское правительство. Да это и понятно: дальше политики либеральной буржуазии деятельность националистических лидеров Амстердамского Интернационала никогда не шла. Со стороны руководителей французской реформистской Конфедерации Труда были попытки разрешить репарационный вопрос по соглашению с немецкими профсоюзами. Для этого была даже создана франко-германская строительная гильдия, при чем эта гильдия, по предложению *Жуо*, должна была взять на себя восстановление некоторых участков наиболее разрушенных областей Франции. Такому способу соглашения даже между реформистскими союзами воспротивились капиталистические круги как Франции, так и Германии, ибо и те, и другие рассчитывали на репарациях нагреть руки. Французская пресса и французское правительство начали саботировать это соглашение, и неожиданно для франко-германской гильдии состоялся известный договор *Люберзак-Стиннес* по поводу восстановления разрушенных областей. Таким образом, все старания гражданина *Жуо* запречь непосредственно своими руками немецких рабочих не удались. Французские и германские капиталисты были того мнения, что немецкий рабочий должен быть, конечно, в упряжке, но управлять им должен богом поставленный немецкий предприниматель. Об этих своих заключениях гражданин *Жуо* грустно повествует в «Le Peuple», при чем он старается уверить своих читателей, что созданные им франко-германские гильдии должны были служить для сближения демократии обеих стран, для сближения немецких и французских рабочих.

Так руководители профдвижения обеих стран ничего лучшего не могли найти для сближения рабочих, как возложение репарационных тягот на плечи трудящихся Германии. И те, и другие забыли,

что по обеим сторонам границы имеются финансово-промышленные акулы, нажившиеся на международной бойне, на которых именно и следовало переложить все тяжести репараций. Амстердамский и Второй Интернационал стоят твердо на почве возмещения убытков со стороны Германии. На этом принципе строились все их резолюции по этому вопросу. А тот, кто признает справедливость таких принципов, должен ведь признавать и справедливость репрессий против невыполнения обязательств. Очевидно, так. Но здесь-то и начинаются зигзаги и колебания Амстердамского Интернационала, который не мог, конечно, стать на точку зрения французского правительства, берущего за горло немецкого должника. Амстердамский Интернационал освящал все время репарационные платежи и требовал устами своих виднейших руководителей восстановления разрушенных областей, предлагая целый ряд косвенных мер для того, чтобы мирным путем разрешить основной узел современной политики. Вместе с тем он каждый раз отступал перед репрессиями, логически вытекающими из системы репараций.

Право и справедливость через Лигу Наций.

Отрицая насильственное разрешение репарационного вопроса, Амстердамский Интернационал и его важнейшие секции должны были, конечно, найти высшую инстанцию для разрешения всех конфликтов. Во всей идеологии Амстердамского Интернационала на первое место выступает право. Деятели Амстердамского Интернационала — против насилия и насильственных методов, против того, чтобы насильственно навязывать побежденному народу выполнение определенных обязательств: они за соглашение, за мирное разрешение вопросов, за то, чтобы право торжествовало над силой. Но о каком праве может итти речь? Кто это право должен создавать, кто его определит, и каково содержание этого права? И есть ли вообще такое общечеловеческое право, которое может быть достаточно авторитетным для всех стран, для всех народов, для всех классов? Мы, грешным делом, думаем, что такое право — фикция, что оно не существует. Но Амстердамский Интернационал придерживается другого мнения. Он возлагает большие надежды на международные жюри, состоящие из представителей крупнейших стран, и на все те статуты, которые были созданы Лигой Наций. Таким образом подчеркивается, что существует какое-то внегосударственное и внеклассовое право, которое выше всех народов, и которому все должны подчиняться.

Из каких же элементов складывается это право? Как только начинаешь подходить ближе к этой фразеологии, то видишь всю ее пустоту, ибо до настоящего времени все эти международные суды составлялись из наиболее квалифицированных представителей буржуазной юстиции и буржуазной адвокатуры. В эти суды профессора международного, частного и публичного права вносят то, на чем построено представляемое ими общество. Они исходят из незыблемости частной собственности и из святости эксплоатации. Вся эта

международная юрисдикция ни разу не разрешила ни одного вопроса, все решала материальная сила участников: у той стороны было больше прав, которая была сильнее; брало верх право того государства, которое имело больше пушек и больше броненосцев, являющихся, как известно, вещественными доказательствами незыблемости невещественных принципов международного права. И поэтому жалкое впечатление производят руководители Амстердамского Интернационала, постоянно ссылающиеся на право, на международную юрисдикцию и возлагающие какие-то надежды на Лигу Наций. На какую Лигу Наций надеются они? На ту, которая сейчас существует и представляет собою трест победителей для эксплоатации слабых и побежденных народов? Или, может быть, они думают, что эту скверную Лигу Наций можно превратить в хорошую Лигу Наций? Повидимому, они так и подходят к вопросу. Это показал международный конгресс в Гааге и десятки резолюций международных и национальных конгрессов, которые усвоили себе обычай возлагать на Лигу Наций разрешение таких вопросов, какие они сами для себя считали невозможным разрешить. Дело все время идет о той самой Лиге Наций, которая создала Версальский договор и которая создана по Версальскому договору, которая разрешила «силезский вопрос», расчленила Австрию и назначила ей сейчас международного опекуна, которая грабит Турцию и т. д. Другой Лиги Наций в природе нет; она существует лишь в головах амстердамских руководителей, которые мечтают о ее идеальных добродетелях, когда им не спится. Вот почему такой фальшью и лицемерием веет от каждого постановления Амстердамского Интернационала, когда он ссылается на отвлеченное право и на идеальную Лигу Наций. Эти представители рабочих даже не подозревают, что существует классовое право, которое ничего общего не имеет с правом буржуазным, что наше наиболее священное право — это право революции, и что все их вопли о насилии вообще направлены также и против права пролетариата восстать против своих эксплоататоров. Они это всеми своими речами доказали, когда выступили резко против идеи классовой войны. Эти типичные буржуазные пацифисты, стоящие на точке зрения незыблемости существующего строя, высказываются против классовой войны, когда она ведется со стороны пролетариата, но они ничего не делают, пальцем о палец не ударяют, когда классовая беспощадная война беспрерывно ведется против пролетариата со стороны буржуазии.

Среди руководителей Амстердамского Интернационала имеются не только жалкие романтики отвлеченного права и премудрые пискари, стоящие за отвлеченную справедливость. Там имеются и прожженные плуты, которые потому и выдвигают отвлеченное право, чтобы отвлечь рабочих от их священного права насилия. Амстердамский Интернационал был и остался международной организацией для саботажа революции. Разговор об отвлеченном праве является только лишь одним из средств этого саботажа.

О международной забастовке на случай войны.

Со времени окончания «великой и освободительной» войны Европа не выходит из состояния военной лихорадки. Война по существу ни на минуту не прекращалась, она вспыхивала то там, то здесь, и если в центральной Европе пушки перестали стрелять, а аэропланы и удушливые газы распространять свое цивилизаторское влияние на народы, то это не значит, что война прекратилась. Экономическая борьба приняла крайне острый характер, и каждый момент можно было ожидать новой международной бойни. Рабочий класс всех стран, истощенный и обессиленный войною, несомненно, войны не желает. Перед руководителями Амстердамского Интернационала стала, таким образом, задача оформить это глухое недовольство и ненависть к войне. Как же это сделать? Каким образом об'единить недовольство рабочих разных стран и придать ему ясность и максимально-грозный характер? Известно, что в 1921—1922 г. состоялся ряд совещаний крупнейших международных об'единений рабочих-металлистов, транспортников и др., которые выдвинули идею международной стачки против войны. «Если начнется война, мы об'являем забастовку»—таков был лозунг, который бросили в массы руководители Амстердамского Интернационала.

Римский Конгресс (апрель 1922 года) Амстердамского Интернационала заявил, что «обязанность организованных рабочих оказать противодействие всякой войне, которая могла бы вспыхнуть в будущем, всеми средствами, какими располагает рабочее движение, и предотвратить возникновение войн об'явлением и проведением в жизнь всеобщей международной стачки». Эта резолюция была принята от имени профсоюзов Франции, Англии, Германии, Италии, Австрии, Бельгии, Чехо-Словакии, Польши, Швеции, Дании, Норвегии, Голландии, Испании, Швейцарии, Венгрии, Латвии, Югославии, Люксембурга и Болгарии, которые,согласно отчетам Амстердамского Интернационала, об'единяют 24 миллиона организованных пролетариев. Кроме того, к этой резолюции присоединились также представители международных профессиональных об'единений транспортников, горнорабочих, металлистов, химиков, сельскохозяйственных рабочих, текстильщиков, служащих, почтово-телеграфных работников, государственных служащих, деревообделочников, строителей, швейников, печатников, кожевников, пищевиков; табачников, литографов, шапочников, диамантщиков, музыкантов и маляров. Таким образом, согласно сообщения Амстердамского Интернационала, 24 миллиона пролетариев, находящихся в Европе, об'единенных в общем Интернационале, и затем в 23 Интернационалах по производствам, обещали торжественно устроить всеобщую стачку, дабы предотвратить военные столкновения.

Но что это значит: международная забастовка на случай войны? Это означает прекращение работ во всех странах, независимо от того, которая из стран формально нападает и которая формально защищается. Это есть отрицание идеи защиты отечества, ибо, если стоять на точке зрения оборонительных войн, то сама идея о *между-*

народной забастовке отпадает. Тогда рабочие той страны, которая вместе с буржуазией «защищается», должны были бы требовать от рабочих нападающей страны, чтобы те бастовали, тогда как они сами будут помогать своей буржуазии воевать. Но здесь имеется еще и другая сторона: возможно ли вообще организовать международную забастовку, и как это случилось, что Амстердамский Интернационал, являющийся воплощением рабочего консерватизма, принял такую «революционную» резолюцию? И неужели реформистские вожди Амстердамского Интернационала полагали, что они в самом деле в состоянии будут провести международную забастовку? Прежде всего, о забастовке на случай войны: если подойти к этому вопросу серьезно, то совершенно очевидно, что забастовка в момент возникновения войны почти-что невозможна. Весь аппарат государственной власти направлен против пролетариата. Момент об'явления войны менее всего благоприятен для крупных революционных выступлений. Имеются слои пролетариата, которые всей своей идеологией связаны с буржуазным государством, находятся под влиянием националистической пропаганды, и которые не только не примкнут к забастовке, но, наоборот, будут всячески ей противодействовать. Нужны особо благоприятные обстоятельства для того, чтобы эту забастовку осуществить; нужна исключительная обстановка, чтобы вовлечь в нее широкие массы, и серьезная организация длительной подготовки и работы в армии; нужна большая предварительная агитационно - пропагандистская воспитательная работа, чтобы сделать рабочего и его организации способными к этому решительному шагу, который может наступить не в момент возникновения войны, но во время самой войны, перед ее окончанием и т. д. Все эти трудности известны реформистским руководителям. Они, принимая эту резолюцию, ни одной минуты не сомневались в том, что забастовка у них не выйдет, но им необходимо было дать популярный лозунг рабочим, нужно было показать рабочим массам, что они стоят на страже их интересов, что они будут оказывать противодействие и сделают все, дабы сломить военную стихию. Для того, чтобы оставить рабочего под гипнозом реформистских идей, был выброшен лозунг, заведомо неприемлемый для реформистов, который, кстати сказать, по своей отвлеченности, представляет лишь орудие агитации, но не действия. Вот почему, когда этот вопрос был поставлен на Международном Конгрессе Мира в Гааге, сразу же выросли длинные реформистские уши у этих «революционеров». Когда представитель русских профсоюзов заявил о том, что международная забастовка противоречит национальной защите, выступил пацифист *Квиде* и сказал, что всеобщая забастовка против войны не означает ни социалистической революции, ни отрицания защиты отечества. *А Вандервельде* прямо заявил, что для него признание международной забастовки не есть отрицание законного права защиты отечества.

Что же ответили на эти заявления руководители Амстердамского Интернационала? Представитель союзов Антанты *Жуо* заявил, что

«требования профсоюзов стремятся к тому, чтобы во всех спорных вопросах между народами были отвергнуты какие бы то ни было методы насилия. Не насилие, а право должно решать спорный вопрос; это право должно быть гарантировано в каждой стране настоящей Лигой Наций». «Право должно быть гарантировано»—ну, а если оно не гарантировано, спросим мы *Леона Жуо?* Затем, какое право? Кому принадлежит право на Силезию? Кто гарантирует право турок на проливы и на Константинополь? И как надо понимать право Франции на Тунис, Алжир, Марокко и на порабощение Австрии? Жалкие бесстыдные болтуны, замазывающие суть вопроса пустыми бессодержательными фразами! В то время, когда союзные социал-патриоты танцуют на задних лапках вокруг Лиги Наций и возлагают на нее великие надежды, социал-патриоты центрально-европейских стран продолжают плакать о потерянном рае. Не имея сил для того, чтобы фактически защитить свое буржуазное отечество, они начинают даже говорить против защиты отечества вообще. Так, *Лейпарт*, руководитель германских профсоюзов, в последнем номере «Korrespondenzblatt» (от 23 декабря 1922 г.) пишет: «Поднятый *Вандервельде* вопрос о законном праве на защиту отечества против вражеского нашествия встретил ряд основательных возражений со стороны различных ораторов, потому что разница между наступательными и оборонительными войнами может с самого начала свести на-нет самую пропаганду против войны, так как при каждой войне злоупотребляли понятием защиты отечества. Это, конечно, правильно, но законная любовь к отечеству, тем не менее, будет играть в будущем определенную роль при применении всеобщей забастовки, как средства борьбы против опасности войны». И дальше он продолжает: «Пока что можно согласиться с ответом *Жуо* на вопрос *Вандервельде* о том, что Лига Наций должна гарантировать каждой стране право на существование». Все это хотя и туманно, но в достаточной степени ясно. Гражданин *Лейпарт* очень мало поступится интересами нации, как и *Вандервельде*, и в случае новой бойни они пошлют опять резать горло друг другу пролетариев обеих стран.

Оккупация Рурского бассейна и миротворчество Амстердамского Интернационала.

Когда представители Амстердамского и 2-го Интернационалов забирались в заоблачные высоты и угрожали своим правительствам международной забастовкой, мы им говорили: «Не обещайте больших кровопролитий в будущем, займемся сейчас Лозаннской конференцией и оккупацией Рурского бассейна, ибо если вы хотите помешать войне, то нужно воспрепятствовать оккупации Рурского бассейна и удушению турецкого народа».—Многочисленные ораторы всех реформистских интернационалов отвечали нам насмешками и нападками на националистическую политику Советского правительства. Они считали, что достаточно ограничиться отвлеченным протестом. В этом отношении особенно характерна резолюция, которая была предложена от имени французской Конфедерации Труда, французской социали-

стической партии, бельгийской рабочей партии и бельгийских профсоюзов. В этой резолюции, прежде всего, говорится о том, что восстановление разрушенных областей Бельгии, Франции и Италии (а разрушенные области Сербии, Турции, России, Германии? — *А. Л.*) являются необходимым предварительным условием морального и материального мира народов. После этого торжественного заявления резолюция осуждает политику принуждения и насилия, хотя бы она даже и соответствовала букве договоров. Конгресс высказывается против военной оккупации Рурского бассейна.

Что же предлагают эти три делегации Конгресса и что принял Конгресс, который, с одной стороны, считает справедливыми репарации, а с другой—высказывается против методов насилия? «Конгресс поручает всем представленным на нем группам и организациям распространить, как можно шире, его торжественный протест и он взывает к народам, являющимся выразителями всемирной совести, противопоставить их твердую волю всем насильственным мерам, угрожающим цивилизации и миру». Вот все, что высидел Международный Конгресс в Гааге против оккупации Рурского бассейна: торжественный протест «всемирной совести» против пушек, удушливых газов, танков и прочих орудий нынешней военно-полевой цивилизации. Но так как одновременно с этой резолюцией была принята другая, где рабочие организации и буржуазные пацифисты призывались оказывать противодействие войне об'явлением и проведением в жизнь всеобщей забастовки, то можно было надеяться, что, как только начнутся военные осложнения, Амстердамский Интернационал и примыкающие к нему организации начнут проводить в жизнь все резолюции, в том числе и резолюцию, принятую от имени 24 миллионов рабочих в Риме, и особенно ту, которая была торжественно принята на Международном Конгрессе, в Гааге. Но, увы, не прошло еще и трех недель после принятия резолюций, как они уже оказались обычным жалким клочком бумаги. За несколько дней до вступления французских войск в Рурский бассейн реформистская Конфедерация Труда Франции и социалистическая партия этой страны выпустили манифест, в котором, ссылаясь на Международный Конгресс Мира в Гааге, протестуют против предполагающихся насильственных действий. В этом манифесте говорится: «Мы требуем от правительств, чтобы они, если они не хотят себя дискредитировать перед цивилизованным мнением, подчинили арбитражной Лиги Наций все спорные вопросы между союзниками и Германией, касающиеся интерпретации и выполнения пунктов Версальского договора. Мы торжественно отвергаем политику, которая может возбудить против Франции подозрения, что она преследует прикрытую аннексию части немецкой территории». Этот проект призывает к единству французского и английского правительств, ибо разногласие между ними только способствует эгоистическому противодействию немецкого капитала. Манифест обращается ко всем людям, которые сохранили в себе мысль, гордость и демократическое право: «пусть все они покажут правительсвту волю нации». Вот все,

что можно выудить из манифеста французских амстердамцев! Ни одного намека на какие бы то ни было действия, ни одного практического шага или предложения. Ссылка на честных людей, на гордость, на демократическое право, на волю французской нации, торжественные протесты, душеспасительные разговоры — и только.

Одновременно с этим гражданин *Вандервельде* заявил, что, если спокойствие в Европе до сих пор не наступило, то вина за это падает на эгоизм немецких промышленников. Мы нисколько не сомневаемся в том, что немецкие промышленники ведут эгоистическую классовую политику. Ну, а промышленники Бельгии и Франции не имеют никакой вины во всей той разрухе, которая охватила Европу? *Вандервельде* не видит всего того, что касается его отечества и Франции. Он видит лишь те обиды, которые германский капитализм учинил его отечественному капитализму, и поэтому он уже заранее выступает защитником насильственных действий французского и бельгийского правительств против Германии. А Амстердамский Интернационал, обещавший в Гааге большие кровопролития, он что делает? Он выпустил воззвание-протест, в котором предлагает передать вопрос на разрешение Лиги Наций. Французские войска занимают Эссен, Рурскую область, Франция давит солдатским сапогом трудящиеся массы Германии, а Амстердамский Интернационал, клявшийся несколько недель тому назад, что он устроит международную забастовку, как воды в рот набрал, и ни слова больше о забастовке.

Где же все клятвы? Где же международная забастовка, которая должна была помешать всякой войне? Или оккупация Рурского бассейна недостаточно серьезный мотив для всеобщей забастовки, а факт расчленения Германии слишком незначителен для того, чтобы французские, бельгийские и английские руководители профессионального и социалистического движения приняли серьезные меры? Почему Бюро, специально избранное Амстердамским Интернационалом для противодействия войне, ничего не предпринимает, почему оно не призывает к забастовке? Да просто потому, что резолюция о забастовке была лицемерной декларацией, в которую никто не верил, ибо Амстердамский Интернационал представляет собою лишь сумму национальных и националистических элементов, и те организации, которые должны осуществить забастовку, если не формально, то фактически поддерживают свои правительства и не хотят оказать им никакого насильственного противодействия. Французские и бельгийские реформисты не могут бороться против своих правительств хотя бы уже по той причине, что они стоят на точке зрения справедливости системы репараций. Так, Амстердамский Интернационал, обещавший международную забастовку, через три недели после торжественного Конгресса уже показал свою неспособность, неумение и нежелание организовать какое бы то ни было действительно международное выступление против войны. То, что было ясно для нас, для русской делегации, теперь стало ясным для сотен тысяч революционных пролетариев средней Европы и Аме-

рики. Единственно, что амстердамцы всех стран выполнили — это заключение блока с буржуазией. Гаага сама по себе была уже воплощением этого блока. Германские социал-демократы вошли в соглашение со своей буржуазией, а французские реформисты и французские социал-демократы заключили блок с Лигой Прав Человека для того, чтобы совместно заниматься отвлеченными протестами против неотвлеченной насильнической политики своего правительства. И те и другие отвергли единый фронт в своих странах — и этим они выполняют постановление Гаагского Конгресса. Гаагский Конгресс отклонил единый фронт пролетариата, он отверг предложение русской делегации и предпочел буржуазный блок пролетарскому блоку. Все то, что было направлено в Гааге против революции, было выполнено. То, что имело даже намек на революционное действие, что должно было хотя бы в малейшей степени подвинуть вперед дело борьбы за мир—все это оказалось мертвой буквой. В минуту максимального напряжения националистических страстей, в момент продвижения французских войск, когда нужны были действия со стороны Амстердамского Интернационала, когда он должен был призвать к международной забастовке, должен был, ссылаясь на решения Гаагского Конгресса, потребовать выполнения взятых на себя обязательств, в этот самый момент Амстердамский Интернационал ограничился протестом и указанием адреса Лиги Наций, которая все, мол, должна разрешить. Жалкие банкроты и демагоги!

Заключение. Амстердамский и Второй Интернационалы обанкротились. Французская реформистская Конфедерация Труда и социалистическая партия Франции, вместе с Лигой Наций, которые клялись в Гааге бороться против войны, которые приняли резолюции Римского Конгресса, показали свою несостоятельность. Мы и раньше не верили им; теперь же им перестанут верит сотни тысяч их сторонников. Кто же оказался на высоте в эти тревожные дни? Только те, которые предлагали Гаагскому Конгрессу единый фронт: коммунисты и революционные синдикалисты. Те, против которых были направлены все речи на Гаагском Конгрессе, кто является пугалом для реформистских болтунов, потому что они не хотят классового мира, а требуют классовой войны. За несколько дней до наступления французских войск состоялась в Эссене конференция, на которой были представлены коммунистические партии и союзы заинтересованных стран. По инициативе Международного Комитета Действия были созваны представители трех Международных Комитетов: железнодорожников, горнорабочих и металлистов. Французские коммунисты и французские синдикалисты, не в пример реформистским болтунам, повели ожесточенную борьбу против насильнической политики. Правительство сразу увидело, где враг. Оно оставило в покое господ *Жуо, Реноделя*, обратившихся к совести народа и взывавших к справедливости и мудрости правителей. Оно начало свирепые репрессии против революционных рабочих, желая в корне задушить

революционный протест французского пролетариата. Таким образом, в минуту опасности, в момент столкновения единственным антивоенным фактором оказались коммунистическая партия и революционные союзы, которые воплощают в себе революционные интересы международного пролетариата. Пусть французское правительство свирепствует против наших товарищей, пусть оно их сажает в тюрьму и предает суду за измену—рабочий класс видал уже не такие преследования. Слишком дорого обошлась международному пролетариату война, чтобы он остановился перед жертвами для предупреждения новой бойни.

Но международный пролетариат извлечет еще один урок из последних событий. Для того, чтобы приостановить войну, следует вести ожесточенную борьбу против правительства, против буржуазии, нужно вести непрерывную классовую войну. А для того, чтобы эта война давала результаты, чтобы добиться успеха, необходимо также повести ожесточенную войну против реформистских вождей, развращающих и деморализующих рабочее движение. Вместе с криком «Долой войну!» во всех рабочих собраниях, повсюду и везде должны раздаваться лозунги: «Долой реформизм! Долой тех, кто превращает в клочок бумаги принятые на себя обязательства, кто изменяет на каждом шагу интересам рабочего класса! Долой буржуазию и долой тех, кто заключает с нею блок!». Под этими лозунгами пойдет в ближайшее время борьба против Амстердамского Интернационала, который лишний раз показал, что он на словах с рабочим классом, а на деле с буржуазией, что он на словах обещает забастовку, а на деле своим воздержным, отвлеченным протестом только развязывает руки международной реакции. Вот тот урок, который вынесут рабочие всех стран из оккупации Рурского бассейна.

(„Красн. Интерн. Профсоюзов", январь 1923 г.)

Единый фронт расширяется.

(Международная Конференция Транспортников.)

Блокада русских союзов.

Одновременно с империалистической блокадой Советской России происходила реформистская блокада русского рабочего движения и русских профессиональных союзов в особенности. Амстердамский Интернационал и все его ответвления ни за что не хотели вступать с русскими союзами в какие бы то ни было сношения, ввиду их «зловредного коммунистического направления. Два года под-ряд русские профсоюзы вместе с революционными профсоюзами других стран упорно стучались в двери международных об'единений по производствам, но каждый раз получался один и тот же ответ: «Не может быть принят, ввиду принадлежности к Профинтерну». Некоторые Международные Секретариаты выражали сомнение насчет существования профсоюзов в России, прибавляя, что русские союзы только тогда удостоятся быть принятыми, когда они перестанут быть советскими и коммунистическими. Таким образом, русским союзам предлагали купить свое допущение, предварительно превратив себя в орудие контр-революции. Русские союзы все же настойчиво продолжали добиваться приема, одновременно организуя всех сторонников Профинтерна по производственной линии. Так создан был ряд Международных Комитетов Пропаганды по производствам, которые сплотили не только самостоятельные союзы, но и серьезные меньшинства в реформистских союзах всех стран. Прорыв реформистской блокады шел таким образом по горизонтальной и по вертикальной линии. Напрасно Амстердамский вместе со II Интернационалом с энергией, достойной лучшей участи, стремились удержать свою собственную армию на антисоветском фронте, доказывая, что блокада русского пролетариата—в интересах международного пролетариата. Это с каждым днем становилось все труднее и труднее. Реформистский фронт распадался, отдельные отряды этой линии поворачивали оружие против них и начинали бороться вместе с пролетариатом и профсоюзами России.

Единый фронт в профдвижении.

Когда Коминтерн и Профинтерн выдвинули идею единого фронта, это было встречено бешеным воем со стороны реформистских гробокопателей. «Это—подвох. Это—новый маневр Москвы. Это — бесстыдная демагогия», так кричали на всех перекрестках

руководители международного реформизма. Они намеренно не замечали, что идея единого фронта была выдвинута в момент наивысшего нажима со стороны наступающего капитала, и что, предлагая единый фронт, мы не требовали от правого крыла, чтобы оно перешло на левые позиции, приняв нашу программу и тактику. Нет, мы предлагали всем политическим и профессиональным организациям единый фронт на почве борьбы за повседневные нужды широких масс (8-часовой рабочий день, дороговизна, война, фашистская реакция и пр.) при сохранении политической и организационной самостоятельности заключающих договор сторон. Все попытки Профинтерна создать единый фронт с Амстердамским Интернационалом потерпели неудачу. Наши предложения повести совместную борьбу против террора в Испании и Юго-Славии, против фашистской реакции, против оккупации Рура, против опасностей войны—были отвергнуты с мотивировкой, что-де Амстердамский Интернационал, об'единяющий 24.000.000 членов, сам в состоянии вести борьбу и не находит нужным вступать в какие бы то ни было соглашения с «так называемым Красным Интернационалом Профсоюзов». Или, как ответил телеграфно один из реакционных английских лидеров, Ходжес, на предложение русского союза горнорабочих о совместных действиях против оккупации Рура: «В инструкциях из Москвы мы не нуждаемся». Наткнулись мы также на решительный отказ создать единый фронт и на международном конгрессе мира в Гааге. Так, официальный докладчик, Трульстра, от имени Амстердамского и покойного двухсполовинного Интернационала заявил, что с коммунистами можно будет заключать единый фронт только после того, как они пройдут карантин... Этот постоянный и резкий отказ производил на непосвященных впечатление силы. А на самом деле было наоборот: чем слабее себя чувствовали руководители международного реформизма, тем рѣзче они выступали против единого фронта, боясь в совместной борьбе потерять остатки своего влияния. Но в то время, как лидеры международного профдвижения впадали в истерику при одной мысли об едином фронте, в массах сознание необходимости единства действий росло, становилось все яснее и яснее. Тогда борьба за единый фронт была перенесена внутрь реформистских организаций, а это означало—прорыв реформистской блокады...

Развал Амстердамского Интернационала.

Что Амстердамский Интернационал присвоил не принадлежащее ему имя Интернационала,—это было ясно с самого момента его основания (июль 1919 г.), после того как он высказался за сотрудничество с Лигой Наций через Международное Бюро Труда. К сожалению, тогда еще широкие массы рабочих принимали форму за содержание и верили, что из этой организации, которая, как и II Интернационал, закрепила в другой области победу стран Антанты над центральными державами, может выйти какой-либо толк. Многим казалось, что одного факта формального восстановления Интернационала после разрыва международных пролетар-

ских связей во время войны достаточно для того, чтобы оградить трудящиеся массы от повторения новой «последней» войны. В течение трех лет руководителям удавалось прикрывать красивыми фразами раздиравшие этот Интернационал национальные и империалистические противоречия. Так как широкие массы требовали доказательства готовности Интернационала действовать на случай военных осложнений, то и была задумана гаагская пацифистская комедия. Никто из руководителей Гаагского Конгресса Мира не верил ни одной минуты, что международные действия возможны: об этом Гюисманс сказал открыто в комиссии конгресса, и если была принята резолюция о международной забастовке на случай войны, то это лишь для галерки, чтобы успокоить массы.

Мы, представители русских профсоюзов. на Гаагском Конгрессе, знали, что реформизм, рожденный ползать, летать не может. Но там были такие делегаты, которые думали, что в минуту опасности пацифистские черепахи превратятся в революционных орлов. Оккупация Рура как нельзя лучше вскрыла степень связи отдельных частей Амстердамского Интернационала с господствующими классами. Он оказался бессильным что-либо сделать, потому что в нем национально-государственные интересы всегда подавляли и подавляют международно-классовые интересы, и потому что он с самого возникновения своего связал себя с чисто антантовской системой репараций и буржуазной программой восстановления Европы. Эта политика Амстердамского Интернационала вызвала глухое брожение среди рабочих всех стран, а это в свою очередь вызвало у наиболее чуткой и наиболее честной части руководителей профсоюзов желание найти выход из националистического тупика. Крах прежней политики был очевиден: оставалось либо молча терпеть, видя, как вновь втаптывается в грязь самая идея Интернационала, или же выступить, каковы бы ни были политические и организационные последствия.

Секретарь Амстердамского Интернационала Фиммен выступил открыто с протестом против коалиционной политики, националистических стремлений вождей, вскрывая этим самым гнилой фундамент Амстердамского Интернационала. Откровенные и честные выступления Фиммена вызвали громадное возбуждение в руководящих кругах Амстердамского Интернационала, которые ожидали от своего секретаря всего, что угодно, кроме правды. Банкротство амстердамцев в Рурском конфликте, усилившаяся тяга правого крыла к созданию «гражданского мира», вызвали реакцию в массе, а у части руководителей и стремление организовать отпор новой националистической волне. Единому фронту реформистских руководителей и буржуазии можно было противопоставить только лишь единый фронт с коммунистами, как наиболее активной и революционной частью рабочего класса. Так родилась внутри Амстердамского Интернационала тяга влево, которая нашла свое организационное и политическое выражение в только что закончившейся конференции транспортников.

Подготовка и состав конференции.

Непосредственно после оккупации Рура все Международные Комитеты Пропаганды (транспортников, металлистов, кожевников, горняков и т. д.) обратились к соответствующим международным Секретариатам с предложением о создании единого фронта для борьбы против опасности новой войны. Горняки, в лице Ходжеса, ответили, что они не желают «получать инструкций (?) из Москвы», другие предпочли отмолчаться. Но мысль об едином фронте ни на минуту не покидала Международные Комитеты Пропаганды и русские союзы, и когда Международная Федерация Транспортников выпустила воззвание, в котором забила тревогу по поводу подготовляющейся против Советской России новой интервенции, МКП и русские союзы вновь предложили образовать единый фронт для совместной борьбы против войны и фашизма. Международная Федерация Транспортников ответила, что она хочет вести переговоры только с русскими союзами. Профинтерн, ВЦСПС и все три русских союза транспортников, обсудив это предложение, решили согласиться на более узкое совещание, при условии созыва предварительного совещания революционных союзов транспортников, примыкающих к Профинтерну. Мы с самого начала решили не делать принципа из вопроса о том, кто будет вести переговоры. Важно было переговоры эти начать, найти почву для совместных действий, остальное приложится. На эту точку зрения стала также и созванная предварительно конференция революционных транспортников: она уполномочила русские союзы вести переговоры от имени всех революционных союзов транспортников. Прадставители Международной Федерации Транспортников прекрасно понимали, что дело идет о создании единого фронта со всеми организациями, стоящими на платформе Профинтерна. Вот почему, когда Бидэгарей поднял вопрос о том, «что делает здесь известный, как политик, Лозовский?»—это выступление не встретило сочувствия у его коллег. Роберт Вильямс раз'яснил ему, что присутствие Лозовского «облегчит соглашение с революционными союзами транспортников всех стран, и поэтому мы рады его участию в работах конференции». Со стороны Международной Федерации Транспортников присутствовали: Роберт Вильямс—председатель, Эддо Фиммен—секретарь, Натанс—2 секретарь, Дерииг (Германия), и Бидэгарей (Франция). Со стороны русских союзов транспортников и ВЦСПС присутствовали: Андреев, Ачканов, Садовский и пишущий эти строки. Мы с самого начала заявили, что представляем все стоящие на платформе Профинтерна профсоюзы транспортников и будем вести переговоры от их имени, что и было зафиксировано во всех резолюциях.

Наши разногласия.

Прежде всего начнем с наших разногласий. Роберт Вильямс несколько раз повторял, что он не хочет диктатуры русского пролетариата над западно-европейским пролетариатом. «Когда приходится выбирать между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата, я, конечно, высказываюсь за последнюю», заявил Вильямс,

но тут же шутливо прибавил: «Вся власть Советам... в Москве». Вильямс несколько раз мимоходом также бросил, что «тактика Бомбаччи расчистила дорогу Муссолини». Нам не трудно было доказать всю вздорность этого утверждения, что «русский пролетариат желает диктаторствовать над пролетариатом Европы». Также легко было доказать, что Вильямс не знает политической географии всего континента и в том числе Италии (особенность довольно распространенная среди руководителей английских трэд-юнионов). На его замечание, что русские союзы не должны быть советскими и коммунистическими, также пришлось сделать экскурсию в английское профдвижение, указать на органическую связь верхушки трэд-юнионов Великобритании с английским империализмом и об'яснить, что день превращения русских профсоюзов из коммунистических в реформистские был бы днем падения советского режима.

Представитель Германии Дерінг выдвинул следующее «предварительное требование»» для создания единого фронта. «Надо, говорил он,—чтобы вы оказали влияние на немецких коммунистов, которые поставили своей задачей расколоть профсоюзы Германии». По его мнению, раскол в рабочем движении вызывается причинами личного характера: коммунизм есть продукт распада, коммунистический шум в Германии производит «парочка беспокойных коммунистов», которых нужно заставить не заниматься политикой в профсоюзах. Между прочим, этот «взгляд» на коммунистическое движение, как на недоразумение природы и результат злой воли беспокойных личностей, очень распространен среди многих руководителей Амстердамского Интернационала. Я указал Дерингу, что причины раскола в рабочем движении лежат в военной и послевоенной политике классового сотрудничества руководителей политического и профессионального движения, и что ему, как члену социал-демократической партии, которая претендует на звание марксистской, негоже об'яснять массовое движение злой волей беспокойных людей, и что требование не вносить политики в профдвижение приличествует анархисту, а не члену той политической партии, к которой принадлежало около 100.000 чиновников немецких профсоюзов. Я дальше указал, что вопросы 8-часового рабочего дня, производительности труда, социализации, заработной платы и дороговизны — столь же профессиональные, сколько и политические.

Зато наиболее последовательно развивал свою точку зрения Бидэгарей. Прежде всего, он оспорил с формальной стороны нашу конференцию. «Мы-де часть Амстердамского Интернационала и поэтому не можем предпринимать такого рода шагов без его санкции». По его мнению, соглашение невозможно до тех пор, пока подозрительные личности под флагом коммунизма будут вести травлю против руководителей профдвижения. Единство должно начаться снизу, а не сверху, а потому пусть отколовшиеся союзы войдут в соответствующие союзы старой Конфедерации Труда. До тех пор, пока ушедшие не вернутся в старый дом, а коммунистическая партия будет бороться не против предпринимателей, а против руководителей проф-

союзов, до тех пор, пока не улягутся страсти и существующее взаимное ожесточение—невозможно говорить об единстве действий. Бидэгарей, как и Деринг, пытался ставить нам предварительные условия, но он скоро убедился, что мы имеем гораздо больше прав ставить предварительные условия им, чем они нам. Прежде всего мы отметили попытки Бидэгарея об'яснить раскол в профдвижении и даже самое существование компартии раздраженным самолюбием тех или других лиц. Напомнив Бидэгарею о некоторых забытых им фактах из последних лет рабочего движения Франции, мы ему предложили оказать воздействие, если это потребуется, на наших сторонников, чтобы они согласились на созыв экстренных с'ездов по производствам, а затем общенационального с'езда для об'единения расколотого движения.

Но Бидэгарей не хочет с'ездов, он не хочет предоставить решение вопроса воле большинства организованных рабочих, он хочет сохранить в своих руках руководство—при всяких условиях. Наибольшие разногласия у нас были именно с ним, ибо его устами говорит то крыло Амстердамского Интернационала, которое не хочет единства фронта с Москвой, т.-е. с левым крылом международного профдвижения. Фиммен, имевший с нами ряд серьезных разногласий, счел нецелесообразным их поднимать, ибо собрались мы не для того, чтобы высказывать, что нас раз'единяет, а для того, чтобы установить, что об'единяет в настоящий критический для международного пролетариата момент.

«Конференция ведь была созвана для создания единого фронта, зачем же излагать разногласия?» спросит читатель. Мы это делаем для того, чтобы показать, что, несмотря на эти разногласия, мы тем не менее создаем единый фронт. Мы, сторонники Профинтерна, относимся очень серьезно к теоретическим и политическим разногласиям, и мы готовы вести ожесточенную борьбу за наши идеи, но мы готовы также, когда дело идет о действиях против наших классовых врагов, отодвинуть на второй план наши разногласия и занять свое место на боевом участке социального фронта. Так мы понимаем единый фронт, так подходим мы к единству действий.

Наша общая платформа.

Как можно выработать платформу для совместных действий при таких разногласиях? Прежде всего, необходимо отметить, что разногласия шли по разным линиям. Затем, у Вильямса, например, приведенные выше сентенции занимали второстепенное место. Центр тяжести его выступлений был в защите всеми средствами Советской России против нападений империализма, борьба против войны, фашизма и реакции и создание во что бы то ни стало единого фронта налево. На таком фоне его заостренные против нас сентенции терялись, не они определяли музыку его речей. Такую же позицию занимал и Фиммен. Совершенно иначе был настроен Бидэгарей, но он оказался изолированным в Международной Федерации Транспортников. Воля к единству действий превалировала. Таким образом, созда-

лась возможность провести в жизнь то, что в первый момент, судя по разногласиям, казалось, было невозможно.

Прежде всего в переговорах выпало все то, что имеет отношение к сотрудничеству классов. Предпосылкой самой конференции было совместное действие против буржуазии; борьба против войны, борьба против фашизма, единый фронт. Но как все это осуществить?—вот вопрос, который стоял в центре внимания конференции. В общем, суть решений конференции можно свести к следующему:

1) Советская Россия является оплотом против мировой реакции. Свержение Советской власти было бы тягчайшим ударом для международного рабочего движения.

2) Борьба против опасности войны должна вестись путем массовых действий, вплоть до всеобщей стачки.

3) Создать на паритетных началах Международный Комитет Действия, в задачи которого входит пропаганда, организация и проведение борьбы транспортников, железнодорожников и моряков всех стран и направлений против милитаризма, войны и фашизма.

4) Организовать постоянный контроль над всеми транспортами военного снаряжения. В первую очередь должны быть созданы контрольные пункты в местах производства, в важнейших портах, на узловых железнодорожных станциях и в пограничных пунктах.

5) Созвать всемирный конгресс транспортных рабочих всех стран и направлений в целях создания единого боевого фронта и подготовки восстановления единой организации в национальном и международном масштабе.

6) Принять необходимые меры для совместной защиты преследуемых фашизмом транспортных рабочих всех стран, в частности путем создания общего фронта помощи.

7) Твердо решив преодолеть существующий ныне внутри движения транспортников раскол и одушевленные желанием организовать в интересах пролетариата всего мира единую, мощную силу, представители Международной Федерации Транспортников и русских союзов транспортников обращаются к железнодорожникам, морякам и транспортникам всех стран и направлений с призывом последовать их примеру и приступить к совместным действиям борьбы против войны и реакции.

8) Развить неустанную и систематическую пропаганду в прессе и на собраниях с целью раз'яснения рабочим массам характера фашизма, как классового оружия буржуазии.

9) Использовать все имеющиеся возможности, а также парламентскую трибуну для борьбы с фашизмом.

10) Прямому действию фашистов противопоставить прямое действие рабочего класса, вооруженному нападению фашистов—вооруженную оборону рабочего класса.

11) Организовать планомерный надзор за передвижениями фашистских банд и транспортов снаряжения путем создания особых контрольных комиссий на узловых железнодорожных станциях и в крупных портах.

12) С этой целью войти в сношения со всеми заинтересованными в этом рабочими организациями (профсоюзами, политическими партиями, кооперативами и т. д.).

13) Обратить особенное внимание на просветительную работу среди отсталых неорганизованных масс транспортных рабочих, дабы воспрепятствовать их использованию в качестве орудия против их собственных братьев по классу. Такая же просветительная работа должна вестись внутри фашистских профсоюзов, дабы вернуть к классовой борьбе пролетарские элементы, примкнувшие к ним.

14) Признать необходимым восстановление единства профдвижения и обратиться с призывом ко всем национальным и международным профорганизациям последовать примеру транспортников и приступить к единству действий.

15) Признать, что совместные действия возможны лишь на основе классовой борьбы.

Эти основные положения, взятые мною из разных резолюций, принятых конференцией, свидетельствуют о том, что конференция, несмотря на разногласия, нашла достаточно широкий базис для совместных выступлений. Особенно большое значение имеет организационное закрепление принятых решений. На этой конференции говорилось много о взаимном доверии, как предпосылке к созданию единого фронта. Представители Международной Федерации Транспортников, поднимавшие этот вопрос, подходили к нему не с того конца. Не потому не было совместных действий, что не было взаимного доверия, а наоборот: потому не было взаимного доверия, что до сих пор не было совместных действий. Принятые решения и их лояльное проведение в жизнь создаст почву не только для взаимного доверия, но и для дальнейшего сближения. Весь вопрос только в том, сумеет ли большинство делегаций Международной Федерации Транспортников отстоять и привить свою точку зрения всем своим организациям.

Гамбургский конгресс и конференция транспортников.

Конференция транспортников заседала одновременно с социалистическим конгрессом в Гамбурге, который проходил под знаком бешеной злобы против коммунизма и социальной революции. В Гамбурге заседали вчерашние, сегодняшние и завтрашние салонные коалиционные министры, которые больше всего заботились о том, чтобы как-нибудь скрыть представленные ими партии и раздиравшие их националистические и империалистические противоречия. В Берлине руководители транспортных рабочих всех стран честно и искренне искали почву для соглашения между рабочими разных направлений. В Гамбурге все были проникнуты мыслью о том, как бы поддержать, по удачному выражению меньшевистского неудачника Абрамовича, «демократический капитализм». Здесь, в Берлине, заботились не о «демократическом капитализме», а о том, как бы сплотить разрозненные массы для отпора растущей капиталистической и демократической реакции. Стало быть, одновременно, но по разным

руслам происходили: конгресс, где об'единение между «левыми» и правыми произошло на почве сотрудничества классов, и совещание, где тоже произошло соглашение, но для совместной революционной классовой борьбы. И хотя в Гамбурге был конгресс, на котором было представлено несколько сот человек, среди которых большое количество носило на своих плечах министерские аксельбанты, а в Берлине было только скромное совещание, на котором присутствовало всего лишь девять человек, и не было ни одного буржуазного министра — берлинская конференция имеет гораздо большее значение для рабочего класса, чем болтливый гогот гамбургских гусей.

В самом деле, что означает Гамбургский конгресс? — Закрепление коалиционной политики санкцию сотрудничества классов и углубление этим самым раскола внутри рабочего движения. Что означает Берлинское совещание? — Расширение антикапиталистического фронта, укрепление пролетарских позиций и шаг к воссозданию единства рабочего движения на основе революционной классовой борьбы. Именно поэтому Гамбургский конгресс войдет в историю рабочего движения, как этап по пути организационного закрепления буржуазного влияния на часть пролетариата, а Берлинское совещание, как этап на пути к освобождению все более и более широких слоев рабочего класса от реформистской идеологии и реформистской практики.

Противники Коминтерна и Профинтерна неоднократно говорили и писали о том, что выдвигаемая нами идея единого фронта не что иное, как подвох, что, на самом деле, коммунисты единого фронта не хотят. Особенно упражнялись на эту тему всевозможного рода борзописцы во Франции. Во многих странах мы в процессе борьбы отвечали фактами на эту демагогию. Теперь мы можем ответить еще одним доказательством международного характера. На вопрос: «Что означает наш единый фронт?» — мы отвечаем: «Прочитайте внимательно принятые совещанием транспортников резолюции, и вы найдете ответ на поставленный вопрос».

Но теперь мы с своей стороны поставим несколько вопросов нашим противникам: «Что неприемлемого для любого рабочего в принятых нами постановлениях? Борьба против войны? Борьба против фашизма? Защита Советской России? Создание органов, которые бы в международном и национальном масштабе вели борьбу против военной и фашистской реакции? Или, может быть, неприемлемо высказанное конференцией пожелание возможно скорее изжить раскол профессионального движения?» Мы уверены, что ни один рабочий не сможет и не будет оспаривать ни одного из принятых нами постановлений. А вот реформистские лидеры, несомненно, выскажутся против, ибо они коалицию с буржуазией предпочитают коалиции с коммунистами. Эта мысль сквозила во всех речах и во всех выступлениях руководителей Гамбургского конгресса. На предложение со стороны Международного Комитета Действия единого фронта против войны и фашизма получился ответ, смысл которого можно кратко изложить следующим образом: лучше с буржуазией

против коммунистов, чем с коммунистами против буржуазии. Международная Федерация Транспортников перевернула эту формулу и заявила: лучше с коммунистами портив буржуазии, чем с буржуазией против коммунизма. И в этом исторический смысл и значение об'единительной конференции транспортников.

Да, ну, а дальше, что? — Мы бы хотели этот единый фронт распространить, как можно скорее, на все производства. Мы будем планомерно и систематически стремиться к слиянию параллельных союзов во всех странах. Мы будем еще и еще раз предлагать совместные действия Амстердамскому Интернационалу и всем Международным Секретариатам. Интересы международного пролетариата требуют этого. Горе тем лидерам рабочего движения, которые этого не понимают.

Медленно и болезненно создается единый фронт рабочего класса. Так как корни раскола рабочего движения лежат в политике сотрудничества классов, то и сам раскол будет изживаться лишь по мере того, как широкие массы рабочих и созданные ими организации будут освобождаться от этой политики. Несомненно одно: единство рабочего класса может выковаться только лишь в борьбе против буржуазии, и так как конференция транспортников имела своей задачей именно эту борьбу против буржуазии, она этим создала предпосылки единства среди транспортного пролетариата всех стран. Эта конференция доказала всю живучесть идеи единого фронта, и потому я позволю себе в заключение повторить сделанное мною по адресу реформистских руководителей в Гааге заявление: «Хотите вы или нет, единый фронт создастся. Он будет создан с вами, если вы этого хотите, без вас, если вы будете стоять в стороне, и против вас, если вы будете оказывать противодействие».

(„Красный Интернационал Профсоюзов" № 5—6 1923 г.).

Борьба коммунизма и анархо-реформизма во Франции.

Кризис, переживаемый рабочим движением всех стран, принял во Франции крайне своеобразные формы. В течение десятилетий политическое и профессиональное движение здесь шли разными, часто враждебно сталкивающимися путями. Но пришла война, и эти пути совпали: партия и синдикаты составили блок для спасения буржуазии и буржуазного государства. Это единство между реформистами и вчерашними анархо-синдикалистами, между парламентскими политиками и сторонниками «прямого действия» не только свидетельствовало о глубине падения обеих сторон, но и о том, что по существу анархизм и реформизм гораздо ближе друг другу, чем это кажется на первый взгляд. В то же время восставшие против служения буржуазии и подчинения ей общепролетарских интересов или что то же, империалистическим, национальным интересам, оппозиционные элементы профсоюзов и партии в свою очередь составили блок, который во время войны носил довольно неуклюжее название: «Комитет по восстановлению международных связей». Анархизм, казавшийся далеким от войны и правительства, проделывал тот же патриотический канкан, что и реформизм, при чем анархистская пляска смерти была еще отвратительнее пляски реформистской. Анархизм, бросающий в лицо социализму постоянные упреки в оппортунизме и соглашательстве, совершенно стушевался: оппозиция началась, оформилась и окрепла именно в рядах политиков, которые, по учению анархистов, являются врагами рабочего класса.

Опираясь на профсоюзы, движение протеста против политики гражданского мира создало к окончанию войны внутри союзов большую, но крайне пеструю и разнообразную оппозицию. Оппозиция росла от конгресса к конгрессу, но физиономия ее оставалась недостаточно ясной и определенной. Она по преимуществу являлась оппозицией чувства. Общий лозунг был: «Долой реформистских руководителей Конфедерации Труда!» Но так как есть 99 способов борьбы с реформизмом, то в тот самый день, когда по воле и по провокации реформистов произошел раскол французского профессионального движения, началась обостренная борьба внутри левого крыла за влияние на массы. В новой, ослабленной расколом, Конфедерации Труда выявились все старые особенности французского

профдвижения, при чем идейный разброд был настолько велик, что нашлось целое течение (чистые синдикалисты), которые выставили лозунг: «Назад к 1906 году!» Эти товарищи не отдавали себе отчета в том, что самый призыв: «назад к Амьенской Хартии» означал, что золотой век чистого синдикализма остался позади. Эти люди не видели, что ни внутренняя, ни внешняя обстановка не похожи на 1906 год. Они жили прошлым и своими историческими воспоминаниями. Так сложилось это противоречие между давно отжившей теорией и бьющей живым ключем практикой. Старая идеология и рассчитанная на все времена и народы тактика столкнулись с непредусмотренными при их построении фактами: 1) наличием в стране реформистской Конфедерации Труда и параллельных союзов; 2) наличием во Франции коммунистической партии; 3) войной и порожденным ею финансово-экономическим кризисом; 4) политической революцией в Средней Европе и социальной в России и 5) неустойчивостью и распадом капиталистического общества. Кто пытался давать старые ответы на эти новые проблемы, тот отвлекался от реальной классовой борьбы и переходил в область метафизических построений. Особенность французского рабочего движения заключается в том, что метафизика облекалась в революционные одежды, и что защитниками метафизических построений выступили руководители некоторых рабочих союзов. Последний год обостренной идейной борьбы и полемики показал, что эта отвлеченная революционность и метафизика являются суррогатом действия, ибо легче строить революционные перспективы и выдумывать взрывчатые формулы, чем вести систематическую и неослабленную практическую революционную работу.

Реформистская Конфедерация Труда.

Наличие двух Конфедераций Труда и параллельных союзов осложняет положение дел. Признаком хорошего тона среди революционных синдикалистов считается рассматривать Реформистскую Конфедерацию Труда, как «quantité négligeable», но дело обстоит не так просто. Старая Конфедерация Труда имеет за собою имя, старые обученные кадры и 250.000 организованных рабочих. Для Франции с ее тощими организациями это цифра не маленькая. Но дело здесь не столько в примыкающих к ней рабочих, сколько в идущих за ней, а это куда серьезнее. Не нужно забывать, что даже в золотой век французского синдикализма около половины рабочих входило в реформистские союзы (железнодорожники, горнорабочие, текстильщики, печатники и т. д.) и шли за реформистскими лозунгами. Реформизм есть старая болезнь французского рабочего движения, с которой нужно очень серьезно считаться. Дело идет не только о руководителях, но и о массе. Тем не менее, мы видим, что отвлеченные формулы до сих пор имели верх над реальным учетом сил.

Конечно, Реформистская Конфедерация Труда не имеет теперь и десятой доли влияния, которое она имела непосредственно по окончании войны. Тогда в Конфедерацию Труда бурным потоком вли-

вались широкие массы рабочих. Руководители Конфедерации были желанными гостями во всех министерских передних и совещаниях; за ними ухаживали; их уму, такту и патриотизму пели дифирамбы. Слабые головы Жуо и Ко° закружились. Они не видели, что их влияние прямо пропорционально революционному настроению масс. Они думали, наоборот, что их влияние есть следствие их хитроумной политики. Эти господа сделали все, чтобы сорвать, дезорганизовать и деморализовать массы. В этом они успели. Как *Стиннес* назвал один из своих пароходов «*Карл Легин*», так и французская буржуазия, вероятно, их вознаградит за оказанные ими услуги, и после смерти *Мерргейма, Жуо* и *Дюмулена* поставит им коллективный памятник: «Спасителям порядка и собственности — благодарное отечество». Но за всем тем Реформистская Конфедерация Труда существует, имеет влияние на массы, и Унитарная Конфедерация Труда не может и не должна упускать из виду этого обстоятельства. В минуты революционного затишья неорганизованные рабочие пойдут за реформистскими союзами, ибо реформизм есть идеология рабочей отсталости.

Считался ли Сент-Этьеннский Конгресс с этим? Рассматривал ли он методы отвоевания масс у реформистских союзов?—Приходится констатировать, что проблемы конкретной борьбы не волновали делегатов Конгресса. Наиболее реалистическая часть их и та не обращала внимания на этот вопрос, ибо большинство коммунистов и коммунистов-синдикалистов относилось враждебно к тактике единого фронта, усматривая в этой тактике компромисс и отказ от своих революционных принципов. Характерно, что никто толком не об'яснил, в чем заключается компромисс и отступление от принципов (нельзя же принять всерьез, что тактика единого рабочего фронта приведет к левому блоку, что это означает слияние с диссидентами и пр.), но громадное большинство считало все мосты между революционными и реформистскими союзами сожженными. Таково было настроение несомненного большинства делегатов Конгресса. Но ведь это только настроение, ведь никакой резолюции не было принято,—скажет читатель. Однако настроения, особенно во Франции, играют большую роль, — скажем мы. Ясно одно: роль Реформистской Конфедерации Труда недооценена (она, кстати, по словам некоторых французских газет, вступает в левый блок), и это грозит нашим французским товарищам рядом серьезных сюрпризов и разочарований в их тяжелой борьбе.

Коммунистическая партия и профсоюзы.

Взаимоотношения между партией и профсоюзами—старый вопрос для французского рабочего движения. Он неоднократно обсуждался на конгрессах. Недоверие, подозрительность и враждебность к политической партии пролетариата традиционны во французском синдикализме. В конце XIX столетия во Франции боролось несколько политических группировок (гедисты, жоресисты, аллеманисты, бруссисты), которые имели на своей стороне разные профсоюзы. Расщепление профсоюзов по политическим

группировкам мешало экономической борьбе пролетариата, и об'единение профсоюзов шло под лозунгом: «долой политику!». Крайне реформистский характер французского социализма и сектанский характер его левого крыла (гедисты, аллеманисты) превратили профсоюзы в центр противодействия буржуазии и парламентскому кретинизму. Начав с борьбы против расщепления профсоюзов по партиям, пришли к борьбе против партий вообще и к самому отрицанию революционной роли политической партии, именно потому, что она политическая. Под политикой понималось простое парламентское гешефтмахерство, и этому реформистскому кретинизму противопоставилась экономика.

Исторически, таким образом, антиполитический характер профдвижения понятен. Но горе французского синдикализма заключается в том, что он живет прошлым. Отсюда формула: или политика, или синдикализм, которая была написана на знамени анархистов и чистых синдикалистов в Сент-Этьенне. «Или революция будет экономической, или она не будет пролетарской» несколько раз повторял *Бенар*, желая этим подчеркнуть, что коммунисты за политическую революцию, тогда как анархо-синдикалисты являются носителями заветов экономической революции. *Бенар* и его сторонники не подозревали, насколько эта формула бессодержательна. Она бессодержательна потому, что не существует в природе ни одного живого коммуниста, который ныне, в период развала капиталистического общества, думал бы о чисто политической революции, и, во-вторых, потому, что и великая французская революция имела экономический характер. Спорить о характере ближайшей революции в западноевропейских странах бесполезно. Период буржуазных революций, очевидно, прошел, и в порядке дня стоит революция социалистическая. Кто будет руководить революцией: коммунизм, синдикализм или анархизм — вот к чему в последнем счете свелась дискуссия.

«Партия есть нарост на теле рабочего класса». В сжатом виде вся антипартийная философия революционного синдикализма укладывается в эти несколько строк. Партия не может и не должна руководить рабочим движением. Какой это авангард рабочего класса, где в изобилии имеются журналисты и другие выходцы из буржуазных классов! Авангард рабочего класса находится не вне профсоюзов, а внутри их. Пусть поэтому партия организует интеллигенцию, мелкую городскую буржуазию и крестьянство, но не трогает рабочего класса. Он имеет профсоюзы, которые недостаточно зрелы, чтобы вести его к победе над буржуазией и к организации социалистического общества. Однако от заявления, что авангард находится внутри профсоюзов, дело ни на шаг не подвинулось вперед. Поскольку профсоюзы об'единяют массы, ясно, что авангард внутри, а не вне этих масс. Но ведь нельзя слишком по-военному понимать слово авангард. Авангардом класса называется та группа, которая лучше, отчетливее и яснее формулирует об'ективные интересы этого класса, т.-е. является сознательной выразительницей бессознательного исторического процесса.

Правильно поставил, но неправильно разрешил вопрос анархист *Лекуэн*. Он сказал, что анархизм является душой рабочего движения. Душа, как известно, вещь анатомически крайне неопределенная. Само понятие «душа» относится к области чувства, а чувства неопределенны, хаотичны и переменчивы, одним словом, анархичны. Неудивительно поэтому, что анархизм претендует на звание «души» рабочего движения. Мы предоставляем анархистам прибегать к таким терминам. Мы любим определенность, четкость и ясность, и поэтому мы говорим: коммунизм есть коллективный опыт, коллективная воля, коллективное сознание рабочего класса, коммунизм — его мозг.

Основная ошибка чистых синдикалистов и анархистов заключается в том — это с особой наглядностью выявилось на конгрессе в Сент-Этьенне—что они рассматривают синдикат, как группу единомышленников, приписывая ему в то же время монополию революционности. Революционные синдикалисты не потому выступают против партии, что принципы ее неправильны, а потому, что они сами претендуют играть роль этой партии. Борьбу в Сент-Этьенне нельзя рассматривать, как столкновение партии и профсоюзов. Это совершенно очевидное столкновение разных партий, из которых некоторые (анархисты и чистые синдикалисты) построили свою партию на отрицании всякой партии. Фразеология дела не меняет. На Конгрессе боролись две идеологии, две тактики: коммунистическая и анархистская. Чистый анархизм здесь слился с чистым синдикализмом. Это было тем легче, что так называемый чистый синдикализм есть чистая абстракция, ибо между ним и анархизмом нет никакой существенной разницы. Видно это хотя бы из следующего места резолюции *Бенара:* «Все революционные вспышки народов, использованные партиями, дают только политический эффект без значительной перемены экономического и социального порядка».

Вы думаете, что ораторы этого течения старались на примерах русской и венгерской революции доказать правоту своей точки зрения? Ничего подобного! Они не сделали ни малейшей попытки изучить реальные революции, оплаченные драгоценной пролетарской кровью, а оперировали лишь той идеальной революцией, которая должна быть когда-нибудь сделана по схеме и планам этих великих мастеров фразы. Правда, реальная жизнь идет по другому руслу, и в реальных революциях коммунистические партии играют решающую роль, но для метафизиков это неважно. Кроме того, во Франции существует коммунистическая партия, которую вся буржуазия ненавидит черной ненавистью, партия, ведущая борьбу против буржуазии и буржуазного государства, но для них это неважно. Правда, коммунистическая партия Франции имеет еще много недостатков, в ее рядах имеются оппортунистические элементы. Но вряд ли Унитарная Конфедерация Труда является вместилищем всех революционных добродетелей! Она находилась, думается нам, на одинаковом расстоянии от идеала, как и коммунистическая партия Франции.

Дальше для каждого, у кого есть голова на плечах, ясно, что, революционное движение, начатое без и помимо партии, будет разгромлено так же, как оно потерпело бы поражение, если бы было начато без и помимо союзов. Но тот, кто думает, что из этих фактов будут сделаны логические выводы, плохо знает анархо-синдикалистскую природу. Вывод сделан был как раз противоположный. Для того, чтобы обосновать резолюцию, утверждающую, что «синдикализм представляет собою главную силу», один из ораторов сказал: «Унитарная Конфедерация Труда имеет 360.000 членов, а партия всего 60.000. Все они, за немногими исключениями, являются членами союзов. Не ясно ли, что партия (часть) должна подчиниться целому (синдикализму)?» Здесь, что ни слово, то путаница. Члены Унитарной Конфедерации в громадном своем большинстве просто беспартийные, революционно чувствующие рабочие, имеющие довольно смутное представление о разных течениях внутри их организации.— Сознательное меньшинство делится на коммунистов, синдикалистов-коммунистов, чистых синдикалистов и анархистов. Синдикализм и синдикаты совершенно разные вещи. Революционный синдикализм — это конкурирующая с коммунизмом политическая — не парламентская, а политическая группировка, и революционных синдикалистов гораздо меньше в профсоюзах, чем коммунистов. С другой стороны, мы имеем 60.000 людей, об'единенных единой программой, единой тактикой, стоящих по своему сознанию гораздо выше рядовых членов профсоюза. Количественные сравнения могут только запутать положение дел. Впрочем, поскольку мы находимся в мире путаницы, такого рода рассуждения вполне естественны.

Диктатура пролетариата.

Анархо-синдикалисты против диктатуры пролетариата, против организационного насилия и против государства — вот что вытекает из 6-дневных прений на Конгрессе в Сент-Этьенне. Напрасно вы будете искать в речах *Лекуэна, Коломера, Бенара, Кентона* исторического анализа государства. Государство есть организованное насилие, насилие—зло, поэтому: долой государство! Что государство есть организованное насилие — это верно. Но кого над кем? Может быть насилие предпринимателя над рабочим и, наоборот, рабочего над предпринимателем. Являются ли оба вида насилия одинаковым злом? С точки зрения абсолютной и вневременной справедливости они равноценны, но с точки зрения борьбы классов организованное насилие трудящихся над классом эксплоататоров является добром. Мы сейчас не претендуем на внеклассовую мораль. Она будет создана человечеством только после того, как будут уничтожены классы, и организовано коммунистическое общество. До тех же пор мы все явления рассматриваем с точки зрения интересов нашего класса. И вот, если с этой точки зрения подойти к вопросу, мы увидим, что дело совсем не так просто. Анархо-синдикалисты не возражают против насилия, но они обставляют это следующими оговорками: 1) насилие можно применять только обороняясь (см. резолюцию последней Берлинской конференции); 2) насилие должно быть не-

организованным; 3) диктатура одних людей над другими абсолютно недопустима. Хитроумные составители Берлинской резолюции должны нам прежде раз'яснить разницу между обороной и нападением. Если мы хотим не на словах, а на деле охранять, защищать и всегда выдвигать интересы нашего класса, мы должны быть готовы не только к обороне, но и к нападению. Наилучшая защита—это нападение, гласит основное правило военной стратегии, которое применимо также и к стратегии классовой. Хороши руководители рабочих организаций, которые занимались бы византийскими спорами о том, может ли, имеет ли право рабочий классо напасть на своего классового врага!

Не менее замечательна также и теория неорганизованного насилия. Если эти слова имеют какой-нибудь смысл, то это значит следующее: «чем меньше сплоченности, единства действий, согласованности в борьбе пролетариата — тем лучше». Стачки, как известно, бывают оборонительные и наступательные. Стачка является несомненным насилием. Так ее рассматривает буржуазное государство. Иногда она — акт самообороны, иногда — акт нападения, но и в этом и в другом случае этот род насилия даст тем больший результат, чем он организованнее. Если бы мы проповедывали неорганизованные стачки, нас надо было бы посадить в сумасшедший дом.

Но теория берлинских умников приводит к еще более сумасшедшим выводам, если мы рассмотрим другую формулу борьбы, а именно восстание. Массы никогда не восстают из любви к искусству. Восстания имеют определенную цель, которой восставшие стремятся добиться. Если исходить из той точки зрения, что важно восстание само по себе, тогда, конечно, форма и результаты восстания не представляют для нас никакого интереса. Но если ставить восстанию определенную цель, тогда встает во весь рост проблема удержания завоеванных позиций. Предположим, что восстание парижского пролетариата привело к захвату фабрик и заводов. Захватить фабрики гораздо легче, чем их удержать. Захватывая фабрики, не следует забывать, что существуют парламент, суд, полиция, армия и проч. органы буржуазного господства, которые необходимо смести с лица земли. Наш классовый враг имеет за собой вековой опыт организованного угнетения, и для победы над ним нужна величайшая организованность во время и после переворота. А какой характер усваивает себе организованная сила одного класса в революции? — Ясно, что она выступает в виде организованного насилия над другим классом. Таков опыт, такова жизнь. Но анархистов опытом не удивишь, и потому они восклицают: «Надо спасти рабочее движение от опеки пролетарского государства, которая так же пагубна и опасна, как и опека буржуазного государства!»

Но так как в 1922 году нельзя отделаться голой фразой, нужно ясно сказать, какими способами сторонники неорганизованного насилия и противники всякого государства думают бороться против контр-революции, то один из них, *Кадо*, выпалил следующее: «Мы

точно не знаем, как мы сорганизуемся, чтобы раздавить контр-революцию, но мы знаем, что это не произойдет посредством государственной власти». Мы точно не знаем... но все же знаем. В этой фразе весь анархо-синдикализм. Почему же анархо-синдикалисты, «не зная точно», все же пошли в бой против «всякой диктатуры» и «всякого государства»? Потому, что они рассматривают все с абсолютной точки зрения. Когда анархо-синдикалист из своих заоблачных высот удосуживается спуститься на грешную землю и дать определение диктатуры, то мы от него узнаем, что он отождествляет диктатуру с Ч. К., иначе говоря, что он принимает один из органов диктатуры за самое диктатуру. Но ведь это совершенно детское представление о диктатуре класса. Диктатура есть организованная защита занятых пролетариатом позиций и завоевание новых. Когда рабочие выгоняют хозяев, забирают фабрики, заводы и банки — это диктатура. Когда они заставляют работать паразитические элементы общества — это диктатура. Когда врачи и инженеры в знак протеста против рабочей революции бастуют, и их сажают в тюрьмы — это диктатура. Когда крестьянин не хочет добровольно давать хлеб рабочему, и этот последний берет этот хлеб силой, чтобы не умереть с голоду — это диктатура. Когда профессора высших учебных заведений не хотят допускать туда рабочих, и их заставляют это сделать — это диктатура. Когда профсоюз банковских служащих в ответ на национализацию банков об'являет забастовку, и в связи с этим руководителей союза сажают в тюрьму—это диктатура. Когда забирают дома и дачи у богачей и устраивают там детские сады и детские колонии — это диктатура. Когда профсоюзы сами устанавливают заработную плату, выбирают инспекцию труда и регулируют работу внутри предприятий — это диктатура. Когда помещики, фабриканты и купцы организуют восстания против рабочей революции, а рабочие эти восстания подавляют, при чем расстреливают руководителей этих контр-революционных банд — это диктатура. Когда люди, называющие себя социалистами, на деньги Антанты и при помощи ее стараются выбить пролетариат из занятых им позиций, и их арестовывают — это диктатура. Когда люди, именующие себя анархистами, во время бешеной борьбы против внутренней и внешней контр-революции, выступают с лозунгом: «Долой Красную Армию!», «Долой организованное насилие!», и их обезвреживают — это диктатура. Когда аннулируют все внутренние и внешние долги и защищают с оружием в руках право не платить долгов, при помощи которых укрепляли порабощение трудящихся — это диктатура. Когда, не считаясь со свободой печати, закрываются все буржуазные и реформистские фабрики лжи — это диктатура. Когда некоторые группы отсталых рабочих начинают пятиться назад (это бывает и во время стачек), а передовые рабочие уговором, а иногда и силой приостанавливают это попятное движение — это диктатура.

Как же осуществляет рабочий класс свою диктатуру? — Через созданные им организации: партию, советы, профсоюзы. Везде ли формы диктатуры будут одинаковы? — Ни в коем случае. Возможно,

что в некоторых странах во главе движения будут профсоюзы, но это не меняет сути дела. Какая бы организация ни руководила борьбой пролетариата во время и после переворота, я думаю, что без сильной коммунистической партии победа социальной революции невозможна: она вынуждена будет создать органы для утверждения победы нового класса. Государственный аппарат, таким образом, создается не потому, что этого требует отвлеченная теория, а потому, что это вытекает из суровой практики. Новое государство, государство победивших рабочих — образование временное. Оно не может изчезнуть, пока классы существуют, пока старые, выбитые из прежних своих позиций классы организуют противодействие, пока победа пролетариата не стала международной. Период от создания рабочего государства до его исчезновения будет всего длиннее в той стране, откуда началась социальная революция. И если пролетарии Франции последними осуществят свою революцию, тогда переходный период для Франции будет очень коротким. Французскому пролетариату не придется, быть может, применять организованного насилия, но это потому, что насилие применит социалистическая Европа. Мы приходим таким образом к возможности осуществления анархо-синдикалистского идеала, при том условии, что французский пролетариат будет итти в хвосте мирового рабочего движения, а не во главе его. Иначе говоря, анархо-синдикализм есть теория отсталости, пассивности и бессилия. Вот почему Сент-Этьеннский Конгресс выкинул за борт всю эту философию бездействия. Суровая логика классовой борьбы взяла верх над пустыми и бессодержательными формулами.

Анархо-синдикалистский Интернационал.

Вот уже много лет, как анархо-синдикалисты пытаются создать свой маленький Интернационал, но ничего из этих попыток не выходит. Как-то получается так, что они каждый раз начинают все сначала. Церемония создания Интернационала заключается в следующем: собираются 5—6 испытанных революционеров, составляют декларацию о своей беспредельной любви к автономии и федерализму и о кипучей ненависти ко всякому государству, а затем автономно и федеративно спят каждый в своем углу неопределенно долгое время. Через известный промежуток они внезапно просыпаются и начинают... все сначала. Так это тянется с 1913 года. Это невинное занятие не причиняло никому никакого огорчения, потому что ни буржуазия, ни пролетариат не принимали всерьез этих лунатиков. Можно было бы и дальше проходить мимо этих невинных попыток, если бы старая Административная Комиссия не втянула в это дело Унитарную Конфедерацию Труда, и если бы на Конгрессе в Сент-Этьенне не выяснилось, что меньшинство стоит на почве решений недавно состоявшегося в Берлине совещания десятка анархо-синдикалистов, где было произведено очередное покушение на создание нового Интернационала.

Формально в Берлине собирались, чтобы «сговориться» с Профинтерном. Очевидно, для того, чтобы легче сговориться с Профинтерном была принята резолюция, в которой значится: «Революцион-

ный синдикализм полагает, что с монополией собственности должна исчезнуть и монополия господства, и что всякая форма государства, включая и диктатуру пролетариата, никогда не может быть освобождением, но всегда является создателем новых монополий и привилегий». Дальше об'является торжественно, что синдикализм—все, а политические партии — ничто, и что собравшиеся в Берлине носители революционной истины — против «организованного насилия». Для того, чтобы облегчить соглашение, анонимное общество по периодическому созданию интернационалов *Борги, Суши* и К-о постановило далее: «Профинтерн ни с точки зрения принципов, ни с точки зрения устава не представляет собой международной организации, способной спаять международный революционный пролетариат в единый боевой организм». Наконец, чтобы соглашение с Профинтерном закрепить, было решено созвать в ноябре международный анархо-синдикалистский с'езд при участии и организаций, примыкающих к Профинтерну.

Когда эти резолюции были опубликованы, все во Франции уяснили себе, что дело идет о создании нового Интернационала, а между тем многие сторонники Профинтерна приложили свою руку к созыву этой конференции. Идея создания нового Интернационала была неожиданна только для наших французских друзей. Мы-то знали инициаторов и понимали игру, которую вели противники Профинтерна. Если новый Интернационал упал во Франции, как снег на голову, то это потому, что там в течение 10 месяцев намеренно создавалась путаница вокруг понятий об автономии и независимости профдвижения. Формально конференция созывалась для того, чтобы защитить независимость и спасти автономию. Потом оказалось, что и то, и другое надо понимать очень распространительно вплоть до отрицания диктатуры пролетариата, государства и русской Революции. Когда мы говорили, что весь шум вокруг автономии и независимости — одна из форм борьбы с коммунизмом, нам не верили. Теперь дело очевидно. Две конференции анархистов (декабрь 1920 г.) и анархо-синдикалистов (июль 1922) об'явили войну Коминтерну и Профинтерну. Июньская конференция в Берлине отчетливо обнаружила, что анархо-синдикалисты—политическая группировка, ибо они хотят создать такой Интернационал, в который могли бы войти только люди анархистского образа действий. Это — своеобразная партия, спекулирующая на свою непартийность.

Что новая затея так же нежизненна, как и предыдущие их попытки, ясно и для самих участников. Чего же они хотят?—Они хотят расколоть революционный фронт. Во Франции дело сорвалось: Сент-Этьеннский Конгресс двумя третями голосов высказался за Профинтерн. Зато дезорганизаторы единого революционного фронта получили подкрепление со стороны Национального Совета Испанской Конфедерации Труда. Там победили бурно-пламенные сторонники независимости, которые поспешили разорвать все нити, связывавшие их с Российской Революцией. Собственно говоря, в этом весь смысл этого нового Интернационала, организаторы которого открыли,

в лице нескольких русских анархо-синдикалистских эмигрантов, испытанных носителей священного революционного огня.

Если мы выступаем против нового Интернационала, то не потому, что Профинтерн боится конкуренции, а потому, что для двух революционных Интернационалов в международном рабочем движении нет места. Анархо-синдикалистский Интернационал осужден на прозябание, ибо слишком малы и незначительны составляющие его организации. Для того, чтобы оправдать свою поездку на анархо-синдикалистскую конференцию, *Вснар* заявил, что он хочет установить «органическую связь» между Москвой и Берлином. Напрасный труд! Мы стремимся создать боевой центр, Интернационал борьбы и победы, а анархо-синдикалисты создают Интернационал отсталости и бессилия, Интернационал поражения. Платформа, высказывающаяся против опыта революции, рассчитанная на привлечение только лишь групп и сект, для нас неприемлема. Мы ни на минуту не сомневаемся, что большинство организаций, участвовавших в Берлинской конференции, убедившись в бесплодности всей этой затеи, придет в Профинтерн, где их братски встретят, несмотря на разногласия. Если же вне Профинтерна останутся одна-две пацифистско-синдикалистских организаций, в роде германских локалистов, то от этого он только выиграет.

Два блока. На конгрессе в Сент-Этьенне боролись два блока: анархо-синдикалистский (анархисты и чистые синдикалисты) и синдикалистско-коммунистический (коммунисты и группа «Vie Ouvrière»), при чем борьба шла по всем пунктам порядка дня. Анархо-синдикалистский блок, стоявший во главе Унитарной Конфедерации Труда, твердо рассчитывал на победу. Тем больше было его разочарование, когда он потерпел жестокое поражение. Между тем, поражение было неизбжно, ибо чистые синдикалисты уже накануне Конгресса настолько приблизились к анархистам, что трудно их было отличить между собою. Конгресс еще более сблизил эти два течения. Внимательно перечитывая речи ораторов, необходимо признать, что грань между анархистами и чистыми синдикалистами стушевалась. Анархисты договаривают до конца то, что чистые синдикалисты считают необходимым умалчивать. Так, чистые синдикалисты, цеплясь за автономию и независимость, требуя уничтожения параграфа 11 Устава Профинтерна, намекали на свое возможное присоединение, а анархисты открыто заявляли, что дело не в параграфе 11, а в диктатуре пролетариата, федерализме, борьбе между марксизмом и бакунизмом и т. д. Несмотря на это, ораторы чистых синдикалистов ни разу не отмежевывались от анархистов, и поскольку борьба шла за или против Москвы, т.-е. за или против русской Революции, — чистые синдикалисты дали себя использовать (если бы они этого не хотели, этого нельзя было бы сделать) анархистам в их ожесточенной борьбе против русской Революции. Образование в конце Конгресса «Комитета синдикалистской защиты» свидетельствует о том, что чистые синдикалисты

стали чистыми анархистами, специализировавшимися на разложении и деморализации французского рабочего движения.

В противоположном блоке было меньше единства, несмотря на совместное голосование. В синдикалистско-коммунистическом блоке были коммунисты и синдикалисты, приписывающие партии второстепенную роль в рабочем движении. Т. *Монмуссо* на Конгрессе, как и до него, утверждал, что коммунистическая партия не есть авангард рабочего класса, а одна из колонн, штурмующих капитализм. На первый взгляд может показаться, что разногласия незначительны, на самом же деле они очень серьезны. Но, несмотря на эти разногласия, коммунисты и группа «Vie Ouvrière» заключили солидный блок. Каков же базис этого блока? Что об'единяет эти два течения? Прежде всего—опыт русской Революции. Группа «Vie Ouvrière» об'единяет наиболее здоровую часть французских синдикалистов. Здесь собрались не метафизики, а революционеры-практики, для которых жизнь выше отвлеченных формул. Они думают, что диктатура пролетариата не есть злостное измышление «политиков», а суровая необходимость классовой борьбы. Для них неприемлем анархистский вербализм с его пышными фразами и малыми делами; они не хотят под видом федерализма разрушить свою боевую организацию; они хотят планомерной систематической работы по завоеванию масс, крепкой организации и революционных действий вместо революционных слов. Группа «Vie Ouvrière» потому играла руководящую роль на Конгрессе, что прислушалась к голосу жизни. Я не во всем согласен с руководителями ее, но уверен, что это не помешает нашей совместной работе, нашей совместной борьбе, ибо коммунисты и группа «Vie Ouvrière» стоят на той точке зрения, что «в начале было дело», тогда как противоположный блок думает, что «в начале было слово».

Анархо-реформистский блок.

Потерпев поражение, анархо-синдикалисты немедленно создали «Комитет синдикалистской защиты» и начали организовывать свои группы и ячейки внутри Унитарной Конфедерации Труда. Надо вообще отметить, что анархо-синдикалисты против ячеек лишь тогда, когда их устраивают коммунисты, ибо считают этой своей монополией. Так, накануне Сент-Этьеннского Конгресса выяснилось, что десяток анархо-синдикалистов и парочка коммунистов-путаников подписали еще в феврале 1921 г. тайный договор. В этом «договоре» прежде всего устанавливается, что авторы его «коллективно и индивидуально» представляют собою революционный синдикализм, затем члены этой масонской ложи никому «не должны открывать о существовании комитета», «должны материально и морально поддерживать друг друга» и т. д. Все это должно делаться для того, «чтобы добиться выбора на ответственные посты чистых синдикалистов, автономистов и федералистов». Больше года эта тайная масонская ложа работала. Она добилась того, что стала во главе Унитарной Конфедерации Труда, т.-е. достигла границ своих желаний и стремлений. Но чем решительнее действовали члены этой тайной организации, чтобы протаскивать своих людишек на ответственные

посты, тем больший шум они поднимали, когда французская коммунистическая партия открыто пред лицом рабочего класса всей страны пыталась занять принципиальную линию в профдвижении. Сколько чернил пролили эти синдикалистские заговорщики по поводу резолюции Марсельского Конгресса! Вмешательство, нарушение автономии и независимости!—кричали они на всех перекрестках, обделывая свои делишки. Как не вспомнить тут анекдот о готтентоте, который в ответ на вопрос, что такое добро и зло, ответил: «Добро—когда я возьму жену моего соседа, зло—когда сосед возьмет мою жену». По аналогии, с их точки зрения, зло—когда коммунисты организуют ячейки, добро—когда их организуют анархисты.

Несмотря на пламенную революционность анархо-синдикалистского блока, симпатии «общества» и реформистов были на его стороне. Так, еще накануне Конгресса *Дюмулен* пожелал этому течению победы над его комунистическими врагами. Во время Конгресса вся буржуазная и реформистская пресса желала победы «антимосковскому течению». Группа «Vie Ouvrière» и коммунисты находились под бешеным обстрелом врагов рабочего класса. В то же время речи ораторов анархо-синдикалистского блока сочувственно цитировались враждебной пролетариату прессой. Борьба в Сент-Этьенне вызвала большой интерес и в правом крыле коммунистической партии Франции. Не случайно же испытанный оппортунист *Лафон* выступил со статьей в защиту анархо-синдикалистов, при чем счел небходимым эту отвергнутую «Юманите» статью раздать всем делегатам: «Смотрите, мол, делегаты Конгресса, какие чувства я, оппортунист *Лафон*, питаю к анархо-синдикалистам». Наконец, в последнем манифесте «Комитет синдикалистской защиты» сообщает о том, что официальным органом анархо-синдикалистского блока будет достойный «Журналь дю Пепль» прославленого *Анри Фабра*. Таким образом, на одной странице будет вестись пропаганда за «левый блок», за воссоединение коммунистов с диссидентами и против диктатуры Москвы, а на другой будут излагаться анархо-синдикалистские истины, сдобренные антимосковским соусом. Как случилось, что с анархо-синдикалистами дружно уживаются реформисты всех мастей? Почему *Фабр* им гостеприимно предоставляет страницы своего журнала? Потому, что они делают общее дело. Это блок против Коминтерна, против Профинтерна и против русской Революции. Это анархо-реформистский блок—факт, которого никто не посмеет отрицать. Блок этот стал возможен не только потому, что у реформистов и анархо-синдикалистов одна общая цель: борьба с «диктатурой Москвы», а потому, что реформизм и анархизм всегда были гораздо родственнее друг другу, чем многие думали. Обе эти идеологии отражают интересы мелкой буржуазии, которая, с одной стороны, стремится к социальному прогрессу, но без потрясений (реформизм), а с другой стороны, протестуют против давления крупного капитала и его государства (анархизм). Но ведь анархо-синдикализм возник внутри профсоюзов. При чем тут мелкая буржуазия? Это только доказывает, что в рабочем классе Франции еще очень сильны мелко-буржуазные вли-

яния. Ведь не случайно же аграрные страны (Италия, Франция, Испания) являются наиболее охваченными анархистскими настроениями, не случайно также крупные теоретики анархизма вышли из земледельческой отсталой России. Анархо-реформистский блок — факт. Каковы будут его последствия? Можно заранее сказать, что «Комитет синдикалистской защиты» встретит полное сочувствие в Реформистской Конфедерации Труда, ибо вновь созданный Комитет, который должен, якобы, спасти синдикализм, является на практике орудием разложения революционного движения Франции. Это скверная болезнь, от которой необходимо во что бы то ни стало и возможно скорее излечиться, а излечиться можно лишь путем усиления работы по вовлечению в Унитарную Конфедерацию Труда масс и систематической организации революционного действия.

В опасности ли французский синдикализм?

Какой синдикализм? Синдикализм *Бенара и Коломера*, тот синдикализм, который культивировался в тайной масонской ложе, синдикализм пустых угроз, бессодержательных формул, пышных жестов и бесцветных дел—этот синдикализм действительно в опасности. Организаторы «Комитета синдикалистской защиты» думают, что рабочее движение Франции погибнет, если во главе его не будут карбонарии «заговора». Но эти товарищи слишком хорошего мнения о себе и слишком плохого мнения о французском пролетариате. Нельзя руководить массовым движением путем мелких интриг, даже если эти интрижки сопровождаются большим шумом. Профессиональное движение Франции сделало громадный шаг вперед, освободившись от героев франк-масонского «заговора», но ему предстоит еще длинный и трудный путь по организации и завоеванию доверия широких масс. Благодаря метафизикам из анархо-синдикалистского блока, Сент-Этьеннский Конгресс посвятил 6 дней общей дискуссии, при чем три четверти времени было потрачено на вопрос, что нужно делать на другой день после социальной революции. Я менее всего возражаю против обсуждения этого вопроса, но я думаю, что не меньший интерес представляет и вопрос, как приблизить социальную революцию. Очень важно знать, что и как мы будем делать через неопределенное время, но трижды важно знать, что и как нужно делать сегодня и завтра, чтобы создать и сплотить необходимую силу, способную приблизить нас к революционным проблемам после социального переворота.

Французское профдвижение проходит через трудный этап. Оно окружено со всех сторон врагами. Буржуазия и ее государство следят за каждым шагом Унитарной Конфедерации Труда, чтобы спустить на нее всех цепных собак порядка и собственности. Реформистская Конфедерация Труда и диссиденты продолжают свою работу по моральному разложению масс, а тут еще «Комитет синдикалистской защиты», который никого, кроме людей из франк-масонского «заговора», не защищает. Конечно, в этом Комитете имеется очень много искренних пролетариев, которые думают, что они спасают синдикализм, разлагая и ослабляя Унитарную Конфедерацю Труда, но от

их искренности громадный вред для французского рабочего движения от «Комитета синдикалистской защиты» не уменьшается. Если синдикализм в опасности, то это не из-за победы синдикалистско-коммунистического блока в Сент-Этьенне, а из-за сложившегося анархо-реформистского блока.

Опасность, действительно, есть, но не там, где указывают анархо-синдикалисты: она заложена в их методах действия против молодой Унитарной Конфедерации Труда. Положение хотя и серьезное, но тем не менее не должно быть места пессимизму. Французское профдвижение уже пережило кризис; оно излечилось от некоторых детских болезней. Есть еще болезненные явления, но организм уже настолько окреп, что скоро преодолеет последние остатки болезни. Французский синдикализм на пути к созданию мощной боевой организации для оборонительных и наступательных действий против буржуазии.

Берлин, 22 июля 1922 г.

(„Красн. Интерн. Профсоюзов", июль 1922 г.).

Проблема стачечной стратегии.

Речь на 3 конгрессе Профинтерна.

Заслушанные нами три доклада о стачечной стратегии отражают в себе опыт экономической борьбы латинских, англо-саксонских и германских стран. Задача, стоящая перед нами, заключается в обобщении мирового опыта, при чем мы сделаем хорошо, если вдумчиво отнесемся к поставленным вопросам и не будем искать, как это делает тов. Геккерт, реформистских уклонов там, где их нет. Интересующий нас вопрос состоит в следующем: можно ли из величайшего разнообразия методов и способов борьбы выделить общие черты, усталовить некоторые обязательные для всех стран правила и заменить разрозненные, стихийные, недостаточно изученные или плохо организованные стачки планомерной, основанной на законах военной науки и гражданской войны, стачечной борьбой.

Можно ли, вообще, внести планомерность в распыленное движение? Имеются ли общие элементы в борьбе рабочего класса разных стран и можно ли сделать методы и способы борьбы одной страны достоянием рабочих других стран? Одним словом, дело идет о том, чтобы установить — хотя бы в общих чертах — основные вехи, дать руководящие указания тем, кому приходится руководить массовыми боями рабочего класса, для того, чтобы облегчить им развертывание своих сил и выбор наиболее слабого звена в предпринимательской цепи во время классовых столкновений. Для того, чтобы дать ответ на эти вопросы, нужно прежде всего выяснить взаимоотношения между политикой, стратегией и тактикой.

Политика, стратегия и тактика

Все то, что способствует самоутверждению класса, что противопоставляет один класс другому, что содействует организации классовых сил, что проводит резкий водораздел между миллионами и приводит в движение десятки миллионов людей, — все это есть политика. *Политика*,—говорил Ленин,—*есть умение маневрировать миллионами. Программа определяется целью* рабочего движения. Политика осуществляет намеченную программу. Но путь, по которому нужно итти, основные линии движения для проведения в жизнь поставленных задач — это относится уже к стратегии.

«Стратегия, — говорит Сталин в своей очень интересной книге о Ленине и ленинизме, — есть определение направления главного удара пролетариата на основе данного этапа революции, выработка соответствующего плана расположения революционных сил (главных и резервных), борьба за проведение этого плана на всем протяжении данного этапа революции. Если взять военную науку, то она определяет задачи стратегического искусства следующим образом: 1) правильная постановка общей цели; 2) выбор правильного направления; 3) создание благоприятного исходного положения для операций; 4) установка строгого соответствия между раз поставленной целью и средством для ее достижения».

«Существенную часть всякой стратегической операции, — говорит один из немецких военных авторитетов, — составляет решение вопроса *о направлении операции и о выборе той точки, куда следует бить*, наиболее важного, наиболее чувствительного в расположении неприятеля пункта, называемого об'ектом или предметом действия, или *решительным пунктом* военных действий». «*Постановка цели и выбор направления операции* — вот в чем заключается творческая часть стратегии», — говорит тот же авторитет. Что же такое, в таком случае, тактика? Под тактикой мы разумеем метод осуществления, в указанном стратегией направлении, отдельных заданий. «Стратегия, — говорит Мольтке, — указывает *выгоднейший путь* к бою, и *когда* он должен быть дан. Тактика же—лучший способ употребления различных родов войск, т.-е., *как* бой должен быть веден». И в другом месте: «Стратегия *направляет* тактику, а с другой стороны, она *подготовляет* ей дело». «Если стратегия,—говорит в упомянутой выше брошюре т. Сталин, — имеет целью выиграть войну, скажем, с царизмом или буржуазией, то тактика ставит себе менее существенные цели, ибо она старается выиграть не войну в целом, а те или иные сражения, те или иные бои, успешно провести те или иные кампании. *Тактика есть часть стратегии, ей подчиненная, ее обслуживающая*». Определение линии поведения и методов борьбы для всего театра военных действий относится к стратегии, а для одного поля сражения — к тактике.

Из этой короткой экскурсии в область военной терминологии мы можем сделать следующие выводы: программа указывает общую *цель* (низвержение капитализма, установление диктатуры пролетариата и т. д.). Политика намечает в пределах программы основное направление, по которому должен итти класс в целях увеличения своей боеспособности и подготовки к насильственному низвержению другого класса или утверждению своего классового господства после захвата власти. *Стратегия* — в осуществлении поставленных задач — *определяет направление операции и выбор той точки, куда следует бить. Тактика дает ответ* на вопрос, *как* нужно вести бой на определенном участке фронта. После этих предварительных замечаний военно-стратегического характера мы можем перейти к вопросу о стачках.

Армия национальная и армия профсоюзная.

Об армии профессиональной можно говорить только условно, потому что основной признак армии—*принудительность*—отсутствует в об'единяемых профсоюзами армиях. Этим самым в значительной степени меняются характер, методы борьбы и пределы воздействия руководящего органа на руководимую массу. *Наша профсоюзная армия—добровольческая. Принудительность заменяется классовой солидарностью, классовой спайкой.* Мы не располагаем таким орудием воздействия на дезертиров, каким располагает армия, находящаяся на военном фронте. Надо, стало быть, изыскивать другие методы и способы взаимной связи и дисциплины, которые заменили бы принудительность и карательный аппарат государства. Здесь может итти речь лишь о поднятии классового сознания до высокого уровня и о внедрении в сознание масс необходимости величайшей самодисциплины, выдержки и подвижности в моменты социальных столкновений. Второе важное отличие, имеющее большое значение для военных и классовых операций, это то, что военная армия занимает определенную территорию, имеет определенный операционный базис для стратегического развертывания своих сил. Фронт между противниками ясен и определяется линией огня. Ничего этого нет в борьбе между трудом и капиталом. Социальный фронт зигзагообразен, он находится внутри страны, он перерезает в тысячах направлений города и деревни. На этом гигантском фронте приходится иметь дело с прекрасно организованным врагом и его буржуазным государством. Классовые границы не охраняются и не могут охраняться с такой тщательностью, как границы государственные. Роль пограничной стражи играет в последнем случае компартия. Правда, рабочий класс не имеет с буржуазией мирных границ, — фронт существует всегда, хотя бы и в скрытом виде. Но трудность заключается в том, что определенные силы нашего класса не сведены в боевые единицы, другие части (реформисты, католики, либералы) ищут установления мирных границ с буржуазией, а мы, кроме пропаганды и агитации, не имеем никаких других способов воздействия на эти массы, на активных и пассивных дезертиров рабочего фронта.

Стачка, как орудие борьбы.

Из всех форм экономической и политической борьбы — одновременное и внезапное прекращение работ всегда производило определенный эффект. К стачке рабочий класс прибегает очень давно, но, несмотря на свой почтенный возраст, стачка еще не изучена. Прежде всего, нужно условиться о том, что *стачка, как и война, является продолжением политики другими средствами.* В отличие от войны, которая всегда вызывалась сознательно поставленными целями (национальными, империалистическими и т. д.) и всегда носила организованный сверху характер, стачки очень часто возникали стихийно, без руководства, без заранее поставленных целей, как протест против невыносимых условий труда. Цель и задачи часто определялись уже после возникновения стачки. Таков первый

период стачечной борьбы. В дальнейшем, с оформлением профессиональных организаций, стихийная стачка все больше и больше заменялась организованной борьбой, а чаще всего переговорами в целях избежания стачек.

Каковы виды стачек?

Стачки бывают следующих видов: 1) стихийные; 2) организованные; 3) наступательные; 4) оборонительные; 5) стачки солидарности; 6) стачки перемежающиеся; 7) локальные; 8) районные; 9) производственные; 10) всеобщие; 11) интернациональные; 12) экономические; 13) чисто политические. Этот беглый перечень разнообразных стачек показывает, какие величайшие трудности стоят перед нами, если мы хотим внести элемент планомерности и организованности в массовую борьбу рабочего класса. *Каждая стачка есть проба сил между предпринимателями и рабочими.* И нужен целый ряд условий для того, чтобы этот специфический пролетарский метод борьбы дал желательные нам результаты.

Условия успешности стачек.

Что нужно для того, чтобы начать борьбу с максимальными шансами на успех? — Прежде всего, крепко сплоченную, хорошо вышколенную, высоко сознательную рабочую массу. Здесь предстоит колоссальная работа по поднятию политического сознания масс. Необходима беспощадная борьба со всеми остатками цеховщины и корпоратизма и большое исключительное доверие к руководителям. Мы подходим таким образом к очень важному вопросу о взаимоотношении между армией и ее штабом. Штаб рабочих организаций создается постепенно; в большинстве своем это все выходцы из рабочей среды, прошедшие суровую школу фабрично-заводской жизни. Эта социальная связь между рабочими и руководителями об'ясняет в значительной степени то, что самые прожженные реформистские жулики и предатели могут тем не менее держаться во главе рабочих организаций продолжительное время.

Что требуется от штаба? Военные говорят о *стратегическом чутье, о стратегическом чувстве и стратегическом знании.* Об этом же можно говорить и по отношению к руководящему ядру профессионального движения. От руководителей требуется: 1) выбрать подходящий момент для удара; 2) выбрать наиболее слабое место противника и ударить по наиболее слабому звену; 3) захватить инициативу и уметь ее удержать; 4) бить в центр тяжести противника (Клаузевиц); 5) предусмотреть возможные выступления противника и парализовать наиболее опасные из них для нас; 6) обезвредить штрейкбрехерские организации *всеми средствами;* 7) уметь применять обходы и концентрические движения; 8) учесть пределы нажима на противника и его сопротивляемость; 9) не зарываться, не увлекаться успехом и уметь во-время прекратить забастовку. 10) после успешной стачки никогда не поддаваться на соблазн и провокацию и суметь в нужную минуту вновь вступить в борьбу; 11) уметь в случае необходимости во-время отступать, пойти на перемирие, не теряя головы; 12) никогда не забывать, что всякие

договоры с буржуазией не более, как перемирие, и всегда подготовлять новое наступление: «Договор есть средство собирать силы» (Ленин); 13) уметь в решительный момент вовлечь новые резервы, главным образом, рабочих общественно-необходимым предприятий; 14) никогда после начала стачки не устраивать референдумов о том, продолжать или не продолжать борьбу; 15) не вести никаких закулисных переговоров с предпринимателями, а делать все открыто, на виду, немедленно сообщая об этом всем заинтересованным; 16) организовать подробную информацию о ходе стачки для того, чтобы парализовать действия буржуазной прессы; 17) организовать связь между бастующими разных районов для того, чтобы поддержать всю борющуюся армию в постоянном напряжении; 18) привлечь не только женщин-работниц, но и жен рабочих к участию в стачках, к борьбе против штрейкбрехеров и т. д.; 19) немедленно после возникновения стачки закрыть все кабаки, которые являются обычно центрами штрейкбрехерской деятельности; 20) возбудить сочувствие к стачечникам у трудящихся и рабочих всех категорий; 21) переправить из одного района в другой, или из одной страны в другую детей бастующих; 22) организовать специальные дружины для борьбы со штрейкбрехерством и с наемниками предпринимателей; 23) во время крупных стачек начать широкую агитацию в армии для того, чтобы предотвратить возможное вмешательство войск; 24) организовать особые отряды для недопущения вывоза товаров из предприятия и ввоза сырых материалов; 26) надо уметь дезорганизовать ряды и особенно тыл противника (заключить договор с отдельным предпринимателем, нанести первый удар председателю предпринимательского союза и т. д.)

Мы здесь наметили далеко не все условия, которые необходимы для успешности массовых выступлений пролетариата. Следует с особой силой подчеркнуть, что важнейшим условием для мобилизации масс является *простота, ясность и общедоступность* лозунгов в начавшейся борьбе и *максимальная* связь между руководящим штабом и всей рабочей массой. Один из военных авторитетов—Бернгарди—устанавливает в своей книге о войне будущего следующее «вечные и решительные» законы, применение которых на войне обеспечивают успех: «Проявление инициативы, применение наступления, как решительной формы борьбы, соредоточение сил в решительном направлении, определение этого решительного направления, преобладание моральных, силовых факторов над чисто материальными средствами, взаимоотношение между нападением и обороной и воля к победе». Этот же военный авторитет с особой силой настаивает на превосходстве наступательного образа действий. «Только наступательный образ действий, — говорит он, — может принести решительный исход, одной обороной победить нельзя. Даже успешная оборона только тогда может дать перевес, когда она позволяет перейти к атаке, ищущей решений».

Другой военный авторитет эту же мысль выражает следующим образом: «*Только* отбивая удары или уклоняясь от них, победы

одержать нельзя. *Можно лишь до поры до времени не быть разбитым».*

Наконец, еще одну цитату из Бернгарди: «На войне всегда надо стремиться сохранить за собой инициативу. Инициатива представляет выгоду, которую никогда нельзя переоценить, и которая сводится к тому, что противнику навязывается закон собственных действий, а не приходится принимать таковой от неприятеля».

Я полагаю, товарищи, что нам следует задуматься над этими соображениями военспецов. Правда, эти господа писали все это не для классовой войны, но это не должно помешать нам поучиться у них, *как* воевать, для того, чтобы обратить накопленный ими военный опыт против них, ни на одну минуту не забывая, что стачка является одной из форм гражданской войны.

Знание противника—предварительное условие успеха.

«Никогда не следует сражаться без решительного пункта удара», — говорил Гинденбург. — Это верно. Но для того, чтобы знать решительный пункт удара противника, необходимо знать социально-экономическую топографию театра военных действий, и что представляет собой в политическом, экономическом и организационном отношении наш враг. Прежде всего, нужно знать обстановку борьбы, т.-е. нужно знать мировой рынок, точно учесть под'емы и падения экономической волны, предвидеть надвигающийся кризис, знать внутреннюю структуру предпринимательских организаций, их силу, степень их единства, степень их влияния на реформистских руководителей профессионального движения, на прессу, их связь с штрейкбрехерскими организациями и т. д. Только самое детальное изучение и знание организаций враждебного нам класса, только наличие полной картины сил и средств, которыми непосредственно располагает наш враг, способно дать нам возможность выбрать подходящий момент и нащупать решительный пункт удара.

Мы до настоящего времени недостаточно обращали внимание на изучение кон'юнктуры мирового рынка, экономического состояния страны, предпринимательских организаций и проч. Реформисты этим не занимались, потому что в их задачи не входит борьба с нашим классовым врагом. Но мы-то должны этим заняться весьма серьезно, иначе мы будем все время жестоко и беспощадно биты. Необходимо организовать экономическую контр-разведку, надо раз навсегда помнить, что мы имеем сильного, хорошо организованного, располагающего громадным государственным аппаратом, врага, который не остановится ни перед чем, чтобы подавить малейший протест и разбить выступления рабочих. Концентрацию наших сил в *производственные* союзы и централизацию всего профессионального движения нужно провести возможно скорее, если мы хотим силе концентрированного капитала противопоставить мощь концентрированного труда.

Стихийные вспышки, частичные забастовки и организация борьбы.

Стихийные выступления рабочих происходят на первичной стадии рабочего движения, с одной стороны, а с другой, — в тех странах, где профессиональное движение находится в руках замателелых бюрократов, которые относятся крайне подозрительно к малейшей инициативе и самодеятельности масс. «Всякая стачка—благо»,—говорят анархо-синдикалисты и готовы провозглашать «всеобщие» стачки 24 раза в сутки. «Всякая стачка—зло»,—отвечают реформисты и готовы саботировать любое выступление рабочих против своих угнетателей.

Оба эти взгляда на стачки ничего общего не имеют с нашим революционным, коммунистическим учением. «*Наше учение*,—говорил Ленин, — *не догма, а руководство к действию*». С этой точки зрения и нужно подходить к отдельным стихийным и частичным забастовкам.

Бывают случаи, когда выступление рабочих, носящее стихийный характер, на самом деле — признак революционности, ибо это выступление является одновременно протестом против предпринимателей и против профсоюзной бюрократии. В Англии, например, сторонники Профинтерна относятся выжидательно, а иногда даже враждебно к неофициальным стачкам: это, несомненно, ошибка, ибо, когда стачка начинается, революционер должен быть в первых рядах. Во Франции, где очень злоупотребляют разговорами о всеобщей забастовке, где корпоратизм часто прикрывается революционной анархистской фразой, там в начале 1924 года лозунг «не надо частичных забастовок» — был правилен.

Требуется очень чуткое и внимательное отношение к стихийным и неорганизованным, не санкционируемым союзом, выступлениям, потому что в зависимости от места, обстановки и времени эти выступления могут сыграть положительную и отрицательную роль. Общего правила по отношению ко всем стихийным и неофициальным выступлениям нельзя установить. Сковывать энергию масс — не в наших интересах, а в интересах реформистов. Организация и подготовка революции предполагает также использование стихийного протеста и накопившейся революционной энергии в массах. Борьба с распыленностью выступлений не означает борьбы против стихийных выступлений, иногда в высшей степени нужных и важных, могущих сыграть большую роль.

Место стачек в общеклассовой (политической) борьбе.

Стачечная борьба может только в том случае принести пользу рабочему классу, если мы заранее знаем, чего мы хотим достигнуть этой борьбой. Каковы бы ни были непосредственные цели стачки, каков бы ни был характер требований, *только тот союз достоин звания революционного, который вносит в конфликты между трудом и капиталом элемент политический, т.-е. элемент общеклассовый.*

Анархисты и анархо-синдикалисты считают стачку единственным всеспасающим средством борьбы. Это неверно. В моменты максимального обострения социальной борьбы стачка сочетается с вооруженным восстанием, при чем возможно прекращение стачки и продолжение восстания, и наоборот. «Всеобщая стачка—освободительница» — стачка скрещенных рук — является мифом. Без вооруженного восстания, без захвата власти, без разрушения аппарата буржуазного государства, без установления пролетарской диктатуры любая стачка может закончиться поражением рабочего класса. Стачки экономические, как и стачки политические, играют подчиненную роль в общеклассовой борьбе пролетариата.

Задача революционных союзов — каждый мелкий конфликт использовать для общей цели, каждое столкновение между трудом и капиталом сделать исходным пунктом для вовлечения широких масс в движение против капиталистической системы. В этих пределах, и только в этих пределах можно говорить о стачечной стратегии или, лучше, *тактике стачечной борьбы*, которая является *составной, неразрывной, органической и подчиненной частью общеклассовой стратегии пролетариата, ибо «всякая экономическая борьба есть борьба политическая»* (Маркс).

Можно ли гарантировать победу?

Нельзя ни выдумать, ни создать *науку побеждать*. Научный подход к вопросу может *уменьшить* количество поражений и *увеличить шансы* победы, но нельзя всего предусмотреть. Каждый отдельный момент социальной борьбы требует конкретного подхода. В этом, как и в других отношениях, нам нужно учиться, учиться и еще раз учиться у наиболее гениального стратега классовой войны—у Ленина.

Троцкий в своей книге «О Ленине» так характеризует стратегический гений Владимира Ильича: «Нужно уметь не захлебнуться в событиях революции. Когда прилив неизменно поднимается, когда силы восстания автоматически нарастают, а силы реакции фатально дробятся и распадаются, так велико искушение отдаться стихийному течению событий. Быстрый успех обезоруживает, как и поражение. Не терять из виду основной нити событий; после каждого успеха говорить себе: еще ничего не достигнуто, еще ничего не обеспечено; за пять минут до решающей победы вести дело с такою же бдительностью, энергией и с таким же напором, как за пять минут до открытия вооруженных действий; через пять минут после победы, еще прежде чем отзвучали первые приветственные клики, сказать себе: завоевание еще не обеспечено, нельзя терять ни минуты, — таков подход, таков образ действий, таков метод Ленина, таково органическое существо его политического характера, его революционного духа».

Нужно ли что-нибудь прибавить к этой характеристике сущности революционной стратегии? Ленин был неподражаемым мастером в наступлении и, пожалуй, еще большим мастером в умении определить момент, когда необходимым становится отступление. —

ибо искусство отступать не менее трудно, чем искусство наступать. «Надо уметь отступать» — говорил часто Ленин. «Приходится понять—и революционный класс на собственном горьком опыте учится понимать—что нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению» («Детская болезнь «левизны» в коммунизме»).

О международных выступлениях.

Нужно ли говорить, что все вышесказанное относится в равной степени к международным стачкам? Возьмите все вышеуказанные правила, расширьте их за пределы географических границ, поставьте на место локальных союзов национальные федерации, а на место национальных федераций — международные производственные об'единения и боевой Интернационал в целом, и вы получите схему международной борьбы пролетариата. Конечно, размеры театра военных действий в значительной степени усложняют стратегические задачи, усложняется дело также наличием национальных противоречий, шовинистическим наследием войны, национальной ограниченностью и т. д. Но, несмотря на все это, цели, стратегические задания, условия и предпосылки успешности борьбы в общем и целом—те же.

Международная борьба требует большего размаха, большей инициативы, большей дальновидности, чем борьба в локальном или национальном масштабе. Стихийности нет места в такого рода борьбе, результат может быть получен только лишь, как следствие планомерного, организованного выступления. Но здесь еще более, чем в национальных рамках, сказывается наследие прошлого. Ни Амстердамский Интернационал, ни примыкающие к нему международные Секретариаты по производствам не в силах что-либо сделать для того, чтобы перешагнуть в борьбе географические национально-государственные границы. Для организации международных выступлений нужно подчинить интересы национальные интересам международного пролетариата, а это противоречит самой природе реформизма.

Единственные организации, которые всей своей работой подготовляют политические и организационные предпосылки для интернационализации экономической и политической борьбы, которые разрывают национально-государственные рамки, — это Коминтерн и Профинтерн. По мере роста и развития обоих этих боевых Интернационалов и примыкающих к ним организаций, будут расти шансы на успешный исход международных кампаний и международных забастовок. Но и здесь, как и в стачках национального характера, можно ли начертать окончательные правила и гарантировать победу? Нет! Я еще раз повторяю, нельзя выдумать и создать науку побеждать. Вот почему я позволю себе закончить мое выступление следующим изречением Мольтке: «На войне, как в искусстве, нет общих норм. В обоих—талант не может быть заменен правилами».

Единство мирового профдвижения.

Доклад на VI с'езде профсоюзов СССР (18 ноября 1924 г.).

Товарищи, с'езды профессиональных союзов нашего Советского Союза всегда были вехой не только в нашей внутренней политике, но и в области нашей международной политики. Нам на этом с'езде придется занять определенную позицию по наиболее важному вопросу, который в настоящее время стоит перед мировым рабочим движением, — по вопросу о единстве профессионального движения и о методах достижения этого единства.

3 Конгресс Профинтерна о единстве профдвижения.

Вы знаете, что 3 Конгресс Профинтерна, который состоялся несколько месяцев тому назад, дал лозунг: единство мирового профессионального движения. Этот лозунг вытекал с логической необходимостью из того решения, которое было принято 2 Конгрессом Красного Интернационала Профсоюзов по вопросу о едином фронте. Ибо единый фронт в профессиональной организации означает также и стремление к организационному единству. Если в нашем политическом движении мы стремимся возможно больше обособить наши коммунистические партии, провести возможно более глубокую грань—идейную и организационную — чтобы выковать нашу политическую организацию, нашу коммунистическую партию, *то в области профессионального движения, мы всегда стремились — и это была традиция большевизма — сохранить единство профессионального движения.* Мы при этом исходим из той точки зрения, что единое профессиональное движение является более широким полем для нашей коммунистической деятельности, чем расколотое, распыленное, разбитое на части профессиональное движение.

Таким образом, 3 Конгресс Профинтерна дал лозунг борьбы за единство мирового профессионального движения. Единство было центральной идеей всего Конгресса, важнейшей задачей. И эта идея борьбы за единство проникает все принятые резолюции. Какой бы вопрос порядка дня нашего Конгресса вы ни взяли. — а 3 Конгресс был очень богат количеством разрешенных вопросов. — все они были проникнуты единой, всепроникающей идеей борьбы за единство мирового профессионального движения.

Как бороться за единство профессионального движения — вот важнейший вопрос, на который нужно было дать ответ Конгрессу и на который нам сейчас также нужно ответить.

Возможно ли единство проф-движения?

Но прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо остановиться на одном в высшей степени важном вопросе: да возможно ли единство профессионального движения вообще? Мы прекрасно знаем, какая идейная пропасть лежит между теми организациями, которые ранее сложились в международном масштабе, и теми, которые параллельно сложились недавно в некоторых странах. Перед нами две системы. С одной стороны — соглашение с буржуазией, с другой—борьба с буржуазией; с одной стороны — борьба против социалистической революции, с другой—борьба за социалистическую революцию; с одной стороны—поддержка коалиции с буржуазией и участие в ней, с другой — ожесточенная борьба против коалиции с буржуазией. С одной стороны — империалистическая политика: поддержка Версальского договора и плана Дауэса. с другой — политика ожесточеннейшей борьбы против империализма. особенно империализма в рабочей среде; борьба против Версальского договора, против плана Дауэса, против всего того, что идейно. политически связывает рабочую организацию.

Как при таких расхождениях говорить об единстве? И у многих товарищей возникают сомнения: возможно ли единство вообще. нужно ли добиваться его? Ведь нам придется быть в одной организации с от'явленными соглашателями, с людьми, которые на практике доказали свою приверженность буржуазии и показали, как ловко можно изменять интересам рабочего класса.

Наши разногласия.

Да! Разногласия между нами действительно очень большие. Я приведу только один маленький пример из недавнего прошлого. Вам известен спасительный план американского генерала Дауэса. ставленника Моргана. Вы знаете. что этот план был выработан под непосредственным давлением банкиров, главным образом, американских банкиров и их шефа Моргана. За последнее время произошла маленькая «морганизация» Европы. т.-е. подчинение Европы американскому капиталу.

Как на это отвечают два существующих Интернационала — 2 социалистический и Амстердамский? Как только стал известен план Дауэса, исполнительные органы этих обоих Интернационалов собрались на совместное заседание, на котором было принято множество решений, в которых говорилось, что план этот недостаточен. что в нем имеется много отрицательных сторон. Однако на заседании бюро Амстердамского Интернационала и Гамбургского социалистического Интернационала было решено. что, несмотря на все недостатки и ошибки плана экспертов. его нельзя заменить ничем лучшим, и в случае его неудачи„— европейский кризис. наоборот. очень бы обострился. При создавшихся условиях проведение плана экспертов в настоящее время является *единственно возможным*

решением. А если бы не было этого решения — тогда что? Тогда, — говорят реформисты, повторяющие слова буржуазии, — тогда хаос и разруха, иначе говоря, — революция.

Таким образом мы видим, какая огромная пропасть отделяет нас от руководителей Амстердамского Интернационала. Эта пропасть не только теоретическая. Нас разделяют не только проблемы будущего, — *как* мы сделаем революцию, — нас разделяют *практические*, конкретные проблемы нынешнего дня.

Единство профдвижения есть метод завоевания масс.

Нужно ли бороться против плана Дауэса, нужно ли бороться против фашизма, нужно ли и и как бороться против наступления капитала, нужно ли, наконец, бороться против опасности войны? Вот что нас сейчас разделяет с Амстердамским Интернационалом и, естественно, что у многих товарищей возникли те опасения, о которых я говорил уже выше — не является ли ошибкой самый лозунг единства? Не приведет ли он к разгрому наших революционных сил, к распылению нашего движения, к дезорганизации наших собственных рядов. Не будем ли мы поглощены и засосаны реформистскими организациями и Амстердамским Интернационалом? Эти опасения, несомненно, законны, но они неосновательны.

В самом деле, каковы наши задачи по отношению к массовому движению всех стран? Задача проникновения во все организации, задача завоевания масс, борьба с реформизмом за массы, ибо чем большее количество рабочих масс будет под нашим влиянием, тем скорее мы сумеем сделать их орудием революции. Мы имеем целый ряд примеров, когда после раскола в профсоюзах наступало известное консервирование организаций, и часть рабочих, которая при других условиях, несомненно, шла бы за нами, сдерживалась параллельной организацией и шла не с нами, а очень часто с реформистами.

Таким образом, *проблема единства означает для нас метод завоевания масс.*

Вопрос о создании Единого Интернационала профсоюзов.

В том, что нужно об'единить расколотые союзы в каждой стране, в этом все решительно согласны. Но особенно большие сомнения вызывает вопрос о создании Единого Интернационала профсоюзов. Основной вопрос здесь следующий: мы видвигаем лозунг «единство мирового профдвижения»; мы предлагаем созыв об'единенного конгресса, на который мы предлагаем привлечь все организации, примыкающие к Амстердамскому Интернационалу профсоюзов и к Профинтерну с тем, чтобы на этом международном конгрессе создать повый Единый Интернационал профсоюзов. Возникает вопрос: можем ли мы итти на создание этого нового интернационала профсоюзов без каких бы то ни было предварительных условий? Или же для создания этого нового интернационала необходимо выставить ряд условий и только в зависимости от принятия их высказаться за или против Единого Интернационала?

Есть товарищи, которые говорят так: Единый Интернационал—очень хорошо, единое профдвижение — еще лучше, но этот единый Интернационал профсоюзов может быть создан только в том случае, если он будет основан на классовой борьбе, если в своих статутах он провозгласит и будет проводить классовую борьбу, если этот новый Интернационал профсоюзов выскажется против плана Дауэса и против сотрудничества с буржуазией. Вот если наши контрагенты — выражаясь коммерческой терминологией — примут эти условия, тогда нужно итти на создание Единого Интернационала профсоюзов. Если же эти предварительные условия не будут приняты, тогда совершенно невозможно согласиться на создание его, и тогда нужно будет в дальнейшем вести работу так, как мы вели ее до сих пор.

Мы не ставим предварительных условий.

Итак, устанавливаем ли мы предварительные условия? Я отвечу, что, исходя из ряда соображений, — мы предварительных условий для единства не устанавливаем. На самом деле, что хотим мы создать? Об'единением союзов всех стран в единой организации и слиянием параллельных организаций мы хотим создать более широкое поле для своих действий. Пойти к реформистам и сказать: «Откажитесь от коалиции с буржуазией!»—значит требовать от них невыполнимого. К сожалению, международное профдвижение еще очень много имеет реформистов, если не в низах. то, во всяком случае, в верхах, и было бы нерационально при таких условиях ставить самую проблему единства, так как это означало бы заведомый срыв всей проблемы.

Мы делаем иначе. Мы обращаемся к реформистам, к амстердамцам и говорим: «Мы знаем, какая пропасть отделяет реформистов от нас, коммунистов, мы знаем, что расходимся с вами по всем принципиальным и практическим вопросам, по важнейшим вопросам международного рабочего движения, и тем не менее мы предлагаем на наиболее демократических принципах созвать международный конгресс. На этом с'езде будет видно, кто имеет большинство, и мы заранее заявляем, что если мы даже останемся в меньшинстве—мы все же останемся внутри Единого Интернационала профсоюзов. Вы будете править, мы же будем бороться за проведение своих принципов в массовом рабочем движении». Так мы отвечаем на вопрос о предварительных условиях. Ибо если бы мы поставили предварительные условия, то было бы сорвано не только единство, но и самый подход к единству.

Борьба внутри Амстердамского Интернационала.

Но, товарищи, чтобы об'единиться, нужно не только желание единства с нашей стороны, — необходимо, чтобы оно было и со стороны наших идейных противников. И тут-то мы замечаем, что внутри Амстердамского Интернационала в настоящее время идет довольно серьезная борьба вокруг вопроса, нужно ли единство или нет, создать ли единство налево, т.-е. с нами, или же продолжать единство действий с левым крылом буржуазиии, как было до сих пор. Эта борьба раскалывает

Амстердамский Интернационал. Там начинают создаваться различные течения, идейные группы, правда, еще неоформленные. Мы имеем левое крыло Амстердамского Интернационала, которое еще не имеет законченной программы, но оно отражает настроение в массах, оно желает найти опору в революционном крыле рабочего движения, в наиболее активной и самоотверженной части рабочего класса, которая все время ведет борьбу с буржуазией.

Если взять амстердамское движение в *горизонтальном* разрезе, по национальным организациям, то наиболее серьезными противниками единства являются: верхушка германских профессиональных союзов, реформистская Конфедерация Труда во Франции, верхушка бельгийских союзов и союзы Голландии и Швеции.

Кампания «Форвертса» против единства.

Центральной силой, оказывающей противодействие единству, являются, однако, германские союзы, которые всей своей тяжестью давят на Амстердамский Интернационал. И это несмотря на то, что внутри этих союзов мы, революционное крыло рабочего движения — сторонники Профинтерна, имеем за собою огромные массы. Но так как аппарат находится в руках социал-демократии, то от имени этого аппарата, этой мощной бюрократической машины, все время происходят выступления против единства, категорический саботаж всего, что ведет нас к единству.

Идейным застрельщиком против единства выступает германская социал-демократия. Центральный орган германской социал-демократии «Форвертс» уже несколько месяцев со времени 3 Конгресса Профинтерна и 5 Конгресса Коминтерна занимается проблемой единства и выступает против «нового маневра», как он говорит, исходящего из Москвы. «Форвертс» настолько против единства, что умышленно искажает речи и выступления английской делегации и даже председателя Амстердамского Интернационала — Перселя.

Вот маленький образец: 9 ноября в «Форвертсе» появилась статья по вопросу об единстве, где говорится: «Должны быть выработаны определенные принципы для того, чтобы какая-нибудь особая организация не получила права посылать на международный конгресс, — о котором говорят русские союзы и ВЦСПС — для переговоров с Амстердамским Интернационалом столько делегатов, сколько ей захочется. Число делегатов должно быть поставлено в строгое соответствие с числом членов данного профсоюза». Против этого принципа мы не возражаем. Наоборот, мы предлагаем, чтобы на международном Конгрессе Единства рабочие организации были представлены пропорционально своей силе. Мы идем дальше «Форвертса». Ведь когда Форвертс» говорит о пропорциональном представительстве, то пред его умственным взором носятся 6 миллионов организованных рабочих Германии и та перспектива, что верхушка этой организации пошлет громадное количество своих делегатов. конечно, правого крыла. Мы же идем дальше: мы предлагаем этот принцип пропорциональности провести до самых низов, мы предлагаем пропорциональное представительство непосредственно на

фабриках и заводах. Пусть по спискам выбирают по всем странам. в нашем Советском Союзе мы тоже будем выбирать по спискам. и пусть делегаты будут выбраны действительно от рабочих масс. Посмотрим, тогда, сколько правых делегатов пройдет от немецких профсоюзов и сколько левых. А ведь «Форвертсу» мыслится посылка делегатов исключительно от Всеобщего Об'единения Германских Профсоюзов.

«Форвертс» далее останавливается особенно на том месте письма ВЦСПС, где сказано, что мы против соглашения с буржуазией. «Форвертс» пишет: «Требования Москвы — порвать всякую связь с капиталистическим классом, скончательный отказ от всех тарифных договоров, а также от всякой совместной работы с Международным Бюро Труда в Женеве». Что касается Международного Бюро Труда в Женеве, то это верно, а вот что касается принципиального отказа от тарифных договоров,—то вы видите, как эти ловкие престидижитаторы, социал-демократические фокусники, подсовывают нам не более. не менее, как отказ от тарифных договоров! Почему? — Потому что мы говорили: нужен разрыв с буржуазией. Что это значит? Это значит: не входи в буржуазное правительство, не поддерживай буржуазного правительства, не соглашайся с предпринимательскими организациями против рабочих, не срывай рабочих стачек. А «Форвертс» говорит: «Нет, вы отказываетесь от тарифных договоров». Мы можем успокоить чувствительных журналистов из «Форвертса»,— мы не отказываемся от тарифных договоров, но мы до сих пор не подозревали, что коалиция с буржуазией и тарифный договор это одно и то же. Это новое открытие в области мирового рабочего движения принадлежит исключительно «Форвертсу» и его социал-демократическим литераторам.

Но, товарищи, в «Форвертсе! сидят очень тонкие политики, которые лишь прикидываются дурачками, а на самом деле — это прожженные шулера. Вот что дальше пишет «Форвертс»: «Будет ли новый единый Интернационал совершенно независим от политических партий, так как нынешний Профинтерн зависит от резолюций Коминтерна?» Видите ли, «Форвертс» изображает дело таким образом, что амстердамцы — народ абсолютно независимый — живут на необитаемом острове, а что касается 2 Интернационала — то это организация, которая не имеет отношения к профдвижению и только лишь случайно занимается этим делом. Но ведь «Форвертс», который ставит такого рода вопрос: «Будет ли новый Интернационал зависимым или независимым от Коминтерна», — «Форвертс» прекрасно знает наше предложение, которое сводится к созыву конгресса. Если они — 2 Интернационал — будут иметь большинство на об'единительном Конгрессе, то они идейно будут руководить им. В этом никто ни на минуту не сомневается. Но мы не сомневаемся и в том, что, если коммунисты будут иметь большинство, *то коммунисты и будут руководить Интернационалом*. И незачем заниматься жульничеством и подсовывать нам то, чего мы не предлагаем.

Мы предлагаем конгресс, демократически избранный рабочей массой, и на этом конгрессе мы сопоставим нашу и их платформу,— пусть рабочий класс выбирает, кто прав: мы, или они. Но «Форвертс» спрашивает дальше: — «Будут ли профессиональные союзы содействовать улучшению положения рабочего класса в капиталистических странах, или же они станут осуществлять мировую революцию?» Вот видите, товарищи, что их волнует. Улучшить положение рабочего класса, на это они бы еще согласились, если бы это проходило без порчи крови буржуазии, но вот насчет мировой революции, — тут ни один социал-демократический желудок этого переварить не может. Наша точка зрения на вопрос об улучшении положения рабочего класса такова: мы стремимся к тому, чтобы каждый день в нашем активе дал нам максимальное улучшение положения рабочего класса, но одновременно, на почве этой борьбы, мы ведем рабочий класс к мировой революции.

Чего же боится «Форвертс»? Он боится того, что, когда произойдет об'единение в единый Интернационал, где будут коммунисты, синдикалисты, реформисты, социал-демократы и проч., то как бы из этого не вышел какой-нибудь толк для мировой революции. Ну, товарищи, мы этого не боимся, а совсем даже наоборот...

Соотношение сил и политика будущего Интернационала.

И, наконец, третий вопрос «Форвертса»: «Будут ли професиональные союзы в дальнейшем сами окончательно вырабатывать свой образ действий, или они обязаны будут безусловно исполнять распоряжения международного центрального бюро?» Обратите внимание на этот вопрос, — он носит невинный характер, но вы увидите, какое громадное политическое значение он имеет.

Амстердамский Интернационал предоставлял автономию отдельным образом и теперь им важно выяснить, как же в случае об'единения будет проведена эта автономия. В чем заключается эта автономия каждой страны в Амстердамском Интернационале в данное время? Она заключается в том, что каждая страна, т.-е. профессиональное движение каждой страны, соглашается на стык со своей буржуазией. Они собираются один или несколько раз в год, принимают никого и ни к чему не обязывающие резолюции и после этого расходятся. *Это не Интернационал, а международный почтовый ящик.* Мы — против такого Интернационала. И все зависит от того, будем ли мы в большинстве. Если да, тогда мы создадим лучший Интернационал, если же вы получите большинство, вы будете продолжать такой образ действий до тех пор, пока мы не получим большинства.

Разве это можно назвать Интернационалом, когда организации, примыкающие к Амстердамскому Интернационалу, во время гигантских социальных потрясений не помогают друг другу? Когда бастуют горняки Англии, американские горняки посылают в Англию свой уголь. Когда французские горняки бастуют, — немецкие посылают свой уголь во Францию. Когда бастуют немецкие горняки,—англий-

ские союзы дают уголь для Германии и т. д. Я спрашиваю, разве это Интернационал? Нет, это не Интернационал, и такой автономии мы не признаем, она нам не нужна. Мы хотим добиться, чтобы единый Интернационал профсоюзов, который мы создадим, был боевой пролетарской организацией, которая рассматривала бы весь рабочий класс, как армию в бою, а каждый участок боевого фронта был бы тесно связан со всей этой армией.

Только в том случае, если мы так подойдем к проблеме создания единого Интернационала профсоюзов, мы, действительно, создадим новый Интернационал. Но опять-таки, товарищи, это зависит от соотношения сил. Я еще раз повторяю: если в новом Интернационале вы будете в большинстве, — говорим мы Амстердамскому Интернационалу, реформистам и социал-демократам, — то Интернационал, который вы создатите, будет построен на тех принципах, которых придерживаетесь вы; если же мы будем в большинстве — мы его создадим на других принципах. Задача же каждого отряда рабочего движения заключается в том, чтобы, подходя к проблеме единства, заранее сказать: мы подчиняемся большинству, если на суверенном конгрессе мы окажемся в меньшиве. Так, товарищи, подходим мы к проблеме единства.

Путь к единству.

Но, товарищи, путь к единству не усеян розами. Вы посмотрите на мировое рабочее движение: десятки миллионов рабочих разбиты в целом ряде организаций. Возьмите одну Чехо-Словакию, — вы найдете там несколько центральных организаций: реформистскую чешскую отдельно, и революционную чешскую отдельно, немецкие союзы и национальные социалистические организации отдельно и т. д. Возьмите Голландию — там шесть центральных об'единений. Во многих странах движение менее расколото, но в общем и целом картина мирового профдвижения крайне пестра.

Создать единство, об'единить все мировое рабочее движение, спаять его единым духом, единой программой, единой тактикой, — для этого требуется колоссальное количество энергии и громадный навык со стороны всего революционного рабочего движения.

Каков путь, который предложил 3 Конгресс и который предлагаем мы теперь? Прежде всего: провести кампанию на заводах и на фабриках. Там, внизу, нужно создавать единство; там нужно создавать фабрично-заводские комитеты и комиссии единства, там нужно создавать смешанные комиссии, которые состояли бы из рабочих разных направлений, примыкающих к разным союзам. Когда мы там, в низах, где скоплена вся энергия рабочего класса, создадим эти первичные органы, — мы сумеем произвести максимальное давление на все верхушечные организации и заставить их подчиниться воле масс. Следующий шаг—это кампания по районам и по производствам. По районам не только внутри каждой страны, но и по районам, охватывающим несколько государств, поскольку они экономически об'единены.

Чтобы поднять широчайшие массы, воодушевить их идеей единства — существуют десятки, сотни методов, ибо, товарищи, пере-

говоры с верхушкой только в том случае могут дать благоприятные результаты, и привести к действительному единству, если мы до и во время переговоров, до и во время Конгресса Единства сумеем поднять десятки миллионов рабочих. Сумеем настолько заинтересовать их, чтобы они действительно поняли необходимость единства и оказали твердое воздействие на своих руководителей.

Англо-Русский Комитет Единства.

Среди серьезных мер для создания единства, и как первый шаг к единству, мы рассматриваем соглашения между различными организациями, принадлежащие к обоим Интернационалам.

Я уже говорил, товарищи, что в Амстердамском Интернационале имеется левое крыло, при чем в составе Амстердамского Интернационала имеется целая страна, наиболее важная, Англия, которая начинает переходить на другую позицию, чем та, которую официально занимает Амстердамский Интернацинал. Вам известно уже из предыдущих докладов, а также из нашей печати, что между русскими союзами — в лице ВЦСПС — и английскими союзами еще до Гуллского Конгресса, на самом Конгрессе и после него, а также на этом с'езде происходит, хотя и медленно, фактическое сближение. Это сближение будет играть величайшую роль в создании действительного единства мирового профдвижения, ибо профсоюзы СССР являются базисом и фундаментом Профинтерна, английские же союзы являются фундаментом и основой Амстердамского Интернационала. *Сближение между этими двумя важнейшими отрядами означает серьезный поворот в политике мирового профдвижения, начало новой эры, новой эпохи, — оно означает исходный пункт для действительного создания органического единства.*

Английские трэд-юнионы, в ответ на посылку нашей делегации на Гуллский Конгресс, прислали к нам делегацию. Эта делегация официально выступила на нашем с'езде. После этих выступлений между представителями президиума VI с'езда и английскими делегатами происходили переговоры о возможности и о методах совместных действий. Эти переговоры, как вы в дальнейшем из имеющих быть оглашенными документов увидите, привели к тому, что *обе стороны пришли к принципиальному соглашению о необходимости создать Англо-Русский Комитет Единства. (Бурные аплодисменты.)*

Это предварительное соглашение, которое должно быть подвергнуто еще в отношении английской делегации ратификации Генерального Совета трэд-юнионов, имеет громадное принципиальное и практическое значение. Оно доказывает, что, если есть воля к единству, если есть желание сомкнуть воедино все отряды рабочего класса, то этого достигнуть можно, несмотря на всю ложь, которую распространяет реформистская пресса против большевиков и против нашего революционного профессионального движения.

Англо-Русский Комитет Единства означает шаг вперед, правда, небольшой—по пути к действительно Единому Интернационалу профсоюзов. В дальнейшем мы мыслим создание новых аналогичных комитетов, которые, сближая рабочих разных стран, переходили бы

через старые границы — государственные и профессиональные — и сплачивали бы отдельные отряды, входящие формально в разные интернационалы. Мы мыслим себе создание таких комитетов и комиссий единства, как шаг к созыву международного Конгресса Единства, где будут представлены рабочие всех направлений, и где они сумеют выступить и изложить свою точку зрения и заявить, что независимо от того, какое будет большинство, мы остаемся в рядах Единого Интернационала и будем подчиняться дисциплине в борьбе с буржуазией. Конечно, мы оставим за собой свободу идейной борьбы и отстаивания своих взглядов внутри рабочего движения.

Англо-Русский Комитет Единства есть только первый шаг, но товарищи, шаг этот нужно рассматривать не только с точки зрения нынешнего дня. Он ставит перед рабочими всех стран вопрос о единстве *практически*. Я напомню вам, товарищи, судьбу международной конференции транспортников. В мае 1923 г. мы послали отсюда делегацию для переговоров с международной федерацией транспортников. Делегация состояла из т.т. Андреева, Садовского, Ачканова и меня. Делегация вела переговоры с представителями международной федерации транспортников, на основании которых мы заключили соглашение, подписали договор, скрепили его печатью и подписями. Но вслед за тем правое крыло международной федерации транспортников превратило это наше соглашение в клочек бумажки, начисто сорвав то, что мы сделали. Это им удалось потому, что они внутри этой вертикальной организации транспортников сорганизовали наиболее реакционную часть. Теперь для правых элементов труднее будет сорвать такого рода сближение между рабочим классом СССР и рабочим классом Великобритании. Будет труднее потому, что за Англо-Русским Комитетом Единства будет стоять, с одной стороны, целиком и полностью профессиональное движение нашего Советского Союза, а с другой—будем надеяться—также целиком и полностью профессиональное движение Великобритании. (*Аплодисменты.*)

Товарищи, создавая этот Англо-Русский Комитет Единства, мы ни на минуту не закрываем глаза на те разногласия, которые существуют между нами. Мы никогда не принадлежали к людям, которые любят себя обманывать. Мы отличаемся, как вы знаете, большим реализмом. Этому нас всегда учил Ильич. Мы совершенно реалистически рассматриваем этот вопрос и говорим нашим английским товарищам и друзьям: «Мы не закрываем глаза на то, что нас разделяет. Мы знаем, что у нас совершенно законченная идеология, законченная программа и платформа. В великобританском профессиональном движении мы этого пока еще не видим. Там происходит громадный процесс брожения и, как результат этого процесса, все профессиональное движение—снизу до верху—перестраивается организационно и идеологически. Мы видим слабость и силу великобританского профессионального движения и именно потому, что мы подходим к нашим разногласиям совершенно реалистически, не скрываем их и скрывать не будем,—именно поэтому заключенное нами соглашение будет иметь определенную силу, разумеется, при условии, что в обеих

странах будет добрая воля, доброе желание и серьезные намерения выполнить стоящую перед нами задачу: создание Единого Интернационала профсоюзов. А что такая добрая воля есть, это не подлежит ни малейшему сомнению, иначе принципиальное соглашение было бы, конечно, невозможно.

Единый Интернационал профсоюзов и Восток.

Товарищи, когда мы говорим об Едином Интернационале профсоюзов, мы не ограничиваем его рамками Европы. Надо заметить, что вообще европейские рабочие много лет чувствовали себя чем-то вроде высших существ в отношении рабочих Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, колониальных и полуколониальных стран. Гигантские народные массы, которые участвовали в движении на Ближнем и Дальнем Востоке, были об'ектом эксплоатации мирового империализма и рабочее движение важнейших капиталистических стран относилось к этому рабочему движению, в лучшем случае, совершенно безучастно. Не может быть настоящего Единого Интернационала, в котором не будут вместе с союзами Англии, Франции, Великобритании, Германии, Италии и т. д. также союзы Китая, Японии, Индии и др. стран. Не может быть такого Интернационала профсоюзов, откуда были бы исключены те новые организации, которые возникли во время войны и после войны, союзы, об'единяющие тысячи рабочих, которые сейчас ведут ожесточенную борьбу против своей и иностранной буржуазии. Не может быть действительно мирового центра профдвижения, если эти сотни тысяч, миллионы пролетариев не будут втянуты в наш новый Интернационал профсоюзов. И вы знаете, что в этой области Профинтерн всегда вел совершенно определенную политику, такую же, какую вел и Коммунистический Интернационал.

Русская революция пробудила весь Ближний, Средний и Дальний Восток, а русский пролетариат является для пролетариев Востока примером, как нужно бороться против внутреннего и внешнего врага. Мы служим не только географической, но и идейной смычкой между рабочим движением Востока и рабочим движением западной Европы и Америки. Вот почему в задачу создания Единого Интернационала профсоюзов, в задачу создания действительного мирового центра профдвижения входит обязательное вовлечение профсоюзов всех стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, всех колониальных и полуколониальных стран. Я думаю, что очень немногим товарищам известно, какую героическую борьбу ведут, напр., рабочие Явы, Китая, Японии и др. стран против своей буржуазии и против буржуазии английской, французской, японской и американской.

Если хочешь единства—иди в массы.

Товарищи, перед нами, как вы видите, стоит во всей сложности вопрос об единстве мирового профдвижения. Не будем себе создавать иллюзий, что мы можем достигнуть этого единства в несколько месяцев или, скажем, в один год. Мы не знаем, сколько времени потребуется для того, чтобы поднять широчайшие массы и оказать давление на верхушки организаций, заставив их

пойти на действительное об'единение мирового пролетариата. Но создать Единый Интернационал профсоюзов, т.-е. ускорить процесс единства—зависит от нас, от нашей активности, от того, каким образом будут действовать все организации, входящие в Профинтерн. Это будет зависеть также от нашей самоотверженности и дальнозоркости в борьбе, от того нажима, который будут производить Советские союзы, а также союзы, об'единенные в Профинтерне, на все рабочее движение в отдельных странах. Это будет зависеть также от активной борьбы в каждой стране и перенесения этой борьбы в низы. Вот от чего зависит приближение момента единства мирового профдвижения.

Наше движение едино, совершенно едино. Оно представляет собою единый железный пролетарский блок. Но в других странах этого нет. И необходимой предпосылкой единого профдвижения для всех братских организаций является, прежде всего, лозунг: на фабрики, на заводы, в массы. *Если хочешь единства, то иди в массы*, и еще раз в массы, и еще раз в массы,—тогда мы создадим, действительно, единое боевое международное профессиональное движение. *(Аплодисменты.)*

Заключительное слово по докладу „Единство мирового профдвижения".

Товарищи, наши прения носят в этом году исключительный характер, ибо в них принимали участие и представители революционных союзов других стран. Все прения сосредоточивались вокруг основного вопроса—о единстве, первый шаг к которому сделан нами на этом с'езде.

Вы, вероятно, обратили внимание на то, что представитель французской Унитарной Конфедерации Труда, тов. Дюдилье, нарисовал портреты французских реформистов, как самых худших, какие только существуют во всем мире. Но когда немецкий товарищ Гешке взял слово, то и он вопрос поставил так, что немецкие реформисты еще хуже. Я хотел бы, товарищи, чтобы мы, от имени с'езда, дали удовлетворение и немецким и французским товарищам, сказав, что «оба хуже»... *(Аплодисменты.)* На этот счет они пользуются полным сочувствием всего с'езда. Действительно, если к немецким и французским реформистам присоединить еще реформистов многих других стран, то получится довольно-таки пахучий букет, от которого, несомненно, нужно избавиться, если мы хотим оздоровить мировое рабочее движение.

Но, товарищи, было бы ошибочно, если бы мы рассматривали реформизм и реформистов, как влияние наносное, случайное, от которого можно отмахнуться. Нет, реформизм вырос из самых глубин рабочего класса, он—проявление влияния буржуазии на рабочий класс и отражает всю силу и мощь — идейно-политическую мощь — буржуазии, сумевшей не только материально подчинить рабочий класс, но и *развратить* идеологию его, подчинить себе часть его руководителей и сделать их слугами и агентами своих собственных целей и задач.

За свои идеи мы будем бороться.

Оздоровление мирового рабочего движения идет по пути завоевания широчайших масс *нашими* идеями и потому неправ т. Брудно, который боится нашего столь безоговорочного единства.

Не потому мы не ставим предварительных условий, что хотим отступить от наших позиций. Нет, мы не хотим давать оружия в руки правого крыла Амстердамского Интернационала, который цепляется за оговорки и говорит: нам ставят неприемлемые условия, нас хотят заманить куда-то. Мы не хотим давать повода тем, кто является про-

тивником единства. Мы говорим открыто: *за свои идеи, за свои взгляды мы будем бороться везде и повсюду.* Об'единимся в одну организацию, и если вы будете в большинстве, то вы будете делать политику, но мы свою линию проводить будем, и те товарищи, которые сомневаются в том, сумеют ли коммунисты проводить свою линию в об'единнном Интернационале плохо знают, из какого крепкого металла сделан большевизм. *(Аплодисменты.)*

Товарищи, Единый Интернационал профсоюзов, который охватит десятки миллионов людей, об'единит все организации, входящие в Профинтерн и в Амстердамский Интернационал, который привлечет к себе новые миллисны рабочих, стоящих вне обоих интернационалов,—этот Единый Интернационал не сможет быть точной копией старого Интернационала.

Мы имеем перед собой в данный момент несомненный сдвиг в рабочем движении. Заявление, сделанное здесь представителем английских трэд-юнионов, председателем Амстердамского Интернационала, тов. Перселем, что единство может быть создано только на антикапиталистической базе,—не случайное. Оно отражает грандиознейший сдвиг в массах не только английского, но и всего мирового рабочего движения, и этот сдвиг дает нам несомненную уверенность в том, что мы сумеем построить новый Интернационал профсоюзов, сделать из него действительно боевое оружие в дальнейшей борьбе против капитализма.

Мы — против раскола.

Конечно, предстоят великие трудности. Нас привыкли называть раскольниками. Откройте любую газету, и вы увидите: коммунисты — раскольники, большевики—раскольники, они шлют целыми вагонами деньги во все страны мира. Если верить буржуазной реформистской прессе, то мы целыми транспортами отправляем золото не только в Европу, но даже и в Америку для того, чтобы устраивать там стачки. Но разве такое состояние, при котором каждый отряд рабочих изолирован, является нормальным? Разве такое состояние, когда английские горняки потерпели поражение в своей борьбе лишь потому, что другие рабочие их не поддержали,—нормально? Разве такое состояние, когда рабочие отдельных стран борются, а рабочие других стран их не поддерживают, с точки зрения интересов рабочего класса—нормально? Нет, трижды нет. И мы не смущаемся ложью и клеветой буржуазной прессы, распространяемой против нас Если мы сумеем оказать материальную и всякую другую помощь нашим классовым братьям во всем мире, мы это сделаем, ибо это наш элементарный классовый долг.

Нас обвиняют в расколе. Я бы попросил просмотреть постановления резолюции наших конгрессов,—вы увидите, что каждый раз, когда начиналось движение за раскол, кто, как не мы, выступал против него? Возьмите протоколы 5 Конгресса Коминтерна, протоколы 3 Конгресса Профинтерна, и вы увидите, что в этом зале, а также в Кремле, где заседал Коминтерн,—велась ожесточенная борьба против всякой попытки раскола. Разве не мы высказывались здесь про-

тив раскола в Файфе? Разве не мы боролись против раскола германских профсоюзов, несмотря на то, что во главе их стоят от'явленные враги коммунизма, от'явленные враги классового движения пролетариата? Да, мы всегда боролись против раскола, и всегда будем бороться против него, что бы о нас ни говорили.

О гарантиях единства.

Наконец, последнее, относительно гарантий. Здесь т. Брудно запрашивал нас, какие, дескать, имеются у нас гарантии в том, что заключенное нами соглашение будет проведено в жизнь. «Не спешите, — говорит он, — осторожнее, ради бога, осторожнее». Я думаю, товарищи, что такая постановка вопроса совершенно неправильна. Конечно, спешить, вообще, не к чему, ибо дело это очень серьезное, но на вопрос о том, какие имеются у нас гарантии, что соглашение будет выполнено, мы отвечаем: гарантии заключаются, прежде всего, в непоколебимой воле всех революционных союзов к единству, в нашей активной борьбе за это единство, в том, что английская делегация заявила, что она стоит за этот созданный нами Англо-Русский Комитет, а мы не имеем оснований не верить их заявлению. Мы глубоко убеждены в том, что они будут проводить единство в своей собственной стране. Основная же гарантия единства — увеличение активности рабочих масс во всех странах. Для этого нужно пойти в массы — на заводы, на фабрики.

Мы знаем, что нам будут оказывать противодействие реформистские лидеры и руководители профсоюзов; для них это дело новое; они привыкли жить в своей скорлупе, по-старому, они не привыкли к той широкой перспективе, которую открывает единство мирового профдвижения. Но не все традиции хороши, и с реакционными традициями нужно будет бороться.

Если сторонники единства в Англии и присутствующие здесь представители революционного меньшинства—представители официальной делегации английских трэд-юнионов—серьезно поставят вопрос пред рабочими массами Англии, а не только перед своими органами—а они это, конечно, сделают—то единство, несомненно, будет обеспечено.

Вот почему в ответ на вопрос: «Где же гарантии?»—я говорю: гарантии заключаются в нашей дальнейшей борьбе, в нашей активности, в том, что мы кампанию борьбы за единство будем нести все шире и шире в рабочие массы других стран, в том, что мы привлечем к этой борьбе не только наши организации, но и всех тех друзей единства, которых имеются миллионы как в организациях Амстердамского Интернационала, так и в других профорганизациях.

Единство необходимо для рабочего класса.

Мы, представители революционных союзов, заявляем здесь находящимся представителям английских трэд-юнионов открыто: мы хотим единства, несмотря на существующие разногласия. Мы уверены, что единство будет выгодно для пролетариаев всех стран и в том числе английских. Эта об'ективная выгодность единства для рабочего класса всех стран есть в то же время и абсолютная

необходимость для того, чтобы дать отпор наступающему капиталу, дать по рукам всем тем, кто посягает на завоевания рабочего класса. Вот, в чем гарантии единства. Мы добьемся его,—хотят этого или нет те или другие реакционные руководители: с ними, против них или без них—если они будут ему противодействовать! *(Аплодисменты.)*

Президиум предлагает с'езду одобрить доклад тов. Лозовского, а также одобрить деятельность русской делегации на последних конгрессах Профинтерна и Коминтерна. (Принимается единогласно).

Шаг вперед.

(К образованию Англо-Русского Комитета Единства).

Начатая по постановлению 3 Конгресса Профинтерна борьба за единство международного профессионального движения уже принимает конкретные организационные формы. Когда на 5 Конгрессе Коминтерна и 3 Конгрессе Профинтерна был поднят вопрос о единстве мирового профессионального движения, мы имели перед собой двусмысленное решение Венского Конгресса Амстердамского Интернационала, с одной стороны, и сомнения и колебания по этому вопросу в наших собственных рядах—с другой. Казалось совершенно невозможным осуществить лозунг единства ввиду той пропасти, которая отделяет революционное профессиональное движение от реформистского. Но когда мы выдвигали этот лозунг на обоих международных Конгрессах, мы имели в виду, что в самом процессе борьбы будут найдены те организационные формы, которые облегчат нашу задачу и дадут нам возможность, в конце концов, добиться *международного Конгресса Единства* и создания Единого Интернационала. То, что произошло на Гулльском конгрессе английских трэд-юнионов и на 6 С'езде Профсоюзов СССР, показывает, что лозунг был правильный, и что в международном профессиональном движении назрела серьезная потребность восстановить организационное единство и создать крепкий сплоченный фронт против наступающего капитала. В самом деле, какое значение имел в этой области Гулльский конгресс? На Гуллском конгрессе было высказано пожелание единства, правда, в крайне туманной и неопределенной форме. А что было на 6 С'езде Профсоюзов СССР? Здесь туманная неопределенная формула Гулльского конгресса облеклась в плоть и кровь и приняла форму *Англо-Русского Комитета Единства.* Надо отдать себе отчет в том, что означает такого рода комитет. Не забудем, что английские трэд-юнионы являются основой Амстердамского Интернационала. Они об'единяют одну треть всех его членов. Они играют в этом Интернационале решающую роль, ибо в реформистских интернационалах давно уже установлен такой обычай, что руководящую роль играет в них рабочее движение той страны, которая имеет решающее значение в международной политике. С другой стороны, перед нами союзы СССР, играющие решающую роль в Профинтерне, и соглашение профсоюзов этих двух стран переворачивает профессиональную карту всего мира и заставляет подойти

уже не формально, а по существу к поставленной 3 Конгрессом Профинтерна проблеме единства мирового профессионального движения.

Англо-Русский Комитет Единства не надо рассматривать как соглашение по всем вопросам. Слишком велики еще разногласия между руководящим ядром английских трэд-юнионов и руководящим ядром профсоюзов СССР. Не нужно ни на одну минуту забывать, что наши союзы являются органической частью советской системы, что во главе их стоят коммунисты, а английские союзы, союзы создавшие правительство Рабочей Партии, поддерживали это правительство не только в его внутренней, но и во внешней политике; что во главе этих союзов стоят руководители, относящиеся если не враждебно, то во всяком случае довольно безразлично к теории и практике коммунизма. Левое крыло английского профдвижения, отражающее сдвиг в массах, не имеет еще определенной программы, законченной теории, и в этом отношении представляет собой полную противоположность союзам СССР. Но, несмотря на то, что Англо-Русский Комитет Единства имеет ограниченные задачи, что за пределами соглашения остается еще ряд вопросов, к которым заключившие договор стороны подходят совершенно по разному, международное рабочее движение сделало серьезный шаг вперед, благодаря заключенному англо-русскому соглашению. Значение этого соглашения будет еще очевиднее, если мы с самого начала точно условимся о функциях Комитета и о путях восстановления Единого Интернационала.

Англо-Русский Комитет Единства имеет перед собой совершенно ясную задачу восстановления единства международного профессионального движения, и первый вопрос, на который нужно дать ответ, заключается в том, одинаково ли обе стороны понимают стоящую перед ними проблему. Судя по имеющимся до настоящего времени документам, руководители английских трэд-юнионов представляют себе единство в виде «вхождения» русских союзов в Амстердамский Интернационал. Об этом шла речь на Венском Конгрессе Амстердамского Интернационала, так ставило левое крыло вопрос в Гулле и даже в Москве. Им кажется, что как только русские союзы войдут в Амстердамский Интернационал, вопрос будет разрешен, и единство международного профессионального движения будет восстановлено. Надо определенно сказать, что так ставить вопрос—значит отдалить восстановление единства международного профессионального движения, ибо дело идет не о *вхождении союзов* одной страны в Амстердамский Интернационал, а о *слиянии* обоих интернационалов путем международного конгресса единства, где должны быть представлены профорганизации, не только примыкающие к обоим интернационалам, но и стоящие вне их. Сейчас недостаточно сказать—*восстановим единство,* — необходимо дать также ответ на вопрос, *как* это сделать,—иначе рабочие массы нас не поймут. Это не мешает выяснить, прежде чем перейти к оценке роли, а также и деятельности Англо-Русского Комитета.

Англо-Русский Комитет Единства, имея перед собой задачу восстановления единства *мирового* профессионального движения, должен подойти к этому вопросу с точки зрения действительно мировой, ставя себе целью вовлечение в Единый Интернационал не только профсоюзов Европы, но и внеевропейских стран, а особенно колоний и полуколоний. Только при такой постановке вопроса мы можем прийти к созданию действительно Единого Интернационала, который распространит свои щупальцы на весь мир и сумеет об'единить десятки миллионов пролетариев всех материков, рас и национальностей. Неужели можно создать действительный Интернационал без профсоюзов Японии, Китая, Индии? Конечно, нет! Ну, а Соединенные Штаты?—спросит читатель. Неужели можно пустить в новый Интернационал Гомперса? Мы питаем не особенно горячие чувства к этому прихвостню буржуазии, но ведь дело не в Гомперсе, а в миллионах американских пролетариев, которые до сих пор отрезаны от мирового рабочего движения и которые должны быть вовлечены в Интернационал. Если для этого придется терпеть некоторое время присутствие Гомперса—можно и нужно пойти на эту жертву. Американский Гомперс ничем не хуже своих европейских коллег.

Но создание Единого Интернационала является не целью, а средством для проведения в жизнь определенной политики. Какую политику должен будет проводить Единый Интернационал? Ни один деятель рабочего движения не может закрыть глаза на то, что мы имеем сейчас *две* политики в области международного движения: одна представлена Амстердамским Интернационалом и Гомперсом, другая—Профинтерном. Можно вопрос о политике Интернационала затянуть, можно о нем не говорить, но в конце концов выбирать придется, ибо политику приходится делать каждый день, направление деятельности приходится определять не только на С'ездах, а особенно между С'ездами, в повседневной жизни, в практической борьбе. И перед теми, кто борется за единство международного профессионального движения, стоит во весь рост вопрос, на каком же базисе будет восстановлено это единство: на базисе классовой борьбы или на базисе классового сотрудничества. Мы не скрываем, что хотим создать Единый Интернационал для классовой борьбы, ибо для классового сотрудничества незачем Интернационал создавать,— эту благородную работу каждый может делать у себя дома. Хуже того, Рабочий Интернационал, построенный на классовом сотрудничестве, означает новое орудие в руках буржуазии против рабочего класса. Это мы говорим совершенно открыто. Вновь созданный Англо-Русский Комитет не занял еще окончательной позиции по этому вопросу, но, насколько можно судить по предварительным выступлениям, — английские делегаты согласны с нами, что новый Интернационал возможен *только* на анти-капиталистическом базисе. Этот вопрос станет, конечно, на об'единительном конгрессе. Некоторые руководители Амстердамского Интернационала пытаются уже сейчас запутать его. Так, «Vorwärts» пишет, что требование разрыва

коалиции с буржуазией означает принципиальный «отказ от тарифных договоров». Можно было бы предполагать невежество, если бы налицо не было определенного и намеренного жульничества. Каждый человек, хотя бы мало-мальски причастный к классовой борьбе, прекрасно знает, что коалиция с буржуазией, классовое сотрудничество—это одно, а тарифный договор—совсем другое. Тарифный договор—это есть перемирие между борющимися врагами, которое фиксирует на бумаге соотношение сил между предпринимателями и рабочими, а коалиция—это есть добровольное сотрудничество, помощь буржуазии в проведении ее политики, выступление рабочих организаций в защиту буржуазного общества против революционного рабочего движения и против «проклятой классовой борьбы». Смешивать это могут только те, кто намеренно хочет запутать этот в высшей степени ясный вопрос.

Тот же самый «Vorwärts» допрашивает нас с пристрастием, каковы будут будущие взаимоотношения между новым Интернационалом и Коминтерном. Мы на это можем только ответить: все зависит от соотношения сил на самом конгрессе. Мы, ведь, не спрашиваем у амстердамцев, каковы будут их будущие взаимоотношения с международной социал-демократией. Мы не спрашиваем по той простой причине, что для нас вопрос этот не требует раз'яснения. Мы знаем, что если реформисты будут в большинстве на об'единительном конгрессе, они будут продолжать со II Интернационалом, если не организационную, то политическую связь. Ведь вот, например, Всеобщее Об'единение Профсоюзов Германии, выдвигавшее против нас с такой страстностью лозунг «нейтральности» профсоюзов, выступило теперь (ноябрь 1924 г.) с манифестом, который заканчивается следующим «нейтралистским» лозунгом: «голосуйте за социал-демократов!» Хорош нейтрализм! Здесь можно поистине сказать словами Крылова: «Какой бы шум вы подняли друзья, когда бы это сделал я!» Да будет ведомо реформистам, что, если мы будем в большинстве, мы, несомненно, установим политическую связь с Коминтерном, ибо, по нашему глубокому убеждению, не только нет никакого противоречия между интересами рабочих и деятельностью Коминтерна, а наоборот, есть полное и абсолютное совпадение, так что связь с Коминтерном для нас совершенно естественна.

Насколько руководители Амстердамского Интернационала растеряны, показывает выступление секретаря этого Интернационала Удегеста в том же самом «Vorwärts». Удегест допрашивает русские союзы, каковы их взаимоотношения с коммунистической партией. Он вдруг вспомнил о 21 условии и приписывает это русским союзам, хотя каждый знает, что 21 условие было выработано на II Конгрессе Коминтерна, и что они относятся к компартиям, а не к профсоюзам. Но это еще не все. Удегест ставит русским союзам в вину создание коммунистических ячеек и требует от них, чтобы они прекратили «разложение» профсоюзов. Мы думали, что секретарь Амстердамского Интернационала несколько более осведомлен в вопросах ме-

ждународного рабочего движения. Оказывается, мы ошибались. Мы можем сообщить Удегесту, что русские профсоюзы никаких ячеек нигде не организуют. Ячейки создаются коммунистическими партиями, которые никакого отношения к русским союзам не имеют. Они подчинены Коммунистическому Интернационалу, и пред'являть требование о том, чтобы последний прекратил свою деятельность, по меньшей мере, смешно. Но Удегест на этом одном не успокаивается. Он задает дальше вопрос русским союзам, как они относятся к социальному законодательству и готовы ли они бороться против войны и милитаризма. Что касается социального законодательства, то мы предложили бы Удегесту и всему Амстердамскому Интернационалу ознакомиться предварительно с тем законодательством, которое русские союзы провели на территории Советского Союза, и после этого мы готовы поговорить на эту тему. Что же касается борьбы против войны и милитаризма, то русские союзы эту борьбу вели, ведут и будут вести вооруженной рукой. Они вместе со всем рабочим классом создали и поддерживают Красную Армию, которая является плотью от плоти рабочего класса СССР. Русские союзы открыто говорят, что они поддерживают советское правительство, что они поддерживают Красную Армию, будут защищать с оружием в руках советское государство. Мы предлагаем союзам других стран так же открыто сказать, что они поддерживают свои правительства, свои армии и т. д. От такой откровенности рабочее движение только выиграет.

Правое крыло Амстердамского Интернационала, встревоженное левым уклоном английского рабочего движения и усиливающимся стремлением рабочих масс к единству, обратило свои взоры, в поисках поддержки, на Америку. Американская Федерация Труда, во главе которой стоит старый прожженный плут Гомперс, участвовала в основании Амстердамского Интернационала, но в конце 1920 года вышла из него под тем предлогом, что Амстердамский Интернационал поддается влиянию левых, революционных идей. Этот уход Гомперса как-то чисто «случайно» совпал с уходом из Европы американской буржуазии, а теперь разговоры о возвращении Гомперса в Амстердамский Интернационал также «случайно» совпадают с возвращением американского капитала в Европу и с начавшейся «морганизацией» европейского материка. Вождь наиболее реакционной профбюрократии, друг миллиардеров и полиции, ожесточенный враг коммунизма и Советской России, Гомперс должен, по мысли правого крыла Амстердамского Интернационала, спасти европейское рабочее движение от советской заразы, которая распространяется уже и на Британские острова. Гомперс в роли спасителя рабочего движения! Поистине, профессиональные бюрократы потеряли даже чувство смешного. Кто же не знает, что Гомперс — прямой агент американской буржуазии и что никакой другой политики, кроме политики американских трестов, Гомперс делать не будет. Но для борьбы с коммунистическим влиянием в союзах все средства хороши. Таким образом, вытаскивается на

мировую арену Гомперс для того, чтобы служить противоядием коммунистическим микробам.

Особенно усиленно разрабатывает этот вопрос центральный орган германской социал-демократии «Vorwärts». Эта газета, в поисках аргументов против Москвы, договорилась до того, что русские, мол, боятся Американской Федерации Труда. Неужели же «Vorwärts» искренно думает, что для нас Лейпарт, Жуо и К° лучше Гомперса? Гомперс — открытый, беспощадный враг социализма и классовой политики, тогда как руководители правого крыла Амстердамского Интернационала—скрытые враги революции. Пусть «Vorwärts» успокоится: мы не будем возражать против участия Американской Федерации Труда в Международном Конгрессе Единства. Мы не боимся ни американских, ни европейских Гомперсов. Что же касается маневров, направленных к тому, чтобы немедленно втянуть в Амстердамский Интернационал Гомперса, то цель этого маневра ясна: политиканы из Амстердамского Интернационала тянут в Европу Гомперса для того, чтобы он помог оттягивать и саботировать об'единение профсоюзов и создание Единого Интернационала. Последний Конгресс Американской Федерации Труда в Эль-Пазо (ноябрь 1924 г.) по этому вопросу принял не безнадежное для правого крыла Амстердамского Интернационала решение.

Гомперс вообще-то предпочитает создать свой собственный интернационал. Он уже создал Панамериканскую Федерацию Труда, которая имеет своей задачей подчинить рабочее движение всей Америки Гомперсу, параллельно с подчинением политики и экономики латинской Америки капиталу Соединенных Штатов. Пойдет ли он в Европу? Перспектива, несомненно, заманчивая; для правого крыла Амстердамского Интернационала есть все основания думать, что он пойдет, при чем, если пойдет, то с единственной целью — поддержать борьбу против советских союзов, Коминтерна, Профинтерна и русской революции.

Но придет ли Гомперс в Европу или нет—это не меняет стоящих перед нами задач. Задачи же эти вытекают из нового положения, созданного образованием Англо-Русского Комитета Единства. Что касается самого Комитета, то его ближайший путь ясен. Надо превратить этот Комитет в постоянно функционирующий орган, который будет издавать периодическую и непериодическую литературу, посылать представителей во все страны для изложения перед массами необходимости единства, брать на себя инициативу в деле об'единения расколотых профсоюзов, выступать против новых расколов и исключений и т. д. Если бы делегация от английских и русских профсоюзов приехала во Францию, Чего-Словакию, Румынию и Юго-Славию с целью оказать помощь в восстановлении единства—это, действительно, двинуло бы дело вперед. Задачи Англо-Русского Комитета, повторяем, более чем ясны. Но что делать всем сторонникам единства за *пределами* Англии и СССР? Каковы задачи революционных союзов в связи с этим новым в международном профдвижении фактом? Прежде всего, они должны оказать самую решитель-

ную поддержку Англо-Русскому Комитету в его работе по восстановлению единства международного профдвижения. Это может быть сделано только удесятеренной борьбой за единство в пределах своей собственной страны и превращением Англо-Русского Комитета в Международный Комитет Единства.

Наши противники изображают дело так, что коммунисты «внезапно» стали проповедывать единство. Реформистская пресса приводит резкие цитаты против реформистов из моих речей и из речей тов. Зиновьева и других на 5 конгрессе Коминтерна и 3 конгресса Профинтерна и восклицает: «Смотрите на этих лицемеров, они ругают реформистов и одновременно призывают их к единству». Лицемерием было бы с нашей стороны, если бы мы обещали реформистам прекратить против них военные действия. Ни один коммунист, ни один революционный рабочий не может отказаться от борьбы против реформизма: это означало бы отречение от своих принципов. Коммунизм и реформизм — смертельные враги, и организационное единство профдвижения означает *продолжение и обострение* войны за влияние на массы. Мы выступаем с открытым забралом, и поэтому смешно говорить о лицемерии и «московском жульничестве с единым фронтом» («Vorwärts»). Мы предлагаем нашим противникам перенести тяжбу между коммунизмом и реформизмом на суд широких масс: пусть рабочие рассудят, ко из нас прав, какая тактика — реформистская или коммунистическая — соответствует интересам рабочего класса. *Международный Конгресс Единства, участие в этом Конгрессе как организаций, примыкающих к Профинтерну и Амстердамскому Интернационалу, так и стоящих вне обоих Интернационалов, пропорциональное представительство, демократические выборы по спискам на конгресс, создание на конгрессе Единого Интернационала, роспуск обоих Интернационалов, подчинение решениям об'единительного Конгреса, строгое подчинение дисциплине в борьбе, свобода агитации и идейной борьбы внутри единого профдвижения* — вот что мы предлагаем рабочим массам. Наше желание единого фронта и единства мы доказали несколько раз (Франкфуртская конференция, Международная конференция транспортников, Англо-Русский Комитет Единства). Наши противники не могут назвать ни одного факта, который свидетельствовал бы о желании с их стороны единого фронта и единства. До сих пор было так, что мы строили единый фронт, а господа социал-демократы разрушали его. Но мы смеем уверить противников единства, что если им удалось сорвать решения международной конференции транспортников, то это не означает, что им удастся сорвать и Англо-Русский Комитет Единства. Нет, международное профдвижение сделало весьма серьезный шаг вперед к единству. Революционные рабочие всех стран постараются, чтобы не было *ни движения назад, ни топтанья на месте*. Вперед и вперед к созданию единого, мощного, боевого антикапиталистического Интернационала Профсоюзов.

(«Кр. Интерн. Профсоюзов» № 12. 1924 г.).

Резолюция первого Конгресса Профинтерна (3—19 июля 1921 г.) по вопросу о тактике.

(По докладу т. Лозовского).

I. Обстановка борьбы.

1. Задачи и тактика профсоюзов определяются состоянием и напряженностью борьбы классов в международном и национальном масштабе. Исходным пунктом является тот несомненный факт, что современное общество вступило в период распада и разрыва старых капиталистических отношений и связей. Признаками этого распада являются колоссально выросшая задолженность, временный расцвет отдельных отраслей промышленности и следующий за ними быстрый и глубокий кризис, продолжающаяся борьба на многих фронтах, экономическая неустойчивость в наиболее старых капиталистических странах Европы, жестокий кризис, охвативший все страны мира, рост безработицы, упадок земледелия, неизбежность новых войн для извлечения из своих соседей непосредственных выгод, понижение заработной платы и ухудшение условий труда и, наконец, абсолютная невозможность нормальными методами капиталистической эксплоатации восстановить экономическое, политическое и социальное равновесие.

2. На фоне растущего экономического кризиса и неслыханных опустошений, вызванных многолетней войной, социальная борьба заостряется во всех странах, принимая невиданное до настоящего времени ожесточение. Стачки небывалых размеров охватывают страну за страной, пролетариат стремится путем стачек сохранить завоеванные позиции, против которых выступает капитал. Но пролетариат ведет борьбу по частям, вразброд, подвергая этим свои лучшие организованные отряды опасности разгрома и поражения.

3. Борьба рабочего класса и его организация осложняется тем, что буржуазия хорошо учла опыт войны и революции,—и интенсивно создает и укрепляет свои организации для материального разгрома революционного движения. Нет ни одной буржуазной страны, которая помимо обычных нормальных органов репрессии (армии, полиции, юстиции и т. д.), не создавала бы новых организаций, вольных об'единений из представителей господствующих классов для подавления вооруженной рукой и предупреждения восстания трудящихся.

4. В этой борьбе растущего недовольства масс буржуазия выступает единым фронтом, бросая в бой все свои экономические органи-

зации, отлично понимая, что только максимальное единство и концентрация сил, централизованная организация, моральная и материальная поддержка своего государственного аппарата и создание специальных боевых организаций может если не спасти ее, то отдалить надвигающуюся социальную революцию. Буржуазия никогда не отделяет политики от экономики.

5. Задачи союзов в период мирного органического развития капиталистического общества заключались в том, чтобы путем организации масс повышать материальное благостояние рабочих, улучшать условия труда и, опираясь на завоевания, итти в дальнейшем к созданию социалистического строя. Реформистские союзы считали возможным медленный и постепенный переход от капитализма к социализму путем превращения демократии буржуазной в демократию социалистическую. Союзы революционные считали, что без насильственного низвержения капитализма рабочий класс не может покончить с системой наемного рабства.

6. Революционные союзы ставили всегда перед собой, как основную задачу, сплочение, дисциплинирование и воспитание масс для насильственного низвержения капитализма. Эти задачи в настоящий период развала капиталистического общества являются исключительно важными. Профсоюз — школа-мастерская коммунизма. Его задача — подготовить массы к низвержению капиталистического строя. Весь вопрос сводится к тому — на чем, на какой повседневной работе произойдут это сплочение и подготовка масс, какие вопросы ставить перед рабочим классом, как организовать эту повседневную борьбу и как связать ее с общими задачами рабочего класса, приближая его к окончательной схватке с его классовым врагом? Обстановка борьбы в настоящее время значительно осложнилась, отношения социальных сил совершенно другие, чем были до войны и во время войны, и поэтому задача союзов сейчас другая, и другими должны быть также методы и способы борьбы.

II. Профсоюзы до войны.

7. На протяжении 19-го и первых десятилетий 20-го века сложились в общем и целом три основных формы профессионального движения, три основных группировки: англо-саксонская (тред-юнионизм), германо-австрийская (социал-демократический реформизм) и французско-испанская (революционный синдикализм). Эти три основные группировки в мировом профессиональном движении отличались между собою как по содержанию работы, так и по методам. В них выражались три разных идеологии, три разных программы действия.

8. Основной чертой англо-саксонского профдвижения был узкий корпоратизм, аполитичность, нейтрализм по отношению к социалистическим партиям и сосредоточение всего внимания на непосредственных, конкретных задачах дня. Тред-юнионизм рассматривал социальную борьбу с точки зрения своей корпорации и под этим углом зрения подходил к разрешению всех социально-экономических вопросов. Он об'единяет по преимуществу высшие слои рабочего

класса, и идеология его является философией рабочей аристократии. Капитал и труд рассматривались теоретиками и практиками тред-юнионизма не как два смертельных классовых врага, а как два взаимно дополняющих друг друга фактора человеческого общества, развитие которого заключается в гармонии между трудом и капиталом и в справедливом распределении между ними суммы социальных и общественных благ.

9. Германо-австрийское профессиональное движение, появившееся позже англо-саксонского и складывающееся в другой обстановке, было с самого начала проникнуто социалистическими идеями. У колыбели профессионального движения Германии и Австрии стояла социал-демократия, и поэтому вся идеология его была проникнута социал-демократическим духом. Но социал-демократическая программа и тактика, преломившись в профессиональном движении, получили характер реформистского социализма. Профессиональные союзы Германии были колыбелью реформизма, существо которого сводится, как известно, к следующему: мирное, постепенное развитие через демократию к социализму, притупление классовых интересов, боязнь революции и классового террора и надежда на то, что развитие демократических форм приведет автоматически к социализму без потрясений и без революций, в области чисто профессиональной — стремление держать профессиональные союзы подальше от политической революционной борьбы, проповедь нейтрализма по отношению к революционному социализму и кровная связь с реформистским социализмом, наконец, крайняя переоценка коллективных договоров и идея создания паритетного права, т.-е. создание таких социальных отношений, при которых будет установлено в политической и экономической области равноправие рабочих с предпринимателями при сохранении системы эксплоатации.

10. Революционный синдикализм, возникший, как реакция против оппортунизма французской социалистической партии, имел в основе своей революционные черты. Он выдвинул идею прямого действия, непосредственной борьбы масс, проповедывал всеобщую стачку, был за насильственное низвержение капитализма, вел антимилитаристическую агитацию и пропаганду и создал антигосударственную теорию, а также теорию о том, что профессиональные союзы являются единственными организациями, которые совершат социальную революцию и сами построят социалистическое общество. Теоретики этого движения претендовали на то, что революционный синдикализм есть синтез прудонизма и марксизма.

11. Революционный синдикализм выдвинул ряд идей — и в этом его заслуга — которые ставили его значительно выше других форм профессионального движения и сближали его с революционным социализмом. Такие идеи, как прямое действие, революционное давление масс на капитал и государство, низвержение капитализма, проповедь соцальной революции, являются заслугой революционных синдикалистов и положительной стороной всего революционного синдикализма. С другой стороны, мы имеем в синдикализме идею

независимости, нейтрализма по отношению ко всем политическим партиям и в том числе к политической партии пролетариата, отрицание даже и пролетарского государства, переоценку всеобщей стачки и неправильное отношение к частичным требованиям рабочих. Экономика и политика для революционных синдикалистов — две разные вещи, в то время как известно, что политика есть «сконцентрированная экономика». Эти последние идеи, несмотря на их кажущуюся революционность, используются фактически буржуазией, которая сама в своей борьбе никогда не отделяла экономику от политики.

12. Профессиональное движение развилось и складывалось главным образом в период мирного, органического развития капиталистического общества и поэтому носило в себе черты, давшие возможность буржуазии, особенно в период войны, использовать его в своих классовых целях. Эти своеобразные черты: узкий корпоратизм, замкнутость союзов, борьба части союзов против женского труда, национальная ограниченность, глубокая привязанность к своему отечеству и к своей национальной индустрии — нашли свое максимальное выражение в период войны, когда интересы классовые столкнулись с интересами национальными.

III. Профсоюзы во время войны.

13. Мировая война, являвшаяся следствием антагонизма национальных капитализмов, выявила всю степень влияния буржуазного общества на рабочий класс и его организации. Профессиональные союзы в большинстве крупнейших европейских государств с об'явлением войны перестали существовать, как боевые классовые организации, а сразу превратились в военно-империалистические организации, задачи которых сводились к оказанию помощи правительству и буржуазии, чтобы соединенными силами во что бы то ни стало разбить конкурента на мировом рынке. Старые группировки в профессиональном движении исчезли. Руководители профессиональных союзов всех стран за небольшими исключениями, несмотря на то, что они боролись по разным сторонам линии огня, заговорили одним языком со своей отечественной буржуазией: интересы национальной буржуазии были поставлены выше интересов классовых.

14. Период мировой войны является периодом морального разложения профсоюзов во всех капиталистических странах. Громадное большинство руководителей профессионального движения являются агентами правительства; они берут на себя функцию удушения всяких попыток революционного протеста, они неоднократно санкционируют ухудшение условий труда, они дают согласие на прикрепление рабочих к фабрикам в угоду капиталистам, на отмену завоеваний, добытых в течение долгой борьбы, одним словом, исполняют беспрекословно все, что приказывают господствующие классы.

15. Недовольство войной и растущие на этой почве уже во время войны выступления душатся в самом корне по преимуществу самими же руководителями старого профессионального движения. Боязнь революции, которая заставляла в течение многих лет господ-

ствующие классы воздерживаться от военных действий и авантюр, исчезла, ибо против революции была не только буржуазия, но и организованные в профессиональные союзы рабочие. Это превращение руководителей профессионального движения в цепных собак капитализма является величайшей моральной победой господствующих классов и, вместе с тем, величайшим поражением рабочего класса в период мировой войны.

16. Националистическая работа руководителей профессионального движения сеяла глубокий разлад среди масс. Вместо проповеди классовой борьбы и классовой ненависти в течение нескольких лет из уст представителей рабочего класса лились только призывы к напряжению всех сил против национального врага, к защите отечества и к священному единению классов. Эта предательская работа, приводимая при поддержке буржуазной прессы и при денежной помощи правительства, была основной причиной, затягивавшей войны, и причиной неисчислимых жертв, которые рабочий класс понес в результате международной бойни.

Война была проявлением величайшего, неслыханного банкротства всех трех форм профессионального движения. Руководители трэдюнионов Англии и Америки, профсоюзов Германии и Австрии и революционных синдикатов Франции об'единились на платформе предательства интересов рабочего класса.

IV. Профсоюзы после войны.

17. Послевоенная политика руководителей профессиональных союзов разных стран характеризуется теми же основными чертами, как и их политика во время войны. Она состоит в том, чтобы продолжить заключенное во время войны священное единение классов, подчинить интересы рабочих масс интересам восстановления капиталистического хозяйства.

18. Во Франции эта политика приняла наиболее отвратительный характер, ибо носителями ее являются вчерашние революционные синдикалисты — антигосударственники и антимилитаристы. Всеобщая Конфедерация Труда в лице своих руководителей добивается чести работать в комиссиях по выработке Версальского договора, берет на себя инициативу в деле принуждения немецких рабочих к возмещению Франции убытков, причиненных войной, срывает революционно-стачечное движение, вместе с правительством и со всей буржуазией борется против самой идеи социальной революции, провозглашает принцип реконструкции капитализма на основе сотрудничества всех «живых сил» современного общества, т.-е. рабочих, предпринимателей и представителей правительства. Эта тактика внутри страны приводит к обнаглению буржуазии, к развращению пролетарского сознания и к разочарованию масс в революционных лозунгах и революционных призывах. Чем больше Всеобщая Конфедерация Труда фактически подчинена и зависима от буржуазии, тем больше она кричит о независимости и автономии профессионального движения по отношению к коммунизму, ссылаясь при этом на Амьенскую резолюцию.

19. На почве этого неслыханного предательства и бесстыдного нарушения элементарных революционых и классовых принципов во Франции выросло и создалось большое движение протеста, нашедшее свое организационное выражение в Центральном Комитете революционных синдикалистов. Революционная оппозиция об'единяет уже около половины членов Всеобщей Конфедерации Труда, но, несмотря на свой количественный рост, она слаба вследствие недостаточного внутреннего единства. Вся оппозиция об'единена в борьбе против явного и тайного предательства интересов рабочего класса, но, ведя эту борьбу и даже одерживая в этой борьбе победы благодаря единому фронту, оппозиция сама еще недостаточно точно определила свои конкретные задачи, свою программу и боевые лозунги. Оппозиция, состоящая из анархистов, революционных синдикалистов и коммунистов, провозглашает лозунг: «назад к Амьенской Хартии!» Лозунг этот уже по одному тому недостаточен, что и большинство Всеобщей Конфедерации Труда ссылается также на «Амьенскую Хартию».

20. «Амьенская Хартия», явившаяся результатом протеста рабочих масс против оппортунизма социалистических партий, не может служить основой деятельности не только потому, что она была написана 15 лет тому назад, еще до войны и революции, но главным образом потому, что она даже в свое время не давала ответа на все вопросы, стоящие перед рабочим классом. Мировая война, распад капитализма, революция — все это вместе повелительно диктует меньшинству Всеобщей Конфедерации Труда Франции не замыкаться в рамках устаревшей «Амьенской Хартии», а выработать новую программу в соответствии с новым положением вещей.

21. Руководители германских профессиональных союзов после войны сыграли по существу роль спасителя германской буржуазии и военной германской клики. Революция 1918 года настолько напугала германскую буржуазию, что она сама обратилась к германским профессиональным союзам в целях защиты от превращения революции буржуазной в революцию социалистическую. Руководители профессиональных союзов заключили с германской буржуазией договор о паритетных трудовых об'единениях, который лег в основу всей послевоенной деятельности германского профдвижения. Паритетность в разговорах о социальных реформах легла в основу этого договора. Господство буржуазии в области политической и экономической — таков результат этой паритетной философии. Активная помощь профессиональных союзов при подавлении революционного движения масс явилась следствием этого соглашения. Руководители германских профсоюзов с самопожертвованием занялись восстановлением капитализма, не останавливаясь перед поддержкой кровавых репрессий против рабочего класса.

22. Эта контр-революционная роль профессиональной бюрократии, ставшей к тому же, благодаря бедствиям войны, во главе многомиллионной рабочей массы, вызвала глубокий протест среди рабочих. Протест внутри профессионального движения начал офор-

мляться в виде создания внутри их оппозиционных ячеек коммунистических групп, которые, раскидываясь широкой сетью по всей Германии, приняли характер массового явления. Безнадежный взгляд на профсоюзы нашел свое выражение в лозунге: «разрушение союзов», в лозунге, который противоречит интересам рабочего класса и интересам социальной революции. Помимо оппозиции внутри старых союзов имеется еще несколько внесоюзных группировок (Свободный Рабочий Союз Гельзенкирхена, Всеобщ. Рабоч. Союз, Синдик. Союз), из которых каждая живет самостоятельной жизнью и которые не ведут согласованной борьбы против капиталистов и их пособников из профессиональных союзов. К этим существующим группировкам присоединяются исключенные союзы. ибо профессиональная бюрократия, напуганная ростом коммунистических ячеек и оппозиции внутри старого профессионального движения, приступила к исключению из централизованных союзов, как отдельных лц, так и районных и местных отделений в полном составе.

23. В Англии профессиональные союзы непосредственно после войны начинают вести упорную борьбу за улучшение условий труда и сохранение завоеванных позиций. Грандиозные стачки углекопов и других категорий труда показывают силу и упорство английского пролетариата в борьбе. Послевоенный период показал всю ту степень связи, которая существует между частью руководителей профессионального движения Англии и буржуазией. Каждая стачка, каждый крупный конфликт прежде всего наталкивались на противодействие внутри организаций и со стороны других профессиональных союзов Эти особенности английского профессионального движения при несомненном росте революционных, хотя и смутно понимаемых идей. являются наиболее характерной чертой английского профессионального движения, которое по сравнению с довоенным периодом сделало несомненно громадный шаг вперед.

24. Возникшие во время войны фабрично-заводские комитеты. имевшие сравнительно большое влияние в 1917 и 1918 годах, потеряли прошлое влияние, хотя революционные идеи и неизбежность революционной борьбы в значительной степени возросли в среде английского пролетариата. Слабость опозиционных элементов Англии об'ясняется тем, что они не координировали свою работу в массах. Об'единение всех этих революционных элементов может быть совершено расширением и углублением деятельности рабочих комитетов. Задача заключается не в том, чтобы вырывать отдельных выдающихся работников из самой гущи рабочей массы—из союзов, для того, чтобы устроить те или другие внесоюзные организации. а в том, чтобы все наиболее сознательные, революционно-активные элементы органически работали в самой гуще рабочих масс: на фабриках, предприятиях, в низших ячейках союзов, стремясь занять снизу доверху ответственные, руководящие посты в профессиональном движении. Только такой путь систематической упорной работы может дать действительные и постоянные результаты в стране с ги-

гантским профессиональным движением, столь проникнутым старыми традициями и консерватизмом, каким является английское профессиональное движение.

25. В Америке, как нигде, профессиональные союзы и их руководящее ядро играют роль прямых агентов капитала. Для Гомперса и его клики, стоящей во главе Американской Федерации Труда, даже Амстердамский Интернационал является слишком революционным, и они не считают возможным принять в нем участие в виду этой чрезвычайной его революционности. Американская Федерация Труда возлагает все свои надежды на справедливость буржуазии и ничего слышать не хочет о возможности борьбы за новый строй. Это классический, наиболее типичный пример сращивания верхушки рабочего класса с буржуазным государством. Эта зависимость от буржуазии и американских миллиардеров является основной причиной, почему всякие Гомперсы так много кричат об автономии, независимости профессионального движения. Американская Федерация Труда является лучшим пособником буржуазии в подавлении революционного движения, но и она втягивается в борьбу, ибо буржуазии недостаточно этой преданности — она хочет извлечь из нее еще большие выгоды, чем извлекала до сих пор. И если Американская Федерация Труда сама еще не вступает в борьбу, то отдельные отряды ее, местные организации, все больше и больше сталкиваются с государственным аппаратом и капиталом. Если не организационно, то идейно они все больше и больше отходят от основных принципов, на которых построена Американская Федерация Труда.

26. Существующая в Америке самостоятельная организация «Индустриальных Рабочих Мира» представляет собой до настоящего времени слишком малую силу, чтобы заменить старые профсоюзы. «Индустриальные Рабочие Мира» имеют чисто анархическое предубеждение против политики и политической борьбы, делясь на сторонников и противников такого кардинального вопроса, как диктатура пролетариата. Существующие рядом с этими двумя организациями независимые союзы только формально независимы от Американской Федерации Труда: большая часть их идейно зависит от всей идеологии и практики ее контр-революционных руководителей. Задача создания революционных ячеек и групп внутри Американской Федерации Труда и независимых союзов стоит во всей остроте. Другого способа завоевать рабочие массы в Америке, как вести систематическую борьбу внутри старых союзов, нет.

27. В Италии положение крайне своеобразно. Громадное большинство итальянского пролетариата стоит на точке зрения революционной борьбы и диктатуры пролетариата. Руководящее ядро Всеобщей Конфедерации Труда питает большое недоверие к революционным методам борьбы и гораздо ближе по своей теории и практике к реформистскому социализму, чем к социализму революционному. Рядом со Всеобщей Конфедерацией Труда существует Синдикалистский Союз и независимые союзы, которые, в отличие от неза-

висимых союзов Америки, проникнуты глубоким революционно-коммунистическим духом. Они практически в своей деятельности стоят на точке зрения III Коммунистического Интернационала и Красного Интернационала Профсоюзов.

28. В остальных странах Европы и Америки профессиональное движение пережило глубокий сдвиг. Внутри старых союзов многих стран оформилось серьезное оппозиционное меньшинство (Чехо-Словакия, Польша и т. д.); в других странах (Болгария, Юго-Славия, Норвегия и т. д.) большинство принадлежит к сторонникам социальной революции и диктатуры пролетариата. Это своеобразное состояние профессионального движения всех стран показывает всю глубину того переворота, который произошел в широких рабочих массах. Уроки войны и русской революции не пропали для широких масс даром. Революционизирование союзов есть результат об'ективного хода вещей. Задача руководителей Красных Профсоюзов заключается в облегчении процесса оформления этого сознания и введения растущего стихийного революционного движения в русло решительной борьбы с буржуазией за рабочую диктатуру.

V. Нейтрализм, независимость и социализм.

29. Социализм вышел из рамок отвлеченных рассуждений и встал перед рабочим классом, как практическая задача дня, и поэтому каждая рабочая организация должна занять определенную позицию по этому вопросу. Попытка не дать ответа на повелительные классовые требования превращает рабочую организацию в лучшем случае в пассивного зрителя происходящей борьбы, т.-е. в пособника враждебного нам класса. Каждый союз должен определить, с кем он должен итти: с реформистским социализмом или с революционным социализмом, т.-е. коммунизмом. Отсюда вытекает вся ложность идеи нейтрализма и независимости.

30. Цель революционных союзов — низвержение капитализма и установление социалистического строя. Эта же цель стоит и перед революционной партией пролетариата, перед партией коммунистической, так как цель и основные методы борьбы одни и те же: политические и экономические организации пролетариата не могут существовать как параллельные, не встречающиеся в своей борьбе организации. Их повседневная борьба переплетается. Без взаимной, постоянно возрастающей связи и поддержки, невозможно провести ни одну кампанию. Изолированные выступления заранее осуждены на неудачу и поражение.

31. Революционные профессиональные союзы поэтому всегда относились враждебно к идее нейтрализма и независимости профсоюзов от революционной партии пролетариата, зная, что под флагом нейтрализма и независимости по отношению к революционному социализму скрывалась чисто буржуазная реформистская идея разрыва экономической и политической борьбы пролетариата в целях ослабления и развращения рабочих масс. Нейтрализм и независимость профсоюзов от революционного социализма были и по настоящее время остаются лозунгами отсталой части проф-

движения всех стран. Во всех странах руководители профсоюзов на протяжении последних лет с тем большей резкостью выступают за независимость профсоюзов от Коммунистического Интернационала, чем теснее эти руководители связаны с Лигой Наций и чем больше они зависят от буржуазии своих стран. Идея независимости профдвижения от коммунизма должна быть потому резко и категорически отвергнута.

32. Задача союзов заключается в том, чтобы вести борьбу против идеологии нейтрализма, которая вносит разлад и разложение в рабочие ряды и рабочие организации. В этой мере, в какой союз вмешивается в ход социальной борьбы, борется против капитализма и его господства, в этой мере он теряет свои нейтралистские и независимые по отношению к коммунизму предрассудки. Единство действий революционных союзов и коммунистической партии на почве борьбы за социальную революцию и диктатуру пролетариата является повелительной задачей переживаемого времени, а единство действий является лучшим практическим опровержением всей старой, никогда фактически не проводившейся в жизнь, чистой теории нейтрализма и независимости.

33. Всякая экономическая борьба неизбежно превращается в политическую. Самая борьба при таких условиях, какие бы небольшие слои рабочих она в данной стране ни охватывала, может быть действительно революционной и приводить к максимальной пользе для рабочего класса в целом только в том случае, когда революционные профсоюзы будут итти рука об руку и находиться в самом тесном сотрудничестве и единении с коммунистической партией данной страны. Теория и практика разделения борьбы рабочего класса на две самостоятельные половины крайне вредна, особенно в настоящий революционный момент. Каждое выступление требует максимальной концентрации сил, что мыслимо только лишь при условии величайшего напряжения всей революционной энергии рабочего класса, т.-е. всех его коммунистических и революционных элементов. Раздельные выступления коммунистической партии и революционно-классовых красных союзов осуждены заранее на неудачу и разгром. Вот почему единство действий, органическая связь коммунистических партий с профсоюзами является предварительным условием успеха в борьбе против капитализма.

VI. Амстердамский Интернационал.

34. Анти-классовая военная политика профсоюзов воюющих стран послужила причиной развала всех существующих до сего времени международных связей, как Международного Секретариата, во главе которого стоял Легин, так и всех отдельных международных об'единений (текстильщиков, металлистов, и т. д.), которые разбились, — в зависимости от их местонахождения — на сторонников Антанты и сторонников Центральных Империй.

35. Порожденные войной бедствия, усиление классовых контрастов, необеспеченность, неуверенность в завтрашнем дне, рост без-

работицы и глубокое разочарование результатами войны послужили могучим толчком к наплыву широких масс в профсоюзы. Война подняла новые пласты рабочих, она пробудила в них тревогу, посеяла в них недоверие к своим собственным индивидуальным силам и заставила самого отсталого рабочего задуматься над причинами и последствиями переживаемой человечеством катастрофы. Поэтому в разорванных войной на национальные части рабочих массах всех стран проснулось с новой силой подавленные за годы войны чувство международной солидарности и инстинктивная потребность восстановить интернациональные связи, необходимость которых чувствуется даже наиболее отсталыми слоями рабочего класса.

36. Отсюда стремление обанкротившихся вождей профдвижения взять на себя инициативу воссоздания Интернационала и стать во главе его. Попытавшись создать союзнический Профессиональный Интернационал (Лидс, 1916 г.), руководители профессионального движения стран Антанты непосредственно по окончании войны начали свое дело «восстановления» интернациональных связей с участия в работах некоторых комиссий по выработке дополнительных статей Версальского договора, чем закрепили в международном масштабе ту предательскую работу, которую они вели в пределах буржуазного отечества.

37. Победа «демократии» в международной бойне была ознаменована созданием при Лиге Наций Международного Бюро Труда, которое является наиболее отчетливым выявлением идеи мирного развития и сотрудничества классов. Это Бюро, состоящее из 6 рабочих лидеров, шести предпринимателей и двенадцати представителей буржуазных правительств, имеет целью не только изучать социальную борьбу, но и вводить ее в русло мирного развития и полюбовного разрешения конфликтов между трудом и капиталом.

38. В Берне (февраль 1919 год), и в Амстердаме (июль 1919 г.) формально был восстановлен Интернационал Профсоюзов, который является продолжением национальной политики в международном масштабе. Новый Интернационал начал свою деятельность с того, что высказался за Международное Бюро Труда и неразрывно связал своих руководителей с мировым империализмом. Его программа: мирное развитие, сотрудничество классов, постепенное врастание в социализм и смертельная боязнь и ненависть к революционному движению масс.

39. Такое международное предательство тех, кто на протяжении долгих лет продавал оптом и в розницу рабочих своих стран, было совершенно естественно и логично, но оно шло в разрез с глубокими интересами обескровленного пролетариата, и мы видим как одновременно с созданием этого международного оплота буржуазии, во всех странах растет и ширится протест против военно-империалистической линии. Этот протест, обостряемый растущей социалистической борьбой, не имел первое время своего международного организационного центра. Такой центр был создан по инициативе ВЦСПС в июле 1920 года, в лице Временного Международного Со-

вета Профсоюзов. Возникновение этого центра революционного профдвижения является исходным пунктом ожесточенной борьбы внутри мирового профдвижения под лозунгом: «Москва или Амстердам?» Расслоение внутри старых организаций идет тем быстрее, чем более нарастает экономический кризис, и чем безысходнее становятся для пролетариата виды на мирное развитие.

40. Самый факт появления Красного Интернационала Профсоюзов дал громадный толчок непрерывному росту сторонников Красного Интернационала. Этот факт — складывающиеся в мировом профдвижении группировки, с одной стороны, и неуклонный упадок Амстердамского об'единения, с другой — ставит перед революционными союзами всех стран вопрос о дальнейших методах и способах об'единения их собственных сил и о формах наступления на международный капитал и желтых вождей, стоящих во главе Амстердамского об'единения профсоюзов.

VII. Методы и способы борьбы.

41. Выбить старых вождей из их позиций революционные союзы смогут только в том случае, если революционные и наиболее сознательные элементы ни на одну минуту не будут отрываться от массы и ее повседневных нужд и чаяний. Работу надо вести на почве данных, глубоко волнующих массы, конфликтов. Презрительное и высокомерное отношение к повседневной борьбе, к материальным интересам членов союза может привести к отрыву от масс, к пропасти между авангардом и густыми колоннами пролетарской армии. Поэтому чуткость в повседневной борьбе, умение использовать ее под углом зрения конечной цели, связывая ее с общепрофессиональной борьбой за пролетарскую диктатуру, являются важнейшими вопросами союзной тактики.

42. Основой для расширения нашего влияния должна служить экономическая борьба. Вопросы заработной платы, тарифа, обеспечения жертв войны, социальное страхование, безработица, работа женщин и детей, санитарные условия в предприятиях, дороговизна, жилищный вопрос и т. д., налоговая политика, мобилизация, колониальные авантюры, финансовые комбинации — все это должно служить повседневным материалом для организации и боевого социалистического воспитания. Сторонники Красного Интернационала Профсоюзов не должны ни в коем случае оставаться вне рамок организаций и действовать *извне* на рабочих. Задача заключается в том, чтобы действовать упорно и систематически *изнутри* профсоюзов, давая широкой рабочей массе практические уроки революционности, самоотверженности и коммунизма. Необходимо вести на фабриках, заводах и предприятиях, упорную и систематическую пропаганду среди рабочих, привлекая их к Красному Интернационалу Профсоюзов. Этот же вопрос — за или против Москвы — должен ставиться также и в реформистских синдикатах, для чего сторонники Красного Интернационала Профсоюзов должны использовать все союзные собрания, с'езды и конференции, противопоставляя в прак-

тической работе и борьбе революционный социализм реформизму и сотрудничеству классов.

43. Завоевать массы, а, стало быть, и профсоюзы мы сумеем притом условии, что и в борьбе, и в сопротивлении мы будем во главе, в первых рядах рабочих масс. Это, однако, ни в коем случае не значит, что нужно всегда призывать к наступлению, исходя из той точки зрения, что наступление при всяких условиях и при всяких обстоятельствах—благо. Сторонник Красного Интернационала Профсоюзов должен быть не только образцом революционности, но и образцом выдержки и хладнокровия. Вся суть успеха заключается в систематической, планомерной и упорной подготовке каждого действия, каждого выступления. Быстрота и непримиримость действия должна сочетаться с крайне детальным изучением обстановки и обстоятельств, а равно и степени организованности враждебных сил. В борьбе классов, как в боях на фронте, нужно уметь не только наступать, но и в порядке, сплоченно отступать. В нападении и обороне нужно всегда иметь в виду одно: иметь за собой сочувствие широких пролетарских масс и учитывать всю социально-политическую обстановку, в которой протекает борьба.

VIII. Программа действий.

44. Исходя из всех вышеизложенных принципов, из состояния международного профессионального движения, экономического кризиса, обостренной классовой борьбы, растущих социальных конфликтов и повелительной необходимости готовить союзы к социальной революции и диктатуре пролетариата, 1 Международный Конгресс Красных Профсоюзов принимает следующую программу действий:

45. Основой тактики профессиональных союзов является прямое действие революционных масс и их организаций против капитала. Все завоевания рабочих прямо пропорциональны степени революционного давления масс. Под прямым действием разумеются все виды непосредственного давления рабочих на предпринимателей и государство: бойкот, стачки, уличные выступления, демонстрации, захват предприятий, насильственное противодействие вывозу готовых фабрикатов из предприятий, и другие революционные действия, ведущие рабочий класс к низвержению капитализма, сплачивающие рабочий класс для борьбы за социализм. Задача революционно-классовых профессиональных союзов заключается, поэтому, в том, чтобы все формы борьбы превратить в орудие воспитания и боевой подготовки рабочих масс к социальной революции и установлению диктатуры пролетариата.

46. Последние годы борьбы показали с особой наглядностью всю слабость узко-профессиональных об'единений. Принадлежность рабочих одного предприятия к нескольким союзам ослабляет их в борьбе. Надо перейти, — и это должно стать исходным пунктом предстоящей неослабной борьбы — от строительства на основе чисто-профессионального признака к организации союзов по производствам. Все рабочие одного предприятия должны принадлежать

к одному союзу. Таков боевой лозунг в области организационного строительства. К слиянию смежных союзов в один союз нужно итти революционным путем, ставя этот вопрос непосредственно перед членами союза на фабриках и предприятиях и восходя в дальнейшем к районным и областным конференциям и национальным с'ездам.

47. Каждая фабрика и каждый завод должны стать крепостью революции. Старая форма связи между рядовыми членами союза и самим союзом (сборщики денег, представители, доверенные лица) недостаточна, надо стремиться построить союз на базисе фабрично-заводских комитетов. Фабрично-заводские комитеты должны выбираться всеми рабочими данного предприятия, независимо от того, к какому союзу принадлежит рабочий, независимо от того, какие политические убеждения он исповедует. Задача сторонников Красного Интернационала Профсоюзов заключается в том, чтобы все рабочие данного предприятия были вовлечены в выборы своего представительного органа. Попытки выбрать фабрично-заводские комитеты исключительно из своих единомышленников отбрасывают тем самым широкую беспартийную массу. Посему такие попытки должны быть категорически осуждены. Это будет ячейка, а не фабрично-заводской комитет. Революционная часть рабочих должна через ячейки, Комитеты Действия и своих рядовых членов воздействовать и влиять как на общее собрание, так и на выборный фабрично-заводской комитет.

48. Первый вопрос, который нужно ставить перед рабочими и фабрично-заводскими комитетами — это содержание увольняемых из-за безработицы рабочих за счет предпринимателей данной отрасли промышленности. Нельзя ни в коем случае допустить, чтобы рабочие выбрасывались на улицу и предприятие ничем не участвовало в обеспечении дальнейшего существования уволенных рабочих. Предприниматель должен своим безработным платить полную заработную плату. Вот вокруг чего нужно организовать не только безработных, но, главным образом, работающих в предприятиях, об'ясняя им одновременно, что вопрос о безработице не может быть разрешен в рамках капиталистических отношений, что лучшее средство против безработицы, — это социальная революция и диктатура пролетариата.

49. Закрытие предприятий, а также сокращение числа рабочих дней в неделю является в настоящее время важнейшим орудием, с помощью которого буржуазия вынуждает рабочих соглашаться на понижение заработной платы, увеличение рабочего дня, отмену коллективного договора. Локаут принимает все более отчетливые формы «прямого действия» со стороны об'единенных предпринимателей против организованных рабочих масс. Поэтому союзы должны вести работу против закрытия предприятий и за право расследования со стороны рабочих причин такого закрытия. С этой целью должны создаваться специальные контрольные комиссии по сырью, по топливу, по заказам для фактической проверки наличного количества

сырья, необходимых для производства материалов, а также для проверки денежных ресурсов предприятия, находящихся в банках. Специально выбранные контрольные комиссии должны самым тщательным образом расследовать финансовые отношения между данным предприятием и другими предприятиями, для чего необходимо поставить перед рабочими, как практическую задачу дня, уничтожение коммерческой тайны.

50. Одной из серьезных форм борьбы может быть занятие рабочими фабрик, заводов и продолжение производства вопреки воле предпринимателя. При наличном товарном голоде такое продолжение является особенно важным, и поэтому союзы не должны допускать намеренного закрытия фабрик и заводов. В зависимости от местных условий, условий производства, политической обстановки, напряженности социальной борьбы, захват предприятий может и должен сопровождаться и другими методами воздействия на капитал.

При захвате предприятия управление им должно находиться в руках фабрично-заводских комитетов и специально поставленного для этого представителя союза.

51. Экономическая борьба должна итти под лозунгом повышения заработной платы и улучшения условий труда и защиты жизненных интересов рабочих. Истощение рабочего класса за период войны должно сейчас получить компенсацию в виде повышения заработной платы и улучшений условий труда. Ссылки капиталистов на иностранную конкуренцию ни в коем случае не должны быть приняты во внимание: революционно-классовые профсоюзы должны к вопросам заработной платы и условий труда подходить не с точки зрения конкуренции между хищниками разных наций, а с точки зрения сохранения и защиты живой рабочей силы.

52. В послевоенное время предприниматели пользуются всеми возможными средствами для создания раскола в среде рабочего класса. Они использовали в полной мере женскую рабочую силу во время войны и теперь стремятся к дальнейшему использованию этой дешевой рабочей силы, для того, чтобы уменьшить заработную плату, в среднем получаемую мужчинами. Вместо того, чтобы бороться против предпринимателя, рабочие в некоторых странах настаивают на принципе удаления женщин из промышленности и их исключения из профсоюзов. Такая линия поведения должна встретить решительный отпор со стороны красных профсоюзов. Революционные профсоюзы должны бороться за равенство условий работы для женщин и мужчин и за равную оплату одинакового труда.

53. В случае понижательной тактики со стороны капиталистов и экономического кризиса в стране, задача революционных союзов сводится к тому, чтобы не дать понизить заработную плату по очереди в каждом производстве, т.-е. не дать себя разбить по частям. Надо сразу вовлечь в борьбу рабочих всех общественно-полезных предприятий (углекопы, железнодорожники, электрические рабочие, газовые рабочие и пр.) для того, чтобы борьба против наступления

капитала затронула основные нервные узлы хозяйственно-экономического организма. Здесь необходимы и целесообразны все виды сопротивления от частичной, перемежающейся стачки до всеобщей стачки, охватывающей какое-либо основное производство в национальном масштабе. Подобные планомерные выступления являются могущественным орудием против реакционных поползновений буржуазии всех стран. Профессиональные союзы должны внимательно следить за мировой конъюнктурой, выбирая наиболее удачные момент для своего экономического наступления, ни на одну минуту не забывая, что какое бы то ни было международное выступление возможно будет только в том случае, если будут созданы действительно революционно-классовые международные профсоюзы, ничего общего не имеющие с желтым Амстердамским Интернационалом.

54. Распространяемая в массах оппортунистами всех стран вера в абсолютную ценность коллективных договоров должна встретить резкий и решительный отпор со стороны революционного профессионального движения. Коллективный договор не более, как перемирие. Предприниматели всегда нарушают коллективные договоры, как только имеется для этого малейшая возможность. Религиозное отношение к коллективным договорам свидетельствует о том, что буржуазная идеология глубоко проникла в головы руководителей рабочего класса. Революционные профсоюзы не отказываясь от коллективного договора, должны понижать их относительную ценность и должны ясно поставить перед собой вопрос о методах разрыва этих договоров, когда это выгодно рабочему классу.

55. Борьба рабочих организаций против индивидуального и коллективного предпринимателя должна, применяясь к национальным и местным условиям, использовать весь опыт освободительной борьбы рабочего класса. Вот почему всякая крупная стачка со стороны рабочих не только должна быть хорошо подготовлена, но одновременно с возникновением стачки рабочие должны создавать специальные кадры для борьбы с штрейкбрехерством и для противодействия провокационному выступлению со стороны всевозможных белогвардейских организаций, поощряемых буржуазными государствами. Фашисты в Италии, полиция «безопасности» из бывших военных (Sipo) в Германии, гражданские белогвардейские организации из бывших офицеров и унтер-офицеров во Франции и Англии— все эти аналогичные по своим задачам, различные по форме организации имеют целью дезорганизовать, разбить всякое выступление рабочих, при чем разбить их, не только заменяя бастующих, но разгромив материально их организации и перебив руководителей массового рабочего движения. Организация при таких условиях специальных стачечных дружин, специальных отрядов самозащиты является вопросом жизни и смерти для рабочего класса.

56. Созданные рабочими организации должны во время стачек не только бороться против предпринимательских штрейкбрехерских организаций, но взять на себя инициативу задержки всех грузов и товаров, идущих на данный завод из других предприятий, и вос-

препятствования вывозу заказов на другие заводы и другие предприятия. В этом отношении союзы транспортных рабочих должны играть особенно выдающуюся роль; на них лежит обязаность задержки перевозимых грузов, что без труда выполнимо при единодушной поддержке всех рабочих данной местности.

57. Вся экономическая борьба рабочего класса в ближайший период должна складываться вокруг лозунга контроля над производством, при чем этот контроль нужно осуществлять, не ожидая, пока правительство и господствующие классы выдумают суррогат контроля. Нужно вести ожесточенную борьбу против всяких попыток господствующих классов и реформистов создавать паритетные трудовые об'единения, паритетные контрольные комиссии, при чем контроль над производством нужно проводить явочным порядком. Только тогда он даст определенные результаты. Революционные профсоюзы должны выступать со всей решительностью против этого социализаторского шантажа и жульничества, которым занимаются руководители старых союзов при содействии господствующих классов. Все разговоры этих господ о мирной социализации имеют единственной целью отвлечь рабочих от революционных действий и социальной революции.

58. Чтобы отвлечь внимание рабочих от их непосредственных задач и пробудить в них мелкобуржуазные стремления, предпринимателями выдвигается идея участия рабочих в прибылях, т.-е. возвращения рабочим незначительной части созданной ими прибавочной стоимости. Этот способ развращения рабочих должен встретить суровую и беспощадную критику. «Не участие в прибылях, а уничтожение капиталистической прибыли» — вот лозунг революционно-классовых профсоюзов.

59. С целью парализовать и сломить боевую силу рабочего класса, буржуазные государства под предлогом защиты жизненных интересов нации милитаризуют отдельные предприятия и даже целые страсли промышленности. Под видом предупреждения, по мере возможности, экономических кризисов, они для защиты капитала ввели обязательные третейские суды или примирительные камеры (Комиссии для улажения конфликтов). В интересах капитала же был введен в некоторых странах прямой налог на заработную плату, с целью свалить тяжести войны полностью на рабочий класс, при чем сборщиками налога являются сами предприниматели. Против этих государственных мероприятий, служащих исключительно интересам капиталистического класса, профессиональные союзы должны повести ожесточенную борьбу.

60. Ведя борьбу за улучшение условий труда, за поднятие жизненного уровня масс и за установление рабочего контроля, нужно иметь все время в виду, что в пределах капиталистических отношений разрешить все эти проблемы невозможно и что поэтому революционные профессиональные союзы, вырывая шаг за шагом у господствующих классов уступки, заставляя их проводить социальное законодательство, должны ставить перед рабочими массами со всей

ясностью основной вопрос о том, что только низвержение капитализма и установление диктатуры пролетариата может разрешить социальный вопрос. Поэтому ни одно выступление, ни одна частичная забастовка, ни один маленький конфликт не должны с этой точки зрения пройти бесследно. Революционные профсоюзы обязаны обобщать эти конфликты, поднимая все время рядовых рабочих до сознания необходимости и неизбежности социальной революции и диктатуры пролетариата.

Резолюция 1 конгресса Профинтерна по организационному вопросу.

(По докладу т. Лозовского).

I. Общая часть.

1. Острый экономический кризис, охвативший весь мир, катастрофическое падение оптовых цен, перепроизводство товаров, с одной стороны, и фактический товарный голод—с другой, агрессивная политика буржуазии против рабочего класса, упорное стремление понизить заработную плату и отбросить рабочих на десятки лет назад, растущее на этой почве озлобление масс—с одной стороны, и бессилие старых профессиональных союзов с их методами — с другой стороны, ставят перед революционно-классовыми профсоюзами всех стран новые задачи. Нужны новые методы экономической борьбы, вызываемые периодом разложения капитализма, нужна агрессивная экономическая политика со стороны профсоюзов для того, чтобы не только отбить наступление капитала, но и перейти в наступление.

2. В происходящих социальных битвах и особенно в тех битвах, которые еще предстоит рабочему классу вести, на революционные профессиональные союзы падает громадная работа как по подготовке социальной революции, так особенно во время самой революции и после захвата орудий производства, транспорта и обмена и установления диктатуры пролетариата. Эти громадные задачи союзы смогут выполнить в том случае, если они перестроят свои ряды и будут систематически, изо дня в день, организационно подготовлять союзы к будущей роли организаторов производства и базиса пролетарского господства.

3. При таких условиях организационный вопрос, методы и способы организационного строительства приобретают сугубо важное значение. Вся суть организационного вопроса сводится к тому, чтобы создать гибкую, подвижную, крепкую, спаянную с массой, организацию, которая бы при всяких условиях, при удаче или неудаче в борьбе, пользовалась неоспоримым авторитетом среди широких масс. Вся организационная деятельность должна быть направлена к тому, чтобы массы откликались на призыв организаций к действию, и, что не менее важно, — чтобы неудачное выступление не порождало апатию и ухода из своего союза.

4. В этих целях необходимо поставить во главу угла работы поднятие сознания, сплочение и дисциплинирование членов союза. Само повышение сознания и сплочение может происходить только на основе повседневной работы и в тех конкретных условиях, в которых находится данная группа рабочих. Практика борьбы — лучшая школа солидарности, выдержки и дисциплины. Та организационная работа хороша, которая неразрывными нитями свяжет рядовых членов союза со своей организацией, которая воспитает кадры самоотверженных борцов, которая приспособляет свои организационные формы к требованиям социальной борьбы и степени организации враждебного класса и учит широкие рабочие массы смотреть на организацию не как на цель, а как на средство к цели.

II. Союзы по профессиям и союзы по производствам.

5. Профсоюзы возникли, как органы самозащиты рабочего класса против капиталистической эксплоатации, и, по мере усложнения форм капиталистического развития и методов эксплоатации, профсоюзы должны были менять свои формы и методы борьбы. Узкие профессиональные группировки, имевшие своею целью взаимопомощь, становились все более недостаточными в борьбе с концентрированным капиталом: место взаимопощи занимает широкая экономическая борьба, требующая перестройки союзов из узкокорпоративных в производственные.

6. Несмотря на жестокие уроки и на остроту классовой борьбы, рабочий класс отстает в своих организационных формах от предпринимателей. Концентрация сил, централизация руководства, единство плана осуществляются планомерно предпринимателями в своих организациях и в находящемся на их службе западно-европейском и американском государственном аппарате. Организационным выражением мощи буржуазии являются создаваемые ею, несмотря на жестокую взаимную конкуренцию, организации по производствам и по группам отраслей производства (металлозаводчики, металлурги и шахтовладельцы и проч.). Препринимательские организации во всех своих стратегических наступлениях на рабочих, оперируют с целой фабрикой, с целым заводом, а не с отдельными категориями внутри данной фабрики. Если же они имеют дело с отдельными категориями рабочих, то в той мере, в какой они их могут разделить и восстановить одну часть против другой.

7. Между тем, среди рабочих принцип корпоратизма далеко еще не изжит. В Англии, Германии, во Франции, Америке и других странах в одном предприятии имеются несколько часто конкурирующих союзов. Это ослабляет борьбу рабочих, которые выступают перед предпринимателями не единым фронтом, а отдельными группами. Важнейшая организационная задача заключается в переходе от корпоративных союзов с союзами по производствам. Лозунг: «В одном предприятии—один союз»—должен стать самым боевым лозунгом революционных союзов. Все рабочие машино-строительного завода без различия их профессий и степеней квалификации, начиная от механика и кончая чернорабочим, входят в единый союз

металлистов; все рабочие текстильной фабрики (ткач, монтер, механик и чернорабочий) входят в союз текстильщиков и т. д. При такой системе организации предприниматель будет иметь против себя сплоченный блок всех категорий рабочих на каждом предприятии и на каждом заводе.

III. Фабрично-заводские комитеты.

8. Собирание революционных сил в профессиональном движении должно итти под флагом создания фабрично-заводских комитетов. Эти фабкомы должны выбираться всеми рабочими данного предприятия, независимо от их политических и религиозных убеждений. Попытка создавать фабрично-заводские советы на собраниях единомышленников, как это практикуется Всеобщим Рабочим Союзом в Германии, представляет собой каррикатуру фабрично-заводских комитетов и дискредитирует в массах самую идею этих организаций. По существу под псевдонимом фабрично-заводских советов Всеобщий Рабочий Союз устраивает свои фракционные ячейки, что является несомненным правом каждой организации, но тогда на эти ячейки незачем накладывать такой громкий ярлык.

9. Ни в коем случае не надо ждать, пока вопрос о создании фабкомов будет разрешен на регулярных с'ездах соответствующих союзов. Лозунг создания фабкомов должен осуществляться и проводиться в жизнь там, где возможно и вне общего плана. Фабрично-заводский комитет, каков бы ни был первоначальный состав его, не может, при условиях нарастающего кризиса, остаться пассивным зрителем — он должен будет поставить перед собою все большие вопросы своего предприятия. До создания крепкой сети фабрично-заводских комитетов, которые в дальнейшем превратятся в основные ячейки союза, остаются старые связи союза с массой (доверенные лица, сборщики, делегаты и проч.).

10. Организация завкомов, должна итти рядом с созданием самостоятельных или зависящих от них контрольных комиссий. Надо приучить рабочих, путем выборов по каждому волнующему рабочие массы вопросу специальных контрольных комисий, зорко следить за всем, что происходит в предприятиях и вне его. Система специальных и постоянных контрольных комиссий должна практиковаться возможно шире. Вся жизнь предприятия, начиная от несчастного случая и кончая санитарно-гигиеническими условиями работы, как и вся деятельность муниципальных и правительственных органов, может и должна быть содержанием работ контрольных комиссий. Создаваемые контрольные комиссии желательно сорганизовать посоюзно и порайонно для того, чтбы рабочие могли выйти из узких рамок своего предприятия.

11. Ревлюционно-профессиональные союзы не должны отказываться от использования тех межеумочных, с ограниченными правами организаций, которые буржуазные правительства создают на месте действительных фабрично-заводских комитетов. Буржуазия

Германии, Италии и Австрии желает загнать движение рабочих по созданию революционных фабрично-заводских комитетов в легальные рамки. Величайшей ошибкой некоторых товарищей является отказ от участия в выборах в фабрично-заводские комитеты и стремление собранию единомышленников присвоить название фабкомов (Германия). Революционные профсоюзы ни в коем случае не должны отказываться от использования легальных рамок. Задача революционных союзов заключается в том, чтобы разорвать рамки законности, наполнить революционным содержанием деятельность фабкомов и своей постоянной каждодневной упорной и систематической работой превратить созданные правительством организации в орудие революции. Входить в такого рода организации, чтобы взрывать их внутри, — вот задача сторонников Красного Интернационала Профсоюзов. Бойкотизм, проповедуемый в таких странах, хотя бы из хороших побуждений, не может служить линией поведения. Такая тактика свидетельствует о недооценке активности рабочих масс и переоценке легальных рамок закона.

IV. Завоевание старых профсоюзов.

12. Контр-революционную роль, которую играет сейчас профессиональная бюрократия, удушение при помощи ее революционного движения рабочих, породило во всех странах у некоторой части революционно настроенных пролетариев мысль о необходимости выхода из союзов и создания новых, своих, чисто революционных об'единений. Отсюда лозунги «разрушение союзов» и «вон из союзов», которые встречают некоторое сочувствие в отчаявшейся и пессимистически настроенной части революционных элементов. Такая тактика ухода революционных элементов из союзов и оставление многомиллионной массы под исключительным влиянием предателей рабочего класса, играет на-руку контр-революционной профессиональной бюрократии и должна быть поэтому резко и категорически отвергнута. *Не разрушение, а завоевание союзов,* т.-е. многомиллионной массы, находящейся в старых союзах; вот вокруг чего должна итти и складываться революционная борьба.

13. Идя навстречу этому лозунгу «вон из союзов», профессиональная бюрократия во всех странах приступила к исключению из союзов руководящих элементов революционно-профессионального движения. Это еще больше обостряет пессимистическое настроение и питает лозунг «вон из союзов». Но было бы величайшей ошибкой со стороны сторонников Красного Интернацинала, если бы они, поддавшись на такую провокацию, начали бы уходить из профессионального движения или замыкаться в маленькие революционные союзики. Исключенные из союзов рабочие не должны быть распылены. Они должны остаться организованными в тех рамках, в каких они были организованы раньше, выступая все время, как определенная, законная часть исключившего их союза. Нельзя ни в коем случае итти навстречу профессиональной бюрократии и облегчить ей задачу в борьбе с растущим революционным настроением масс.

14. В нашей тактике по отношению к старым профсоюзам нужно исходить из того, что они в настоящее время охватывают многомиллионную рабочую массу. Задача революционных элементов профессионального движения заключается поэтому не в том, чтобы выдернуть из всех союзов лучших и наиболее сознательных рабочих и создать маленькие организации, а в том, чтобы, оставаясь внутри старых профсоюзов на почве ежедневной борьбы за революционные требования рабочего класса, революционизировать союзы, превратив их в орудие социальной революции. Вся организационная работа в старых союзах должна итти под лозунгом борьбы против предательства и пассивности профессиональной бюрократии в борьбе за каждодневные интересы рабочих. Завоевание союзов означает завоевание рабочей массы, а массу можно завоевать систематической упорной работой и постоянным противопоставлением линии соглашательства и сотрудничества классов нашей выдержанной революционной линии. Лозунг «вон из союзов» мешает завоевать массы и тем самым отдаляет нас от социальной революции.

15. Но было бы так же ошибочно подходить к самой организации профсоюзов, как к самоцели. Профсоюзы не цель, а средство к цели, и поэтому, отвергая лозунг «вон из союзов», мы должны самым решительным образом высказываться против организационного фетишизма и лозунга: «Единство во что бы то ни стало и при всяких условиях». Завоевание союзов означает не завоевание союзной массы и союзного имущества, а завоевание членов союзов. Эту разницу многие забывают, смешивая часто союз с его домом, кассой и верхушечкой организации. Такая точка зрения должна встретить категорический отпор со стороны революционно-классовых союзов. Революционные профсоюзы против раскола, они за единство, но они не боятся раскола — вот, что должно быть ясно для каждого из нас.

V. Организационные задачи в главных странах.

16. Практические организационные задачи сторонников Красного Интернационала Профсоюзов неодинаковы в разных странах. Если принципы одни и те же, то практическое применение их меняется в зависимости от своеобразных особенностей рабочего движения каждой и тех форм рабочих организаций, которые в данной стране сложились к настоящему времени. Профессиональное движение есть органический продукт промышленного и социально-экономического развития данной страны. Отсюда разнообразные в конструкции союзов и в формах и методах их борьбы. Профессиональные союзы тем скорее придут к единой структуре своих органов, к единству методов и способов борьбы, чем скорее они из чисто профессиональных превратятся в революционно-классовые. Ускорить этот процесс—важнейшая организационная задача сторонников Красного Интернационала Профсоюзов.

17. В Италии профессиональные организации до сих пор распылены. Между тем, наличность революционного пролетариата, входящего во Всеобщую Конфедерацию Труда, ни в малейшей мере не

оправдывает невхождение союзов железнодорожных и транспортных рабочих и союзов синдикалистов в общепролетарскую организацию. Реформистские стремления вождей могут быть преодолены только при условии, если все революционные союзы войдут в единую организацию пролетариата. В Италии имеются все предпосылки для создания этого единства, и поэтому всем союзам и об'единениям, стоящим на точке зрения Красного Интернационала, предлагается в кратчайший срок войти во Всеобщую Конфедерацию Труда и внутри бороться и отстаивать свою революционную позицию.

18. В Англии, несмотря на наличие мощного, переживающего глубокий сдвиг профессионального движения, имеются попытки создавать маленькие организации типа «Индустриальные Рабочие Мира», «Один Большой Союз» и пр. Такие попытки должны быть категорически и резко осуждены. Задачи революционных рабочих в Англии заключаются в том, чтобы остаться в этих массовых гигантских союзах и внутри их бороться за преобладание идей Красного Интернационала Профсоюзов. Выдернуть из союзов десятки тысяч революционных рабочих и законсервировать их в отдельных маленьких организациях является преступлением перед рабочим классом Англии и всего мира. Поэтому все организации, стоящие на точке зрения Красного Интернационала Профсоюзов, должны центр тяжести всей работы перенести в союзы, в них работать, завоевывая одну местную секцию за другой, стремясь об'единять самые массы, а не верхушки, стоящие вне массы.

19. В Соединенных Штатах Америки, где существуют реакционная Американская Федерация Труда, некоторые независимые союзы, Индустриальные Рабочие Мира и еще другие об'единения—общий принцип невыхода из союзов остается в силе. Члены Союза Индустриальных Рабочих Мира должны быть одновременно членами соответственных профессиональных об'единений, нести туда свою пропаганду и понимание задач рабочего класса. Чем больше Индустриальные Рабочие Мира будут изолироваться от масс, чем отвлеченнее они будут создавать свои организации, тем мучительнее и длительнее будет процесс поднятия сознания широких масс американского пролетариата, не входящего в Американскую Конфедерацию Труда. Независимые союзы, стоящие на точке зрения Красного Интернационала Профсоюзов, должны координировать свои действия и входить в соглашения с теми Советами Профсоюзов, которые хотя формально и принадлежат к Американской Федерации Труда, но по существу ведут нашу тактику и нашу линию. Координация и единство действий с теми местными организациями Американской Федерации Труда, которые примыкают к Красному Интернационалу Профсоюзов, обязательны также и для Индустриальных Рабочих Мира.

В Канаде рабочее движение отчасти связано с Американской Федерацией Труда через цеховые, так называемые Интернациональные союзы, что значительно затрудняет организацию профессионального движения в этой стране. Все союзы, сочувствующие Красному Интернационалу Профсоюзов должны вместе с коммунистическими

группами стремиться создать общеканадское об'единение профсоюзов, и во что бы то ни стало освободиться от влияния Американской Федерации Труда.

20. Во Франции революционное меньшинство Всеобщей Конфедерации Труда заняло правильную линию, осудив Совет Союзов Устья Роны за его уход из Всеобщей Конфедерации Труда. Завоевание союзов во Франции идет относительно быстро, и нет абсолютно никаких оснований для создания каких бы то ни было сепаратных организаций. С'езд постановляет поэтому предложить маленькой организации, носящей название «Международной Конфедерации Работников», свою организацию распустить, войти во Всеобщую Конфедерацию Труда и рядом и вместе с революционным меньшинством бороться против губительной политики господ Жуо, Мергейма и К°.

21. В Испании единство экономических организаций является. особенно в связи со свирепствующей реакцией, повелительной необходимостью. Наладившееся единство было сорвано реформистскими руководителями Всеобщего Союза Рабочих. Несмотря на нежелание реформистских вождей, такое об'единение должно быть поставлено как боевая задача дня и проведено через голову противников такого об'единения. Вторая задача, стоящая в Испании—это создание производственных союзов в национальном масштабе (металлистов, текстильщиков и проч.), которые были уничтожены из-за ложно понятой идеи федерализма, ибо отсутствие производственных об'единений является громадным тормазом в борьбе рабочего класса *до, во время* и особенно *после* социальной революции.

Коммунистические группы, работающие во Всеобщем Союзе, должны составить один блок с Национальной Конфедерацией Труда Испании для совместных оборонительных и наступательных действий. Что же касается союзов, отколовшихся от центральной реформистской организации, стоящих на точке зрения Красного Интернационала Профсоюзов, они должны об'единиться в короткий срок с Национальной Конфедерацией Труда.

22. Сложнее и запутаннее всего положение в Германии. Здесь рабочие массы организованы в свободные профессиональные союзы. Синдикалисты никогда не имели здесь влияния. После ноябрьского переворота в 1918 году, вследствие изменнического поведения бюрократии профессиональных союзов образовались: «Свободный Рабочий Союз Гельзенкирхена» и «Всеобщий Рабочий Союз»; кроме того, возникли еще другие об'единения, как, например, «Свободный союз работников сельского хозяйства» и «Союз работников физического и умственного труда». Все эти организации оставались незначительными, как по числу членов, так и по своему влиянию на экономические и политические события Германии. Принципы этих союзов неясны. Они, благодаря своему лозунгу «разрушение союзов во что бы то ни стало», только вносят путаницу в ряды революционных работников и ослабляют этим боевую силу, направленную против бюрократии профессионального движения.

23. Революционная часть профессиональных союзов об'единилась внутри организаций и успешно ведет борьбу с профсоюзной бюро-

кратией. Бюрократия ответила на такую деятельность исключением руководящих революционных элементов и отдельных местных групп из общей организации. Исключенные отдельные члены организации и местные группы ни в коем случае не должны остаться распыленными. Они должны об'единиться и установить тесную связь с революционными фракциями союзов, дабы не стать бесполезными для борьбы за революционизирование профессиональных союзов. Остальным организациям, сочувствующим Красному Интернационалу профсоюзов, необходимо повести всем вместе решительную кампанию под лозунгом: «Долой изменническую профессиональную бюрократию, разрушающую профсоюзы», не вырывая из централизованных свободных союзов новых категорий рабочих.

24. Во всех остальных странах работа должна итти согласно намеченным выше принципам. Ближе всего Красный Интернационал Профсоюзов к победе в Чехо-Словакии и Польше. В этих двух странах существует мощное коммунистическое движение, и задача противников Амстердама заключается в том, чтобы в кратчайший срок вырвать обще-профессиональные центры своих стран из Амстердамского Об'единения. Можно вообще рекомендовать, чтобы месяца через три, как только резолюции и постановления 1 Конгресса Революционных Союзов будут опубликованы, провести в каждой стране по союзам голосование за Москву или за Амстердам.

VI. О международных об'единениях по профессиям и производствам.

25. Международные об'единения отдельных профессиональных союзов начали возникать еще в конце XIX столетия, при чем в начале войны имелось около 30 международных профессиональных об'единений. Характер всех этих об'единений был один и тот же. Это были слабо связанные между собой национальные организации, собиравшиеся от времени до времени для выяснения единогласных резолюций, заранее зная, что орган, выбранный этими с'ездами, никакой работы, кроме статистической и информационной, вести не будет. Это не были об'единения для международной борьбы, а об'единения для взаимной информации. За редкими исключениями, ни одного международного выступления за этими организациями не числится, кроме сборов во время крупных стачек и т. п.

26. Война разрушила все эти об'единения, и рабочий класс по окончании долголетней бойни очутился перед необходимостью воссоздать разрушенные связи. Связи начали создаваться теми же самыми людьми, которые в течение нескольких лет доказывали невозможность сохранения международных об'единений и какой бы то ни было пролетарской солидарности во время войны. Печать реформизма и антиклассовой политики лежит на всех этих об'единениях. Они возникли и сложились не на почве программы революционных действий, а на почве социального мира, и имеют целью не борьбу совместными усилиями против международного капитала, а информирование друг друга о происходящих событиях в каждой стране.

27. Красный Интернационал Профессиональных Союзов при самом возникновении стал на ту точку зрения, что революционные

союзы должны оставаться в международных об'единениях отдельных профессиональных союзов для того, чтобы завоевать эти организации. Но как только выяснилась для амстердамцев опасность революционизирования классовых союзов, Амстердамский Интернационал принял ряд постановлений, которые он перед этим провел по отдельным профессиональным международным об'единениям, о том, что признание Амстердамского Интернационала является условием для вступления в отдельные международные профессиональные об'единения. Этими постановлениями, как и другими постановлениями, Амстердамский Интернационал взял на себя инициативу раскола профессионального движения, изгоняя из организаций всех выразивших свою идейную солидарность с интернационалом революционного действия и классовой борьбы.

28. Эти постановления заставляют революционно-классовые профсоюзы, исключаемые из международных об'единений, об'единяться для противодействия амстердамцам. Не желая до тех пор, пока не исчерпаны все средства для того, чтобы бороться и работать внутри соответствующих международных союзов. создавать новые международные об'единения по профессиям и производствам, первый конгресс революционно-классовых продсоюзов рекомендует всем союзам, стоящим на точке зрения революционно-классовой борьбы и диктатуры пролетариата, создавать п опроизводствам и профессиям международные комитеты пропаганды для собирания распыленных революционных сил. Эти международные комитеты пропаганды должны вести свои работы во всех странах на основе принятых 1-м Конгрессом Революционных Профсоюзов решений, ведя решительную борьбу против классового сотрудничества и буржуазных иллюзий о мирном развитии.

29. Комитеты пропаганды имеют задачей не только вести пропаганду идей революционно-классовой борьбы и диктатуры пролетариата, но и разоблачать махинации амстердамцев, стремящихся для своего спасения расколоть массовые рабочие организации. Комитеты пропаганды берут на себя инициативу созыва совещаний и конференций, создают необходимую литературу, собирают деньги, информируют все революционные союзы о положении дел в соответствующей отрасли труда, предупреждают союзы о происходящих забастовках и конфликтах, борются с международным штрейкбрехерством, одним словом — проводят в жизнь действительный принцип революционно-классовой борьбы.

30. Каждый Международный Комитет Пропаганды связан с Красным Интернационалом Профессиональных Союзов через своих представителей, которые входят в Центральный Совет Интернационала с совещательным голосом. Все Международные Комитеты работают при близком участии и постоянном контроле Исполнительного Бюро Красного Интернационала Профессиональных Союзов. Конференции и С'езды, организуемые Международными Комитетами Пропаганды, происходят по предварительному соглашению с Интернационалом Профсоюзов.

31. Исключенные из международных профессиональных об'единений союзы не должны оставаться распыленными. Если они до настоящего времени не примыкали к Международному Комитету Пропаганды своего производства, то они должны немедленно примкнуть к нему и поставить перед Международным Комитетом Пропаганды вопрос о необходимости создания международного об'единения своего производства. В случае исключения нескольких союзов, Международный Комитет Пропаганды по специальному постановлению Красного Интернационала Профсоюзов может быть превращен в Организационное Бюро по созыву с'езда революционно-классовых союзов, для создания соответствующего международного, в противовес тем, кто по указу амстердамцев исключает из профессиональных и производственных международных об'единений союзы и организации отдельных стран.

VII. О национальных союзах.

32. Влияние буржуазной идеологии на пролетарские массы еще так сильно, что во многих странах мы имеем еще профсоюзы, об'единяющие рабочих по национальностям. В Чехо-Словакии существуют отдельные союзы для чехо-словацких рабочих и отдельные об'единения со своим центром для немецких рабочих. В Польше, где до последнего времени союзы были органами соответственных партийных группировок, слияние коммунистических союзов с союзами, находящимися под влиянием П. П. С. уже произошло. Но тем не менее до сих пор остались союзы национальные. Так, рядом с обще-классовыми союзами существуют еврейские профессиональные союзы со своим специальным центром. В Америке мы находим союзы, состоящие исключительно из негров, ибо некоторые старые тред-юнионы не желают принимать в свой состав черных. Все эти пережитки старого должны встретить самую решительную и активную борьбу со стороны сторонников Красного Интернационала Профсоюзов. Слияние национальных профсоюзов с остальными профсоюзами страны—должно стать практическим лозунгом в борьбе за единство экономических организаций рабочего класса. Национальные предрассудки должны быть во что бы то ни стало искоренены.

VIII. Об исключенных союзах.

33. Последние месяцы деятельности Амстердамского Интернационала и примыкающих к нему национальных об'единений отмечены наступлением на революционные союзы. Чувствуя свой близкий конец, желтый Амстердамский Интернационал провозгласил лозунг: «вон из союзов революционеров и коммунистов». Эта политика наступления со стороны амстердамцев должна встретить на местах самый решительный и категорический отпор под лозунгом: «долой раскольников, да здравствует единство профессионального движения». Ни в коем случае нельзя пойти навстречу амстердамцам и добровольно уходить из союзов; это было бы слишком удобно для амстердамцев и слишком невыгодно для левого крыла рабочего движения.

34. Исключение отдельных групп и местных секций, сопровождается обычно тем, что центр начинает создавать новые об'еди-

ния, стремясь разбить единство местной революционной организации. В целях разгрома местных революционных союзов, амстердамцы входят в негласные сношения с предпринимателями, которые начинают со своей стороны наступление на рабочих. Так как взносы в стачечный фонд находятся в руках Центрального Правления Союза, местное революционное отделение обрекается на полный разгром предпринимателем.

35. Это чудовищное предательство должно встретить отпор в двух направлениях. Все силы революционных союзов и братской коммунистической партии, должны быть направлены на жестокую борьбу с этим предательством и на разоблачение как гласных, так и негласных соглашений между руководителями профессиональных союзов и врагами рабочего класса. Вместе с тем, не уходя из союзов, необходимо сделать все для того, чтобы исключенные союзы быстро организовались по профессиям или производствам, создали общенациональный центр исключенных союзов, который должен, как уполномоченный местных отделений союзов, вести борьбу против разрушителей рабочего движения своей страны, требуя обратного приема исключенных союзов.

X. О профессиональной прессе.

36. Создание революционно-профессиональной прессы является одной из важнейших организационных задач профсоюзов. Старые союзы имеют довольно обширную разветвленную прессу, имеющую уже свои традиции. Необходимо создать в каждой стране обще-руководящую газету и ряд органов по производствам. На создание прессы должно быть обращено самое серьезное внимание сторонников Красного Интернационала Профсоюзов. Следя шаг за шагом за деятельностью руководящей группы того или иного союза, разоблачая их пассивность, бездеятельность, шатание и колебание в области повседневной борьбы, отмечая все слабые стороны амстердамских руководителей, орган того или другого производства сумеет показать широким беспартийным массам, что амстердамцы не только предают интересы рабочего класса в вопросах общеполитических, но что они каждодневно своей практической работой, своим подходом к самым жизненным и кровным интересам рабочих масс всегда занимают такую позицию, которая идет в разрез не только с интересами рабочего класса в целом, но и с интересами данной категории работников.

X. О вовлечении женщин в профсоюзы.

37. Сторонники Красного Интернационала Профсоюзов должны обратить самое серьезное внимание на вовлечение работниц в революционное профессиональное движение. Никаких сепаратных женских профессиональных организаций! Пролетариат един, и, как класс, должен создавать свои организации не по полу трудящихся, а по производствам.

Работницы, как наиболее отсталая категория трудящихся, эксплоатируются гораздо больше, чем мужчины, при чем реформистские союзы, идя по линии наименьшего сопротивления, устанавли-

вают тарифы не по квалификации и производительности, а по полу трудящегося. Когда начинается кризис, консервативные союзы берут на себя часто инициативу исключения работниц из производства. Эта глубоко-вредная и антиклассовая политика старых профсоюзов должна встретить решительный отпор. Работница—товарищ по эксплоатации. Задача заключается в том, чтобы ее сделать активным борцом за социальную революцию и диктатуру пролетариата. Тот союз достоин быть членом Красного Интернационала Профсоюзов, который в вопросе о женском труде освободился от старых предрассудков и берет на себя защиту и охрану женского труда, имея перед собой одну и ту же цель—увеличить армию социальной революции новыми неутомимыми борцами из среды эксплоатируемых и угнетенных работниц.

XI. О работе среди молодежи.

38. Революционные профсоюзы должны обратить особое внимание на воспитание молодых членов своего союза. Старые союзы, поскольку они занимались молодежью — занимались ею лишь с точки зрения профессионально-технического образования, тогда как революционные профсоюзы должны центр тяжести своей работы перенести на их коммунистическое воспитание. Во всех странах мира организовано в настоящее время более миллиона молодых пролетариев в союзы молодежи. Профсоюзы должны внимательно отнестись к своим молодым членам, имея в виду, что на долю подрастающего поколения выпадает фактически реализация и проведение в жизнь, как самой социальной революции, так и результатов ее.

Завоевать молодое поколение, воспитать его, поднять его до осознания небходимости социальной революции и диктатуры пролетариата, сделать из каждого из них сознательного борца в предстоящих жестоких социальных битвах—есть повелительная задача всех сторонников Красного Интернационала Профсоюзов.

XII. Условия вступления в Красный Интернационал Профсоюзов.

39. Для того, чтобы революционные профсоюзы могли выполнить намеченные выше задачи, как в национальном, так и в международном масштабе, необходимы два условия: единство в понимании задач Красного Интернационала и единство действий в каждой стране. Красный Интернационал профсоюзов сможет только в том случае осуществить возложенные на него задачи, если в основе его деятельности будет ясность, и каждый союз, входящий в революционный Интернационал будет знать, какие он берет на себя обязательства, чего от него требуют и до каких пределов эти требования распространяются.

40. Красный Интернационал профсоюзов затем и возник, чтобы двусмысленной и буржуазной программе желтого Амстердамского Интернационала противопоставить ясную, революционную платформу деятельности. Отсюда с очевидностью вытекает, что для вступления в Красный Интернационал Профсоюзов необходимо выполнение некоторых условий, без которых само членство окажется таким же формальным, каким оно является у наших противников.

41. Первым условием является признание, проведение и осуществление на деле принципов революционно-классовой борьбы. Это значит, что только те профессиональные союзы могут быть членами Красного Интернационала, которые ведут борьбу против классового мира и всех форм сотрудничества классов, кто не на словах, а на деле борется с теорией социального мира и попытками найти разрешение социального вопроса в соглашении с господствующими классами. Революционно-классовая борьба является фундаментом Интернационала Красных Профсоюзов.

42. Сама революционно-классовая борьба должна вестись, имея всегда в виду низвержение капитализма и установление власти трудящихся, т.-е. диктатуры пролетариата. Для того, чтобы довести до конца социальную революцию и разбить своих классовых врагов, рабочий класс должен быть крепко организован и должен создать орудие этой борьбы, иначе он будет побежден с первых дней революции. Диктатуре буржуазии должна быть противопоставлена диктатура пролетариата, т.-е. сконцентрированная мощь рабочего класса, осуществляющая его обще-классовые цели и задачи. Признание диктатуры пролетариата — является вторым условием для вступления в Интернационал Красных Профсоюзов.

43. В первый период существования Красного Интернационала Профсоюзов, в период организационного собирания сил имели место случаи одновременного пребывания общепрофессиональных об'единений в Красном и желтом Интернационалах. Этому двойному подданству должен быть положен конец. Разрыв с Амстердамским Интернационалом является для обще-профессиональных центров предварительным условием вступления в Красный Интернационал, ибо такое одновременное пребывание в двух борющихся организациях принципиально недопустимо и практически глубоко вредно. В тех странах, где обще-профессиональные центры принадлежат к Амстердамскому Интернационалу, отдельные союзы, федерации или организованные в национальном масштабе меньшинства, могут принадлежать к Красному Интернационалу Профсоюзов, оставаясь внутри старых профессиональных об'единений.

44. Четвертым условием вступления в Красный Интернационал Профсоюзов является единство действий всех примыкающих к нему организаций в каждой стране. Если в качестве переходной меры можно было допустить существование в одной стране нескольких организаций, примыкающих к Красному Интернационалу, то только лишь при условии единства оборонительных и наступательных действий против буржуазии. Это абсолютно необходимое условие; иначе может получиться (как это имело место в мартовские дни в Германии), что одни организации, принадлежавшие к Красному Интернационалу Профсоюзов, борются с оружием в руках против буржуазии, тогда как другие нападают на наших товарищей с тылу.

45. Международная организация имеет только в том случае смысл и значение, если решения ее проводятся в жизнь соответ-

ствующими организациями во всех странах. Опыт международных об'единений до войны и особенно во время войны, показал, что многие организации не считают себя совершенно связанными решениями, принятыми Международным Конгрессом. Международный Конгресс Революционных Профсоюзов на такой точке зрения стоять не может и поэтому он устанавливает международную пролетарскую дисциплину, т.-е. подчинение отдельных национальных организаций решениям международных с'ездов и конференций.

Резолюция 2 конгресса Профинтерна (19 ноября—2 декабря 1922 г.) по организационному вопросу.

I. Общая часть.

1. Профсоюзы возникли, как органы противодействия эксплоатации рабочей силы. На определенной стадии развития капиталистических противоречий профсоюзы из органов сопротивления отдельным предпринимателям превращаются в органы нападения на весь капиталистический строй. Вся разница между реформистскими и революционными союзами заключается в том, что первые хотят бороться с отрицательными сторонами капитализма, тогда как революционные союзы выдвигают, как основную свою задачу, свержение капиталистического господства. Для амстердамских союзов реформы являются самоцелью деятельности, тогда как для революционных союзов реформы лишь побочный продукт их борьбы.

2. В период войны произошло сращивание между верхушками профсоюзов и буржуазным государством: профсоюзы стали основой и фундаментом буржуазной диктатуры. Послевоенный кризис, безработица и обнищание масс вызвали стихийное недовольство и брожение, заставившее господствующие классы провозгласить эру социальных реформ. В этот период профсоюзная бюрократия выступает носительницей социального реформаторства, которое заканчивается вместе с первым отливом революционной волны.

3. Отлив рабочего движения является началом планомерного, систематического наступления капитала на все элементарные завоевания рабочих. На почве систематического нажима со стороны буржуазии происходит внутреннее перерождение профсоюзов. Прежде всего они сжимаются. Известная часть рабочих, разочарованных реформистским бесплодием профсоюзов и бессилием их оказать какое-нибудь противодействие капиталу, — распыляются. Наиболее активная часть отходит от старых позиций и, таким образом, происходит в низах громадная безостановочная передвижка справа налево, с реформистских позиций — на революционные. Верхушка органически связана с буржуазным государством, тогда как масса судорожно ищет в революции выхода из того тупика, в котором находится теперь рабочий класс.

4. Таким образом, в рамках старых профсоюзов происходит глубокое брожение и перегруппировка сил. Движение масс влево

угрожает позиции профессиональной бюрократии и всей их политике. Поэтому одновременно с глубоким брожением в массах и поисками выхода со стороны профсоюзной бюрократии происходит нажим на революционные элементы, дабы из'ять из профсоюзов организационные центры, могущие указать ясную цель и конкретные задачи для революционной энергии масс. Исключение левых становится важным методом борьбы со стороны реформистов, ибо это является единственным средством отдалить свое падение, а равно и падение всей капиталистической системы.

5. Чем острее становится борьба между трудом и капиталом, тем яснее цель революционного крыла рабочего движения. Профсоюзы из органов самозащиты в рамках капиталистического строя должны превратиться в органы низвержения капиталистического господства и установление диктатуры пролетариата. Чем острее встают перед рабочим классом эти практические задачи, тем агрессивнее становится рабочий консерватизм, нашедший свое наиболее яркое воплощение в реформистских профессиональных организациях, не только против нашей цели, но и против наших методов и способов достижения стоящих перед нами задач.

II. Борьба за укрепление профсоюзов.

6. Опустошения, произведенные наступательными действиями капитала в профсоюзах, представляют собою величайшую опасность для рабочего класса. Поэтому важнейшей задачей в ближайший период является борьба за собирание распыленных рабочих, за увеличение силы и мощи союзов, за привлечение широких масс в профессиональные организации. Ни один рабочий, ни одна работница не должны оставаться вне профсоюзов, — таков наш лозунг. Поэтому нужно оказать самое решительное противодействие всяким попыткам ухода из союзов, чем бы этот уход ни мотивировался.

7. Особенно необходимо вести борьбу против теории ухода из союзов, якобы, по революционным соображениям. Имеются еще незначительные группы рабочих, которые думают, что уход из реформистских союзов является признаком революционности. Они об'являют профсоюзы безнадежными и думают подвинуть вперед дело социальной революции созданием маленьких союзников. Но как бы революционно ни были настроены эти люди, их проповедь должна встретить самый решительный отпор, в лучшем случае они свою слабость возводят в принцип. Если реформистские массовые союзы безнадежны, то этим самым снимается с очереди вопрос о социальной революции, ибо без рабочих, организованных в профсоюзы, социальная революция невозможна.

8. Борьба за укрепление профсоюзов может дать серьезные результаты только в том случае, если она будет вестись не на почве голых отвлеченных принципов, а на почве практической программы. Привлечение широких масс в профсоюзы может быть только лишь результатом неустанной планомерной борьбы за повседневные практические требования и нужды рабочих. Таким

образом, лучший способ укрепления профсоюзов — это инициатива в практической борьбе, в выработке и в осуществлении конкретной программы действий.

III. Частичные требования и конечная цель.

9. Выработка программы действий для каждой страны и для каждого производства должна быть важнейшей задачей сторонников Профинтерна. Надо повести самую решительную борьбу против попытки представить борьбу за частичные требования, как отступление от революционых принципов. Революционность заключается не в повторении революционных слов, а в революционных методах проведения намеченной программы. Одни и те же частичные требования реформистские и революционные союзы будут проводить по разному. Для реформистских союзов частичные требования — все, тогда как для революционных союзов это только средство сплочения и организации масс для дальнейшей борьбы. Борьба за частичные требования не отдаляет нас от поставленной цели, а приближает к ней. Нужно бороться с анархическим предрассудком, что борьба за частичные треобвания ниже нашего революционного достоинства. Это — вредный вербализм, который мешает организации масс и подготовке революционных действий.

10. Задача сторонников Профинтерна заключается в том, чтобы всю работу за частичные требования вести под углом зрения конечных целей. Противоречие между частичными требованиями и конечной целью возникает тогда, когда мы отрываем одно от другого: отвлеченная пропаганда конечной цели может ослабить профорганизации, охватывающие рабочих всех направлений. Наоборот, практические действия наших организаций, конкретная программа, систематическая и упорная борьба за повседневные интересы рабочих притянет в наши ряды все новые и новые слои рабочих, которые, пройдя школу элементарной классовой борьбы, поднимутся до коммунистического сознания.

IV. Борьба против исключений сторонников Профинтерна.

11. Растущее полевение масс толкает профессиональную бюрократию на механическое подавление оппозиции. В зависимости от страны и от соотношения сил профессиональная бюрократия прибегает к разным формам и методам борьбы — от выкидывания отдельных лиц и групп до исключения сотен тысяч рабочих. Задача сторонников Профинтерна в высшей степени ясна. Необходима самая ожесточенная борьба против исключений оппозиции. Эта борьба должна вестись всеми способами.

12. Необходимо сделать понятными и широким массам причины этих исключений. На каждом рабочем собрании, на каждом заводе и на каждой фабрике необходимо поднять вопрос об обратном приеме исключенных. Надо перенести вопрос на суд широких масс. Дискуссии в маленьких кружках по этому поводу совершенно бесплодны. Оппозицию исключают, ведь, не за то, что она ломает клас-

совую солидарность, не за то, что она отказывается от совместной борьбы с буржуазией, а за то, что она мешает сотрудничеству с буржуазией.

13. Исключенные ни один день не должны оставаться распыленными. Формы их организации могут меняться в зависимости от местных условий. Но какова бы ни была форма организации исключенных, они должны вести неустанную борьбу за обратный прием, укрепляя свою организацию на почве практической борьбы против предпринимателей.

V. Меньшинства старых союзов и независимые революционные союзы.

14. Громадная масса сторонников Профинтерна находится внутри старых реформистских союзов: они организованы в одних странах в виде коммунистических фракций, в других, как оппозиция, в третьих, как лиги пропаганды, и т. д. Благодаря разнообразию форм организации и тому, что эти меньшинства остаются внутри старых союзов, они не имеют совершенно оформленных организационных границ и поэтому с трудом поддаются учету. Но что они с каждым днем увеличиваются и ведут все более и более серьезную работу, мешая амстердамским политикам заниматься предательством, это не подлежит ни малейшему сомнению. В результате значительная масса революционных рабочих организационно связана с Амстердамом, а идейно и политически связана с Москвой.

15. Задачи меньшинств, примыкающих к Профинтерну, заключаются в самооформлении и точном учете своих членов.

В целом ряде стран крайне трудно учесть пределы влияния примыкающих к Профинтерну меньшинств. Этот недостаток учета имеет серьезные политические последствия, ибо сторонники Профинтерна в этих странах не знают точно своих сил и своих возможностей. Методическое об'единение сторонников Профинтерна, точный учет сил, выработка единой линии, предварительные постоянные совещания по основным вопросам рабочего движения являются предпосылкой какого бы то ни было революционного действия.

Внимание сторонников Профинтерна должно быть направлено в первую очередь к завоеванию широких рабочих масс в важнейших отраслях производства и в важнейших промышленных районах. Базой нашей деятельности должны стать каждый отдельный завод и каждая отдельная фабрика.

16. Одновременно с меньшинством, только идейно примыкающими к Профинтерну, почти во всех странах имеются независимые революционные организации, также примыкающие к Профинтерну. Важнейшая задача сторонников Профинтерна, где бы они ни находились — это координация действий, тесное сотрудничество и постоянная взаимопомощь в борьбе против реформизма и капитализма. Меньшинства в старых союзах и независимые революционные союзы должны обязательно создать единый Комитет Действия для постоянной работы и совместного сотрудничества.

VI. Централизм и федерализм.

17. Условия современной борьбы рабочего класса требуют максимального напряжения и концентрации его сил. Даже в странах со старыми корпоративными традициями и крайним расщеплением профдвижения происходит процесс об'единения (амальгамация). Но этот процесс об'единения родственных профсоюзов в значительной степени отстает от требований борьбы. Старые навыки и традиции еще владеют умами даже многих революционных руководителей.

18. Под флагом автономии и федерализма маленькие союзы и мелкие федерации продолжают вести плачевное существование, не имея ни сил, ни средств бороться с капиталом, отказываясь тем не менее об'единить свои силы с родственными профессиями. Такой корпоратизм под флагом федерализма имеет место во Франции, Испании и других странах. Задача сторонников Профинтерна — повести решительную борьбу против этого прикрытого корпоратизма, приносящего величайший вред борьбе рабочего класса за освобождение. Необходимо повести решительную борьбу за создание централизованных производственных об'единений. Необходимо стремиться к концентрации средств и методов борьбы для рационального использования всех сил рабочего класса. Такой федерализм становится в нынешних условиях борьбы поперек развития рабочего движения и должен встретить самый решительный и категорический отпор.

19. На почве продолжающегося корпоративного эгоизма в рабочих массах разных стран возникло сильное движение к уничтожению корпоративных рамок и к созданию единой организации. В основе своей это движение является здоровым протестом против расщепления рабочего класса на корпоративные тощие организации. В своем развитии это движение принимает в некоторых странах форму единого большого союза, имеющего единое правление, единую кассу с производственными секциями. Такая организационная форма, уничтожающая целиком союзы по производствам, является в данных условиях нецелесообразной и не отвечающей современным условием классовой борьбы. Непосредственный переход от корпоративных союзов к единому большому союзу может привести к внутренним трениям среди революционных союзов, и поэтому такие организационные шаги должны предприниматься с величайшей осторожностью. Важнейшая задача — это создание централизованных производственных союзов и централизованного обще-профессионального центра для каждой страны.

VII. Борьба за фабрично-заводские комитеты.

20. Создание фабрично-заводских комитетов является важнейшей предпосылкой и важнейшим орудием революционной классовой борьбы. Реформисты хорошо оценили значение фабрично-заводских комитетов, и там, где господству буржуазии угрожала опасность (Германия, Австрия, Чехо-Словакия), при их посредстве фабзавкомы вогнаны в законные рамки, чем удалось

сорвать первый этап в борьбе за создание революционных фабзавкомов. Важнейшая задача сторонников Профинтерна — это борьба за использование, за революционизирование уже существующих фабзавкомов и за создание новых.

21. Фабрично-заводские комитеты являются первичными органами единства рабочего класса. Это наиболее естественное представительство всех рабочих завода и предприятия, и активность рабочего класса может проявиться только в том случае, если он располагает этой первичной организационной ячейкой. Фабзавком должен охватывать всех рабочих данного предприятия. Большая опасность для революционного профессионального движения заключается в разговорах о фабрично-заводских комитетах без серьезной и последовательной борьбы за осуществление этого лозунга. Сторонники Профинтерна должны вести неустанную пропаганду и агитацию за фабрично-заводские комитеты, переходя к созданию их как только представляется к этому малейшая возможность.

22. Особенно легко создать фабзавкомы в период конфликтов и в период брожения масс. Как только возникает конфликт, то помимо создания стачечного комитета и для связи со стачечным комитетом и с союзом в каждом предприятии и на каждом заводе должен быть выбран всеми рабочими фабрично-заводской комитет. Это фабрично-заводской комитет должен быть посредником между массой, союзом и стачечным комитетом. Это представительство рабочих, созданное в процессе борьбы, завоюет себе место в рабочем движении, и после окончания забастовки рабочие будут всегда прибегать к фабзавкому во всех серьезных моментах своей борьбы.

23. Самая борьба за фабрично-заводские комитеты не должна носить отвлеченно-пропагандистского характера. Она должна быть связана с конкретным положением рабочего класса данной страны и данного производства, при чем сами фабрично-заводские комитеты должны иметь совершенно конкретные задачи. Для этой цели необходимо, чтобы программа действий, вырабатываемая общепрофессиональным центром и отдельными союзами, содержала в себе определенные практические задачи, стоящие перед фабзавкомом данного производства. Сама борьба за создание фабзавкомов втянет и неорганизованных рабочих, заставит их реагировать на преследование своих представителей и спаяет передовую часть рабочего класса со всей массой. Борьба за создание фабрично-заводских комитетов и революционная работа внутри них прочно свяжет сторонников Профинтерна с массами и послужит лучшей гарантией против разъедающего рабочие организации бюрократизма.

VIII. Наши задачи в главнейших странах.

24. *В Германии*, где деятельность сторонников Профинтерна концентрируется, главным образом, в старых союзах, задача сводится к усилению работы и к организационному закреплению политического полевения масс. Революционные фракции должны ясно рассчитать свою действительную силу. Они должны по всем вопросам, касающимся профессионального движе-

ния, во-время принимать определенные и практические решения, имея при этом в виду об'единение всех классово-сознательных элементов в борьбе за конкретные задачи. Фракции производственных союзов должны теснее, чем до сих пор, об'единиться в местном, окружном и обще-государственном масштабе. В целях наилучшей идеологической и организационной подготовки перехода к системе производственных союзов, а также для координированного выступления в моменты конфликтов отдельных производственных групп, необходимо постоянное сотрудничество различных профессиональных групп и заводских фракций внутри одной производственной фракции. Соответственно этому должны быть разработаны способы агитации и организации оппозиции.

25. Революционным членам профсоюзов следует вести энергичную и планомерную борьбу за укрепление профессиональных организаций, особенно там, где реформисты подкапываются под их единство. Исключенные группы должны сохранять свою организованность, поддерживая самую тесную связь с массами, оставшимися в профсоюзе, и об'единяясь с остальными исключенными группами, самостоятельными революционными союзами и с организованной оппозицией.

Унион Работников Физического и Умственного Труда должен уделять наибольшее внимание делу привлечения горнорабочих, что является одной из важнейших задач всего революционного профессионального движения в Германии. Унион должен создать значительный боевой фонд и стать сильнейшей опорой «Рабочего Комитета».

26. «Рабочий Комитет» должен выступать как представитель всей оппозиции, ведя свою работу самостоятельно и планомерно. «Рабочий Комитет» должен вести энергичную борьбу против раскольнической деятельности амстердамцев и за об'единение всех профессионально-организованных рабочих. Он устанавливает в каждом отдельном конкретном случае наиболее целесообразный способ организации исключенных рабочих.

Все об'единенные в «Рабочем Комитете» организации обязаны оказывать друг другу братскую помощь в повседневной борьбе. Красный Профинтерн ни в коем случае не потерпит розни между ними. Унион и союз моряков, в качестве членов «Рабочего Комитета» должны активно поддерживать оппозицию в свободных профсоюзах в ее трудном деле революционизирования профессионально-организованных масс и согласно этому принципу направлять свою повседневную работу и общую тактику. С другой стороны, оппозиция обязана содействовать усилению и внутреннему укреплению Униона и Союза Моряков.

27. *Во Франции* Унитарная Конфедерация Труда в организационном отношении ни в чем не отличается от реформистской Конфедерации. Под флагом федерализма и автономии продолжают существовать более 40 федераций, из которых большая часть совершенно не боеспособна ввиду их слабости. Надо повести решитель-

ную борьбу за слияние родственных федераций, за концентрацию сил, за создание производственных союзов и фабрично-заводских комитетов. Необходимо централизовать агитацию и пропаганду и бороться за увеличение взносов в Унитарной Конфедерации Труда для того, чтобы возможно было усилить и увеличить ее работу. Ближайшей задачей У. К. Т. является деятельная пропаганда и интенсивная борьба за вовлечение в профсоюзы неорганизованных рабочих масс и поглощение У. К. Т. тех элементов, которые еще следуют директивам реформистской В. К. Т., а также рабочих союзов других направлений.

28. У. В. К. Т. должна быть во Франции поборником единства всего профессионального движения. Поскольку в реформистских союзах существуют организованные меньшинства, симпатизирующие У. В. К. Т., она не должна создавать параллельных организаций.

Сторонники Профинтерна должны систематически организовать свои ячейки внутри реформистских синдикатов и вести извнутри и извне борьбу за единство профдвижения.

Необходимо вести энергичную борьбу против методов организации действия, унаследованных У. В. К. Т. от старой Конфедерации Труда.

Нужно отметить, что первые шаги в этом направлении уже сделаны (Международные Конференции, выборы Исполнительной Комиссии Национальным Конгрессом, об'единение пропаганды и т. д.), но, очевидно, что для свержения капитализма необходимо стремиться к максимальной концентрации всех революционных сил, об'единенных в У. В. К. Т.

Анархический федерализм, противодействующий созданию могущественной организации, является признаком слабости рабочего движения. Профессиональное движение, основанное на таких началах, никогда не сумеет победить буржуазное централизованное государство. Эта организационная форма приспособлена к поражениям, а не к победам рабочего класса.

29. Крайняя распыленность и федерализм французского профдвижения породили в некоторых организациях стремление разрешить вопрос в местном масштабе. В Эльзас-Лотарингии создан единый союз, об'единяющий все производства. Этим самым местное движение отрезано от Национальных Федераций. Такая изоляция эльзас-лотарингского пролетариата должна быть осуждена. Местное разрешение вопроса тем более еще недопустимо, что оно может привести к противопоставлению рабочих разных национальностей.

30. *В Англии* организация оппозиции находится еще в первичной стадии. Наша важнейшая задача в Англии на ближайший период заключается в об'единении всех оппозиционных групп и союзов в обще-государственном масштабе. Это может быть сделано только лишь на национальной Конференции оппозиции, которая создает единый центр. Работа сторонников Профинтерна должна быть направлена к этой цели.

31. В Англии борьба за фабрично-заводские комитеты почти совершенно приостановилась. Возникшие во время войны фабзавкомы почти исчезли, а оппозиция не ведет никакой борьбы за создание настоящих революционных фабрично-заводских комитетов. Между тем и здесь вопрос о создании революционных фабзавкомов является важнейшей практической задачей дня, которую ни в коем случае не следует откладывать в дальний ящик. Вся работа сторонников Профинтерна должна быть в ближайший же период сконцентрирована в важнейших отраслях производства (горное дело, металлургия и транспорт) и только после того, как оппозиция укрепится в этих союзах, она может увеличить свое влияние на другие организации. Работа сторонников Профинтерна должна носить более конкретный, *практический* характер. Ни одно массовое движение и особенно движение безработных не должно оставаться без руководящего влияния коммунистов и сторонников Профинтерна.

32. *В Италии* единство пролетариата является ближайшей целью сторонников Профинтерна. Попытка об'единить коммунистическую и социалистическую оппозицию, а равно сторонников Профинтерна в Союзе Итальянских Синдикалистов и в Союзе Железнодорожников на единой платформе должна быть продолжена. Надо вести постоянную и упорную борьбу за об'единение всех профессиональных организаций. Переживаемые Италией события особенно благоприятны для борьбы за единство и необходимо использовать их в этом смысле.

33. При наличии организованных коммунистических фракций сторонники Профинтерна в Италии должны повести серьезную борьбу за реорганизацию профсоюзов на производственных началах и за создание союза транспортников. Переход части руководителей Союза моряков на сторону Муссолини облегчает нам работу среди транспортных рабочих. Надо вырвать Федерацию моряков из под влияния фашистских политиканов.

34. Сторонники Профинтерна в Италии должны вести решительную борьбу за создание, как переходной формы к единству Союза Труда с местными отделениями. Для того, чтобы Союз Труда действительно отражал настроение трудящихся, необходимо, чтобы он составлялся на основе непосредственного представительства рабочих масс.

Принимая во внимание, что в фашистских профсоюзах находится довольно значительное количество обманутых демагогией и вовлеченных туда насильно городских и сельско-хозяйственных рабочих, задачей сторонников Профинтерна в Италии является развить среди них наибольшую агитационную и организационную работу для того, чтобы освободить эти слои трудящихся из-под влияния патриотического национализма и вовлечь их в русло классового рабочего движения.

35. Вследствие провокационно раскольнической деятельности амстердамцев в профессиональном движении *Чехо-Словакии* произошел раскол. Создан был профсоюзный центр с единым руководством

и с отдельными производственными секциями. Главной задачей нового центра является восстановление обще-профессионального единства. В связи с особенностями политической жизни Чехо-Словакии, профессиональное движение построено там по национальному признаку. Борьба против национальных союзов и за классовые союзы должна вестись всеми необходимыми средствами. Единый союз должен быть построен на основе финансово-организационной боеспособности и самодеятельности производственных секций.

36. В задачу нового профессионального центра входит об'единение всего чехословацкого пролетариата. В соответствии с этим сторонники Профинтерна в Чехословакии должны усилить свою работу среди оставшихся в реформистских союзах масс. Созданием новых организационных форм эта работа не должна быть затруднена, а также она не должна помешать возможности восстановления в будущем столь необходимого единства. Потребности всех отдельных частей общечешского пролетариата различных производств и национальностей должны быть организационно удовлетворены в рамках межнациональной единой всечешской организации.

37. *В Соединенных Штатах*, где существует Лига Профессиональной Пропаганды и независимые революционные союзы, необходимо стремиться к установлению постоянного и тесного сотрудничества между этими организациями. Это сотрудничество должно быть построено на основе совместного проведения совместно выработанной единой практической программы действия.

38. Лига Прфессиональной Пропаганды, проделавшая за короткий срок существования большую работу, должна стремиться к тому, чтобы опереться на коллективное членство. Правильно взятый Лигой курс против раскола и за завоевание союзов не должен доводиться до преклонения перед организационной формой, как таковой. Нужно бороться против раскола, но иметь в виду, что вне Американской Федерации Труда имеется большое число организованных левых рабочих и что подавляющее большинство американского пролетариата находится вне всякой организации.

39. Необходимо установить контакт в работе сторонников Профинтерна во всех существующих профорганизациях Америки. Нетерпимо такое положение, когда сторонники Профинтерна, работающие в существующих рядом организациях, заявляющие о своей приверженности к Профинтерну, по личным или корпоративным соображениям не желают единства в руководстве работой. Необходимо создать Комитет Действий для согласования работы меньшинства Американской Федерации Труда, I. W. W. и независимых союзов.

40. *В Испании*, несмотря на горячее желание единства в рабочих массах, профсоюзные бюрократы провели ряд исключений многих организаций. Исключенные синдикаты не должны оставаться изолированными, они должны сделать все возможное, чтобы вернуться в тот союз, из которого они были исключены, но если им не удастся достигнуть своего обратного приема, они должны войти в состав дру-

гого профессионального центра. В обоих профессиональных центрах Испании—во Всеобщем Союзе Рабочих, примыкающем к Амстердаму и в Национальной Конфедерации Труда анархо-синдикалистского направления—Профинтерн располагает сильными оппозиционными меньшинствами. Оба эти меньшинства должны координировать свою деятельность при посредстве Смешанного Комитета Действия, главной задачей которого является создание одного профессионального центра, об'единяющего всех рабочих и пропагандирующего принципы и методы Профинтерна. Этот Комитет должен также стремиться войти в сношения с независимыми синдикатами, не принадлежащими ни к одному из существующих профессиональных центров, для того чтобы непосредственно связать их с борьбой за профессиональное единство.

По отношению к предпринимательским и полицейским союзам, существующим уже в некоторых городах Испании под названием свободных синдикатов, сторонники Профинтерна должны занять определенную и резко очерченную позицию, предпринять против них энергичную кампанию, разоблачать их перед массами, как орудие враждебного класса, осуждая всякую попытку даже временных соглашений с ними.

41. *На Балканах,* за исключением Болгарии, где профессиональное движение едино и принадлежит к Профинтерну, предстоит снова начать работу для восстановления единства профессионального движения. Наибольшие трудности предстоят в Юго-Славии и Румынии, где революционные профсоюзы были разгромлены в 1920 и 1921 г.г. белым террором и бешеной чокойской реакцией, с одной стороны, и раскольнической политикой реформистов—с другой. Эти трудности будут преодолены тем быстрее и успешнее, чем энергичнее профессиональные союзы будут стремиться к об'единению рабочих масс для защиты их повседневных интересов и борьбы против наступления капитала.

В Греции, где Конфедерация Труда стоит фактически на платформе Профинтерна, задачей приверженцев последнего является вести самую усиленную борьбу против предательской политики кучки желтых националистических вожаков, чтобы вырвать из-под их влияния оставшиеся еще за ними некоторые профессиональные организации, в частности организацию портовых рабочих, которые нужно об'единить в рядах общей Конфедерации Труда.

В Турции, где рабочие организованы преимущественно в отдельных национальных синдикатах (турецкий, греческий, армянский), главная задача приверженцев Профинтерна состоит в усиленной работе для об'единения этих синдикатов в обще-профессиональные союзы по производствам на почве активной классовой борьбы, независимо от принадлежности к той или иной национальности.

При существующей тесной хозяйственной и политической зависимости Балканских стран друг от друга, необходимым условием успеха пролетарской борьбы на Балканах являются прежде всего общие совместные действия профессиональных союзов всех Балкан-

ских государств. Поэтому задачей первостепенной важности приверженцев Профинтерна на Балканах является подготовка возможности подобных выступлений, для чего профоюзы Балканских стран должны создать единый Комитет Действия.

42. *В Скандинавских странах* количество сторонников Профинтерна неустанно растет, при чем рост этот был бы еще быстрее, если бы в норвежских союзах не замечалось колебаний по отношению к Профинтерну. Эти колебания и нерешительность поддерживаются угрозами Амстердамского Интернационала и его сторонниками в Норвегии, что в случае присоединения к Профинтерну Международные Секретариаты по производствам исключат соответствующие норвежские союзы. Этими угрозами стараются запугать сторонников Профинтерна, неоднократно заявлявших, что они хотят оставаться внутри Международных Секретариатов. Революционные элементы норвежского движения должны добиться окончательного присоединения к Красному Профинтерну, не порывая своей производственной связи, как с обще-скандинавскими союзами, так и с Международными Производственными Федерациями, примыкающими к Амстердамскому Интернационалу.

43. В связи с перенесением центра тяжести мировой политики на берега Тихого океана, особенно большое значение приобретает создание революционных профсоюзов и установление связи с Профинтерном в прилегающих к Тихому океану странах. Главная работа здесь должна лечь на революционные союзы империалистических держав, которые должны установить тесную и неразрывную связь с профсоюзами колониальных стран для совместной борьбы против угнетения и эксплоатации отсталых и слабых народов.

IX. О Международных Об'единениях по производствам.

44. Международные Секретариаты по производствам, примыкающие к Амстердамскому Интернационалу, систематически исключают из своего состава все революционные профсоюзы вообще и русские союзы в особенности. Несмотря на неоднократные заявления революционных профсоюзов об их желании вступить в Международные Секретариаты по производствам, Амстердамский Интернационал, проводя свою политику раскола, систематически не допускает революционные профсоюзы в Международные Об'единения. Таким образом, перед революционными профсоюзами встает практическая задача борьбы против исключений и раскола и за создание единых интернационалов по производствам.

45. Созданные постановлением Первого Международного Конгресса Революционных Профсоюзов Международные Комитеты Пропаганды по производствам проделали большую работу по сплочению и собиранию революционных сил. Их задачей было вести пропаганду и агитацию и установить связь между революционными союзами, закрепляя ее на почве единой практической программы действий. В некоторых производствах, как-то: строителей, деревообделочников, транспортников, горнорабочих, металлистов и кожевников работа

подвинулась в значительной степени вперед, и удалось собрать на общей платформе значительное количество союзов, частью входящих в Амстердамские Секретариаты, а частью остающихся вне их.

46. В целях собирания распыленных революционных сил в международном масштабе, все союзы, исключенные амстердамцами за их революционное направление, не принятые в амстердамские организации или же стоящие вне всяких об'единений, должны об'единяться вокруг Международных Комитетов Пропаганды. Эти Комитеты Пропаганды создают Международные Об'единения всех вышеуказанных организаций. Второй Конгресс Профинтерна, подтверждая решения первого Конгресса, считает необходимым, чтобы Комитеты Пропаганды развивали помимо пропагандистской, также активную деятельность на поприще взаимной поддержки и солидарности и вели энергичную борьбу за восстановление единства международного профессионального движения на основе тщательно разработанной конкретной программы действий. Наибольшее значение получат эти об'единения в том случае, если они не будут ограничивать свою деятельность одной Европой, как это делают Амстердамские Секретариаты, а распространят ее и на союзы внеевропейских стран (Ближний и Дальний Восток, Америка, Австралия, колонии и полуколонии), создавая, таким образом, истинный Интернационал.

47. Считаясь с нарождением новых империалистических конфликтов на Тихом океане, с'езд поручает Исполнительному Бюро обратить особое внимание на организацию транспортных рабочих вообще и транспортников, примыкающих к Тихому океану стран, в особенности. С этой целью необходима организация особых портовых бюро, которые бы служили связью между революционными моряками всего мира. На сторонников Профинтерна в Англии, Голландии, Америке и Франции возлагается задача усилить работу по привлечению моряков под знамя Профинтерна.

X. О работе среди молодежи и женщин.

48. Капитализм эксплоатирует в первую очередь рабочих подростков и женщин, как наиболее слабую часть рабочего класса, и начинает каждую атаку на материальное положение взрослых рабочих с ухудшения положения женщин и подростков.

Ввиду этого сторонники Профинтерна должны усилить экономическую программу, принятую Интернационалом Молодежи и Международным Женским Секретариатом и бороться за ее осуществление.

Рабочая молодежь и ученики должны приниматься в профсоюзы в качестве полноправных членов и там воспитываться как будущие сознательные классовые борцы. При выступлениях следует уделить требованиям молодежи (о достаточной заработной плате, 6-часовом рабочем дне, обеспечении безработных, продолжении образования и т. д.) самое большое внимание.

Точно также сторонники Профинтерна должны бороться за полное экономическое равенство работниц с рабочими и за действительную охрану здоровья женщин и матерей.

XI. О профессиональной прессе и профессиональной литературе.

49. Создание серьезной профессиональной прессы и специальной литературы по профдвижению является важнейшей задачей всех организаций, примыкающих к Профинтерну. С этой целью необходимо, чтобы обще-профессиональные об'единения, примыкающие к Профинтерну, а равно и крупнейшие федерации имели по меньшей мере еженедельники. Необходимо создать специальные библиотечки революционного профдвижения в каждой стране по всем основным вопросам, интересующим профессионально-организованную массу. С'езд вменяет в обязанность всем организациям, примыкающим к Профинтерну, систематически распространять центральный орган Профинтерна путем обязательной подписки на него.

XII. Об информации и связи.

50. Опыт последних 15 месяцев показал, что связь между Профинтерном и примыкающими к нему организациями недостаточно тесна. Необходимо, чтобы каждая организация, примыкающая к Профинтерну, систематически информировала центр о положении дел на месте. Такие отчеты и протоколы должны носить постоянный периодический характер, при чем эти отчеты должны касаться не только непосредственной работы примыкающих к Профинтерну организаций, но всей суммы вопросов, которые выдвигаются в процессе борьбы против капитала и реформизма.

51. С'езд поручает Исполнительному Бюро издавать на важнейших европейских языках бюллетени для постоянной и систематической информации примыкающих организаций о важнейших проблемах международного рабочего движения и о деятельности Исполнительного Бюро. С'езд рекомендует примыкающим к Профинтерну организациям взаимно информировать друг друга. Только при условии такой взаимной постоянной и тщательной информации можно коллективно обсудить важнейшие проблемы международного рабочего движения и надлежащим образом их разрешить.

XIII. Заключение.

52. 2 Всемирный Конгресс Революционных Профсоюзов, подтверждая программу действий, выработанную первым Конгрессом, вменяет в обязанность всем примыкающим к Профинтерну организациям возможно шире распространить в рабочих массах эту программу, которая является концентрированным опытом революционного движения всех стран. С'езд считает необходимым заявить, что революционные рабочие стремятся усилением своей работы сплотить рабочий класс и об'единить все мировое профессиональное движение на основе революционной классовой борьбы для низвержения капитализма и установления диктатуры пролетариата.

Резолюция 3 Сессии Центрального Совета Профинтерна (25 июня—2 июля 1923 г.) по вопросу о ближайших задачах Профинтерна.

1. Международное профдвижение переживает в настоящее время перелом, который характеризуется упадком влияния реформистских элементов и растущей активностью масс. Наиболее характерным проявлением этого перелома является образование левого течения внутри реформистского крыла международного профдвижения и обострение на этой почве борьбы внутри Амстердамского Интернационала.

2. Этот сдвиг является результатом полного краха политики сотрудничества классов, и выявившихся националистических и империалистических противоречий внутри Амстердамского Интернационала после оккупации Рура с одной стороны, и возросшей за последнее время активности Профинтерна по революционизированию масс — с другой.

3. В центре внимания всех организаций, примыкающих к Профинтерну, должна быть борьба против опасности войны и пацифистских иллюзий. Надо раз'яснить широким массам разницу между национальной обороной империалистического государства и самозащитой с оружием в руках победившего свою буржуазию пролетарского государства. Обязанность рабочих всех стран поддержать всеми силами борющееся за свою независимость рабочее государство.

4. Борьба против фашизма и проникновения его в рабочие организации должна вестись все с большей и большей напряженностью. Особенное внимание должно быть обращено на сельско-хозяйственных рабочих, на крестьян и на другие отсталые элементы, где фашизм вербует свои кадры. В борьбе с фашизмом большую роль должна сыграть организация рабочей самообороны и сплочение эмигрирующих из страны победоносного фашизма рабочих. Среди них можно создать серьезные кадры для борьбы против победившего фашизма.

5. Мало-мальски успешная борьба против опасности новых войн и фашистской реакции может вестись только при создании единого фронта. Совместные действия рабочих всех направлений являются также предпосылкой успешной экономической борьбы и противодействия наступающему капиталу. Единый фронт есть шаг

к восстановлению единства национального и международного профдвижения. Это нужно сделать ясным каждому пролетарию. Центральной задачей в этой области является организационное построение единого фронта. В этом смысле примером может служить Международная Конференция во Франкфурте и Международная Конференция Транспортников.

6. Борьба против исключений и за обратный прием исключенных должна вестись еще более ожесточенно, чем до сих пор. Все самостоятельно существующие организации должны вести борьбу за обратное воссоединение расколотых частей. В тех странах, где существуют два параллельных общепрофессиональных центра, организация, примыкающая к Профинтерну, должна неустанно бороться за воссоздание единства всего профдвижения путем созыва чрезвычайного конгресса на основе пропорционального представительства.

7. В тех странах, где существуют две параллельных общепрофессиональных организации (Франция, Чехо-Словакия, Испания), исключенные реформистами союзы должны примкнуть к революционной организации. Однако, и здесь не следует ни в каком случае извлекать оппозиционные элементы, находящиеся в реформистских союзах, и переводить их в параллельные революционные организации. В случае исключения отдельных лиц и групп из союзов, эти последние вместе со всеми революционными меньшинствами должны использовать все имеющиеся в их распоряжении средства и напрячь все силы для обратного приема исключенных. Время и целесообразность включения исключенных элементов в параллельные революционные организации определяются в зависимости от времени, места и общей обстановки борьбы с реформизмом.

8. Борьба за единство профдвижения может вестись успешно, если мы сделаем центром нашей деятельности — предприятие, завод. Борьба за создание фабрично-заводских комитетов, где их нет, и за революционизирование уже существующих выдвигается в настоящее время на первый план. Развитие и укрепление фабрично-заводских комитетов является наилучшим средством восстановить единство профдвижения. Необходимо помнить, что фабрично-заводские комитеты имеют свои специальные функции и, поэтому, надо решительно высказаться против малейших попыток организационно заменить профсоюзы фабрично-заводскими комитетами.

9. В обостряющейся экономической и политической борьбе рабочего класса фабзавкомы будут играть все увеличивающуюся роль. Эта роль будет тем больше, чем лучше мы сумеем в центр внимания масс поставить проблему рабочего контроля. Вопрос этот ставится с тем большей остротой, чем неустойчивее становятся капиталистические отношения.

10. В обостряющихся социальных конфликтах формы и методы стачечной борьбы имеют исключительное значение. Не говоря уже о тех странах, где Профинтерн имеет большинство, но и там, где Профинтерн еще в меньшинстве, методы и формы стачечной борьбы

должны быть тщательно разработаны сторонниками Профинтерна. Лидеры реформистского профдвижения все чаще и чаще срывают экономические забастовки, и революционные рабочие обязаны очень часто, одновременно с экономической борьбой против капиталистов, вести борьбу против саботирующих выступление рабочих, бюрократов. При этих условиях выработка стачечной стратегии приобретает в высшей степени важное значение. Тщательное изучение данного производства в пределах национального и мирового рынков, трезвый учет сопротивляемости предпринимателей и боеспособности и выносливости рабочих является предпосылкой успешной стачечной борьбы.

11. Перестройка профсоюзов из чисто профессиональных в производственные, борьба против цеховщины, корпоратизма и распыленности профдвижения идет в высшей степени медленно во многих странах. Между тем, перегруппировка союзов, слияние родственных и смежных организаций, создание об'единений по производствам является предпосылкой успешной борьбы с прекрасно организованными предпринимателями. Нужно повести беспощадную борьбу против организационной косности в наших собственных рядах и неуклонно проводить принятые по этому вопросу Конгрессами Профинтерна решения.

12. В тех странах, где имеются рабочие различных национальностей и рас, задачей сторонников Профинтерна является об'единение всех рабочих в одном и том же профсоюзе. Имея в виду влияние буржуазного национализма на рабочие массы, сторонники Профинтерна, принадлежащие к господствующей в данном государстве национальности, должны с особым вниманием отнестись к малейшим разногласиям, возникающим между рабочими разных национальностей. Здесь даже и мелкий организационный конфликт может стать исходным пунктом национальных противоречий. Сторонники Профинтерна должны внимательно и предупредительно относиться к рабочим угнетенной национальности. Нужно вести решительную борьбу против показной революционности и интернационализма на словах, которые иногда прикрывают, хотя и бессознательно, чисто националистические тенденции.

13. Особенно важные задачи лежат на профсоюзах тех стран, буржуазия которых подчинила своему влиянию целый ряд колониальных и полуколониальных стран. Здесь падение империалистической системы зависит от того, в какой мере и как быстро угнетенные массы колониальных стран будут втянуты в русло революционного профессионального движения. Поэтому, на сторонниках Профинтерна в этих странах лежит обязанность вести широкую агитационно-пропагандистскую и организационную работу для привлечения масс в профсоюзы, не делая обязательным присоединение этих последних к центральной организации метрополии.

14. Борьба за вступление всех революционных союзов в соответствующий интернационал по производствам должна вестись неослабным образом. Создание единого интернационала в каждом

производстве должно стать важнейшей задачей Международных Комитетов Пропаганды. Как только удастся созвать конгресс, на котором будут присутствовать профсоюзы разных направлений и в данном производстве будет создан единый, стоящий на почве классовой борьбы интернационал, Международный Комитет Пропаганды должен быть распущен.

15. Отношение Профинтерна к Амстердамскому Интернационалу остается старым. Самая решительная и беспощадная борьба против реформистской теории и практики сотрудничества классов Амстердамского Интернационала и готовность в любой день создать единый фронт в борьбе против наших классовых врагов. Профинтерн и впредь должен сделать все от него зависящее для того, чтобы привлечь Амстердамский Интернационал, а в случае его отказа, примыкающие к нему организации к совместным действиям против мировой реакции. Наилучшим средством для этого явилась бы организация Международного Рабочего С'езда, созванного Профинтерном совместно с Амстердамским Интернационалом.

16. Центральный Совет — выражая полное удовлетворение заключенным Международной Федерацией Транспортников и стоящими на платформе Профинтерна союзами транспортников соглашениями, — призывает все примыкающие к Профинтерну организации к борьбе за созыв аналогичных конференций и за выработку аналогичных соглашений во всех остальных производствах, памятуя, что только этим путем можно завоевать массы и притти к созданию единого, мощного, революционно-классового международного профдвижения.

Резолюция 3 Сессии Центрального Совета Профинтерна по вопросу о международных производственных об'единениях.

1. Обсудив вопрос о взаимоотношениях революционных союзов с производственными интернационалами, 3 Сессия Центрального Совета Профинтерна считает, что развитие событий со времени 2 Конгресса всецело подтвердило правильность намеченной 1 и 2 Конгрессами тактики единого фронта в производственном масштабе.

Наметившийся сдвиг в отношениях производственных секретариатов к русским союзам, с особенной яркостью проявившийся в берлинской Конференции транспортников и совещании металлистов в Фридрихсгафене, является отражением безвыходности реформистской политики и роста симпатий широких рабочих масс к платформе последовательной классовой борьбы.

2. Основной задачей революционных союзов и созданных ими Международных Комитетов Пропаганды является дальнейшее усиление пропаганды за единство и революционизирование существующих производственных интернационалов. Они должны решительно бороться прстив раскалывания профдвижения, исключения революционных элементов, попыток срыва уже заключенных соглашений и стремиться к распространению этих соглашений на другие производственные группы.

3. Единство производственных интернационалов не должно ограничиваться приемом в них русских союзов. Его можно считать завершенным и задачу Комитетов Пропаганды выполненной лишь после включения в интернационалы всех без исключения союзов соответствующего производства. По достижении этой цели, соответствующие Комитеты Пропаганды должны быть распущены. Революционные элементы производственных интернационалов, разумеется, и после этого роспуска должны поддерживать взаимную связь и продолжать пропаганду своих идей.

4. Соответственно идейному влиянию революционных организаций, примыкающих к Профинтерну, распространявшемуся на значительную оппозицию в среде реформистских союзов, и их роли во время активных выступлений рабочих масс, революционные союзы должны требовать в ближайший переходный период создания с Международными Производственными Секретариатами паритет-

ных Комитетов Действий для борьбы с военной опасностью и фашизмом, а затем и для других очередных задач борьбы с капиталом.

5. Входя в производственные интернационалы, революционные союзы должны выступить с конкретной программой действий, способной об'единить рабочие массы на практических задачах повседневной борьбы.

Эта программа должна быть особой в каждой отрасли производства, приспособленной к специфическим условиям труда и быта рабочих масс.

Во все эти программы должны входить следующие основные требования:

а) Реорганизация самих профессиональных интернационалов по производственному принципу, об'единение мелких цеховых профессиональных секретариатов и активное вмешательство их в процесс амальгамации в отдельных странах.

б) Расширение производственных интернационалов на все союзы соответствующей отрасли производства, в том числе профсоюзы Востока и колониальных стран.

В случае сопротивления этому реакционных вождей отдельных союзов, производственные интернационалы не должны останавливаться перед непосредственным обращением к рабочим массам с призывом принудить правления своих организаций к организационному закреплению международной солидарности.

в) Производственные интернационалы должны давать организациям директивы во время крупных национальных выступлений и брать на себя непосредственное руководство во время выступлений международного характера.

г) Решительная борьба со всеми формами прямого и косвенного штрейкбрехерства, широкое применение орудия бойкота.

д) Создание международных фондов солидарности и обязательной взаимной поддержки во время крупных выступлений.

е) Расширение информации и связи, регулярное издание печатных бюллетеней и литературы, снабжение международными материалами печатных органов национальных союзов.

ж) Внимательное изучение условий труда и положения промышленности в соответствующих отраслях производства, наблюдение за ходом концентрации капитала и деятельности капиталистических организаций, широкое использование всех этих материалов в текущей борьбе.

6. Производственные интернационалы должны вести решительную борьбу с опасностью войны и фашизма, систематически подготовляя международные выступления, в особенности транспортников, металлистов, фабричных рабочих и горняков, и развивая деятельность контрольных комиссий, следящих за перевозками войск, фашистских отрядов и военного снаряжения в важнейших портах и железнодорожных узлах.

7. В случае широких выступлений рабочих масс и пассивности соответствующих производственных секретариатов, Международные

Комитеты Пропаганды должны самостоятельно делать все, что в их силах, для проявления международной солидарности и активной помощи борющимся рабочим.

8. Для усиления пропагандистской работы за единство и революционизирование производственных интернационалов Международные Комитеты Пропаганды должны еще более укрепить связь революционых элементов профдвижения, обмен опытом борьбы и материалами о положении трудящихся соответствующих производств в разных странах, а в частности осведомление западно-европейского пролетариата о деятельности русских профсоюзов.

Они должны наладить издание брошюр, информационных бюллетеней и снабжение профессиональной прессы международной хроникой.

Резолюция 3 Конгресса Профинтерна (8—22 июля 1924 г.) по вопросу о ближайших задачах революционного профессионального движения.

I. Общее положение.

Мировой экономический кризис, начавшийся в середине 1920 года и облегчивший предпринимателям наступательные действия против рабочих, хотя и в новой форме, но продолжается. Основа кризиса—это разрушения, произведенные в мировой экономике войной, и дезорганизация мирового хозяйства репарационной политикой Антанты. Эти основные причины продолжают действовать со всей своей силой, и поэтому временная благоприятная конъюнктура в той или иной стране, в той или иной индустрии, временная стабилизация валюты в побежденных и разоренных войной странах не разрешают неразрешимого для капиталистического общества противоречия между устаревшими капиталистическими отношениями, с одной стороны, и необходимостью для спасения человечества коллективного социалистического хозяйства—с другой. Разложение капитализма, особенно европейского, продолжается, при чем это разложение не надо понимать примитивно-механически: это — длительный процесс, который имеет свои приливы и отливы, иногда даже сопровождается моментами повышенной промышленно-финансовой деятельности, которая может *замедлить* процесс распада, но ни в коем случае не остановить его. В этом отношении оценка состояния мирового капитализма, данная 1 и 2 Конгрессами Профинтерна, продолжает оставаться правильной.

Но для революционного профессионального движения важно знать не только то, что капитализм разваливается, но *как, каким образом* происходит этот процесс распада, в какой мере буржуазия сознательно-активной деятельностью своей замедляет этот процесс, что ею в этой области сделано; и что должны сделать мы для того, чтобы ускорить и обострить его, постоянно увеличивая трещину в капиталистическом обществе. Если с этой точки зрения подойти к оценке нынешнего положения мировой экономики, то мы найдем, что оно характеризуется замедленным темпом распада, частичным восстановлением отдельных отраслей производства, попытками разрешить неразрешимый репарационный вопрос, а также стремлением

увеличить устойчивость капиталистического мира путем восстановления торговых и экономических сношений с СССР.

Рабочее движение характеризуется в настоящий момент повышенной активностью по сравнению с 1922 и 1923 г.г. Вместо поголовного отступления, мы имеем в отдельных странах и в отдельных производствах контр-наступления, серьезные оборонительные бои; все это переплетается с продолжающимися наступательными действиями предпринимателей. Положение усложнилось; картина международного рабочего движения стала более пестрой, но она благоприятнее, чем это было в 1922—23 г.г., если, конечно, брать мировое рабочее движение в целом, а не отдельные, потерпевшие поражение отряды его.

II. Международный реформизм на ущербе.

Международный реформизм, несмотря на ряд видимых внешних побед (правительство Макдональда, левый блок во Франции, социал-демократическое правительство в Дании и т. д.), продолжает неуклонно падать. Когда германская социал-демократия была у власти, она об'ясняла свое бессилие политикой Антанты, теперь реформизм у власти в могущественнейшей стране в мире, и он в социальном отношении так же подчинен буржуазии и так же бесплоден, как и германская социал-демократия. Английскому пролетариату понадобился этот предметный урок демократического парламентаризма для того, чтобы он убедился в иллюзорности буржуазной демократии. Вторая молодость реформизма совпадает, поэтому, с ростом революционного движения, которое особенно наглядно проявляется в Англии. Второй и Амстердамский Интернационалы никогда не были интернационалами в действительном смысле этого слова: они представляли собою не более, как сумму национальных организаций, и поэтому Версальский договор, оккупация Рура и борьба вокруг репарационного вопроса увеличили националистические трения внутри этих организаций, проявили их бессилие, что не могло не оказать воздействия на массы. Венский конгресс Амстердамского Интернационала не попытался даже осмыслить переживаемого кризиса международного реформизма. Все руководители Амстердамского Интернационала полагали, что можно замазать единогласно принятыми резолюциями ту глубокую трещину, которая существует и увеличивается с каждым днем между рабочей массой и профсоюзной бюрократией.

III. Борьба внутри Амстердамского Интернационала.

Существующее в массах недовольство политикой реформизма нашло особое,—правда, неполное и неясное,—выражение в левом крыле Амстердамского Интернационала. Это левое крыло, пока еще очень неоформленное, стоящее на почве программы Амстердамского Интернационала, несмотря на свою половинчатость, непоследовательность и склонность к компромиссам с правыми, отражает глубокий сдвиг в массах. Если борьба на конгрессе Амстердамского Интернационала была загнана в узкие организационные рамки, то это не вина недовольных старой полити-

кой рядовых членов союзов, а вина руководителей, недостаточно полно и ясно отражающих истинное настроение масс. Хотя борьба кончилась единогласно принятыми резолюциями, но это—единогласие кажущееся; если лидерам легко подписывать совместно резолюции, то рядовому рабочему, конечно, трудно понять, почему он должен поддерживать тех лидеров в профессиональном движении, которые играют сейчас чисто штрейкбрехерскую роль в экономических боях пролетариата. Левое крыло на с'езде Амстердамского Интернационала надо рассматривать только, как барометр, да еще недостаточно хорошо отражающий перемену политических настроений в массах,—при чем судить о состоянии Амстердамского Интернационала нужно не по словам его лидеров, а по делам недовольной старой политикой рабочей массы. Недовольство это, помимо образования левого крыла, находит свое выражение также в оформлении меньшинств, групп и союзов на основе программы и тактики Профинтерна.

IV. Борьба против репарации и плана экспертов.

Война и Версальский договор имели своей задачей вывести Германию из строя в качестве конкурента на мировом рынке. Ту же цель преследовала репарационная политика Антанты и в настоящий момент преследует план экспертов. Разбить целиком производственно-технический аппарат германской промышленности или, путем контрибуции и обложений, сделать дороже германскую продукцию—вот к чему сводится план экспертов, соучастниками которого являются 2 и Амстердамский Интернационалы. Германская буржуазия, поддерживаемая социал-демократами и профбюрократией, перелагает тяжесть репараций на плечи трудящихся масс — отсюда увеличение рабочего дня, отмена ряда социальных законов и т. д. Так буржуазия и профбюрократия стран Антанты, вместе с буржуазией и профбюрократией Германии, перелагают всю тяжесть войны и послевоенного кризиса на плечи германского пролетариата. Осуществление этого подлого заговора будет означать не только превращение германских рабочих в кули, но и *общее понижение жизненного уровня рабочих всех стран,* и в первую голову стран Антанты. Этот гнусный заговор против трудящихся Германии является одновременно заговором против международного пролетариата. Вот почему красные союзы всех стран должны повести отчаянную борьбу против плана экспертов и против профбюрократии, приложившей свою руку к этому бесстыдному документу. Разоренные местности должны быть восстановлены, потерпевшие должны быть вознаграждены *за счет господствующих классов всех стран,* в том числе и господствующих классов Германии. В центре агитации, пропаганды и деятельности революционных союзов всех стран основой для международных выступлений примыкающих к Профинтерну организаций должны служить лозунги: «Долой Версальский договор!». «Долой план экспертов!», «Долой закабаление трудящихся Германии!».

V. Борьба за единство.

За последние месяцы в некоторых странах усилились настроения в пользу выхода из союзов. Эти настроения особенно ярко проявились в Германии в связи с переходом социал-демократии и профсоюзных бюрократов на сторону фашистской реакции. Как бы ни были психологически понятны такого рода настроения, против них нужно повести самую решительную и энергичную борьбу. Профинтерн остается на своей старой платформе *борьбы за единство*. Лозунг разрушения союзов должен быть решительно и категорически отвергнут — и это не из-за фетишистского преклонения перед формой, а из-за того, что *завоевание большинства рабочего класса крайне затрудняется расколом профессионального движения*. Борьба за единство означает также борьбу *за возвращение обратно в союзы ушедших из них*. Там, где профдвижение расколото (Франция, Чехо-Словакия, Румыния, Юго-Славия), необходимо вести ожесточенную *борьбу за воссоединение разорванных частей*, — там нужно добиться во что бы то ни стало единства профессионального движения. Это единство может быть восстановлено длительной борьбой в массах против раскольнической политики реформистов и путем созыва общепрофессионального с'езда, где все профсоюзы должны быть представлены на основе пропорционального представительства. Никаких уступок в этом вопросе быть не может.

VI. Завоевание, а не разрушение профсоюзов.

Борьба за единство и восстановление его возможна только в том случае, если мы поставим перед собой ясную задачу завоевания масс через завоевание профсоюзов. Сторонники Профинтерна никогда не рассматривали завоевание союзов, как завоевание бюрократической верхушки, домов или союзных касс. *Дело идет о завоевании сознания рабочего класа идеями коммунизма*. Как бы гнусна ни была профсоюзная бюрократия, она с каждым днем становится все гнуснее и гнуснее, и нужно продолжать систематически и непрерывно революционную работу внутри профессиональных организаций. Надо вырвать массу из плена реформистской идеологии (и реформистской практики), а это возможно только лишь в повседневной борьбе внутри профессиональных организаций. Чувствуя надвигающуюся опасность, профбюрократия отменяет остатки демократизма в профсоюзах; все решает профсоюзное чиновничество. *Надо усилить борьбу против профсоюзного чиновничества*, против решения всех вопросов за бюрократическими кулисами и повести ожесточенную кампанию против профсоюзной бюрократии. Надо пробудить инициативу в массах и заставить рядовых членов интересоваться деятельностью верхов. Надо во время волнующих рабочие массы событий выбирать специальные комиссии для контроля деятельности профсоюзных верхушек. На предательство профсоюзных бюрократов нужно ответить не лозунгом «разрушения» профсоюзов, а лозунгом — «*Долой продающих интересы рабочего класса бюрократов!*»

VII. Сторонники Профинтерна и оппозиционные течения внутри реформистских союзов.

Рост революционного профессионального движения проявляется не только в оформлении примыкающих к Профинтерну меньшинств, но и в возникновении неоформленной оппозиции, отражающей недовольство масс профсоюзной верхушкой. Задача сторонников Профинтерна, имеющих определенную программу и тактику, — очень внимательно отнестись к этим оппозиционным настроениям, имея в виду что неоформленная оппозиция отражает сдвиг масс влево и неуклонный переход их от реформизма к коммунизму. Рост оппозиции отражает один из переходных моментов рабочего движения, и задача сторонников Профинтерна заключается в том, чтобы внести максимальную ясность в это оппозиционное движение. Это можно сделать только в том *случае, если сторонники Профинтерна будут поддерживать всякое оппозиционное движение внутри профсоюзов*, направленное против реформистской бюрократии. Надо эту оппозицию об'единить на конкретной программе действий и стремиться привлечь ее к совместным выступлениям во все важнейшие моменты борьбы рабочего класса. Так как для оппозиции никакого другого выхода, кроме платформы Профинтерна, нет, то при умелой настойчивости и энергичной работе по созданию оппозиционных блоков против профсоюзной бюрократии сторонники Профинтерна смогут привлечь на свою сторону все честные и недовольные старой политикой элементы.

VIII. Организация неорганизованных.

Очень часто как раз такого рода оппозиционные элементы реагируют на предательство профсоюзной бюрократии путем ухода из профсоюзов. Таким образом, в рабочем движении появляется новая категория людей, пробывших некоторое время в организации и ушедших из нее. Рядом с этим существуют миллионы пролетариев, никогда не бывших ни в какой организации. Отсюда возникает необходимость повести решительную борьбу за организацию неорганизованных. *Естественным сборным пунктом для всех неорганизованных являются профессиональные союзы;* поэтому, сторонники Профинтерна во всех странах должны вести постоянную работу по привлечению новых и новых слоев рабочих в профсоюзы и бороться против существующих на этот счет в некоторых реакционных союзах ограничений. Было бы в высшей степени нецелесообразно создавать специальные организации для неорганизованных, ибо это сначало бы создавать в неблагоприятной обстановке, под другим названием, параллельные организации. Только там и в тех производствах, где союзов еще нет, нужно приступить к организации профсоюзов под тем названием, какое вызывается обстановкой и общим положением рабочих в данной стране. Привлечение широких неорганизованных масс к сознательной политической жизни возможно при умелом применении тактики единого фронта и организации фабрично-заводских комитетов.

IX. Единый фронт.

Опыт показал, что тактика единого фронта совершенно правильна, несмотря на то, что применение этой тактики в некоторых странах дало, благодаря неумелому применению, недостаточные результаты. В некоторых случаях тактика единого фронта понималась, как периодическая посылка писем реформистской верхушке. Тактика единого фронта, сведенная к такого рода периодической переписке, представляет собою, несомненно, искажение основной идеи борьбы за единый фронт. Суть тактики единого фронта заключается в организации массовых кампаний вокруг выдвигаемых лозунгов, — в том, что широкие рабочие массы вовлекаются в качестве активных участников в предполагаемые действия. Прежде всего и больше всего необходимо при всяком предложении единого фронта помнить о миллионах трудящихся, о том, чтобы они в той или другой форме реагировали на поднятый вопрос. Если во главе угла всех предложений об едином фронте будет стоять момент совместных действий, и если вокруг вопроса — за или против совместных действий рабочих всех направлений — будет развернута энергичная кампания, то всякое наше выступление даст благоприятные для нас результаты. В такой постановке вопроса отпадает и формула — только единый фронт снизу. *Единый фронт сверху ни в каком случае не означает закулисных переговоров и тайных совещаний с реформистскими лидерами.* Все должно быть сделано открыто, на виду у всех трудящихся, и, что особенно важно, сопровождаться широкой кампанией агитационно-пропагандистского характера в массах, при чем острота нашей критики и борьба против реформизма ни на одну минуту не должны быть притуплены. При таких условиях и единый фронт сверху даст благоприятные для революционного рабочего движения результаты, а через единый фронт мы сможем вовлечь и широкие неорганизованные массы в борьбу против капитала.

X. Борьба за фабрично-заводские комитеты.

Фабзавком является естественным центром, вокруг которого должны сгруппироваться все организованные и неорганизованные рабочие. Даже в тех странах, где движение фабзавкомов имеется (Германия, Чехо-Словакия), оно далеко еще не развернулось. Об'ясняется это тем, что фабзавкомы до настоящего времени не имели конкретных боевых задач. С другой стороны там, где до настоящего времени фабзавкомов еще нет, делаются только слабые попытки создавать фабзавкомы, при чем моменты крупных социальных конфликтов, наиболее благоприятные для создания фабзавкомов, совсем не использовываются. Надо проникнуться сознанием величайшей важности для революции фабзавкомов и не пропускать ни одного подходящего момента, благоприятствующего созданию этого естественного представительства рабочих масс. Неорганизованные могут быть собраны и об'единены вокруг фабзавкомов. Можно создать специальные комиссии при фабзавкомах для

организации неорганизованных. Особенно большое значение имеет построение фабзавкомов в тех странах, где профессиональное движение расколото. Лучшего средства для создания единого фронта снизу, как построние фабзавкомов, нет. Лучшей первичной школы для неорганизованных также не имеется. Вот почему борьба за фабзавкомы должна стать важнейшей задачей сторонников Профинтерна в ближайший период. Только те профсоюзы сумеют владеть массой, только те сумеют использовать в целях революции тактику единого фронта, — кто создаст настоящие революционные фабзавкомы, которые должны стать базисом революционных профсоюзов.

XI. О стачечной стратегии.

Экономическая борьба сейчас, как никогда раньше, связана с борьбой политической. Мощный, централизованный капитал, опирающийся на весь аппарат буржуазного государства, ведет ожесточенную борьбу против растущего движения масс. Мало-мальски крупный экономический конфликт вовлекает в борьбу всю организованную буржуазию, которая пускает в ход все средства развращения, подкупа и насилия, лишь бы сорвать стачку и дезорганизовать рабочие массы. Этой мощи организованного капитала противостоит расколотое реформистами рабочее движение, живущее навыками прошлого и проникнутое духом кустарничества и корпоратизма. Идея международного характера борьбы рабочего класса, идея концентрации больших масс для борьбы и вовлечения в нее рабочих общественно-необходимых предприятий еще не вошла в плоть и кровь революционных рабочих. Часто происходит растрата революционной энергии по мелочам. Революционный рабочий еще не задумывается над вопросом о необходимости на основе опыта мирового рабочего движения создать, разработать стратегию и тактику стачечной борьбы. Но этот вопрос поставлен. Рабочий класс оплатит дорогой ценой свои недостаточно-организованные, распыленные, корпоративные, не связанные единством воли выступления. Сторонники Профинтерна должны обратить особое внимание на методы и способы стачечной борьбы. Надо помнить, что армия, идущая в бой без плана, без централизованного руководства, без подчинения отдельных частей единой направляющей воле, — такая армия обречена на поражение.

XII. Боевые органы руководства.

Трудность положения заключается в том, что во многих странах сторонники Профинтерна находятся внутри реформистских союзов. Так как верхушка реформистских союзов становится все более и более штрейкбрехерской, то перед меньшинствами выступает во всей свой сложности вопрос о создании боевых органов руководства массовым движением. Надо заняться воспитанием и обучением кадров, — в противном случае политические симпатии масс нельзя будет превратить в политические действия.

XIII. Экономическая разведка. Правильно руководить борьбой рабочих масс можно только в том случае, если мы знаем структуру и силу наших противников. Тщательное изучение предпринимательских организаций и их вспомогательных органов, связи этих организаций с прессой, методов и способов подкупа и развращения рабочих лидеров и проникновения агентов предпринимателей в рабочие организации является предварительным условием для какой бы то ни было успешной борьбы против предпринимателей. Все примыкающие к Профинтерну организации должны так же, как это делают предприниматели, организовать экономическую контр-разведку. Без внимательного подбора и изучения всех материалов, касающихся предпринимательских организаций и подчиненного им государственного аппарата, нельзя вести серьезно классовых боев.

XIV. Концентрация усилий на общественно-необходимых производствах. Равномерное распределение сил во всех производствах нерационально. Нужно сконцентрировать внимание сторонников Профинтерна на организации рабочих тех отраслей труда, которые могут сыграть решающую роль в борьбе рабочего класса против буржуазии (транспорт, горное дело, металлургия, химическая промышленность, электричество, газ, телеграф, радио и т. д.). *Без завоевания этих основных производств борьба рабочего класса осуждена на неудачу.* Концентрация усилий в этой области вытекает из элементарного расчета о целесообразном применении революционной энергии в целях дезорганизации наиболее уязвимых и важных пунктов капиталистической системы.

XV. Интернационализация борьбы. Борьба отдельных отрядов рабочего класса сейчас зависит не только от общих условий данной страны, но чаще всего от международной обстановки и не может поэтому найти своего разрешения в национальных и государственных рамках. Вот почему организация одновременных совместных выступлений по разным сторонам границы является главнейшей задачей революционных союзов.

В этих целях желательно создание смешанных комитетов (франко-германские, германо-польские, германо-чешские, франко-итальянские, франко-германо-английские, германо-русские, русско-польские и т. д.) из рабочих важнейших отраслей производства для организации совместных кампаний и выступлений.

XVI. Борьба за союзы по производствам. Еще 1 конгресс Профинтерна выдвинул лозунг: *в одном предприятии, в одном производстве — один союз.* Борьба за переустройство корпоративных союзов в производственные является важнейшей задачей сторонников Профинтерна во всех странах. Но эта борьба должна быть направлена к перестройке всего профессионального движения, а не к попыткам создать локальные

производственные союзы, оторванные от профессионального движения всей страны. Организационные формы профсоюзов играют большую роль только в том случае, если в них вложено революционное содержание. Сама же форма организации не обладает никакими мистическими свойствами, которые могли бы заменить революционную активность в борьбе. *Борьба за производственные союзы на основе фабзавкомов* — таков лозунг всего революционного профессионального движения. Попытки создать «единый большой союз» с производственными секциями должны быть тщательно изучены, при чем 3 конгресс так же, как и 2, предостерегает всех товарищей от излишней веры, что такая форма организации может уже в настоящее время получить преобладание. Из всех такого рода попыток наиболее интересной является опыт Чехо-Словакии. Конгресс призывает рабочих всех стран изучить опыт чехо-словацких товарищей, которые сами в ближайшее время, несомненно, внесут необходимые коррективы в их организационную форму, в целях вовлечения большинства рабочего класса в единую революционную организацию.

XVII. Международные Комитеты по производствам.

Борьба революционных союзов за вступление в международные Секретариаты профсоюзов должна вестись с неослабной энергией. 3 Конгресс подтверждает решение 1 и 2 Конгрессов по этому поводу. *Международные Комитеты Пропаганды возникли для борьбы за восстановление единства профессионального движения по вертикальной линии*, и до тех пор пока будут существовать революционные союзы, которые по тем или иным соображениям не принимаются в международном Секретариате, Комитеты Пропаганды должны и будут существовать. *Как только интернационалы по производствам об'единят профсоюзы всех направлений, как только революционные союзы будут иметь возможность внутри этих интернационалов бороться за свои идеи, международные комитеты пропаганды будут распущены.*

XVIII. Национальный и расовый вопрос в профдвижении.

Сила традиций, особенно плохих, очень велика. Мы это наблюдаем в вопросе о национальных трениях, которые существуют еще даже в революционных союзах. Этому должен быть положен конец. *Никаких отдельных союзов по национальностям революционные союзы создавать не должны*, а если таковые существуют, их нужно возможно скорее слить в пределах одного и того же государства. Этот же принцип нужно проводить и по отношению к рабочим разных рас. *Никаких отдельных расовых союзов! Все рабочие данного производства, независимо от национальных и расовых различий, должны быть в одном союзе.* Там, где профбюрократы — как напр., в Соединенных Штатах, — категорически отказываются принимать в союзы черных рабочих, сторонники Профинтерна должны приступить к созданию профсоюзов

негров, поставив во главу угла программы этих союзов борьбу за об'единение союзов соответствующих производств.

XIX. О работе среди рабочих-иммигрантов.

С предыдущим вопросом тесно связан и вопрос об отношении к иммигрантам. В некоторых странах (Соединенные Штаты, Франция и т. д.) этот вопрос играет громадную роль, и неправильный подход к нему может задержать развитие рабочего движения на много лет. Классическим примером в этом отношении являются Соединенные Штаты Америки, где буржуазия и профбюрократия пользуются всеми решительно средствами для того, чтобы расколоть рабочее движение и по этой линии. *Работа среди иммигрантов является важнейшей обязаностью революционных профессиональных союзов.* Она тем более необходима, что все эти «чужие» рабочие находятся обычно в значительно худших правовых условиях, чем местные рабочие, и буржуазия пользуется этим для понижения заработной платы тех и других. *Чуткое и внимательное отношение к иностранным рабочим должно быть элементарным правилом для революционных профсоюзов. Никаких иммигрантских профсоюзов, — единый союз для всех.* Надо сделать так, чтобы каждый иммигрант видел в революционном союзе своего защитника и представителя, — тогда можно будет привлечь и иммигрантов к революционной борьбе данной страны.

XX. Борьба против фашизма.

Борьба против фашизма и его попыток проникнуть в рабочее движение должна вестись со все усиливающейся энергией. Фашизм в его наиболее развернутом виде — итальянский — дал серьезные трещины. Надо эту трещину увеличить. Надо обратить особое внимание на ту категорию рабочих и работниц, которые в той или другой форме связаны с фашизмом. *Организация нелегальных ячеек в фашистских профсоюзах является лучшим средством для разложения фашистских корпораций.* Все средства, ведущие к изгнанию фашизма и фашистов из рабочей среды, хороши, и они должны применяться.

XXI. Профсоюзы и кооперация.

Революционные профсоюзы, несмотря на принятые по этому вопросу 2 Конгрессом решения, обращают мало внимания на рабочую кооперацию. Нужно ввести, как правило, что каждый член красного союза должен обязательно быть членом рабочего кооператива. *От сторонников Профинтерна требуется не пассивное пребывание в кооперативе, а активная работа для того, чтобы сделать рабочие кооперативы орудием классовой борьбы пролетариата.* Надо установить тесную связь между революционными союзами и кооперативами и добиться с их стороны регулярной помощи во всех экономических и политических боях пролетариата. Это можно будет сделать только в том случае, если сторонники Профинтерна будут организованы в особые группы внутри кооперативов.

XXII. Профсоюзы и рабочий спорт. Красные профсоюзы до последнего времени обращали мало внимания на рабочий спорт. Между тем, миллионы рабочих вовлечены в спортивное движение, и здесь, как нигде, сильно влияние буржуазии. *Не нужно забывать, что рабочие спортивные общества могут предоставить основные кадры и выдвинуть много боевых единиц* во всех решительно схватках между трудом и капиталом. Профсоюзы должны оказывать всякое содействие всем рабочим спортивным кружкам и обществам и стремиться, не раскалывая спортивного рабочего движения, поддерживать Красный Спортинтерн в его борьбе за революционизирование международного рабочего спортивного движения.

XXIII. Крестьянский интернационал и профсоюзы. Возникший в прошлом году в Москве международный крестьянский совет показывает, что в толще крестьянства произошел серьезный сдвиг. Наиболее обездоленная и беднейшая часть крестьянства не может не искать выхода на революционном пути. *Профсоюзы должны оказать максимальное содействие в оформлении революционного сознания беднейших слоев крестьянства.* Сделать это можно только в том случае, если все революционные союзы обратят особое внимание на работу с.-х. рабочих, которые могут явиться лучшими проводниками коммунистических идей в деревне. *Воздействие на крестьянство можно оказать в значительной степени только через организации сельскохозяйственных рабочих.* 3 Конгресс призывает, поэтому, примыкающие к Профинтерну организации обратить особое внимание на помощь и поддержку организаций сельско-хозяйственного пролетариата.

XXIV. Работа среди женщин. Огромный удельный вес работницы во всех отраслях производства всех стран, ее значение в экономических и политических выступлениях рабочего класса — с одной стороны, попытка капиталистов, реформистов и фашистов использовать ее, как штрейкбрехерскую силу и опору для подавления революционной воли пролетариата — с другой, являются чрезвычайно серьезными побудительными причинами к тому, чтобы красные профсоюзы и революционные меньшинства приступили к планомерной организованной работе среди работниц. Необходимо поставить во главу угла воспитание широких масс работниц в духе классового самосознания, вовлечение их в общеэкономическую и политическую борьбу всего рабочего класса, как активных борцов за диктатуру пролетариата, систематически выдвигая работниц на выборные должности в руководящие органы — низшие и высшие — профсоюзов. Эта работа, в силу экономических, бытовых и культурных особенностей работниц, должна проводиться особыми методами, близкими и доступными огромным массам женского пролетариата.

XXV. О рабочей молодежи. Рабочая молодежь послевоенной эпохи очень восприимчива к революционным идеям. Продолжающиеся экономические потрясения, постоянные угрозы военных конфликтов и столкновений толкают рабочую молодежь на поиски новых путей и методов борьбы. Красные союзы всех стран недостаточно внимательно и энергично относятся к проблеме завоевания рабочей молодежи и вовлечения молодых пролетариев в активную борьбу. Во всех экономических и политических боях рабочая молодежь будет играть тем большую роль, чем больше красные союзы обращают внимание на обучение, воспитание и вовлечение в организацию молодых пролетариев. Лучшим способом обучения и воспитания в классовом духе рабочей молодежи является привлечение ее к активной работе в фабзавкомах, в союзных органах, возложение на молодых пролетариев особых союзных функций, организация отрядов для борьбы со штрейкбрехерством, фашистскими бандами, создание антимилитаристских кружков и т. д. Красные союзы обязаны бороться за проведение в жизнь программы экономических требований Коммунистического Интернационала Молодежи. Надо, чтобы каждый юный пролетарий видел в красном союзе действительного защитника его интересов на заводе и за пределами его.

XXVI. Международная рабочая помощь и МОПР. Рабочий класс в своей борьбе создает вспомогательные организации, как, например, международная рабочая помощь и международное общество помощи революционерам. Обе эти организации оказывают существенную помощь революционным рабочим в их борьбе. Реформисты подняли сейчас бешеную травлю против международной рабочей помощи за то, что она помогает стачечникам. Надо сделать все возможное, чтобы развить и упорядочить работу этих организаций и направить их, путем непосредственного участия в их работах, в правильное русло. Всемерная помощь и содействие должны быть оказаны этим обеим организациям, ибо они делают полезное дело для международного рабочего движения.

XXVII. Профсоюзы метрополий и колоний. Революционные союзы метрополий должны оказать самую решительную поддержку возникающим профсоюзам колониальных и полуколониальных стран. *Работа среди колониальных рабочих должна вестись под лозунгом независимости колонии от метрополии.* Не надо стремиться включать профсоюзы колоний в профессиональное движение метрополии, ибо угнетенные рабочие могут в этом усмотреть одну из форм империалистического воздействия. Чем интенсивнее будет борьба революционных союзов за независимость колоний, тем меньше подозрительности будет у колониальных рабочих по отношению к своим братьям по классу из метрополии.

XXVIII. Антимилитаристская работа.

В этой области революционные профсоюзы очень мало сделали, а между тем армия и флот после последней войны значительно усилились и все чаще и чаще призываются для поддержки буржуазии против рабочих. *Необходимо установить тесную связь между мобилизованными членами профсоюзов и организациями.* Эта связь может быть установлена путем создания особых касс, обществ и т. д., но она во что бы то ни стало должна быть установлена. Пропаганда среди солдат должна вестись для того, чтобы разложить вооруженную силу буржуазии. *Всем организациям моряков следует обратить особое внимание на связь с матросами военного флота,* которые в некоторых странах могут сыграть исключительно важную роль в момент решающих битв.

XXIX. Заключение.

Гигантская задача, стоящая перед революционным профдвижением всех стран, может быть выполнена только в том случае, если в наших рядах будет господствовать максимальное единство в действиях и воля к борьбе и победе. Дисциплина на основе принятых решений является важнейшим условием успешности какой бы то ни было борьбы. Конгресс призывает все примыкающие к Профинтерну организации, отдельных членов революционных профсоюзов и особенно руководителей красных профсоюзов повысить активность и сплоченность, усилить спайку между отдельными отрядами рабочих внутри и за пределами государственных границ и помнить в своей повседневной борьбе, что организация международной революции требует величайшего напряжения сил, энергии, инициативы, сплоченности и единства в руководстве. А это будет возможно при все увеличивающемся сотрудничестве Коминтерна с Профинтерном, дальнейшем сближении революционных профсоюзов с компартиями и ожесточенной борьбе как против буржуазии, так и против развращающего рабочее движение анархо-реформизма.

Резолюция 3 Конгресса Профинтерна по вопросу о борьбе за единство международного профдвижения.

I. 3 Конгресс Профинтерна, попрежнему, в интересах развития классовой борьбы в международном масштабе и успешного отражения натиска капитала, подтверждая свои прежние решения о необходимости борьбы за создание единого рабочего фронта, считает своим долгом еще раз подтвердить свое твердое решение вести свою работу в этом направлении.

II. Ни на минуту не прекращая своей решительной борьбы со всякими проявлениями реформизма в международном рабочем движении, беспощадно вскрывая всю предательскую его сущность, неутомимо раз'ясняя это всем рабочим, не понявшим еще сущности реформизма, как тормоза в освободительной борьбе пролетариата, 3 Конгресс считает, в интересах концентрации пролетарских сил и единого руководства борьбой рабочих против экономического наступления капитала и фашистской реакции, наиболее актуальной задачей своей деятельности развитие широкой кампании в рабочих массах за единство международного профессионального движения.

III. Эта кампания за единство, в первую голову и главным образом снизу развиваемая в широких массах, должна поставить перед ними во весь рост и с полной отчетливостью вопрос о создании единого Интернационала Профсоюзов.

IV. Одним из следующих шагов в этом направлении, после соответствующей подготовки масс, мог бы быть созыв *об'единительного интернационального конгресса профсоюзов*, на котором должны быть представлены организации, примыкающие к обоим Интернационалам (Москва и Амстердам) на основе пропорционального представительства, для выработки общего устава и создания исполнительных органов нового *об'единительного Интернационала*. Конгресс считает, что только этим путем можно осуществить одновременное и полное слияние параллельных организаций.

V. Во исполнение этого Конгресс считает полезным войти через своих представителей в сношения с Амстердамским Интернационалом и британскими трэд-юнионами, представители которых выступают внутри Амстердама, как сторонники единого Интернационала.

VI. Однако, ставя интересы международного рабочего движения и осуществление его единства выше вопросов формального хара-

ктера, Конгресс считает, что отдельные профессиональные организации, входящие в Профинтерн, не должны упускать ни одного благоприятного случая для переговоров с Амстердамским Интернационалом или с отдельными его частями по вопросу об осуществлении единства и единого фронта, при непременном согласии в каждом отдельном случае со стороны Профинтерна и под его руководством.

VII. Конгресс единодушно считает, что по-прежнему каждый имеющий международное значение решительный шаг со стороны всякой организации, входящей в Профинтерн, может быть совершен лишь с санкции и под руководством Профинтерна.

VIII. Конгресс выражает уверенность, что неутомимая пропагандистская раз'яснительная работа в массах и организация их под лозунгом единства международного движения создадут необходимые предпосылки для осуществления в ближайшем будущем и организационного оформления единого рабочего фронта против международного капитала.

IX. 3 Конгресс Профинтерна, не считая возможным ограничиться только декларацией единства, постановляет создать *комиссию единства мирового профдвижения* из 17 человек, которая должна повести, под руководством Исполбюро Профинтерна, решительную работу в указанном выше направлении. Настоящая комиссия, вся целиком или отдельные члены ее по поручению, должна вступить в контакт с английскими трэд-юнионами, поднявшими на с'езде Амстердамского Интернационала вопрос о единстве, изучить состояние профдвижения в тех странах, где движение за единство наиболее сильно, и вступить в случае необходимости в переговоры с Амстердамским Интернационалом в указанных в настоящей резолюции целях и пределах.

Да здравствует единство международного профессионального движения!

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

Стр.

Абрамович 87, 214, 240
Адлер, Фридрих 163
Андреев 236, 276
Д'Аррагона 47, 52, 71, 96
Ачканов 236, 276
Бенар 246, 247, 248, 253, 256
Бернгарди 262, 263
Бидэгарей 236, 237, 238
Борги 252
Брак 23
Брантинг 142
Бриан 61
Бромлей 52
Броун 52
Брудно 279, 281
Болдуин 60
Бомбаччи 237
Буоцци 45
Вандервельде 88, 142, 214, 218, 227, 228, 230
Вайер 176
Вельс 215, 216
Вильгельм 34
Вильсон 35
Вильямс 49, 96, 213, 236, 237, 238
Геккерт 133, 258
Гендерсон 210, 215
Герлях 210
Гешке 279
Гикс 52
Гильфердинг 126
Гинденбург 33, 34, 263
Грассман 52, 212, 215
Гримм 213
Гриффюэль 9
Грунин 213
Грумбах 212
Гомперс 26, 35, 80, 129, 168, 193, 285, 287, 288, 297
Гофман 26
Гюисманс 215
Гуэбер 42, 222
Дауэс 52, 54, 57, 58, 78, 91, 141, 178, 180, 268, 269, 270
Дерииг 236, 237
Ллойд-Джордж 18, 35
Дисман 49, 216
Дэнн 133
Дюдилье 279
Дюмулен 212, 213, 216, 245, 255

Жандармов . . . 44
Жулавский . . . 52
Жуо 20, 35, 44, 45, 47, 52, 61, 210, 218, 219, 222, 223, 227,228, 231, 245, 288, 314
Зассенбах . . . 41, 42, 52, 170, 221
Зиновьев . . . 46, 96, 289
Кадо . . . 249
Кайзер . . . 176
Кашен . . . 24
Каутский . . . 14, 91, 126
Квиде . . . 215, 227
Керенский . . . 23, 25
Керзон . . . 146
Кентон . . . 248
Клаузевиц . . . 261
Клемансо . . . 35, 36, 38
Коломбино . . . 96
Каломер . . . 248, 255
Кулидж . . . 193
Кун, Бела . . . 46
Лагардель . . . 9
Лафон . . . 24, 255
Легин . . . 18, 20, 42, 44, 47, 88, 193, 222, 245, 299
Ледебур . . . 164
Ленин . . . 27, 46, 119, 120, 148, 258, 259, 262, 264, 265, 266, 276
Лекуэн . . . 247, 248
Лейпарт . . . 52, 193, 228, 288
Лиан, Оле . . . 49, 50
Либкнехт . . . 20
Лозовский . . . 46, 236, 282
Лушер . . . 61
Любервак . . . 223
Людендорф . . . 33, 34
Люксембург, Роза . . . 14
Макдональд . . . 60, 61, 78, 142, 170 344
Маркс . . . 167, 187, 265
Мартов . . . 213
Маттеоти . . . 71
Мельничанский . . . 213
Меньшиков . . . 44
Меринг, Франц . . . 14
Мерргейм . . . 17, 21, 24, 245, 314
Мертенс . . . 47, 52
Мольтке . . . 259, 266
Монатт . . . 21
Монмуссо . . . 133, 254
Морган . . . 58, 218
Муссолини . . . 68, 70, 71, 72, 237, 330
Мутэ . . . 24
Натанс . . . 236
Носке . . . 52, 213
Орландо . . . 35
Персель . . . 52, 53, 171, 186, 280
Поллит . . . 171
Примо-де-Ривера . . . 117
Пуанкарэ . . . 69
Пуассон . . . 216
Радек . . . 27, 46, 210, 215, 216, 218
Ренодель . . . 213, 218, 231
Рейхард, д-р . . . 33

Росмер 21, 46
Ротшгейн 210, 215
Садовский 236, 276
Сект 72
Сталин 259
Стенгюйс 52
Стиннес 61, 72, 183, 223, 245
Струмидо 44
Сорель 9
Сун-Ят-Сен 61
Суши 252
Таланчин 44
Тайерлэ 52
Трульстра 64, 216, 234
Тома, Альбер 37, 139
Томас 44, 47, 49, 50, 61, 63, 218, 219
Томский 46
Троцкий 265
Удегест 47, 52, 76, 168, 208, 222, 287
Умбрейт 26
Фабр, Анри 255
Фиммен 47, 49, 51, 52, 75, 78, 92, 186, 208, 210, 213, 222, 235, 236, 238
Фош 55
Ходжес 28, 234, 236
Хорти 86, 90
Шаблин 46
Шиффэрштейн 91, 136
Шоу, Том 216
Шумахер 176
Эберт 52
Эпшельтон 35, 47, 222
Эрве, Густав 17
Ясцей 52

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие ко второму изданию 3
Предисловие к первому изданию 4

ЛЕКЦИЯ I.

Мировое профдвижение до и во время войны. 5—21

География профдвижения 5
Статика профдвижения 5
Группировки в профдвижении 6
Тред-юнионизм 7
Анархо-синдикализм 9
Социал-демократическое профдвижение 11
Нейтрализм в профдвижении 13
Революционный марксизм в профдвижении 14
Зарождение международных профорганизаций 15
Международный Секретариат профсоюзов 15
Интернационалы по производствам 16
Влияние войны на профорганизации 17
Военная идеология профдвижения 17
Деление по военно-дипломатическим коалициям 18
Зарождение революционных профорганизаций 19

ЛЕКЦИЯ II.

Мировое профдвижение в период окончания войны. 22—38

Отражение победы союзников на мировом профдвижении . . . 22
Влияние русской революции на международное рабочее движение 2
Перегруппировка сил 2
Борьба за мир 26
Четвертый тип профессионального движения 27
Бурный рост профдвижения 29
Причины роста 30
Расцвет реформистских иллюзий 31
Классовое сотрудничество в Германии 31
Тактика реформистов в странах Антанты 34
Провозглашение «вечных принципов» 35
Вашингтонская конференция 36
Международное Бюро Труда 37

ЛЕКЦИЯ III.

Международная Федерация Профессиональных Союзов (Амстердамский Интернационал). 39—53

Международные профорганизации 39
Зарождение Амстердамского Интернационала 40
Первый Конгресс Амстердамского Интернационала 40
Лондонский Конгресс 43
Римский Конгресс 47
Венский Конгресс 50

ЛЕКЦИЯ IV.

Тактика Амстердамского Интернационала. 54—72
Основные проблемы 54
Амстердамский Интернационал и Версальский договор 54
Репарационный вопрос и план Дауэса 55
Проблема разоружения 58
Проблема борьбы против войны 61
Наступление капитала 64
«Борьба» Амстердамского Интернационала с наступлением капитала 65
Амстердамский Интернационал в борьбе с фашизмом 67

ЛЕКЦИЯ V.

Тактика Амстердамского Интернационала. 73—93
Рурский конфликт 73
Берлинская конференция транспортников 74
Левое крыло Амстердамского Интернационала 77
Революционные меньшинства внутри Амстердамского Интернационала 80
Амстердамский Интернационал и единый фронт 81
Интернационал слова и бездействия 84
Амстердамский Интернационал и русская революция 85
Интернационалы по производствам 88

ЛЕКЦИЯ VI.

Красный Интернационал Профсоюзов (Профинтерн). 94—107
Корни Красного Профинтерна 94
Зарождение Профинтерна 96
1 конгресс Профинтерна 98
2 конгресс Профинтерна 102
3 конгресс Профинтерна 105

ЛЕКЦИЯ VII.

Теория и практика Профинтерна. 108—121
Наша программа и программа амстердамцев 108
Нейтрализм в профдвижении 109
Независимость 110
Партия и профсоюзы 111
Профинтерн и анархо-синдикалисты 115
Разрушение или завоевание профсоюзов? 118

ЛЕКЦИЯ VIII.

Теория и практика Профинтерна. 122—137
Фабрично-заводские комитеты 122
Социализация производства 126
Рабочий контроль 127
Организационное строительство профсоюзов 128
Единый Союз 130
Проблема стачечной стратегии 131
Международные Комитеты Пропаганды 135

ЛЕКЦИЯ IX.

Политика и тактика Профинтерна. 138—159
Отношение революционных рабочих к Лиге Наций 138
Проблема репараций 139

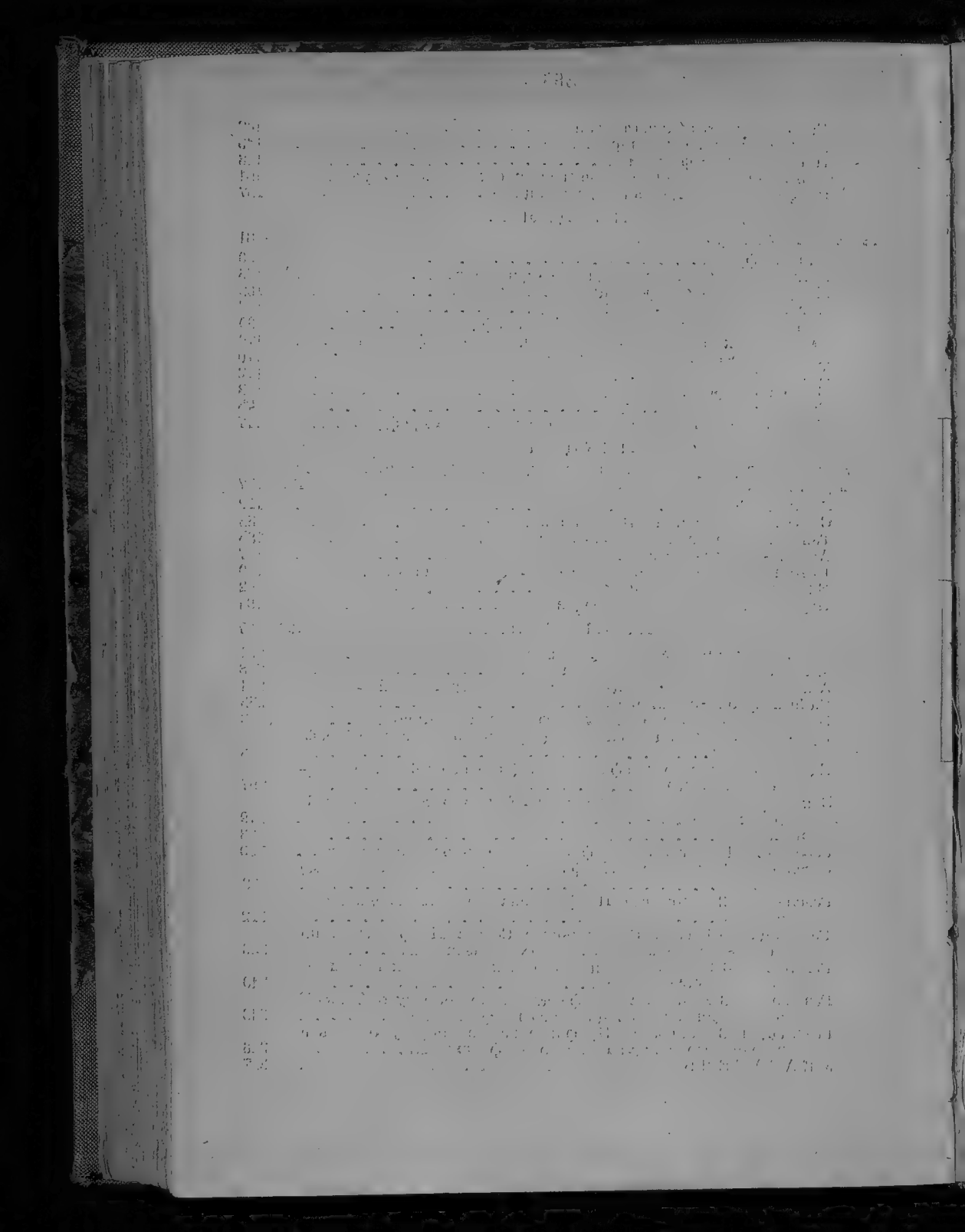
Борьба против опасности войны 142
Наше отношение к разоружению 145
Наша борьба с фашизмом 148
Профинтерн и колониальные и полуколониальные страны . . 151
Профинтерн и социальная революция 157

ЛЕКЦИЯ X.

Теория и тактика Профинтерна. 160—181
Единый фронт 160
Международная конференция во Франкфурте 163
Международная конференция транспортников 165
Англо-русский Комитет Единства 167
Причины раскола международного профдвижения 169
Амстердамский Интернационал и единство профдвижения . . . 170
Английские профсоюзы и проблема единства 170
Амстердамский Интернационал и ВЦСПС 172
Борьба Профинтерна за единство 173
Борьба с уклонами 175
Как мы мыслим себе восстановление единства профдвижения . 177

ЛЕКЦИЯ XI.

Соотношение сил реформистского и революционного профдвижения и его перспективы. 182—197
Силы Профинтерна 182
Силы Амстердамского Интернационала 183
Тенденция развития Профинтерна 185
Анархо-синдикалистский интернационал 187
Католические, протестантские и др. рабочие союзы 190
Влияние буржуазной идеологии 192
Перспективы развития профдвижения 194

ПРИЛОЖЕНИЯ. 199—357

Профсоюзы в эпоху диктатуры пролетариата 201
Международный конгресс мира в Гааге 208
Амстердамский Интернационал и борьба против войны 221
Единый фронт расширяется 233
Борьба коммунизма и анархо-реформизма во Франции 243
Проблема стачечной стратегии (речь на 3 Конгрессе Профинтерна) 258
Единство мирового профдвижения (доклад на 6 с'езде профсоюзов СССР). 267
Заключительное слово по докладу «Единство мирового профдвижения» 279
Первый шаг 283
Резолюция 1 конгресса Профинтерна по вопросу о тактике . . 290
Резолюция 1 конгресса Профинтерна по организационному вопросу 308
Резолюция 2 конгресса Профинтерна по организационному вопросу 322
Резолюция 3 Сессии Центрального Совета Профинтерна по вопросу о ближайших задачах Профинтерна 336
Резолюция 3 Сессии по вопросу о международных производственных об'единениях 340
Резолюция 3 конгресса Профинтерна по вопросу о ближайших задачах революционного профдвижения 343
Резолюция 3 конгресса Профинтерна по вопросу о борьбе за единство международного профдвижения 356
УКАЗАТЕЛЬ. 357